КП
175.11
Г 43.2

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР

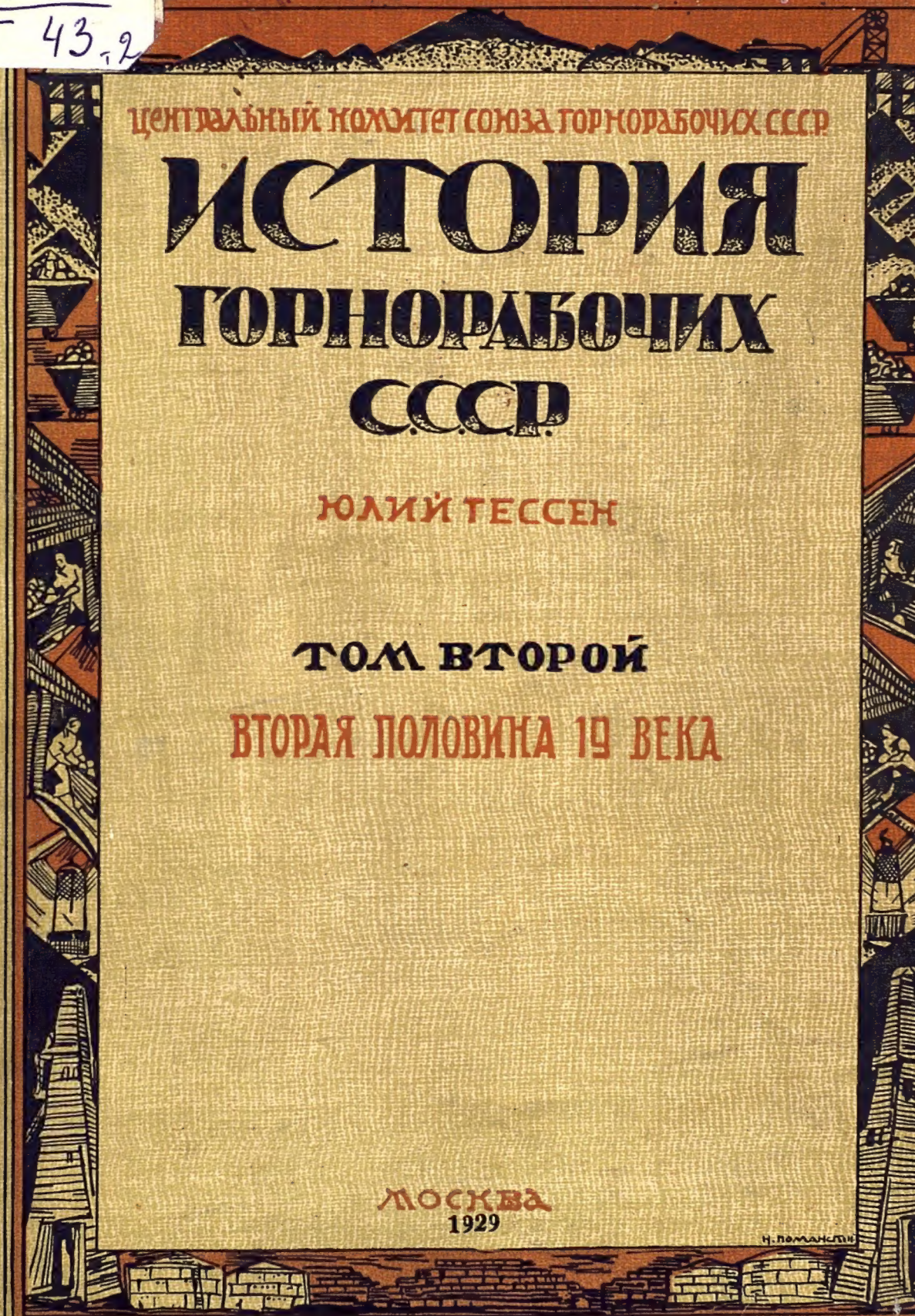
ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ СССР

ЮЛИЙ ТЕССЕН

ТОМ ВТОРОЙ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 19 ВЕКА

МОСКВА
1929



11.57

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР

КП
175.11
Г43

357/3

ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ СССР

ЮЛИЙ ГЕССЕН

ТОМ ВТОРОЙ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 19-го ВЕКА

612353

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ЦК СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР
1929

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
З. Т. 134. Тираж 2.000 экз.
Мосгублит № 31.156.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
612323

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ КРЕПОСТНОЙ РЕФОРМЫ

Шестидесятые годы 19-го века явились для горнорабочих переломным периодом перехода от принудительного труда к вольнонаемному. Формально этот перелом приурочивается ко дню опубликования актов об отмене крепостного права (19 февраля—5 марта 1861 г.). Фактически переход к новому порядку растянулся: для казенных горных заводов — на два года, для частных — на три.

Чтобы легче разобраться в условиях этого переходного периода, необходимо уделить внимание автору актов 19 февраля — правительству. „Никогда, быть-может, в истории человечества деятельность правительства в чисто-промышленной области[1]) не была более всеоб'емлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью государственного банка контролирует финансовое положение страны[2]): оно владеет и управляет двумя третями всей железнодорожной сети и семью восьмыми всех телеграфов. Почти одна треть всей земли и две трети лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников[3])". Иначе говоря, русское правительство—„самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире". На самом деле, оно всегда являлось не только носителем верховной власти, источником внешнего принуждения, но и крупнейшим предпринимателем, в частности — горнозаводчиком. Эта двойственная сущность русского самодержавного правительства в дальнейшем не раз об'яснит нам его поведение в том или ином вопросе.

---

[1]) Выделено в подлиннике.

[2]) Стремясь к укреплению отечественной промышленности, правительство не ограничивалось привлечением иностранного капитала. Оно усиливало денежное обращение в стране всеми доступными способами: выкупом железных дорог, оживлением ссудных операций государственного банка и сокращением приема вкладов: Эти последние шли в частные банки и не ускользали от оборота (см., напр., *С. Зак.* „Промышленный капитализм в России", стр. 49—50, изд. 1908 г.). Широкое финансирование промышленности вызывало необходимость самого тщательного контроля финансового положения страны. Особенно эта тактика правительства заметна в годы промышленных кризисов.

[3]) Это писал американский экономист Джекобсон. „Общественное движение в России в начале XX века", т. IV, ч. 1-я, стр. 139—140, изд. 1912 г., очерк *В. Мукосеева*.

Правительственная политика самодержавия определялась интересами господствующих классов — землевладельцев (дворянства) и капиталистов (буржуазии). Как отражались интересы буржуазии на „рабочем вопросе", в частности — на положении горнорабочих, нет нужды здесь говорить. Этому посвящены настоящий и следующие тома нашей „Истории горнорабочих". Но и при обслуживании правительством дворянских интересов горнякам было ничуть не легче. Основным горным районом был тогда Урал. А горнозаводские предприятия Урала в значительной мере были сосредоточены в руках влиятельнейших старых дворянских фамилий [1]). Нас, впрочем, интересуют не их титулы, а земельный ценз. Вл. Ил. Ленин в „Развитии капитализма в России" говорит, что уральские „горнопромышленники были и помещиками и заводчиками... и теперь являются крупнейшими землевладельцами" [2]).

Выгодная дворянству сельскохозяйственная политика правительства, в частности — регламентация найма сельскохозяйственных рабочих, была невыгодна горнякам. И вот почему. В земледельческой стране сельское хозяйство обычно отвлекает с рынка труда значительные кадры рабочей силы. Поэтому уход на полевые работы являлся для горняков оружием классовой борьбы с горнопромышленниками. Знакомясь с историей горнорабочих, мы в этом не раз убедимся. Но здесь действовал не только экономический, но еще и физиологический момент. Условия горняцкого труда были настолько тяжелы, что человеческому организму физически необходимы были п е р е р ы в ы в горной работе. Иначе он очень быстро изнашивался. Уходя на полевые работы, горняк устраивал себе такой перерыв. Естественно, что правительственная политика по рабочему вопросу в сельском хозяйстве была горнорабочим далеко не безразлична. Для полноты картины учтем и то, что значительная группа горнорабочих сохраняла связь с деревней. Их непосредственно затрагивала покровительственная дворянам сельскохозяйственная политика самодержавия.

Защитник интересов торгово-промышленного класса, Петр I, насадил у нас капиталистическую горную промышленность. Сменившие его (ставленники дворянства) цари и царицы щедро раздавали дворянам рудоносные земли с лесами, водами и др. угодьями. Для обеспечения горного дела рабочей силой, горнозаводские предприятия в изобилии снабжались крепостными „душами". На ряду с владельческими на Урале образовались крупные поссессионные горные предприятия [3]). „Вот конечный результат слишком столетних забот правительства о водворении у нас горнозаводского дела",— писал буржуазный исследователь Белов,—... Закрепощен Урал в руках нескольких владельцев, закрепощены десятки тысяч свободных людей, и все это не для того, чтобы дать стране дешевое и в достаточном количестве железо, а для того только, чтобы моно-

---

[1]) Строгановы, Воронцовы, Шуваловы, Абамелек-Лазаревы и мн. др. См., напр., *Е. Рагозин.* „Железо и уголь на Урале", изд. 1903 г., стр. 121—122.

[2]) Гл. VII, разд. IV (изд. „Моск. Рабоч." 1923 г.), стр. 338.

[3]) См. „Историю горнорабочих СССР", т. I, отр. 19

полизировать дело в руках нескольких лиц и дать им возможность наживать более полутораста процентов на оборотный капитал“ [1]). На горных заводах образовались самые разнообразные группы подневольных горнорабочих: вечноотданные, приписные, непременные, владельческие, поссессионные, вотчинные и т. д., и т. п. Но все эти основания прикрепления к заводу практически не имели никакого значения. „Сила и влияние заводчиков сделали то, что как вечноотданные, так и непременные работники одинаково шли за крепостных; все роды закрепощения смешались так, что даже сами рабочие не знали, к какому разряду они, собственно, принадлежат“ [2]).

К моменту крепостной реформы определилась производственная несостоятельность дворянства, как земельного класса. Помещичье хозяйство пришло в упадок благодаря непроизводительности барщинного труда. В то же время развивающаяся промышленность страны все больше и больше выдвигала вперед буржуазию. Самая крепостная реформа отвечала запросам буржуазии, нуждающейся в вольнонаемном труде, как более производительном. И правительство принуждено было равняться по буржуазии, в частности, взяться за крепостную реформу. Теряя старинные привилегии, дворянство становилось в оппозицию к правительству. Эта оппозиция принимала самые разнообразные формы от конституционализма до самой черной реакции. Волей-неволей, приступив к подготовке крепостной реформы, в частности, на горных заводах, дворяне были в страхе перед надвигающимся новым порядком.

Правительство было в затруднении. Оно все время в годы реформы колебалось между двумя крайностями. Удовлетворить буржуазию и освободить крестьян, но без земли, страшила пролетаризация крестьянства. Дать освобождаемым достаточные наделы земли—это значило нарушить интересы дворян. А в горном деле, мы сказали, они были влиятельны. Поэтому крепостная реформа на горных заводах прошла с явным равнением на первую (безземельную) крайность. Горняки при выходе на волю получили минимальное земельное обеспечение. Совсем же отказаться от реформы было в те времена буквально немыслимо. Многомиллионное крестьянство внушало тревогу правительству [3]) даже своим молчанием.

---

[1]) „Историч. очерк уральских горных заводов“ сост. *В. Беловым*, изд. пост. совещ. конт. железозаводчиков в 1896 г., стр. 80—81.

[2]) Там же, стр. 69.

[3]) Интересный момент, характеризующий классовую сущность самодержавия и его тревогу, мы находим в одном письме Белинского к Анненкову. Рассказывая о выступлении Николая I перед депутатами смоленского дворянства в конце 1847 г. (т.-е. до революции 1848 г.), Белинский цитирует подлинную речь этого типичнейшего представителя русского самодержавия: „Я буду говорить с вами... как первый дворянин империи. Земли принадлежат нам, дворянам, по праву... Лучше нам отдать добровольно (конечно, волю, но не землю — *авт.*), нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною тому, что у нас нет торговли, промышленности“. (*Гр. Джаншиев.* „Эпоха великих реформ“, изд. 6-е, 1896 г., стр. 6, подстрочное примечание). Весьма знаменательно, что „первый дворянин империи“ уже в 1847 г. печется о торговле и промышленности.

А оно не молчало. В частности, горнозаводские крестьяне, не забывшие пугачевщины, обогатили историю первой половины 19-го века целым рядом серьезных массовых выступлений.

2. УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ПОРЯДКУ

Полтораста лет горная промышленность развивалась под исключительной заботой правительства. Крупное государственное значение горного промысла не вызывало сомнений. Дело не ограничивалось одной лишь раздачей рудоносной земли и припиской „душ". Горнозаводчики были заботливо ограждены высокой таможенной стеной. Им были принесены в жертву интересы как помещичьего хозяйства [1]), так и массового потребителя. Горнозаводчикам не было нужды совершенствовать свое дело, так сказать, гоняться за прогрессом техники; колоссальные барыши им были и так обеспечены. Вполне естественно, что „развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно... Россия добывала чугуна в 1767 г.— около $9^1/_2$ млн. пуд... в 1867 г.— $17^1/_2$ млн. пуд; за сто лет производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европейских стран, в которых крупная машинная индустрия вызвала гигантское развитие металлургии" [2]).

Обрабатывающая промышленность страны нуждалась в дешевом металле. Он обусловливал успешность ее роста. Это заставило правительство пересмотреть свою покровительственную таможенную политику. В 1857 г. [3]) таможенные ставки были значительно снижены, а через два года — снижены еще более, дойдя до 5 коп. на пуд ввозного чугуна. В 1861 и следующих годах правительство вынуждено было еще дальше отойти от покровительственной таможенной политики. „Отуманенные громадными барышами... уральские заводчики забыли всякую меру в своих личных расходах и в счастливое для себя время не сумели создать на черный день запасов. Этот черный день пришел и застал уральских заводчиков без средств и без подготовки к борьбе" [4]).

Необходимость удержать внутренний рынок, открытый ныне для заграничной конкуренции, толкала горную промышленность на путь технического прогресса. А этот путь ей был открыт лишь при условии скорейшего перехода к работе по вольному найму.

Необходимость скорейшего перехода в горной промышленности к новому порядку вызывалась также повседневными интересами самих горнорабочих. Материально необеспеченные, незадолго до крепостной реформы они были поставлены в безвыходное положение сильным вздорожанием жизни. На горном Урале хлебные цены в конце 50-х годов

---

[1]) А читая первый том нашей „Истории", мы видели, как правительство приписной к горным заводам государственных крестьян разрушало их сельское хозяйство.

[2]) *В. И. Ленин.* „Развитие капитализма в России", стр. 338.

[3]) Это был год промышленного кризиса за-границей.

[4]) *Белов*, стр. 81.

поднялись на 50—70 и более процентов. На Турьинских, например, рудниках пуд ржаной муки в 1857 г. стоил 32 коп., а в 1860 г.—1 р. 10 к. Были округа, где цены поднялись еще выше[1]). Кризис помещичьего сельского хозяйства отнимал надежду на улучшение. Единственным выходом из создавшегося положения для горнорабочих было получение земли и права распоряжаться собственным трудом.

Правительство должно было осознать и осознало неизбежность нового порядка. Но оно не решалось хоть что-нибудь сделать в крестьянском вопросе через головы дворян. Поэтому с особой медлительностью, осторожностью правительство провело освобождение горнозаводских крестьян от принудительного труда на горных предприятиях. Теряя крепостных рабочих, горнозаводчики стремились свести свой ущерб к возможному минимуму, т.-е. удлинить срок переходного состояния и урезать отводимые крестьянам наделы.

Домогаться освобождения горнозаводских крестьян совсем без земли было не в интересах уральских горнозаводчиков. Мы сказали выше, что правительство в этом случае опасалось пролетаризации крестьянства. Горнозаводчики так широко вопрос не ставили. Пролетариат — это как раз то, что им было нужно. Они боялись другого, боялись, что освобожденные от каторжного труда горняки добровольно не пойдут в старую кабалу, да еще и разбредутся с насиженных мест. Вместо отмирающей юридической крепости нужно было экономически закрепостить горнорабочих за прежними их предприятиями. Эту-то цель и преследовало „обеспечение быта“ отходящих на волю горнозаводских крестьян поземельным наделом[2]). Им отвели усадьбу и столько земли, чтобы хозяйственно привязать их к данному месту. Но земли горнякам было отведено не столько, чтобы они не нуждались в горнозаводском заработке. И не в приработке, а именно в заработке.

Земельная необеспеченность горнозаводского населения при суровых климатических условиях Урала в дальнейшем еще более усилила зависимость горняков от горных заводов. К тому же рост горной промышленности, подорванной крепостной реформой, приостановился. И она не в силах была поглощать избыточное население, образовавшееся вскоре как от естественного прироста, так и от сокращения горнозаводского производства.

Как увидим дальше, уральская горная промышленность оказалась неспособной к развитию в условиях свободной конкуренции. Спрос, предъявляемый к ней быстро растущим народным хозяйством, в частности — железнодорожным строительством, пришлось впоследствии удовлетворять молодой южной горной промышленности и заграницe.

---

[1]) *Белов*, стр. 91. В 1858 г. прежние низкие хлебные цены внезапно исчезли и более уже не возвращались.

[2]) В известной мере необходимость земельного обеспечения освобождаемых вызывалась тем, что уральские, например, заводы нуждались в конных работниках (подвозка руды и топлива).

3. РАЗВИТИЕ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Конкуренция заграничного металла[1]), отсутствие денежных средств, ощутительное вздорожание жизненных припасов[2]), отсталая техника, все это, вместе взятое, ставило под угрозу самое существование горной промышленности в новых условиях. А отмена принудительного труда грозила на первых порах превратиться в полную утрату горными заводами какой бы то ни было рабочей силы. Получив возможность бросить ненавистную горнозаводскую работу, горнорабочие массами уходили с опостылевших им предприятий. Усадьбы продавались за бесценок, а то и просто бросались на произвол судьбы. А когда-то горные заводы строились не там, где густое население могло доставить им рабочую силу, а там, где находилась руда и лес. Недаром к заводам часто приписывали крестьян, живших за несколько сот верст от заводов. Заменить ушедших было трудно. Даже повышение заработной платы плохо привлекало вольных работников на горные заводы. Впрочем, впоследствии, многие выходцы с Урала вернулись на старые места к привычной работе.

Как же отразилась новая экономическая обстановка на горной промышленности?

	Выплавлено чугуна[3]): (в тыс. пуд.)		Добыто кам. угля[4]): (в тыс. пуд.)	
Годы	Урал	Вся страна	Донбасс	Вся страна
1860	14.513	20.468	6.000	18.290
1862	10.467	15.268	7.100	21.235
1865	12.329	18.281	10.000	23.595

Донецкий бассейн почти не видал принудительного труда. Поэтому кривая его добычи не показательна для характеристики кризиса горной промышленности в переломные годы. В те времена основным видом горной промышленности была железорудная и железоделательная. Тем более показательна кривая по выпуску чугуна. Здесь мы видим, что производство чугуна в 1862 г. сократилось на 25%, а по Уралу — даже на 28%. Однако, в дальнейшем (с 1865 г.) наблюдается некоторое повышение. Оно и не могло быть иначе. Развитие обрабатывающей промышленности и торгового оборота приобщило страну к мировому хозяйству (таможенная реформа) и привело к новому экономическому порядку (крепостная реформа). Повышая спрос на горную продукцию, капиталисти-

---

[1]) В 1851—57 гг. стоимость вывоза всех металлов превысила стоимость ввоза на 1.219.236 руб. „Положение дела резко изменяется тотчас по введении таможенного тарифа 1857 г. Вывоз падает. Ввоз же металлов, увеличиваясь с каждым годом в сильной прогрессии, с 1858 года берет решительный перевес над вывозом". (*В. Белов*, стр. 20). Больше всего ввезено в страну металла в 1878 г. Но и в 1881 г. было ввезено чугуна 52% к внутреннему производству, а в 1884 г.—58% (по данным статбюро горнопр. Юга).

[2]) Заводовладельцы обязаны были снабжать горнозаводское население провиантом и держать для этого запасы продовольствия.

[3]) *Туган-Барановский*. „Русская фабрика", т. I, стр. 246, изд. 1926 г.

[4]) Труды экстренного (1914 г.) с'езда горнопромышленников юга России, материалы, стр. 2.

ческое народное хозяйство вместе с тем создавало и условия, способствующие развитию горной промышленности (строительство, развитие кредита, прилив капиталов).

Главнейшим условием, способствующим развитию горной промышленности, было у нас железнодорожное строительство. Почти все наши горные районы расположены на окраинах страны. А железные дороги, преодолевая российские расстояния, расширяли рынок, приближали к центрам медвежьи углы и сами пред'являли громадный спрос на горную продукцию.

Отметим также, что потребность страны в металле и минеральном топливе вызывала усиленное железнодорожное строительство именно в горных районах.

Семидесятые годы характеризуются оживлением железнодорожного строительства [1]). С 70-х годов положение горной промышленности определенно меняется к лучшему [2]).

Добыто железной руды (в тыс. пудов);				Добыто каменного угля (в тыс. пудов)		
Годы	Урал	Юг	Вся страна	Донбасс	Урал	Вся страна
1870	28.504	1.327	48 678	15.600	400	42.355
1880	38.359	2.742	62.493	86.347	7.217	200 785
1890	56.268	22.998	109.622	183.249	15.224	367.204

Уральские горнопромышленники не вполне довольны указанным оборотом дела. Их идеолог, цитированный уже нами Белов, пишет: „Во всех государствах западной Европы проведение сети железных дорог было вместе и стимулом к развитию в стране горнозаводского дела. Не так было у нас: Россия почти вовсе не воспользовалась постройкой железных дорог для достижения той же цели. До последнего времени вся сеть наших дорог, достигавшая уже 1 января 1884 г. с раз'ездными и запасными путями до 32.000 верст, построена не только на заграничные капиталы, но и из иностранных материалов" [3]). Что касается материалов, то до открытия криворожской руды (80-е годы) их и взять было внутри страны почти неоткуда. А уральские горнозаводчики не могли насытить растущий спрос на металл. В России не только железнодорожное дело, а и широкий потребительский рынок в прошлом веке испытывал постоянный металлический голод. Душевое потребление чугуна даже еще в начале девя-

---

[1]) В 1870—71 гг. вновь открыто железных дорог 5.386 верст, в 1872—73 гг.—2.710 в., в 1874—75 гг.—2.456 в. (*Туган-Барановский.* „Русская фабрика", стр. 273).

[2]) Труды экстр. (1914 г.) с'езда горнопром. Юга, материалы, стр. 2 и 26.

[3]) Стр. 102—103. Тут же Белов приводит и цифровое доказательство своей жалобы. 15 января 1875 г. открыто железных дорог — 22.210 верст. Из них уложено рельсов:

Привезенных из-за границы беспошлинно . . . 81.090.742 пуд.
„ „ „ с пошлиной . . . 4.312.928 „
Приобретено на внутренних заводах . . . . . 6.350.604 „

ностых годов 19-го века выражалось у нас в пуде с небольшим, тогда как в передовых капиталистических странах, напр., в Бельгии и Англии, оно превышало шесть пудов. Поддерживая сравнительно высокие цены, постоянный металлический голод отчасти компенсировал уральских горнозаводчиков за убытки, нанесенные им таможенной и крепостной реформой.

Дело, очевидно, не в металле, а в прибыли и капитале. Иностранный капитал,—вот главный враг уральских горнозаводчиков. Уступить его владельцам место было немыслимо, так как горнозаводское дело на Урале и в новых условиях приносило доход. Руды было пока достаточно. Рабочие постепенно возвращались на старые места. Массовому потребителю приходилось выдерживать хорошие цены. Чтобы получить иностранный капитал в кредит, нужно было убедить кредитора в жизнеспособности горного дела на Урале, а это было по целому ряду экономических, исторических [1]) и природных причин сомнительно. Уральским горнозаводчикам оставалось отыгрываться на правительственной опеке (ссуды, заказы, опека в буквальном смысле [2]) и усиленной эксплоатации рабочих и частных потребителей. А иностранный капитал пошел на юг. Он стал проникать в Донецкий бассейн с семидесятых годов. В 1869 г. было образовано английское „Новороссийское общество“ (*Юзовка*). А в 1880 г. возникло „Французское общество криворожских руд“. Иностранный капитал внес с собой в Донецкий бассейн не только большие материальные возможности. Он внес с собой „американские“ методы работы—огромный предпринимательский размах. Уже в 1874 г. оформилась классовая организация донецких горнопромышленников. В ноябре этого года был созван первый их с'езд. Зародившись на почве борьбы с железнодорожными неполадками, эта организация вскоре же выросла в крепкий предпринимательский союз, диктующий свою волю не только потребителям, но и рабочим.

Мы сказали, что семидесятые годы отмечены ростом горной промышленности. По чугуну этот рост не так велик. Но в сравнении с по-

---

[1]) Так, ограничения во владении поссессионным горным заводом (невозможность самопроизвольно дробить имение, расширять и сокращать производство, эксплоатировать побочные ископаемые), по словам уральских горнозаводчиков, весьма затрудняли привлечение паевого и ссудного капитала (см., напр., позднейшие указания на это — в „Трудах экстр. (1912 г.) с'езда горнопр. Урала“— Ср. *Петров*. „О поссессионном праве в России“, „Горный журнал“ за 1862 г., ч. I-я, стр. 137 и след.

[2]) „Правительство понимало тяжелое положение заводов и открывало им ссуды. Но эта мера только запутывала дело еще больше: ссуды не уплачивались, и заводы поступали в казенное управление. Понятно, что и казенное управление, вносившее в дело мертвый формализм в то самое время, когда требовались особенная энергия, быстрота и решительность действий, не могло помочь делу и окончательно его добивало. К 1867 г. из всех взятых в казенное управление частных заводов оставались в нем только два округа — Суксунский и Кнауфский; остальные заводы были переданы обратно в распоряжение владельцев с рассрочкой казенных долгов. К началу 1868 г. состояло до 15 млн. руб. долгов на частных горных заводах; из этого числа приходилось на уральские заводы до 12 млн. руб.“ (*Белов*, стр. 120).

ложением дела в шестидесятых годах он говорит об оздоровлении горного дела. Обратимся к цифрам [1]):

Годы	Выпл. чугуна (в млн. п.)		Добыто кам. угля (в млн. п.)	
	Урал	Вся страна (без Финляндии)	Донбасс	Вся страна
1872	16,7	24,3	36,3	66,3
1874	14,7	23,0	35,0	78,8
1877	16,1	24,4	48,9	109,1
1880	18,4	27,3	86,4	200,8

Чем об'яснить падение выплавки чугуна в 1874 и 1877 гг.? В мае 1873 г., начался мировой торгово-промышленный кризис, перешедший и в Россию. Он затянулся у нас более, чем на пять лет. 1875 и 1876 гг. были неурожайны [2]). А в 1877 году началась русско-турецкая война. Возможно, военное угнетение в промышленности в связи с общим кризисом сказалось бы еще чувствительнее на железном производстве. Но с 1878 г. таможенную пошлину с чугуна стали брать золотом, что повысило ее на 50%, и заграничная конкуренция со следующего года несколько ослабела. В каменноугольной промышленности Донецкого бассейна благодаря притоку иностранного капитала мы наблюдаем значительное оживление.

Индустриальный рост страны и упадок сельского хозяйства [3]) с одной стороны, с другой — империалистические выступления правительства на Ближнем Востоке (борьба за Черное море) выдвинули вопрос о коренном пересмотре таможенной политики. Вопрос ставился о возврате к старой покровительственной системе, т.-е. о возможностях к еще более бурному росту горной промышленности [4]). В 1884 г. был

---

[1]) Цифры по уральскому чугуну взяты у *Рагозина*: „Железо и уголь на Урале", изд. 1903 г., вед. выпл. чугуна, по чугуну для всей страны — у него же: „Железо и уголь на юге России", изд. 1895 г., стр. 136, по углю — из материалов указ. с'езда горнопром. Юга, стр. 2,—3.

[2]) Если принять урожай 1870 г. за 100, то в 1875 г. собрано было хлеба 71%, а в 1876 г. — 79%. Вывоз же хлеба, принимая вывоз 1870 г. за 100, поднялся в 1875 г. до 106%, а в 1876 г.—даже до 125% (*Ю. Янсон.* „Сравнительная статистика России", изд. 1880 г., т. II, отд. 1, стр. 464).

[3]) „Крестьянская реформа была проведена таким образом, что создала предпосылки для беспрерывного сельскохозяйственного кризиса. Разорение крестьянского хозяйства центрально-земледельческих губерний создало р ж а н о й кризис, а американская конкуренция — п ш е н и ч н ы й (на юге и юго-востоке)". Разразившийся голодом 1891 г. сельскохозяйственный кризис привел к таможенной войне с Германией. (*Ванаг* и *Томинский*). „Экономическое развитие России", в. I, стр. 99—100).

[4]) К этому времени учащаются жалобы донецких углепромышленников на засилье иностранного угля. Впрочем, жалобы эти не прекращаются и после 1884 г. Например, указывалось, что пароходы РОПИТ (русск. о-во пароходства и торговли) везут английский уголь балластом и торгуют им в южных портах по 16 коп. пуд, тогда как донецкий уголь не может продаваться там же ниже 22 коп. (Древлехранилище в Москве дело горного деп-та, сов. горнопр. делам, № 141, за 1877—1887 гг., „О земском обложении горнопром. предприятий").

обложен 2 коп. золотом на пуд иностранный каменный уголь, идущий к нам через Черное море [1]), а в 1886 г. была поднята пошлина на чугун до 15 коп. на пуд. В 1887—1890 гг. таможенная стена выросла еще выше, а в 1891 г. вспыхнула таможенная война с Германией, экспортировавшей к нам железо и уголь. С окончанием войны [2]) покровительственная таможенная политика России несколько смягчилась. Впрочем, смягчение это незначительно и, главное, вынуждено. Вся дальнейшая таможенная политика правительства прикрывается формулой: „Россия для русских". Правительство стремится насадить крупную промышленность на поддержку падающему земледелию.

Отмеченное нами направление иностранного капитала на Юг и возникновение там крупно-капиталистической железной промышленности об'ясняется не только тем, что там некого было вытеснять, что там было открыто широкое поле для предприимчивости. Громадные запасы богатой руды с одной стороны, близость мощного каменноугольного бассейна — с другой, обеспечили ей широкие перспективы роста. Выплавка и переделка чугуна на минеральном топливе, в частности,— на коксе, определила судьбу будущего спора между старым Уралом с его древесным углем и Кривым Рогом. Близость и бо́льшая емкость рынков, бо́льшая густота населения, более благоприятные условия для развития железнодорожной сети, все это еще более усиливало позицию Юга в его борьбе с Уралом. Естественно, что открытие в восьмидесятых годах криворожских железных руд дало сильный толчок росту южной горной промышленности. Вот ход этого роста:

Годы	Выплавка чугуна (в млн. п.)			Добыча каменного угля (в млн. пуд.)	
	Юг	Урал	Вся страна (без Финляндии)	Донбасс	Вся страна
1883	1,8	19,1	28,4	107,3	242,8
1887	3,0	23,4	36,4	125,5	276,8
1890	13,2	27,6	59,2	183,3	367,2

Первую половину десятилетия рост выплавки чугуна идет несколько замедленным темпом. Дело в том, что в эти годы горную промышленность угнетал очень острый мировой промышленный кризис, затянувшийся у нас до 1887 г. [3]). Зато к концу восьмидесятых годов,

---

[1]) Уголь, идущий к нам через таможни Царства Польского, был обложен незначительной пошлиной ($^1/_2$ коп. зол. на пуд) еще по тарифу 1868 г.

[2]) Т.-е. со введением конвенционного тарифа 1894 г.

[3]) Цифры по Уралу взяты у *Рагозина*, остальные — по данным горнопром. статистики Юга.

с общим промышленным оживлением и под защитой высоких таможенных ставок наша горная промышленность развивается более ускоренно. К этому времени крепнет и Кривой Рог. Даже на Урале мы видим оживление горнозаводского дела, правда, в более слабой степени, чем на Юге.

Железнодорожная горячка девяностых годов [1]) вместе с усиленным приливом иностранного капитала предопределила дальнейший, исключительный по своему масштабу, рост горной промышленности на Юге. Кроме того, в девяностых годах многие железоделательные заводы перешли из Польши и Прибалтийского края на Юг [2]). Дело в том, что в семидесятых годах железозаводчики предпочитали строить свои заводы поближе к западной границе. Таким путем они выигрывали на стоимости перевозки сырья и топлива. Получая из-за границы облагаемый незначительной пошлиной чугун, они работали на домбровском и беспошлинном заграничном топливе. А их собственные изделия были защищены от зарубежной конкуренции заградительным таможенным тарифом. В те времена правительство облагало железо в деле выше, чем чугун и железо не в деле. Учитывая разницу в таможенных ставках, и иностранные железозаводчики развертывали свои предприятия по эту сторону государственной границы. С поворотом у нас в восьмидесятых годах курса таможенной политики и с открытием криворожской руды по соседству с донецким углем западная граница потеряла былую для железозаводчиков привлекательность. Железные заводы один за другим перекочевывают на юг, поближе к сырью и топливу.

На Урале в девяностых годах также замечается промышленное оживление. К концу 19-го века наблюдается просачивание иностранного капитала и сюда [3]). Постройка Сибирской железной дороги вызывает оживление уральской металлургии. И все таки темп ее роста далеко не таков, как на Юге. На самом деле [4]): в 1891 г. на Юге выплавлено чугуна 15 млн. пудов, а в 1900 г.—92 млн. пуд. А на Урале в 1891 г. было выплавлено чугуна на казенных и частных заводах 30 млн. пуд., т.-е. вдвое больше, чем на Юге, а в 1900 г.—50 млн. пуд., т.-е. почти вдвое меньше, чем на Юге. Юг перегнал Урал в 1895 г. [5]). С этого времени начинается упорная борьба между двумя горнопромышленными районами, исход которой затянулся до 1903 года.

Одновременно с тем, как мы с Урала все больше переходим к Югу, наше внимание сосредоточивается на каменноугольной промышленности. Выше мы сказали, что по всей стране было добыто

---

[1]) В 1891—1893 гг. вновь открыто железных дорог 2.299 верст, в 1894—1896 гг.—6.228 верст и в 1897—1899 гг.—9.951 верста (*Туган-Барановский*, стр. 272).

[2]) Труды экстрен. (1914 г.), с'езда горнопром. Юга, доклад комиссии о пошлинах № 2а, стр. 6.

[3]) Впрочем, не в пример Югу, здесь его опутывают технические трудности, порождаемые производственными и природными условиями края.

[4]) Источники те же, что и по восьмидесятым годам.

[5]) В 1895 г. на Урале было выплавлено 33.100.129 пуд. чугуна, а на Юге — 33.635.735 пуд.

железной руды: в 1880 г.—62 млн. пд., в 1890 г.—110 млн. пд.; каменного угля: соответстенно—201 млн. пд. и 367 млн. пд. Перевес на стороне каменноугольной промышленности получился не только количественный. Решающую роль здесь сыграли: рост южной металлургии и общий рост потребления страной минерального топлива. За время с 1894 по 1900 г. главные потребители донецкого топлива, железные дороги, удвоили свое потребление, металлургические заводы Юга — утроили [1]). Значительно увеличили потребление донецкого угля пароходства, передельные, сахарные заводы и др. потребители. В общем потребность страны в минеральном топливе выросла так, что ее не могли уже покрыть донецкий уголь и бакинский мазут, взятые вместе. Несмотря на таможенные преграды, растет ввоз иностранного угля. Так ввезено было (досмотрено в таможнях) в 1894 г.— 138 млн. пудов заграничного угля и кокса, а в 1899 г.—273 млн. пуд. [2]). А в 1900 г. правительство вынуждено было допустить беспошлинный ввоз угля из-за границы. И все-таки, всего этого было недостаточно [3]). Приходилось искать новых источников снабжения страны минеральным топливом. Сибирская, например, железная дорога, построенная почти целиком из русских материалов, 80% своей топливной потребности покрывает углем новых сибирских бассейнов [4]).

Естественно, что с каждым годом донецкая каменноугольная промышленность делается все более и более мощным фактором в системе народного хозяйства [5]). С шестимиллионной добычи в 1860 г. она достигает 183 млн. пуд. в 1890 г. От ее состояния в значительной мере зависит и состояние железнодорожного хозяйства и темп развития обрабатывающей промышленности.

С 1893 г. и до промышленного кризиса конца 19-го века наблюдался общий индустриальный под'ем страны, совпавший с промышленным оживлением за-границей. В те же годы состояние донецкой каменноугольной промышленности было больше, чем удовлетворительно, несмотря на заминки сбыта, вызванные 1891—92 неурожайными годами.

---

[1]) И те, и другие вместе потребляли за указанное время более 50% вывезенного из Донецкого бассейна топлива. А в 1900 г. на железные дороги падало 25%, и на металлургические заводы—32% („Сб. ст. свед." за 1900 г., изд. горн. уч. ком., стр. XXXV).

[2]) Труды экстр. (1914 г.) с'езда, материалы, стр. 10.

[3]) По данным статистики горнопромышленников Юга в 1874 г. импортом угля было покрыто 45% внутреннего углепотребления, в 1879 г.—33%, в 1889 г.—23% и в 1899 г.—22%.

[4]) „Количество и стоимость топлива, потребл. русскими железными дорогами в 1900—1910 гг.", стр. 20—21, изд. статбюро горнопром. Юга.

[5]) Весьма существенному фактору в системе народного хозяйства и в топливном балансе страны — нефтяной промышленности—мы в настоящем очерке не можем уделить внимания. Наш анализ развития промышленности связан с основной темой — историей горнорабочих. Истории нефтерабочих посвящены соответствующие главы III тома „Истории горнорабочих". Во введении к нему дается анализ развития нефтяного дела, а здесь мы ограничимся лишь цифрами, дающими общее представление о росте этой отрасли промышленности в 90 годах.

Вот ход ее развития (параллельно с ростом добычи железной руды) за последние годы 19-го века.

Добыто в млн. пудов [1])

Годы	Железной руды			Каменного угля		
	Юг	Урал.	Вся страна	Донбасс	В % к добыче всей страны	Вся страна
1893	39,6	62,8	127,9	239,8	52	464,8
1897	117,7	83,7	238,6	414,7	61	683,9
1900	210,1	101,3	372,8	691,5	69	1.003,1

Итак, развитие горной промышленности на всем протяжении второй половины 19-го века являет собой беспрерывный рост исключительного размаха. Только пятьдесят лет потребовалось на то, чтобы архаически поставленное горное дело, выросшее на крепостном труде, развернулось в крупнокапиталистическое хозяйство.

4. ОБРАЗОВАНИЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

При постановке вопроса об обеспечении горной промышленности рабочей силой мы должны наметить разницу между старыми горными районами (Урал, Замосковский округ, кабинетские предприятия Сибири), сложившимися еще при крепостном праве, и новыми (Юг, Кавказ, позже угольные сибирские бассейны). Несколько особняком стоит частная золотопромышленность. Зародившись еще при старом порядке, она как бы разрешила поставленный выше вопрос, наметила уже источники снабжения рабочей силой. Но, необеспеченная постоянными кадрами принудительного труда, она в течение всей второй половины 19-го века разде-

Годы	Добыто нефти (в млн. пуд.)		Экспорт нефтепродуктов (в млн. пуд.)
	Всего	В Баку	
1892	286	286	57
1896	403	386	65
1900	631	600	88

(*Ванаг и Томсинский*, вып. I, стр. 211).

Иначе говоря, как нефтедобыча, так и экспорт нефтепродуктов в девяностых годах беспрерывно растут, играя все большую и большую роль в топливном и торговом балансе страны. Конечно, рост добычи нефти, усиливая конкуренцию мазута с каменным углем, осложнял перспективы южных горнопромышленников. Рост экспорта нефти, удаляющего конкурента с внутреннего рынка, южные горнопромышленники приветствовали.

[1]) Труды экстр. (1914 г.) с'езда, матер., стр. 4, 5, 26.—„Каменноуг. пром-сть России в 1904 г.“, изд. стат. бюро сов. с'езда горнопр. Юга, стр. 4.

ляет судьбу молодых горнопромышленных районов. Как более старая, она даже делится с ними своим опытом в вербовке рабочих (засылка агентов по деревням, задатки, кабацко-лавочная кабала). Ближе к 20-му веку у частной золотопромышленности открылся новый, очень мощный источник дешевой рабочей силы — китайцы.

Типичнейшим для группы старых районов является горно-и солепромышленный Урал. Здесь к моменту перехода на новый порядок горное дело было с избытком обеспечено рабочими. Иначе тяжелый и опасный горный промысел не развился бы в суровом, слабонаселенном краю. На Урале вопрос ставился о сохранении наличной рабочей силы. Это облегчалось тем, что при отсутствии в большинстве случаев на месте кустарных [1]) и других подсобных заработков, горнорабочие были лишены выбора.

А горнопромышленники могли временами привлечь рабочих со стороны. По крайней мере они всегда этим угрожали.

Как общее правило, горняки Урала при выходе на волю получили усадьбы, выгон и по десятине покоса, и лишь местами пахотную землю. Не обеспечивая горняков, это их привязывало к месту. Но еще более полученного их привязывало к месту то, что они имели право получить и надеялись получить, но не получили. Например, росчисти. По обычному праву [2]) уральская росчисть должна была принадлежать тому, чьим трудом расчищен данный лесной участок. А на деле вышло, что местами заводоуправления отдали росчисти горнорабочим, местами предоставили их в пожизненное пользование последним, а местами — присвоили себе.

При землеустройстве горнозаводского населения Урала часто определяющим признаком служило фактическое пользование землей. Однако, на деле, ни вековое фактическое пользование, ни ссылка порой на такие документы, как, например, дарственная времен Петра I [3]) не избавляли горняков от споров, пред'являемых заводоуправлениями. А органы правительственной власти, как общее правило, становились в этих спорах на сторону последних. Бывало и так, что заводоуправления, пользуясь своим влиянием, просто не отдавали горнорабочим того, что им бесспорно причиталось по закону [4]). По крайней мере, они могли затянуть спор, а затяжка дела выгоднее той стороне, которая материально

---

[1]) „При освобождении крестьян уральские горнопромышленники... настояли на сохранении закона, запрещающего открытие в заводских округах огнедействующих заведений" (*В. И. Ленин.* „Развитие капитализма в России", стр. 338, подстрочное примеч.)

[2]) А оно часто имело большую принудительную силу, чем писаный закон.

[3]) Подобный случай, разрешенный не в пользу крестьян, был в 1889 — 900 гг. в Алапаевском округе (Горный деп. отд. част. горн. зав., дело № 1796/1123, за 1900 г.).

[4]) Там, где уставные грамоты были еще не введены, т.-е. поземельное устройство горнорабочих не закончено, часто спор возникал по поводу хищнического распоряжения заводоуправлением участком земли, переходящим в будущем горнорабочим. Например, Нижне-Тагильское заводоуправление рубило лес для заводских надобностей на участках, подлежащих отводу местному сельскому обществу (дело главного упр. Нижне-Тагильских и Луньевских заводов н-ков П. П. Демидова, № 40, за 1905 г.)

сильнее. У заводоуправлений было в руках и другое средство: они могли угрозой закрыть предприятие и оставить рабочих без работы, склонить спорящих к серьезным уступкам. Наконец, ссылка на то, что спорный участок (рудоносный, лесной) необходим для поддержания деятельности предприятия, всегда разрешала спор в пользу заводоуправления.

Короче говоря, в связи с уродливо, своекорыстно проведенной крепостной реформой, вокруг поземельных отношений на Урале создалась такая неразбериха, какую нельзя уже было распутать никакими юридическими мерами. Позднейшее земельное законодательство не столько улучшило, сколько еще более запутало дело. Отсюда понятно, почему уральские горняки на всем протяжении своей дальнейшей истории то „слезно умоляют" начальство в правом деле, то осуществляют свое право явочным порядком, силою захватывая спорную землю, впредь до „восстановления порядка" воинской силой. Частые в истории уральских торняков обращения к местному и высшему начальству об'ясняются и тем, что они на опыте разуверились в уступчивости заводоуправлений. К тому же они имели основания требовать помощи государственной власти, поставившей их в полную зависимость от заводоуправлений.

Временами такую помощь они получали. Но это только тогда, когда неподача помощи вела к обнищанию, к голоду населения, к необходимости его „кормить" за казенный счет. Впрочем, эта помощь обычно выражалась в денежной поддержке прогоревшего предприятия. Горнозаводчики на этом спекулировали. Угрозой закрыть предприятие они заставляли правительство раскошеливаться даже тогда, когда для него это было невыгодно.

Итак, в результате двухвековой покровительственной политики правительства, уральские горнопромышленники были вполне обеспечены дешевой рабочей силой. У них не было на месте конкурентов. Не было, значит, и поводов к улучшению материального положения своих рабочих.

На самом деле, как увидим ниже, материальное положение уральских горнорабочих было до революции 1905 года совершенно неудовлетворительно. Положение горняков Замосковского округа было еще хуже, чем на Урале. В густонаселенной местности, в окружении малоземельных деревень, здесь предложение труда сильнее превышало спрос, чем на Урале. К тому же уральские горняки, помнившие пугачевщину, были более опасны для буржуазного порядка. Да и горное дело на рудоносном Урале представляло для государства значительную ценность. Ради ее сохранения приходилось порой итти на уступки рабочим. Горнорабочие на кабинетском Алтае в отношении землепользования были поставлены в лучшие условия в сравнении с Уралом. Здесь было много пустопорожних земель.

Особенно остро в течение всей второй половины 19-го века стоял вопрос о снабжении горных предприятий рабочей силой в новых районах. Возьмем Юг. Мы видели цифры его роста. Примерно также росла и его потребность в рабочей силе. А на месте достаточной рабочей силы

не было. К тому же у горной промышленности был здесь серьезный конкурент в лице украинского и северокавказского сельского хозяйства. По подсчетам самих горнопромышленников местное население давало $^1/_8$ нужного рудникам количества рабочей силы. И эта небольшая группа задалживалась на рудниках лишь в месяцы, свободные от полевых работ. Слишком тяжела была рудничная работа и неприглядна бытовая обстановка на рудниках. Остальные $^7/_8$ южные рудники получали из внутренних губерний [1]). Рабочая сила из этих губерний шла на рудники отчасти самотеком, по наслышке о хороших шахтерских заработках. Но во времена оживления горной промышленности шахтовладельцы сами рассылали по деревням своих агентов. В большинстве это была подвижная масса, подолгу не засиживавшаяся на рудниках.

Земельная теснота, гнавшая крестьян на рудники, была такова, что численно спрос горной промышленности на рабочую силу наша деревня покрывала вполне. Вопрос шел не столько о нехватке рабочих рук, сколько о недостатке квалифицированных, точнее — оседлых горнорабочих. Но во времена разворачивания горной промышленности и численная нехватка рабочих ставила ее в затруднительное положение. И все таки это превышение спроса на рабочую силу над предложением не вело к укреплению позиции горнорабочих в их борьбе с горнопромышленниками. Единственно, что они выигрывали — временное повышение заработка. Очередной прилив рабочих на рудники (напр., осенью—с полевых работ) уносил эту прибавку. Оно и понятно, раз процент постоянных горнорабочих на южных копях был невелик. Большинство — деревенские выходцы, не порвавшие с сельским хозяйством, приходили сюда на отхожий промысел. Они легче мирились с отвратительными производственными и жилищно-санитарными условиями на рудниках, чем постоянные горнорабочие. Сегодня—на шахте, завтра—в порту, а там—на постройке чугунки или на казацком покосе,—они были заинтересованы только в заработке.

Для горнопромышленников такой состав рабочих был опасен разве только в дни массовых стихийных возмущений („бунтов"). Но в такие дни горнопромышленников успешно защищала полиция и войска. Поэтому, когда „бунты" стали учащаться, горнопромышленники сосредоточили внимание на усилении вооруженной охраны. Они нанимали подходящих людей (казаков, „черкесов"), формируя из них целые отряды.

Насколько скоротечны были взрывы возмущения, настолько кратковременны были и уступки рабочим. Даже хорошие заработки, слухи о которых привлекали на рудники неустроенное в деревне население, рабочим закрепить не удалось. А отвратительная трудовая обстановка на рудниках, наоборот, была весьма устойчива. Еще в начале 20-го века шахтарь говаривал о своем житье-бытье: „кому острог, а нам горница", т.-е. острожная обстановка казалась ему привлекательней рудничной.

---

[1]) Из докл. зап. 18-го с'езда горнопром. Юга „О мерах к обеспечению горных промыслов рабочими руками", стр. 10. Это показание относится к 1894 г., т.-е. ко времени, когда вполне наметились источники снабжения южных горных предприятий рабочей силой.

Эта беспокойная, подвижная масса шахтарей [1]) не устраивала, как видно, горнопромышленников. И в печати, и на с'ездах, и в слезницах правительству они все время твердят о недостатке в бассейне квалифицированных, оседлых горнорабочих. Они строят сложные проекты колонизации края, обеспечения постоянных горнорабочих землей, т.-е. создания для горнорабочих такой же, примерно, земельной кабалы, какую мы встречаем на Урале.

Обнищание русской деревни увеличивало кадры подлинного пролетариата, навсегда потерявшего собственное сельское хозяйство [2]). С течением времени из кочующей по рудникам массы шахтарей стал постепенно образовываться „класс постоянных горнорабочих", о котором так тужили всегда горнопромышленники. Впрочем, в одном пункте чаяния их еще не осуществились. Перед ними стоял подлинный пролетарий со всеми экономическими признаками такового, но еще не осевший на руднике навсегда. Он привык гнуть спину в забое, приобрел навык в тяжелой подземной работе. Он меньше новичка рискует стать жертвой несчастного случая. Но к данной шахте его пока ничто не привязывает. Почему это,— для ясности сделаем небольшое отступление.

Из предыдущего раздела мы видели, что южная горная промышленность находилась в приличных условиях. Можно думать, что горное дело у нас на юге было прибыльно. Если же внимательно почитать материалы с'ездов южных горнопромышленников и переписку их совета, то получится впечатление, что горная, в частности, каменноугольная промышленность Юга находилась в постоянном угнетении. А прибыль южных горнопромышленников — величина, мол, весьма призрачная. Это — их стратегический прием. Они вечно жалуются: на плохой урожай, угнетающий рынок, на хороший урожай, отвлекающий рабочие руки и забивающий железнодорожные пути, на буйных и непоседливых рабочих, на высокий железнодорожный тариф, на низкий — таможенный, на засилье мазута и т. д. и т. п. И вечно стараются держать правительство под угрозой краха южной горной промышленности. Так, в 1894 г., по поводу прекращения таможенной войны с Германией, южные горнопромышленники убеждают правительство [3]) в неминуемой гибели горного дела на Юге. Впрочем, правительство тогда и не думало отступать от покровительственной политики в таможенном вопросе [4]).

---

[1]) Старинное наименование углекопа.

[2]) В момент всероссийской переписи 1897 г. безземельное крестьянство выставляло на рабочий рынок свыше 9 млн. человек, а занято по найму (вместе с домашней прислугой) было 9.156.080 (*С. Зак.* „Промышленный капитализм в России, изд. 1908 г. стр. 69). Следовательно, спрос горной промышленности на рабочую силу мог быть покрыт одним только безземельным крестьянством. Малоземельное крестьянство, отходя на заработки на юг, сбивало на рудниках трудовые расценки.

[3]) Древлехранилище,—дело горного деп.-та, сов. горнопр. делам, № 170/240, за 1894 г. „По ходатайствам 18 го с'езда горнопр. юга России". Интересно, что одновременно верхнесилезские горнопромышленники угрожали рейхстагу гибелью горного дела в Верхней Силезии в случае, если таможенная война с Россией п р о д л и т с я (там же, стр. 3—5).

[4]) См. выше, стр. XII.

Так или иначе, южные горнопромышленники под предлогом всяких невзгод меньше всего уделяли внимания улучшению быта горнорабочих. А между тем только этим путем они могли закрепить за рудниками достаточный кадр постоянных горнорабочих. В первую очередь последних отвращала от рудников невероятно скверная жилищная обстановка. Как общее правило, все остальные условия труда и быта донецких горнорабочих были под-стать жилищным.

Но ведь иностранный капитал пришел к нам из местностей, где эксплоатация труда горнорабочих не достигает таких ужасающих пределов! Иностранцы на юге прекрасно знали, что интенсивность труда вольнонаемного рабочего в значительной мере зависит от уровня его жизненной обстановки. Иностранцы на юге поставили вывезенных ими из-за границы мастеров и техников в приличные условия существования. На многих донецких предприятиях получилась ощутительная разница в обеспечении отдельных групп работающих (иностранцев и русских). Это создавало между ними излишний антагонизм, принимавший порой резкие формы.

В крупных, солидно поставленных горных предприятиях предпринимались и в те времена шаги к материальному и культурному улучшению быта всей массы горнорабочих. Но этот, далеко не повсеместный, материально-культурный рост совершенно не соответствовал отмеченному нами росту южной горной промышленности.

Колебания общего числа рабочих, задолженных на горных предприятиях в годы последнего промышленного под'ема, можно видеть из следующих цифр [1]):

	Каменноуг. копи Юга	Железные, марганц., медные и пр. рудники	
		Юга	Урала
В 1893 г.	28.928	3.017	24.196
„ 1897 „	46.179	5.462	30.371
„ 1900 „	84.857	13.153	36.046
Прирост в % . .	193	336	49

Соответствуя росту горной промышленности, цифры прироста горнорабочих наглядно подтверждают ту разницу между старыми и новыми горными районами, которую мы наметили в очерке образования горнопромышленного пролетариата.

Положение русских горнорабочих на всем протяжении второй половины 19-го века, мы видели, почти не улучшилось. А если и улучшалось, то в весьма слабой степени. Для более быстрого прогресса, соответствующего росту горной промышленности, не было побудителей. Сами горнорабочие, не имея классовой организации, не являлись таким побудителем. И политические условия в стране были неблагоприятны. Буржуазное правительство занималось рабочим вопросом только тогда, когда к этому вынуждало усиление на политическом горизонте нового класса

---

[1]) „Сборники статист. сведений о горнозаводской промышленности России", изд. горного ученого комитета.

— рабочего. Оно тогда одной рукой декретировало ту или иную уступку рабочим, а другой — старалось их обуздать, усиливая репрессии за массовые выступления (стачки, демонстрации.). И не случайно, что зачатки рабочего законодательства (80-е годы, 1897 год) совпадают с оживлением рабочего движения в стране. Как увидим ниже, это общее правило в одинаковой мере действует и в горных районах.

Чтобы иметь четкое представление о составе горнорабочих по роду занятий на пороге 20-го века, приведем в заключение сведения о количестве их, задолженных в 1900 г. в главнейших отраслях и районах горно-добывающей промышленности [1]).

	Урал	Сев. и Средняя Россия	Южная и Ю.-З. Россия	Кавказ	Зап. Сибирь	Восточн. Сибирь
Золото-платиновые прииски .	47.040	—	—	—	12.059	33.612
Медные рудники	2.584	233	—	1.512	612	—
Железные „	32.801	9.675	10.853	—	32	17
Каменноугольные копи	3.197	2.278	84.857	526	624	1.743
Марганцевые рудники	661	—	1.663	3.703	63	—
Нефтяные промыслы	—	—	—	27.480	—	—
Добыча соли	3.498	75	12.007	482	5.018	417

Таким образом, основная масса горнорабочих к началу 20-го века сосредоточивается на Юге, главным образом, на копях Донецкого каменноугольного бассейна. Следующие по величине группы горнорабочих заняты в золотой промышленности Урала и Восточной Сибири. Естественно, что здесь задалживаются десятки тысяч горняков. К началу 20-го века Россия занимала четвертое место в мировой добыче золота. Следующими по величине группами являются горняки старого железорудного Урала и нефтерабочие Кавказа. Эти последние на историческую арену вступают уже в 20-м веке.

Софьев.

---

[1]) Извлеч. из „Сборника статистических сведений о горнозаводской промышленности России“ за 1900 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТМЕНА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ШАГИ

Хозяйственный кризис. — Комитет Адлерберга. — Попытки сохранить крепостной строй на алтайских и нерчинских заводах. — Подзаводские крестьяне. — Заводовладельческие комитеты. — Домогательства крупных пермских заводовладельцев.

конце 50-х годов горный Урал охватил кризис. Причины хозяйственного упадка горных заводов различны, но одной из важнейших было повышение цен на хлеб [1]). Наиболее чувствительно для заводчиков сказывалось вздорожание хлеба там, где заводы по местным условиям выдавали рабочим хлеб безденежно. Несколько менее тяжелым для заводской кассы представлялось вздорожание хлеба при выдаче его в счет заработной платы. Тут можно было понизить размер убытка, низведя до минимума денежную выплату. Там же, где рабочие, получая определенную плату, сами покупали хлеб на рынке, вздорожание хлеба падало на них. Если в силу вздорожания жизни заводчики и вынуждались повышать заработную плату, то, во всяком случае, в меньшей мере, чем повысилась цена на хлеб.

Дороговизна хлеба на Урале вызывала опасение, что крестьяне, освобожденные от принудительного труда, покинут заводы, а заводчики, лишенные денежных средств, не сумеют создать такие условия, при которых рабочие добровольно стали бы на горную работу. Ведь с отменой крепостной зависимости заводчики теряли оборотные средства. Самый труд крепостных, произвольно оплачивавшийся заводчиками, тогда когда добытый металл уже был продан, представлял собою известного рода оборотные средства.

На ряду с этим, уходу рабочих с заводов, по общему мнению, должно было содействовать враждебное отношение рабочих к заводо-

---

[1]) В Пермской губ. цена на хлеб с $31^1/_2$ к. за пуд в 1858—59 гг. поднялась в 1861 г. до 72 к. и даже до 1 р. 15 к.

владельцам, сложившееся вследствие тяжелого материального и морального положения, в котором рабочие издавна находились на большинстве горных предприятий. Правительство не могло не сознавать, что оно само способствовало угнетению рабочих со стороны владельцев. Когда рабочие „выходили из повиновения", против них принимались самые решительные меры, неоднократно сопровождавшиеся кровопролитием, после чего вводились лишь малозначительные улучшения в жизни рабочих. Между тем местным властям было запрещено побуждать заводчиков к улучшению положения рабочих, если последние не приносили жалоб. А путь жалоб, и без того крайне опасный для рабочих, поглощавший обычно не мало жертв среди них, был незадолго до того затруднен.

При указанных условиях составители Положения 1861 г. о крестьянской реформе должны были проявить особую заботу об обеспечении заводов рабочей силою. Но этого старались достичь не столько положительными в отношении рабочих мерами, сколько отрицательными.

В январе 1857 г. был учрежден секретный комитет для разрешения вопроса об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Правительство желало, чтобы помещики-дворяне хотя бы внешне выступили в тоге благородного самопожертвования. И вот, под влиянием извне, дворяне трех польских губерний заявили, что для улучшения положения крестьян надо освободить их от крепостной зависимости. Им разрешили образовать губернские комитеты. Рескрипт царя по этому поводу был сообщен (ноябрь 1857 г.) всем местным властям и предводителям дворянства. Этим самым правительство предоставило всем дворянам право образовывать комитеты для разработки начал крестьянской реформы.

Речь в этих случаях шла лишь о помещичьих крестьянах. Но помимо них существовали различные группы крестьян, которые имели хозяев в лице отдельных ведомств. Таковыми, среди многих других, были горнозаводские крестьяне, принудительно работавшие на казенных и частных рудниках и горных заводах. Поэтому на ряду с общей разработкой крестьянской реформы [1]) был образован под председательством министра двора Адлерберга специальный комитет, которому была поручена подготовка проекта преобразования быта удельных, дворцовых и горнозаводских крестьян [2]).

Предварительная разработка материалов о горнозаводских крестьянах была возложена на особую комиссию, образованную в министерстве финансов. Она занялась судьбою следующих групп горнозаводских крестьян:

а) работавших на казенных и

б) занятых на частных заводах и состоявших из:

---

[1]) Производившейся в секретном комитете, переименованном в феврале 1858 г. в главный комитет по крестьянскому делу.

[2]) Архив государствен. совета, глав. комитет по крестьянскому делу. Кн. № 91 „О казенных крестьянах". Дело № 1 „Об учреждении комитета для устройства поземельных отношений и т. д."

1) приписанных казною;

2) находившихся на крепостном заводском праве, т.-е. прикрепленных к заводу, но не принадлежавших лично заводчику;

3) состоявших на помещичьем праве, т.-е. принадлежавших лично заводчику, но вместе с тем регистрируемых горным управлением.

Все эти крестьяне числились по ведомству министерства финансов.

Подобно тому, как при рассмотрении вопроса об освобождении помещичьих крестьян происходила борьба между прогрессивными и реакционными общественными элементами, так и в ходе работы по переустройству быта горнозаводских крестьян возникали столкновения между представителями различных общественных течений. Особенно ярким представляется эпизод, относящийся к алтайским и нерчинским заводам, переданным в 1855 г. из министерства финансов в ведение Кабинета (органа министерства двора).

Когда в особой комиссии возникло сомнение, может ли она включить в круг своих занятий мастеровых алтайских заводов, составляющих „особый класс военно-рабочих людей“ [1]), Адлерберг предписал ей подготовить проект реформы быта крестьян не только алтайских, но и нерчинских заводов. Однако, ответственные деятели Кабинета стали в оппозицию. Они указывали, что крестьяне, приписанные к алтайским заводам, своим трудом, который оплачивается далеко не в полной мере, как бы вносят „косвенный налог“ в семь рублей ежегодно, т.-е. работают бесплатно на эту сумму; освобождение их от принудительного труда нанесет ущерб заводам. Но, повидимому, именно неполная оплата труда приписных была признана наилучшим доводом против принудительного труда. Тогда Кабинет поспешил сообщить, что, по новейшим данным, излишек, который переплачивают заводские крестьяне, вовсе не так велик, как было указано; что заводские работы представляют собою не более, как умеренную барщину, а по местным условиям никакое иное использование труда крестьян не принесет кабинету и государству такой пользы, как горные промыслы. Не давая никакой выгоды самим крестьянам, новые порядки могут привести горный промысел в упадок, к тому же мастеровые алтайских и нерчинских заводов находятся в положении солдат: их набирают на заводы путем рекрутчины, внутренний строй уподоблен военному. Поэтому, не приравнивая этих заводских крестьян к помещичьим, надо их оставить в прежнем положении.

Адлерберг возразил на это, что, хотя мастеровых алтайских и нерчинских заводов и определяют на заводскую службу по рекрутским наборам, и среди них введена военная дисциплина, все же, по условиям их труда и быта, они не солдаты. Все прежние меры принудительного характера имели смысл тогда, когда имелось в виду лишь одно — создать известные отрасли производства, а „внутренний экономический быт народонаселения и его промыслов“ игнорировался. Но теперь нельзя считать рабочих солдатами, так как военная служба ничего общего не имеет

---

[1]) См. том I настоящей книги, стр. 213.

с горнозаводским и другими промыслами, в основе которых должен лежать „хозяйственный расчет“ [1]). Поэтому крестьянская реформа должна быть распространена также на горнозаводское население Алтая и Нерчинска.

Горнозаводская рабочая сила на частных горных предприятиях не исчерпывалась одними только упомянутыми выше тремя группами крестьян. На ряду с крестьянами третьей группы многие помещичьи крестьяне принуждались, без ведома горного управления, выполнять на горных предприятиях своих помещиков работы преимущественно подсобного характера (рубка дров, копание и возка руды и друг.). Эти так называемые подзаводские или вотчинные крестьяне числились в рядах не горнозаводских, а помещичьих крестьян („сельских обывателей“). От последних они отличались тем, что вместо земледельческой барщины или денежного оброка отбывали помещику повинности работой на его горном предприятии.

Так как подзаводские крестьяне, наравне с прочей массой помещичьих, нуждались только в земельном устройстве, а для горнозаводских сверх того нужно было определить порядок дальнейшей их работы на заводах, то обсуждение будущего устройства крестьян, причастных к горному делу, было поделено между: а) комитетом Адлерберга (горнозаводские крестьяне ведомства министерства финансов) и б) губернскими дворянскими комитетами (подзаводские крестьяне).

Оренбургскому дворянству вообще не хотелось приняться за крестьянскую реформу. Почти все местные помещики желали „повременить возбуждением вопроса“. Когда же им все же пришлось взяться за неприятное дело, они стали изыскивать „местные условия“, которые, будто, мешали скорому созыву дворянского собрания. Между прочим, выставлялось и то обстоятельство, что две пятых крепостных принадлежали горнозаводчикам, которые жили вне губернии.

В прошении на имя министра финансов заводовладельцы заявили, что на 18 владельческих горных заводах Оренбургского края насчитывается до 49 тысяч душ, которые находятся в „совершенном распоряжении заводчика“: одна часть их состоит на полном помещичьем праве, а другая принадлежит заводу и не может быть отчуждена от него. Действительно, на оренбургских частных заводах, в отличие от пермских, почти вовсе не было крестьян, отданных казною предприятию. Все горнозаводские рабочие Оренбургского края — по словам заводчиков — выполняли одинаковые работы, получали одно и то же вознаграждение, несли одинаковые государственные повинности и сами не видели никакого различия между собою. А потому заводовладельцы настаивали, чтобы одно и то же учреждение установило будущее устройство всех их крестьян, причастных к горнозаводской работе. Дальше, хотя горнозаводские крестьяне, работавшие на владельческом праве, по закону приравнивались к прочим помещичьим крестьянам, все же между этими группами

---

[1]) Архив госуд. совета. Гл. комитет. Кн. 91, дело № 2 „Об устройстве быта горнозаводского населения“.

имеется различие в занятиях. С другой стороны, от казенных крестьян и поссессионных подзаводские отличаются только земельным наделом и средствами продовольствия. Поэтому заводчики, ссылаясь на то, что они лучше, чем прочие дворяне, знакомы с бытом горнозаводских крестьян, просили о дозволении избрать из своей среды особый комитет по вопросу об устройстве этих крестьян.

Тогда 10 августа 1858 г. всем горнозаводчикам разрешили образовать из своей среды три комитета — один для Замосковного района (губернии: Владимирская, Калужская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Ярославская), второй — для Оренбургского края и третий — для Уральского района (Пермская, Самарская, Вятская, Казанская и Вологодская губернии). Закончив работу в течение шести месяцев, комитеты должны были передать свои проекты в министерство финансов [1]).

Учреждение заводовладельческих комитетов не должно было умалить роль губернских дворянских комитетов в отношении подзаводских крестьян. А так как в Пермской губернии было много частных горных заводов, то в местный дворянский комитет были приглашены чины горного ведомства [2]).

Возникло опасение, что дворянские комитеты займутся преобразованием быта не только подзаводских крестьян, но также и других, которые были прикреплены к частным горным предприятиям. Это могло угрожать подзаводским крестьянам. Крестьяне, прикрепленные к заводам, были поставлены в менее благоприятные земельные условия, чем подзаводские, жившие исключительно от земледелия. Нужно было ожидать, что горнозаводские крестьяне получат меньший земельный надел, чем подзаводские. Поэтому, включив подзаводских крестьян в общую массу рабочей силы на заводах, уравняв их с настоящими горнозаводскими крестьянами, помещики-заводовладельцы могли бы снабдить своих подзаводских крестьян не такими земельными наделами, как помещичьих, а меньшими, назначенными для горнозаводских крестьян. Вот почему по настоянию министра внутренних дел С. Ланского было потверждено, что дворянские комитеты, занимаясь вопросом о помещичьих крестьянах, должны уделить внимание и подзаводским [3]), но отнюдь не прочим рабочим, занятым на частных горных заводах.

---

[1]) Гл. комитет. Книга 91, дело № 2 „Об устройстве быта горнозаводского населения“.— Первое изд. материалов редакционных комиссий (второй период, ч. 6-я. СПБ. 1860). Доклад хозяйств. отделения № 18, стр. 33-34.— Журн. гл. комитета 6 окт. 1858 г.— *Кречетович.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае. (Чтения в Обществе истории древностей российских, 1911 г., кн. 2), глава „Отношение местных властей к составлению проекта нового Положения о заводских крестьянах Оренб. губернии“.—*А. Скребицкий.* Крестьянское дело в царствование Александра II. Том IV (Бони на Рейне, 1868 г.), стр. 627—28.

[2]) Журн. гл. комитета 6 октября 1858 г. См. издание архива госуд. совета „Журналы секр. и гл. комитетов по крестьянскому делу“, том I (Петроград, 1915 г.), стр. 237 и 243.

[3]) Журнал гл. комитета 6 октября 1858 г.

Семь крупнейших пермских заводовладельцев, имевших 200 тысяч крестьян из 250 тысяч душ крепостного населения губернии, образовали комитет с местопребыванием его в Петербурге, где находились их главные правления. Когда пермский губернатор стал настойчиво приглашать их прибыть в Пермь для участия в тамошнем дворянском комитете при рассмотрении вопроса о подзаводских крестьянах, они отказались поехать туда. Вместе с тем они заявили протест против разработки реформы отдельно для подзаводских крестьян и для прикрепленных к заводам, об'ясняя, что на их заводах имеются обе группы (подзаводских до 160 тысяч душ). Отделением одной группы от другой нарушится цельность горнозаводских имений во вред владельцам и крестьянам, которые от завода получают средства к существованию. Поэтому пусть будет дозволено их комитету составить проект устройства всех вообще принадлежащих им крестьян—и вотчинных (подзаводских), и горнозаводских.

Против этого домогательства выступила особая комиссия. Она обратила внимание на то, что в районе уральского комитета насчитывалось (главным образом, в Пермской губернии) 28 заводовладельцев (не считая порознь наследников, сообща владевших заводами), на предприятиях которых находилось почти 175 тысяч крестьян, числившихся по министерству финансов. Среди них имелось более 23 тысяч отданных к заводам казною, свыше 104 тысяч поссессионных и около 46 тысяч крестьян, принадлежавших владельцам на помещичьем праве, но официально прикрепленных к заводам. Из последней группы крупнейшим заводчикам принадлежали 43.779. Между тем, в соответствии с размерами их горных предприятий им полагалось иметь почти на 7.000 душ меньше означенной цифры. Что касается 160 тысяч собственных крестьян, то, исполняя одни только подсобные работы, они фактически являлись обычными сельскими обывателями и отличались от других помещичьих крестьян тем, что работали не в поле, а на заводе. Если же заводчики пытались включить их в число горнозаводских крестьян, то только потому, как уже указывал Ланской, что хотели таким путем дать им меньший земельный надел.

Вследствие этого было подтверждено, что подзаводские крестьяне приравниваются к общей массе помещичьих крестьян, и вопрос о них подлежит обсуждению в губернских дворянских комитетах. А комитеты заводовладельцев обсуждают устройство специально горнозаводских крестьян, находящихся в ином положении, чем сельские. Однако, пермским крупнейшим заводчикам было дозволено составить особый проект реформы и передать его в пермский дворянский комитет [1]).

---

[1]) Журн. гл. комитета 26 января 1859 г. (в печатном издании том I, стр. 337—346). См. также: дело гл. комитета № 35/63 „По ходатайству главных пермских заводовладельцев о предоставлении учрежденному ими из своей среды С. Петерб. комитету составить проект об устройстве и улучшении быта заводских людей".— Гл. комитет. Книга 59/102, ч. XVIII „О рассмотрении проектов Положений". Записка ос. комиссии о людях частных горных заводов. Первое изд. материалов редакционных комиссий. Часть VI. (СПБ, 1860 г.). Доклад хозяйств. отделения, № 18, стр. 35—38.— *Скребицкий*, т. IV, стр. 628—30. Второе собр. законов № 34104. 1 февр. 1859 г.

РАЗРАБОТКА РЕФОРМЫ

Численность крестьян, прикрепленных к частным горным заводам.— Проекты заводовладельческих комитетов. — Борьба мнений по вопросу о крестьянах, работающих на частных заводах. — Положения 19 февраля 1861 г. о заводских и подзаводских крестьянах. — Рабочие на казенных заводах.— Их численный состав.— Проекты реформы и Положение 8 марта 1861 г.— На алтайских и нерчинских заводах. — Опубликование манифеста и Положений 19 февраля 1861 г.—Волнения среди горнозаводских крестьян.

Сведения о числе крестьян с семьями, в ту пору прикрепленных к частным заводам, противоречивы. При производстве в 1858—59 годах десятой народной переписи фабричные и горнозаводские крестьяне были взяты в одну группу, но затем казенные палаты сообщили имевшиеся у них сведения, и на основании этих данных составлена следующая таблица[1]):

Районы	На владельческом праве		На поссессионном праве		Итого	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
Замосковный район	30.477	31.765	14.436	15.640	44.913	47.405
	62.242		30.076		92.318	
Оренбургский район	41.254	46.268	5.961	6.072	47.215	52.340
	87.522		12.033		99.555	
Уральский район			142.439	157.233	142.439	157.233
			299.672		299.672	
В том числе:						
Пермская губ.			131.865	145.852		
Вятская губ.			8.627	9.212		
Итого по всем районам	71.731	78.033	162.836	178.945	234.567	256.978
	149.764		341.781		491.545	

Однако, по сведениям горного департамента в то время на частных заводах было большее число прикрепленных крестьян:

	Мужчин	Женщин	Всего
На владельческом праве	126.761	140.210	266.971
На поссессионном праве	156.487	171.566	328.053
Итого . . .	283.248	311.776	595.024 [2])

[1]) *А. Тройницкий.* Крепостное население в России по 10 народной переписи (СПБ, 1861 г.) стр. 21 и 47.

[2]) Таким образом, разница в показаниях упомянутых источников выражается цифрой 103.479.

Это различие вызывается преимущественно несходством показаний по главной заводской губернии, Пермской, где по данным горного департамента числилось на владельческом праве 102.551 душа обоего пола, в сведениях же палаты по Пермской губернии вовсе не отмечены крестьяне на владельческом праве, будучи, вероятно, включены в общее число помещичьих крестьян. Подобное же различие в других губерниях, хотя и не в столь крупных цифрах, об'ясняется той же причиной, т.-е. смешением помещичьих крестьян с заводскими на владельческом праве или же владельческих заводских с поссессионными. Там же, стр. 77 (подстр. примечание).

Посмотрим теперь, в какие условия труда и быта намеревались горнозаводчики поставить работавших у них крестьян.

Наиболее элементарный взгляд на характер предстоявшей реформы обнаружил Замосковный округ, пользовавшийся, главным образом, трудом крестьян, принадлежавших заводчикам на владельческом праве. Он заявил, что горнозаводские работы дают рабочим больше выгод, чем земледелие; им не надобна земля, которой к тому же не имеется сейчас при всех заводах; чтобы не лишить заводы сразу рабочей силы, „заключающей в себе капитал и собственность заводчиков", надо установить личный выкуп крестьян, считая по 120 рублей за душу. Это был выкуп души в полном смысле слова, так как за 120 руб. крестьянин только освобождался от личной зависимости, но ничего не получал — ни усадьбы, ни земельных угодий. И это требование преследовало ту ничем не прикрытую цель, чтобы крестьяне были совершенно обезземелены, чтобы они образовали пролетариат, который, естественно, поступит в полное распоряжение заводчиков. Если горнозаводские люди — говорили заводчики — станут собственниками усадьбы и земли, это их обеспечит в средствах существования, и тогда они смогут „произвольно оставлять заводские работы или требовать неумеренной платы за них и поставить заводчика в невозможность продолжать действие завода". Следовательно, „для сохранения успехов промысла необходимо поставить людей в исключительную зависимость от заводских работ".

Выкуп людей заводчики предлагали производить ежегодно по одной десятой части, так что для последней очереди крепостное состояние продлилось бы на целое десятилетие. Те из крестьян, которые пожелают по своем освобождении работать на заводах, поступают в подчинение московскому горному округу. Нежелающие наняться на завод обязаны даже собственные усадьбы продать заводу или тому, кто будет работать на заводе.

Особая комиссия, следившая за настроениями в главном комитете по крестьянскому делу, признала подобный проект совершенно несоответствующим духу времени. Нельзя — заявила комиссия — лишать крестьян оседлости и превращать их в пролетариев, когда все крепостное население наделяется землей.

Оренбургский заводовладельческий комитет приблизился к безземельному освобождению. Он соглашался предоставить крестьянам безвозмездно в собственность усадьбы с огородами, выгонами и проч. и требовал, чтобы в течение трех лет все рабочие оставались на работе, пользуясь в эти три года имевшейся у них пахотной и сенокосной землей. Даровой усадьбой заводчики надеялись удержать крестьян на местах. Лишением пахотной земли они хотели заставить их итти на заводскую работу или же в поисках иной работы покинуть округ и очистить место для новых рабочих [1]).

---

[1]) *Скребицкий*, т. IV. стр. 633—646.—*Кречетович* (в упомянутом выше сочинении) приводит полностью проект оренбургского комитета.

И этот проект встретил отпор со стороны особой комиссии. „Самое драгоценное право, даруемое крестьянам — заявила она — есть обеспечение их быта поземельным наделом". Обеспечение землею горнозаводского населения может в отдельных случаях уменьшить число желающих работать в тяжелом горном деле. Но мысль, будто горное дело станет невозможным среди населения, обеспеченного землею, неосновательна. Надо только стараться как можно более привязать население к данному месту, потому что промышленность нуждается в скоплении населения.

Иначе подошел к вопросу уральский комитет. Он разделил население на мастеровых и сельских работников. Мастеровые, имея свои усадьбы и некоторое количество сенокосной земли, производят технические работы, а сельские работники — ведя хлебопашество, исполняют на заводе вспомогательные работы. Большинство членов комитета предложило следующий проект: мастеровым даются безвозмездно в „наследственное и бессрочное владение" усадьбы с огородами. В распоряжение обществ мастеровых отводится земля под выгон в размере фактического пользования и некоторая часть сенокосной земли. Мастеровые не обязаны за это никакой повинностью владельцу. Они отбывают в дальнейшем работы „на взаимных условиях свободного труда". И сельские работники безвозмездно получают в бессрочное и наследственное владение усадебные земли с огородами и землю под выгон. Вместе с тем им может быть предоставлена — но уже за повинность! — в бессрочное и наследственное владение пахотная и сенокосная земля в размере фактического пользования. Домохозяева отбывают повинность рабочими днями из расчета на каждую десятину по пять конных и пять пеших поденщин ежегодно (барщинных поденщин). Повинность может быть заменена денежной выплатой [1]). Намеченное положение должно было быть осуществлено в трехлетний срок.

Меньшинство членов уральского комитета внесло в проект следующие изменения. Сенокосы отводятся безвозмездно тем только мастеровым, которые участвуют в заводских работах. Эти мастеровые образуют свои особые общества и пользуются льготами (бесплатное топливо, благотворительные капиталы, провиант от завода по себестоимости, училища, больницы). По истечении шестилетнего „обязанного периода" мастеровые, не желающие продолжать заводскую работу, сохраняют только усадьбы, лишаясь сенокосов и прочих льгот. Пахотная земля сельских работников должна быть не менее трех десятин на домохозяина. По истечении шестилетнего периода они могут откупаться от всех барщинных поденщин (5 конных и 5 пеших дней с десятины) на основании цен, установленных на заводах по однородным работам для вольнонаемных рабочих. В первые два года все обязаны работать по заведенному порядку; в дальнейшие четыре года мастеровые обязаны исполнять их

---

[1]) Цена рабочего дня определяется стоимостью 32 фунтов ржи в зерне для конного и 16 фунт. для пешего.

по вольному договору, сельские же работники в общей массе могут ежегодно откупаться от $^1/_4$ числа поденщин.

Особая комиссия осталась недовольна желаниями как большинства так и меньшинства уральского комитета. Она указала, что даровое оставление усадеб в бессрочно-наследственное владение недостаточно, так как помещичьим крестьянам дается право выкупить усадьбу в собственность. Землю следует отводить за такой денежный оброк, какой будет назначен в той местности для всех вообще крестьян. Оброк может быть или уплачен деньгами, или отработан по добровольному условию, но расчет необходимо производить только на деньги, а не на барщинные дни. Меньшинство желает, чтобы после первых двух лет принудительного труда по определенным ценам мастеровые в течение четырех лет были обязаны работать по вольному договору. Но ведь это равносильно оставлению принудительного труда на шесть лет! Что касается сельских работников, то надо стремиться к скорейшей замене обязательных работ вольными и назначить за землю денежный оброк. Следует допустить право откупаться от обязательных работ частями, так как крестьяне по своему материальному положению не всегда могут сразу откупиться от всех работ. Наконец, если допустить, что сельские работники могут откупаться в течение четырех лет (последних из шестилетнего переходного положения) по ценам вольного труда, а не по заранее установленной таксе, то заводоуправление сможет заставить крестьян продолжать заводскую работу, назначив такие высокие цены за вольный труд [1]), по которым крестьяне не смогут откупаться.

Вообще особая комиссия старалась приблизить поземельное устройство горнозаводского населения к общекрестьянской реформе, а заводчики домогались в свою пользу тех или иных отступлений от общего направления реформы [2]).

Естественно, что проект Положения о крестьянах на частных заводах, выработанный особой комиссией, сильно поразил заводчиков, судя по протесту, с которым выступил член оренбургского комитета горнозаводчиков Дашков [3]). Он заявил, что земледелие не составляет исключительного источника существования заводских крестьян. Хлебопашество недостаточно для существования, и крестьяне пополняют свои средства горнозаводской работой, за которую получают провиант и некоторую плату.

---

1) Первое изд. материалов редакц. комиссий. Часть VI (СПБ. 1860 г.). Доклад хозяйств. отд. № 18, стр. 39—63; часть XIV об'яснит. записка к докладу.— Записка ос. комиссии 8/9 ноября 1860 г. (Гл. комитет. О рассмотрении проектов Положений. Кн. 59, № 102, ч. XVIII, стр. 137 и след.). Ср. *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. I (СПБ. 1913 г.) стр. 423 и след.

2) Эти домогательства, в виду громадного государственного значения горного дела, поддерживались некоторыми видными деятелями горного ведомства. Они говорили, что реформу в отношении горнозаводских крестьян нужно проводить так, чтобы не расстроить горного промысла.

3) А. Дашков был назначен членом оренбургского дворянского комитета от правительства по рекомендации губернатора Барановского, весьма благожелательно относившегося к крестьянской реформе. (*Кречетович.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае).

При введении вольного труда заводский промысел может сделаться для крестьян еще более выгодным. Но эта возможность парализуется проектом комиссии, который приведет заводы в упадок по следующим причинам:

1) Если оставить крестьянам всю землю, которою они пользовались, то заводчик окажется лишенным земли, необходимой, между прочим, для водворения новых пришлых рабочих.

2) Назначение издельной повинности (барщины) с правом замены ее денежным взносом невыгодно и неудобно заводчику. При таком порядке он утрачивает возможность распоряжаться рабочей силой. Раз технические работы нельзя отправлять барщиною, то необходимо установить для всех повинность за землю не в виде издельной работы, а в виде денежного оброка. Необходимость денежного оброка вызывается еще тем, что в страдную пору запрещается принуждать крестьян отправляться на дальние работы для погашения барщины, вследствие чего надо будет нанимать других людей.

Дашков не мирился с тем, что оренбургским заводчикам предстояло поступиться частью земель в пользу крестьян. „Конечно, если правительство этого потребует, то заводовладельцы не остановятся перед пожертвованиями, даже переходящими этот крайний предел, за коим последует, вероятно, упадок заводского производства“. При этом Дашков не упустил заметить, что новый порядок может заставить некоторых заводчиков закрыть свои предприятия, и тогда правительству придется потерять их горнозаводскую подать.

Записка Дашкова, как и его личные об'яснения, несмотря на заключавшиеся в них мрачные предостережения, оставлены были особой комиссией без последствий [1]).

К тому времени, когда особая комиссия окончила разработку проекта реформы быта крестьян на частных горных заводах, было решено соединить главный комитет по крестьянскому делу с комитетом Адлерберга, преобразовав их в „главный комитет по устройству сельского населения“. С законопроектом особой комиссии надо было торопиться, так как уже заканчивалось рассмотрение Положения о подзаводских крестьянах. Не дожидаясь преобразования главного комитета, ему было поручено немедленно рассмотреть проект особой комиссии [2]).

Так как реформа должна была основываться на обеспечении крестьян „оседлостью и определенным количеством земли“ [3]), главный комитет

---

[1]) Гл. комитет, кн. № 59 (№ 102, ч. XVIII).—Записка Дашкова (стр. 123—135) и записка ос. комиссии 30 ноября 1860 г., № 25 (стр. 108—122).

[2]) В целях ускорения дела, Адлерберг предложил распространить на крестьян частных заводов уже готовое Положение о подзаводских крестьянах (с необходимыми редакционными поправками), так как с этим Положением были сходны предложения особой комиссии, но это не было принято.—Зап. Адлерберга 30 янв. 1861 г. (см. цитир. выше дело „Об устройстве быта горнозав. населения“) и доклад госуд. секретаря царю 1 февр. 1861 г. (Гл. комитет, № 102, ч. XVIII).

[3]) Журналы гл. комитета, т. IV, журн. заседаний (с 10 окт. 1860 по 14 янв. 1861 г.) (в статье о крестьянах на помещичьих фабриках), стр. 371.— В печатном издании журналов (Петроград, 1915 г.) — т. II, стр. 368.

одобрил в основных чертах проект особой комиссии, построенный на принципе снабжения крестьян землею во избежание искусственной пролетаризации их. Но все же в интересах заводов в проект были внесены частичные изменения. Например, вместо права крестьян по своему усмотрению переходить на оброк, и даже, не переходя на оброк, откупаться от барщины, главный комитет ввел обязательный трехлетний переход с барщины на оброк с ежегодной заменой оброком лишь одной трети барщины [1]). Проект подвергся еще некоторым редакционным поправкам в государственном совете [2]), и 19 февраля 1861 г. он был утвержден под наименованием „Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов“ [3]).

Этот акт ввел, между прочим, для крестьян частных заводов следующие важнейшие отличия от общего и местного для великороссийских губерний Положений, во всем остальном обязательных и для крестьян частных горных заводов:

1) Мастеровые, рабочие, непременные работники (приписные) и заводские крепостные (на поссессионном и владельческом праве) образуют два „сословия“ — мастеровых, исполняющих технические горнозаводские работы, и сельских работников, исполняющих заводские вспомогательные работы и занимающихся земледелием [4]).

2) Мастеровые, данные заводчикам от казны, сохраняют безвозмездно свои усадьбы с огородами, садами и пр., (подобно мастеровым на казенных заводах); прочим же мастеровым и сельским работникам усадьба предоставляется за повинность (6 р. в год с десятины) в постоянное пользование. Мастеровые имеют право выкупить усадьбу. Мастеровым предоставляется пользование за повинность покосной землей по десятине на душу, а где надел был меньше (за недостататком земли), там он остается в прежнем размере. Повинность мастеровых за усадьбы с угодьями определяется денежным оброком (на основании местных условий, установленных для всех вообще крестьян). Кто не в состоянии вносить оброк, обязан отработать его в рудниках или на заводе, при чем рассчитываются по ценам однородного вольнонаемного труда.

Таким образом, в отношении мастеровых закон не только не принял пожелания замосковных заводчиков о лишении крестьян усадеб, но и не допустил, чтобы усадьба служила источником прикрепления крестьян к предприятию. Денежная повинность и право выкупа усадьбы освобождали владельцев усадеб от обязательной работы на заводе. Сенокосная земля была дана всем крестьянам, а не только соглашающимся работать на заводах. И опять-таки земля отводилась за денежный выкуп, а не за обязательную работу.

---

[1]) *Лященко*, стр. 425.— Заседания гл. комитета 13 и 14 февраля 1861 г. В печатном издании журналов, т. II, стр. 424—25.

[2]) Общ. собр. госуд. совета 17 февраля 1861. В из'ятие от закона госуд. сове разрешил крестьянам поссесс. заводов выкупать землю, хотя она являлась неот'емлемою собственностью предприятия.

[3]) Второе собрание законов, № 36667.

[4]) Осуществлением нового устройства ведают обще-губернские по делам крестьян присутствия; в Пермской и Оренбургской губерн. в присутствиях участвует один член по выбору от заводовладельцев и другой—от горного ведомства.

3) Повинность сельских работников исчисляется, согласно общему для крестьян положению, деньгами и поденщинами (рабочими днями), соразмерно усадебным и полевым наделам. Для перехода с издельной обязательной повинности (барщины) на денежный оброк назначается трехгодичный срок с ежегодной заменой оброком одной трети барщины; кто не в состоянии выплатить оброк, тот может отрабатывать его сполна или частью.

Здесь, как мы видим, законодатель отверг более продолжительные сроки переходного времени (10 и 6 лет). Но, с другой стороны, законодатель не принял наименьшего срока, установленного для прочих крестьян, и вместо двух лет назначил три года. Одновременно были оставлены без внимания указания на то, что заводчикам невыгодна частичная замена барщины денежным оброком и просьба оренбургских заводчиков, чтобы земля была дана крестьянам только за денежный оброк. Крестьянам был в этом отношении предоставлен выбор.

4) Уроки не могут превышать размер прежних уроков. При добыче руды каждому рабочему выдается пособие не менее 10 коп. в день, а при посылках на дальнюю работу — не менее 16 коп. конному и 8 коп. пешему за каждый проходной и рабочий день. Запрещается принудительная посылка на дальнюю работу в период с мая до половины сентября в виду полевых работ.

5) Всем заводским людям немедленно даруются права личные, по имуществу и по состоянию, предоставленные вышедшим из крепостной зависимости крестьянам. До введения уставной грамоты, которая должна быть составлена между заводчиком и каждым крестьянином в отдельности относительно предоставляемой последнему земли, а также повинностей в пользу заводчика, заводские люди остаются при старом порядке. При этом переход с барщины на оброк не откладывается.

6) Казенные подати и повинности, уплачивавшиеся заводовладельцем, по введении уставной грамоты перелагаются на заводских людей.

7) Каждый заводовладелец обязан иметь не менее годового запаса провианта для всех работающих мастеровых. Провиант выдается соразмерно числу душ в семействе за наличные деньги или засчитывается в счет рабочей платы по себестоимости. Рабочие могут отказаться от провианта. С переходом горнозаводских людей на оброк безденежная выдача провианта подлежит отмене.

8) На каждом заводе должны быть установлены правила: о порядке найма и увольнения рабочих; о роде, времени и месте работ; о плате; об ответственности и подчиненности во время работ; о призрении увечных и о прочих главных взаимных обязательствах.

9) Мастеровому, пробывшему на заводе не менее трех лет или заключившему договор с заводчиком на такой же срок, дозволяется вместо рекрутской повинности внести за себя триста рублей. Кроме того, в течение первых десяти лет мастеровые, получившие от владельца бесплатно усадьбу, поработавшие на заводе три года и заключившие соответствующие договоры еще на дальнейшие три года, освобождаются от рекрутской повинности без внесения трехсот рублей.

Разработка Положения о подзаводских крестьянах была возложена на губернские дворянские комитеты. Вообще комитеты не остановили особого внимания на подзаводских крестьянах и приравняли их к прочей массе помещичьих. Но в Пермской губернии, где насчитывалось до 160.000 таких крестьян, вопрос обострился.

Пермский комитет согласился оставить крестьянам усадьбу в пользование с тем, чтобы они имели право при желании выкупить ее. Что касается земли, то было решено, что крестьяне обязаны держать ее только в течение короткого времени (срочно-обязанного периода), а в дальнейшем они могут отказаться от нее. Земля отдается им за денежный оброк или за рабочие дни. Крестьяне могли также откупаться от отдельных работ. Крупные же заводовладельцы были против дозволения крестьянам выкупать усадьбу и требовали, чтобы крестьяне обязаны были всегда держать землю за повинность, при чем в первые годы они выполняли бы рабочую повинность, т.-е. оставались бы в старых условиях, а в течение дальнейших пяти лет заменяли оброком не более, чем в одной пятой части [1]).

Подзаводские крестьяне не состояли ни на оброке, ни на барщине в том смысле, в каком это обыкновенно было принято понимать, когда речь шла о помещичьем крестьянине. Они подходили по роду работ к урочным работникам при казенных горных заводах. С другой стороны, в отличие от казенных рабочих, подзаводские крестьяне не получали вознаграждения за работу, кроме некоторых дальних посылок. Работали же они более, чем казенные урочники. Кроме того, подзаводские крестьяне подлежали казенным повинностям, чего казенные крестьяне не знали. Особенно была тяжела система распределения работ. Многие подзаводские крестьяне так далеко жили от заводов, что из-за ежегодных троекратных длительных переходов из деревни к заводской работе расстраивали свое домашнее хозяйство. Источник своего существования крестьяне должны были искать в хлебопашестве, но на некоторых заводах они работали на помещика более 180 дней в году, и даже во время полевых работ. Кроме окладных работ на некоторых заводах были введены еще вдали от жилища так называемые „сдельные“, на которые назначались и женщины.

Чтобы смягчить это тяжелое положение, главный комитет признал необходимым: 1) повысить плату за урочные работы (плата в 5 копеек за пеший день и 10 копеек за конный была установлена еще в 1724 г. [2]) и 2) облегчить переход с издельной повинности на денежную, позволив откупаться от натуральной повинности частями. Правда, было сделано указание, что следует ввести постепенный переход на оброк в течение девяти лет, так как при одновременном переходе многих крестьян на оброк значительно повысится плата за работы. Но большинство членов комитета, воспротивясь столь длительному обязательному труду, сослалось на то, что при заводах крупных пермских владельцев для технических работ находятся особые приписные крестьяне, коих почти на

---

[1]) Пермский комитет указал, что заводские работы производятся большею частью за сотни верст от жительства, а потому крестьянину не будет расчета откупаться от одной пятой дней (напр., от 4 дней из 20) с тем, чтобы в следующие годы вновь итти на ту же отдаленную работу для отбытия остальных дней.

[2]) Она не была повышена, когда другие горнозаводские крестьяне стали получать большее вознаграждение. См. том I, стр. 127.

7.000 больше, чем полагается по размеру заводов. И пермский губернский комитет заявил, что нет опасения, будто прекращение обязательного труда повредит заводскому делу, так как хлебопашество в Пермской губернии мало выгодно, и в свободное время крестьяне будут отправляться на ближние заводские работы. Показательно было и то, что в Вятской и Вологодской губерниях все горнозаводские работы уже к тому времени отправлялись исключительно вольнонаемными. И на зауральских заводах многие работы выполнялись вольным наймом. Золотые промыслы Оренбургской губернии, находясь в местности, вовсе лишенной рабочего населения, не ощущали недостатка в рабочих руках даже при невысокой плате. Поэтому главный комитет предоставил подзаводским крестьянам право переходить с барщин на оброк на общем основании. Тут сыграло некоторую роль опасение, что если будет назначен более продолжительный срок обязательной работы, то едва ли подзаводские крестьяне перенесут терпеливо такое отягчение их участи в сравнении с соседними крестьянами.

Хотя в разработке проекта о подзаводских крестьянах приняли главное участие пермский губернский дворянский комитет и пермские крупные заводчики, речь шла вообще о всех подзаводских крестьянах. В таком именно масштабе этот вопрос рассматривался и в главном комитете. Но затем законопроект был с'ужен пределами одной Пермской губернии [1]), очевидно, потому, что в других губерниях число подзаводских крестьян было сравнительно незначительно [2]).

Наконец, проект поступил в государственный совет. Здесь заводчикам удалось добиться уступки. Для перехода от обязательной барщинной работы на денежный оброк был установлен в отношении помещичьих крестьян двухгодичный срок, для подзаводских же крестьян он был удлинен до трех лет [3]), как это было сделано и для прочих крестьян, работавших на частных горных заводах.

В результате „Дополнительными правилами о крестьянах и работниках, отбывающих работы при пермских частных горных заводах и соляных промыслах“ [4]), утвержденными 19 февраля 1861 г., было установлено в главнейшем следующее:

---

[1]) Гл. комитет. Книга № 58 (№ 102, ч. XVIII). „По проектам дополнит. правил о крестьянах на помещичьих фабриках, частных горных завбдах и соляных промыслах“.— Проект Положения, см. прилож. к жур. гл. комитета (Петроград, 1915 г.), стр. 506—510.— Подлинные журналы гл. комитета, т. IV, стр. 361 и след. (журн. засед. с 10 окт. 1860 г. по 14 января. 1861 г.) (в печатном издании журналов, том II, стр. 355 и след.).—Перв. изд. материалов редакц. комиссий, ч. XIV. Об'яснит. записка — дополнение к докладу хозяйств. отд. № 18; самый доклад — там же, ч. VI. — *Лященко*, стр. 412—414.— *Скребицкий*, стр. 652—58, 662—65.

Одновременно были изданы „Дополнит. правила о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках“, которые распространялись и на горные заводы, кроме Пермской губернии.

[2]) По 10 ревизии их насчитывалось на фабриках и заводах в Пермской губернии 132.000 душ муж. пола, а в Оренб. губерн.—всего 47.000. *Тройницкий*, стр. 49.

[3]) Журн. гос. совета 17 февр. 1861 г. (в печатном изд., стр. 175—76).

[4]) Второе собр. законов, № 36.668.

1) Повинность крестьян исчисляется двояко: деньгами и числом рабочих дней (поденщин) соразмерно усадебному и полевому наделу. Общее число поденщин не должно превышать то число, какое следует по местному Положению за крестьянский надел.

2) Для перехода с барщины на денежный оброк назначается трехгодичный срок, при чем каждый год заменяется оброком по третьей части барщины, уравнительно по всем главным родам работ. После этого остается одна только денежная повинность, и работа производится лишь на добровольных условиях. Кто не в состоянии выплатить оброк, может выполнить повинность работой—сполна или частью.

3) Задаваемые уроки не должны превышать размер прежних, при чем за добычу руды выдается рабочему пособие не менее 10 коп. в день, а за работы далее 20 верст—конному не менее 16 коп., а пешему 8 коп. в день. Проходные дни засчитываются в счет следуемой с крестьян издельной повинности.

Казне принадлежали: семнадцать заводов на Урале — в Пермской, Оренбургской и Вятской губерниях, три на Олонце, Луганский (на юге) и Алагирский (Кавк.). На Урале добывались: в Екатеринбургском округе— железная руда, рудное и россыпное золото, а также каменный уголь для некоторых заводов; в Пермском — медная руда; в Гороблагодатском — железо, золото и платина из россыпи; в Богословском — медная руда и россыпное золото; в Златоустовском — медь и золото; Камско-Воткинский округ не имел своих рудников.

Горнозаводские предприятия охватывали обширные пространства, занятые, с одной стороны, лесами, рудниками, месторождениями, а с другой стороны—усадебными, пашенными и сенокосными землями, предоставленными горнозаводскому населению.

Население казенных заводов составляли со своими семьями:

а) нижние чины, именуемые урядниками, занимавшие должности по технической, медицинской и письменной части;

б) мастеровые, исполнявшие технические работы при рудниках, заводах и промыслах;

в) урочные (называвшиеся также непременными работниками), живя отдельными селениями, приписанными к предприятиям, выполняли в определенное время года подсобные работы, ведя вместе с тем свое сельское хозяйство.

Фактически мастеровые и урочные не всегда строго обособлялись: мастеровые нередко выполняли урочные работы, а урочные—работу мастеровых.

Численный состав упомянутых трех групп горнозаводского населения [1]), а также количество занятых в работе, указаны в нижеследующей таблице.

---

[1]) Казенные палаты не выделили крестьян казенных заводов в особую группу (*Тройницкий*, стр. 16). Приводимые ниже данные извлечены из дела государств. совета, по отделению дел об устройстве сельского состояния, 1861 г., дело № 3 „О людях, приписанных к казенным горным заводам".

Округа	Мужчин				Женщины	Всего населения	Десятин земли в тысячах
	Нижние чины	Мастеровые и урочные	Не состоящ. на раб. стар. дети и др.	Итого			
Екатеринбургский	308	10.411	12.967	23.686	23.487	47.173	1.120
Пермский	116	3.694	5.117	8.927	9.652	18.579	313
Гороблагодатский	294	8.657	9.121	18.072	17.945	36.017	932
Богословский	182	5.033	4.283	9.498	7.183	16.681	477
Златоустовский	447	8.860	12.790	22.097	23.074	45.171	803
Камско-Воткинский	152	6.358	7.253	13.763	15.417	29.180	470
Итоги	1.499	43.013	51.531	96.043	96.758	192801	—
Луганский округ	91	2.147	2.508	4.746	4.912	9.658	39

Среди активной рабочей силы находились и подростки в возрасте от 15 до 18 лет—всего 3.236 чел.[1]), которые не были зачислены на службу, но по желанию и с согласия родителей были взяты на легкие работы.

При основании заводов к ним были причислены крестьяне с нисходящим потомством. К тому же в свое время брались рекруты. Значит, для замены выбывших имелся в последние десятилетия достаточный контингент среди молодого поколения. Только в виду экстренных надобностей рабочие кадры порою вновь комплектовались рекрутами, которые оставались навсегда с потомством прикрепленными к заводам. По гражданским законам горнозаводские крестьяне именовались сельскими обывателями, водворенными на казенных землях. Вместо денежного оброка они выполняли на заводах повинности и работы. В 1847 г. их приравняли к рядовым военной службы. Дети мужского пола при самом рождении вносились в общий список заводских людей. С 15 лет, в качестве подростков, их можно было брать на работы, а с 18 лет их определяли на заводскую службу.

Нижние и рабочие чины, состоя на положении военнослужащих, подчинялись горному начальству на том же основании, как рядовые военному начальству, и по уголовным делам подлежали военному суду[2]). Они обязаны были работать ежедневно, за исключением праздничных и табельных дней (некоторые работы шли без всякого перерыва), конные урочные — от 200 до 230 дней в году, преимущественно зимою, а пешие—125 дней. С мая до ноября урочные пешие одну половину месяца проводили дома, на сельском хозяйстве, а другую — на заводских работах. Жалованье и задельная плата выдавались по штатам;

[1]) Число этих подростков относится не только к уральским, но и к прочим казенным заводам. Но значительнейшая часть работала на уральских заводах, так как на остальных казенных заводах число рабочих вообще не достигало 3.000 чел.

[2]) См. том I, стр. 192. На алтайских и нерчинских заводах подобный строй был исстари введен — том первый, стр. 204 и 213.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

при командировках полагались сверх того кормовые. На уральских заводах жалованье нижних чинов колебалось в пределах от 36 руб. до 72 руб. в год, а рабочие по разрядам получали от 3 коп. до 8 коп. в день или от 7 руб. 50 коп. до 20 руб. в год. Всем им и членам их семей выдавался безденежно хлеб. При тогдашней цене хлеба в 70 коп. пуд, холостой рабочий обходился заводу в день в сумме от 6 коп. до 10 коп., а семейный при пяти душах—в сумме от 16 коп. до 21 коп. Средним числом рабочий стоил казне $10^3/_8$ коп. в день, что составляло в год—37 руб. 87 коп. Дети получали не более 22 коп. в месяц.

Для косьбы мастеровые отпускались поочередно на 25 дней, в течение которых бесплатная выдача им провианта не прекращалась. Они могли заниматься в свободное время всякими ремеслами и промыслами. До 1847 г. они увольнялись от работ только вследствие увечий, болезни или дряхлости; с введением же военного строя служба ограничивалась 35 годами (с 18 летнего возраста) для рожденных от горнорабочих, а для поступавших по рекрутскому набору — 25 годами. Сверхсрочные получали полуторную плату. Урочные рабочие, главным источником существования которых являлось земледелие, пользовались пашенной и сенокосной землей в размере не менее пяти десятин на каждую мужскую душу, а мастеровые имели по две десятины сенокосной земли на каждого полного работника [1]).

Было задумано образовать из заводских людей горные общины, которые представляли бы „особый класс людей, занимающихся и живущих горным делом". Общины мастеровых должны были быть совершенно отделены от сельских общин урочников. Чтобы внезапным переходом от одной системы к другой „не потрясти горного дела", было признано необходимым установить переходное состояние в течение не более двенадцати лет [2]).

Этот проект был составлен особой комиссией к концу 1858 г., когда членам комиссии еще не были ясны основные черты общекрестьянской реформы. Поэтому они допустили длительный переходный период от крепостного состояния к свободе.

Когда же выяснились детали общекрестьянской реформы, особая комиссия набросала новую картину устройства крестьян казенных горных заводов, основные черты которой сводились к следующему.

Мастеровые освобождаются в течение *двух* лет от обязательной работы и образуют особые общины. Усадьбы с огородами передаются безвозмездно в *собственность* мастеровых, а покосы в размере одной десятины (где есть достаточно земли)—в бессрочное пользование за поземельную подать. Имелось в виду, что лишенные земли мастеровые, оставшись в своих усадьбах, представят для заводов готовый кадр ра-

---

[1]) См. упомянутое выше дело „О людях, приписанных к казенным горным заводам".

[2]) Гл. комитет, кн. 91, дело № 2 „Об устройстве быта горнозаводского населения", стр. 88.— Дело № 3 „О людях, приписанных к каз. горным заводам", стр. 4 и 21 (журнал особой комиссии № 8 от 3/V 1860 г.).

бочих. И урочники подлежали освобождению от обязательного труда в течение двух лет, при чем те из них, которые жили не селениями, а отдельно на рудниках и заводах, входили в состав местного горного общества. Земли (до 5 десятин на хозяина) передавались урочникам в бессрочное пользование за поземельную подать в пользу завода. Перевод на вольный труд должен был происходить частями. Бесплатная выдача провианта прекращалась. Только многосемейным рабочим можно было продолжать бесплатную выдачу. Однако, заводы обязывались иметь запасы хлеба, чтобы выдавать его по себестоимости крестьянам, если они потребуют. Следует выработать основные Положения об отношениях между рабочими и заводоуправлениями, а также поставить вопрос о кассах взаимопомощи, но только опыт подскажет подробности [1]).

Приведенный проект не выражал взглядов всех горных деятелей принимавших участие в разработке реформы. Например, главный начальник уральских горных заводов Фелькнер рекомендовал совершенно подчинить общество работающих на горнозаводских предприятиях горному начальству. Особая комиссия заявила, что при таком условии горное общество представит собою не гражданское устройство свободного состояния, а только группу рабочих „с некоторыми признаками внутреннего управления", вполне подчиненную на практике начальнику завода. Следовательно, на деле останется прежний принудительный труд с внешними формами свободного устройства. Другой горный деятель Соколовский крайне опасался, что заводы останутся без людей; а потому рекомендовал предоставлять особые льготы крестьянам, которые пойдут на горные работы [2]).

Проект особой комиссии не удовлетворил и члена комитета Адлерберга Чевкина [3]). Приняв во внимание мнения различных горных деятелей и составленное к тому времени Положение о крестьянах на частных горных заводах, он выработал новый проект реформы [4]) на казенных заводах, каковой и появился в виде закона 8 марта 1861 г.

Закон 8 марта 1861 г. [5]) о крестьянах казенных заводов установил менее длительный переходный период, чем для крестьян частных горных заводов. Все работавшие на заводах уральских (а также Луганском и Кончозерском [6]) в Олонецком округе) подлежали увольнению не позже, чем

---

[1]) Госуд. совет, по отд. гл. комитета, 1861 г. дело № 3: журн. ос. комиссии № 8 и приложенный к нему законопроект (стр. 4—60).

[2]) Цитированное дело 1861 г. № 3: журн. ос. комиссии № 9 от 3/V 1860 г. (стр. 62—82) и „предположения" Фелькнера (стр. 83—114), в которых затронуты и другие стороны быта горнозав. крестьян. Мнение Соколовского—стр 115—132 и др.

[3]) Как бывший начальник штаба корпуса горных инженеров, Чевкин был достаточно знаком с горным делом в России и на Западе.

[4]) Общ. собр. госуд. совета 7 марта 1861 г. — Журналы и мемории общ. собр. госуд. совета по крестьянскому делу (Петроград, 1915 г), стр. 392—96.

[5]) Второе собрание законов, № 36719.

[6]) Здесь включен был и Николаевский завод в Иркутской губернии, на котором работали всего 77 душ, не состоящих на работе числилось стариков, детей и др. 97 и 184 женщины. Для Александровского завода в Петрозаводске были введены правила применительно к условиям городской жизни (§§ 71—77 того же закона).

через два года. Прослужившие двадцать лет освобождались немедленно, в следующем году увольнялись прослужившие пятнадцать лет, а по истечении двух лет — все прочие. Всем освобожденным выдавался в течение двух месяцев бесплатно провиант, а затем — только тем, кто оставался на заводской работе. В дальнейшем заводское население делилось на мастеровых, исполнявших технические работы, и сельских работников, призываемых для подсобной работы и занимавшихся земледелием. Устройство их, в главнейшем, определялось следующими правилами.

1) Мастеровые сохраняют за собою в собственность безвозмездно свои усадьбы с принадлежащей к ним землею, а покосы — за денежную оброчную плату в пользу завода в размере, установленном для всех государственных крестьян. Если за заводом останется менее одной трети всей заводской покосной земли, он может увеличить свою часть до указанного предела за счет крестьянских покосов. Взыскание оброка за покосы начинается через год по увольнении от обязательной службы.

2) Сельские работники получают безвозмездно усадьбы с землею, а пашенные и сенокосные земли — за денежный оброк в пользу завода на тех же основаниях, как мастеровые получали покосную землю.

3) Подати и повинности возлагаются на горнозаводских людей наравне с прочими сельскими обывателями. Натуральные же земские повинности выполняют за мастеровых заводоуправления.

4) Мастеровые пользуются такими же льготами по рекрутчине, как на частных заводах.

5) Заводоуправление обязано иметь запасы хлеба для выдачи его по требованию мастеровых и рабочих по себестоимости.

6) Договоры по добровольному найму могут быть заключаемы на срок не долее трех лет. Об отказе возобновить договор мастеровые уведомляют заводоуправление за три месяца до окончания срока договора, а прочие рабочие — за один месяц. Такое предупреждение обязано делать и заводоуправление.

7) Мастеровые, рабочие и сельские работники могут наниматься артелями, при чем в артели может быть только такое число членов, какое требуется для данной работы.

8) Вознаграждение мастеровых и рабочих может быть в виде жалованья или задельной платы. В счет последней входит, по возможности, стоимость употребляемых материалов и инструментов, а также учет за брак.

9) Каждому мастеровому и рабочему выдается расчетная книжка, в которую при увольнении вносится аттестат.

10) Дети моложе 12 лет не принимаются на работы, а от 12 до 18 лет могут, с согласия родителей, исполнять работы, „свойственные их силам и возрасту“; в возрасте до 15 лет малолетние не должны работать более восьми часов в сутки, да и то лишь днем, а при рудниках — только на поверхности земли.

11) При рудниках и заводах учреждаются „горнозаводские товарищества“ из постоянных работников в целях оказания материальной помощи, разбора несогласий с заводоуправлением; заводоуправление содействует товариществам устройством бесплатных школ и больниц, выдачей пособий больным, участием в составлении вспомогательных касс. Управляет делами товарищества „горнозаводской попечительный приказ“, председатель которого назначается заводоуправлением, а четыре члена избираются всеми участниками товарищества сроком на три года.

12) Больной содержится в больнице за счет заводоуправления в течение двух месяцев. Если же болезнь вызвана заводской работой, тогда — до

выздоровления. В течение этого времени одинокий не получает вознаграждения, имеющий родителей или родственников — получает одну треть заделной платы или жалованья, женатый — одну половину, а женатый и имеющий детей — две трети оклада.

13) Средства вспомогательных касс составляются: вычетами от двух и не более трех процентов из оклада рабочих; взносами заводоуправления, равными всей сумме, поступившей от рабочих; штрафами за нарушение договора (пенсии пострадавшим на заводских работах, а также вдовам и сиротам рабочих, лишившихся жизни на этих работах, выдаются заводоуправлением).

Рабочие кадры алтайских и нерчинских горных заводов, принадлежавших кабинету, комплектовались путем рекрутских наборов. Ко времени крестьянской реформы мужское население Алтайского округа состояло [1]) из:

Нижних чинов	627	Всего работающих 23.235
Мастеровых, урочных, служителей	20.751	
Подростков на работе	1.857	
Детей, не взятых на работу	8.355	Всего неработающих 15.554
Увечных, дряхлых	7.199	
Всего . . .	38.789	

Сверх того, к заводам были приписаны 137.067 крестьян, из коих пешие работали для заводов по 22 дня в году, а конные — по 15 дней. Казна выдавала (по штатам 1849 г.) пешему $57^1/_2$ коп. в год. Вольнонаемные получали не менее, чем по 20 коп. в день, т.-е. за 22 дня — 4 рубля 40 коп. Следовательно, приписные крестьяне недополучали чуть ли не 4 рубля. Иначе говоря, эта сумма составляла для них как бы особый налог сверх обычных повинностей. Но ведь кроме 22 дней на самой работе крестьяне тратили много дней в пути от дома к месту работы. Кроме того, они платили 4 р. $12^1/_4$ коп. разных денежных земельных повинностей. За 1841—50 годы средняя цена пешей вольной работы достигла по всем волостям 5 р. 46 коп. на душу, по конной работе — 5 р. 11 коп., по перевозке угля — 11 р. 85 коп. Из 112.000 крестьян (по 8 ревизии), приписанных к заводам, были заняты: 21.000 — рубкой дров, 40.000 — перевозкой угля и 50.000 — перевозкой руд. Цена по всем этим работам составляла за те годы в среднем более 7 рублей. Следовательно, за вычетом платы, выдаваемой казною, каждый крестьянин терял, в сравнении с вольнонаемными, по 7 руб. в год. Работы распределялись так, что более состоятельным крестьянам приходилось отрабатывать за 2—3 души, неимущим — за $^1/_2$, даже $^1/_4$ души (таким путем покрывалась работа за убылых, умерших и др.). В среднем каждый „боец“ работал за $1^1/_2$ души. Фактически работали преимущественно бедняки, которые по договорам с богатыми заступали их [2]).

---

1) Рапорт председателя кабинета 26 апр. 1858 г. Упомянутое дело „Об устройстве быта горнозав. населения“.— *Лященко* (стр. 584) приводит другие цифры.

2) Записка Соколовского (дело „Об устройстве быта горнозав. населения“).

Что касается нерчинских заводов, то при них числилось „горнорабочих честного имени“ (т.-е. не ссыльных) на правах военнослужащих:

Нижних чинов	384	Всего работающих 4.756
Мастеровых и вообще взрослых рабочих .	3.545	
Подростков на работе	826	
Уволенных, дряхлых и др.	1.393	Всего не работающих 4.637
Детей не на работе	3.244	
Всего. . .	9.393	

Приписные крестьяне были здесь еще в 1851 г. освобождены от горнозаводских работ [1]).

При разработке крестьянской реформы на нижних чинов и мастеровых алтайских и нерчинских заводов в отношении хозяйственного быта и общественного управления был распространен порядок, установленный для уральских заводов, но на Алтае были введены дополнительно следующие правила.

В округе имелось много земли, к тому же малоценной; заводоуправление в свое время наделило ею крестьян. Поэтому теперь за ними временно сохранили (впредь до приведения в известность размера земель, принадлежавших Алтайскому округу) за повинность все земли, находившиеся в их руках. Для перехода с издельной повинности на денежный оброк был назначен трехгодичный срок; в первый год повинность оставалась без изменения, во второй год она сокращалась на одну треть, в третий год — еще на одну треть. Денежный оброк с 1862 г. был заменен оброчной платой в сумме 6 рублей с ревизской души ежегодно [2]).

Манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права и Положение о новом устройстве освобожденных крестьян были обнародованы 5 марта. В правительственных верхах опасались крестьянских волнений. Поэтому для наблюдения были разосланы по России флигель-ад'ютанты и свитские генералы, которые и сообщали непосредственно царю обо всем виденном. В Оренбургскую губернию прибыл капитан 1-го ранга Кригер, а в Пермскую — генерал-майор князь Багратион.

Из донесения Кригера (от 28 марта) мы узнаем, что крестьяне с заводов Преображенского, Воскресенского, Верхотурского и Архангельского, работавшие на Каргалинских медных рудниках, как только им прочли манифест, бросили работы, „самовольно ушли по домам“. Но на самих этих заводах об'явление о „воле“ было принято спокойно — на Архангельском заводе крестьяне „не могли составить себе никакой идеи о предстоящем для них улучшении быта и просили раз'яснить его“. А потому, рабочие, ушедшие с рудников, видя всюду повиновение, вернулись назад. Кригер об'яснял это „своевольство“ не столько духом

---

[1]) См. том I, стр. 201 и след. — Цитированное выше дело „Об устройстве быта горнозав. населения“.

[2]) Второе собрание законов, №№ 36717 и 37291.

неповиновения, сколько желанием узнать подробности в своих деревнях, отстоявших в некоторых случаях от рудников в расстоянии более 350 верст.

Впрочем, из дальнейшего донесения (4 апреля) видно, что не все прошло так гладко. Пятьдесят человек с Воскресенского завода „выказали упорное недоверие и ослушание", и главный зачинщик был подвергнут „полицейскому наказанию", т.-е. высечен, а крестьян Преображенского завода было трудно убедить в подлинности манифеста. Они ждали „безусловной немедленной свободы и прекращения всякой зависимости от владельца", и только под угрозою наказания возобновили работу на рудниках.

Крестьяне Белорецкого, Тирлянского, Кагинского, Узянского и Каноникольских заводов, недовольные заводоуправлением и открыто по этому поводу выражавшие свои протесты, приняли спокойно манифест.

Особого внимания к себе требовали крестьяне Шильвинского завода, принадлежавшего уже известному нам купцу Под'ячеву[1]), так как кроме усадеб они не имели никакой иной земли, что не соответствовало Положению 1861 г. Согласно позднейшему донесению Кригера (2 мая), все закончилось благополучно, когда им обещали, что относительно них состоится дополнительное постановление.

Повидимому, Кригеру не хотелось омрачать настроения в Петербурге неприятными сообщениями, а потому в его донесениях подобные известия появлялись как-то отрывочно, без выяснения подробностей. Все же из его позднейшего рапорта царю (30 мая) обнаруживается, что уход рабочих с предприятий принял более широкие размеры, чем можно было думать по его первоначальным донесениям. Количество ушедших рабочих, как оказывается, было настолько значительно, что кое-где сократились работы. Кригер об'яснил уход рабочих тем, что заводские рабочие, умственно более развитые, чем помещичьи, готовы были всякую „сомнительную" статью „Дополнительных правил" (а таких статей, по заявлению Кригера, было не мало) истолковывать в свою пользу „и заявлять о том своими действиями". Уход с Каргалинских рудников на страстной неделе, по словам Кригера, был вызван тем, что по 28-й статье „Дополнительных правил" запрещалось отправлять на работы далее 25 верст в страдную пору с мая до половины сентября. Но фактически уход с рудников состоялся до мая. Вообще об'яснение Кригера могло лишь частично соответствовать действительности.

Уход крестьян, как мы узнаем из другого источника, стал принимать широкие размеры еще до обнародования манифеста[2]). Так, в декабре 1860 г. с упомянутых Каргалинских заводов ушли крестьяне Воскресенского и Преображенского заводов генерал-лейтенанта Пашкова, а вслед затем — и с Архангельского завода. После об'явления манифеста крестьяне ушли также с других оренбургских заводов — Богоявленского, Верхоторского и проч.[3]). Подобные массовые явления, оче-

[1]) См. том I настоящей книги, стр. 196—98.

[2]) Там же.

[3]) *Кречетович*, стр. 59.

видно, об'ясняются не истолкованием мастеровыми в свою пользу „сомнительных" статей Положения, а крайне тяжелыми условиями труда заводских крестьян вообще [1]), и в особенности крестьян заводов Пашкова [2]). К этому присоединялось то обстоятельство, что крестьянам было известно о готовившейся реформе, при чем многие рассчитывали на немедленную свободу.

В Пермской губернии на казенном Березовском заводе мастеровые стали требовать у священников и заводоуправляющего, чтобы им показали манифест, напечатанный золотыми буквами на гербовой бумаге, совершенно освобождающий их от работы. С этим же требованием они обратились и к горному начальству. Семь „зачинщиков" были арестованы, а остальные вернулись домой, поняв, что час желанной свободы еще не наступил. На Лысвенском заводе 500 мастеровых прекратили работы, требуя обещанного им увеличения заработной платы. Но через четыре дня они стали на работу, обязавшись наверстать прогульные дни. При этом они не помешали забрать „главных зачинщиков" [3]).

Возможно, что упомянутые события на горных заводах, последовавшие в связи с об'явлением манифеста, приняли более широкие размеры и более резкий характер, чем это было описано в донесениях царю. Быть может, даже не все подобные происшествия были отмечены царскими посланцами. Но при всем том эти беспорядки и в малой мере не отобразили тех экономических потрясений, которые реформа 1861 г. вызвала в жизни горнозаводских рабочих. Не в стихийном движении, не в порывистых проявлениях недовольства, а в буднях длительной борьбы за существование, в тяжелом процессе приспособления к новым условиям труда протекли первые пореформенные годы.

---

[1]) См. том I, стр. 195 и след.

[2]) *Кречетович*, стр. 57.

[3]) Госуд. совет, отделение дел гл. комитета, № 105. „Всеподданнейшие донесения флигель-ад'ютантов, свиты его величества генералов и генерал-ад'ютантов об обнародовании Положения 19 февраля 1861 г." (т. II.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРИОД КРИЗИСА

ПО ПУТИ К НОВОМУ БЫТУ

Поведение заводовладельцев. — Разделение крестьян частных заводов на мастеровых и сельских работников. — Переход к новому порядку на казенных заводах. — Затруднения при осуществлении реформы на частных заводах. — Потребность в ускоренном переходе к новому быту. — Вопрос о снабжении рабочих хлебом. — Правила о горнозаводской работе. — Льготы по рекрутской повинности. — Вопрос об артелях. — Женский труд.

аводовладельцы предвидели, что замена принудительного труда вольнонаемным повлечет за собой на первых порах перебои в горнозаводской деятельности. Тем не менее — или, быть может, именно поэтому — заводчики не поспешили в те тревожные дни к своим предприятиям. Они оставили рабочих, по словам оренбургского губернатора, на произвол заводских служащих. Оставаясь в Петербурге, заводовладельцы не бездействовали. Повидимому, под их давлением министр финансов предоставил им наметить из своей среды мировых посредников по устройству поземельных отношений между владельцами и крестьянами. Оренбургский губернатор заявил протест против того, чтобы кандидаты мировых посредников выдвигались из узкого круга заводчиков. За исключением двух заводов, принадлежавших купцам, и двух, взятых в опеку, остальные девятнадцать заводов губернии принадлежали семи семьям [1]), отчасти породнившимся,

---

[1]) Пять заводов принадлежали Бенардаки (Верхне- и Нижне-Троицкие, Узень-Ивановский, Верхне- и Нижне-Авзянопетровские); четыре — трем братьям Пашковым (Богоявленский, Воскресенский, Преображенский и Верхоторский); два — другой семье Пашковых (Белорецкий и Тирлянский); один — братьям Дашковым, племянникам Пашковых (Благовещенский); два — князьям Белосельским-Белозерским (Катав-Ивановский и Усть-Катавский); два — Сухозанет, урожденной Белосельской-Белозерской (Юрюзань-Ивановский и Минский); два — Балашовым (Симский и Миньярский); один — граф. Коссаговской (Архангельский). Купцам принадлежали Кагинский и Узянский заводы, а в опеку были взяты Шильвенский и Каноникольский. *Л. Айзенберг.* „Крестьяне на частных горных заводах в Оренб. крае“ (Архив истории труда, кн. 4-я, подстр. прим. на стр. 57).

которые должны были бы из небольшого числа своих членов избрать мировых посредников [1]).

Тем временем сорганизовавшаяся в Петербурге „комиссия оренбургских заводовладельцев", наметив в мировые посредники сыновей заводчиков, а также выдвинув из своей среды кандидатов на занятие двух мест в губернском по крестьянским делам присутствии, сообщила их имена министру финансов, рассчитывая на его утверждение. Но комиссия по пересмотру горного устава [2]) отвергла такой „семейный" порядок, напомнив, что по закону избрание мировых посредников производится всем уездным дворянским собранием. Упомянутый список кандидатов не был утвержден [3]). Горнозаводчики, как видно, не приняли участия и в разрешении многообразных вопросов, возникших при осуществлении реформы. Эта задача выпала на долю губернских присутствий.

Главное затруднение при осуществлении реформы на пермских заводах таилось в разнообразной классификации горнозаводского рабочего населения. Такие наименования, как поссессионные, мастеровые, непременные работники [4]), урочники и другие, издавна наслоившиеся, большей частью неправильно понимались. Поэтому пришлось их слить, а из'ятия, допущенные специальными правилами о горнозаводском населении, применить только к устройству его хозяйственного быта и к установлению взаимных отношений с заводовладельцами. Для организации хозяйственного быта горнозаводских крестьян была выработана уставная грамота, единая для всех. Но правила о земельных наделах имели в виду две группы рабочих — мастеровых, постоянно занятых основными работами на рудниках и заводах, и сельских работников, периодически привлекав-

---

[1]) Письмо оренбургского губернатора 24 апреля 1861 г. (6-е делопр. земского отдела мин. внутр. дел. 1861 г. дело № 2 „О приведении в действие Положения о горнозаводских людях", ч. 1-я).

[2]) В 1852 г. в целях „содействия к распространению и усовершенствованию у нас горнозаводского производства, а равно к удешевлению цен на заводские изделия" особой комиссии было велено пересмотреть горный устав. Закончив в 1854 г. рассмотрение вопроса о ввозе иностранного чугуна и железа, комиссия приступила к указанной выше основной задаче. Но ее работа еще не была завершена к 1861 г., когда крестьянская реформа создала новую обстановку, и комиссии пришлось заняться вопросами, связанными с реформою (Горный депар. Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 4 „О составлении проекта горного устава").

[3]) Архив горного департамента. Комиссия по пересмотру горного устава. 1861 г., дело № 19/9 „О раз'яснении некоторых статей дополнительных правил и т. д.".

[4]) Стремясь вести свое хозяйство исключительно при помощи закрепощенной рабочей силы, заводчики до того сгладили предоставленные непременным работникам права, что со временем нельзя было отделить непременных от крепостных, вследствие чего при реформе 1861 г. оказалось невозможным возвратить непременным работникам принадлежавший им ремонтный капитал; часть капитала непременных работников казенных заводов поступила в эмеритальный капитал горных инженеров. Ср. „Исторический очерк уральских горных заводов" (*В. Белов.* С.-Петербург, 1896 г., стр. 55).

щихся к подсобной работе. С этими последними были сравнены и подзаводские крестьяне [1]).

Разделение на мастеровых и сельских работников не всегда было проведено в соответствии с фактической обстановкой. Случалось, что не было таких мастеровых и сельских работников, которые всецело были бы заняты только соответствующими работами, но у всех было то общее, что заводская работа являлась основным источником существования, а земля служила подспорьем. Так, на десяти заводах Пермской, Вятской и Вологодской губерний (Алапаевский, Верхне-Исетский, Невьянский, Нижне-Тагильский, Ревдинский, Сысертский, Шайтанский, Омутнинский, Холуницкий и Кажимский) рабочие, в массе, не были строго обособлены в своих занятиях, а потому разделение их на две указанные группы было оформлено уже с введением уставных грамот. Горнозаводские крестьяне выражали лишь одно желание — чтобы их относили в ту или иную категорию, не раздробляя общества. Между тем, следуя закону, пришлось бы даже членов одной семьи зачислять в разные категории, что запутало бы вопрос о земельных наделах. Поэтому приходилось согласно настояниям крестьян причислять одни общества к мастеровым, другие — к сельским работникам. К тому же крестьяне так колебались в своем решении войти в ту или иную группу что вопрос, в конце-концов, разрешался мировыми посредниками. В результате, из всего населения упомянутых заводов в 81 тысячу душ — около 75 тысяч душ оказались в группе мастеровых, а всего 6.000 сельских работников (по двум заводам). Такое распределение об'ясняется отчасти и стремлением заводчиков воспользоваться тем, что мастеровые получали меньший надел, чем сельские работники [2]).

Нижеследующая таблица (см. стр. 28), относящаяся к началу семидесятых годов, дает картину сельскохозяйственного устройства населения горных заводов Пермской губернии [3]).

В Оренбургской губернии не было разделения населения на мастеровых и сельских работников, так как обычно все заводские крестьяне имели земельные участки, независимо от характера заводской работы. В виду этого на Преображенском, Воскресенском, Верхоторском, Богоявленском, Архангельском, Благовещенском и некоторых других заводах не оказалось оснований для образования двух групп [4]). Пахотные

---

[1]) Доклад от 14 сент. 1861 г. вице-директора департамента горных дел, назначенного членом пермского присутствия от горного ведомства (6-е делопр. земск. отдела мин. внутр. дел 1861 г. дело № 2. „О приведении в действие Положения о горнозаводских людях", ч. 1-я).

[2]) *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. 1-я (1913 г.), стр. 426—27.— Записки министров финансов и внутр. дел от 16 декабря 1867 г. (6-е делопр. земск. отдела мин. вн. дел 1862 г., дело № 6 „Об устройстве населения горных заводов и о мерах к обеспечению заводского населения", ч. 2-я).

[3]) *Лященко,* стр. 455.

[4]) Письмо оренбургского губернатора от 10 апреля 1861 г. (упомянутое дело 6-го делопр., 1861 г. № 2, ч. 1-я).

Земельный надел	Частные заводы	Казенные заводы	Состояние сельского хозяйства
	Число душ	Число душ	
Всего населения	147.600	45.500	
Из них:			
а) Не получили земли	10.000		
Получили:			
б) Менее одной десятины	56.800	23.700	Без хозяйства
в) 1 — $1^1/_2$ дес.	22.400	15.500	„ „
г) $1^1/_2$ — 2 „	24.300	3.200	„ „
д) 2 — 3 „	13.800	3.200	Небольш. хоз.
е) Более 3 „	13.200	4.700	Нормальн. хоз.

наделы и покосы имели также Белорецкий, Тирлянский, Катав-Ивановский, Симский, Миньярский и Юрюзанский. Но заводы Кагинский и Узянский, Верхне и Нижне Авзянопетровские, Каноникольский, Шильвенский, Троицкий и Усень-Ивановский не имели пахотных наделов. Первые пять из этих заводов, состоя на частном и поссессионном праве, снабдили население небольшими покосами (Троицкий и Усень-Ивановский давали сверх того по $^1/_8$ десятины для посева льна и огорода, а на Шильвенском не было даже покосов[1]). Вообще, оренбургские заводы обладали скромными земельными угодьями и это подчеркивается тем, что заводы находились в районе, где земельный надел негорнозаводских крестьян колебался в пределах от $4^1/_2$ до 6 десятин на душу.

В результате по оренбургским заводам состоялось следующее (см. таблицу на стр. 29) распределение горнозаводского населения: в сельские работники записалось население заводов: 1) Благовещенского, 2) Верхоторского, 3) Воскресенского и 4) Богоявленского — всего 11.379 чел.; в состав мастеровых зачислилось население заводов: 5) Симского, 6) Миньярского, 7) Катав-Ивановского, 8) Верх-Катавского (Усть-Катавского), 9) Юрюзанского, 10) Минского, 11) Каноникольского 12) Шильвенского, 13) Кагинского, 14) Узянского, 15—16) Верхне и Нижне Авзянопетровских, 17) Белорецкого, 18) Тирлянского, 19) Преображенского, 20) Архангельского, 21) Троицких, 22) Усень-Ивановского— всего 35.991 чел.

Все мастеровые заводов №№ 5—16 и небольшое число их на Тирлянском и Белорецком заводах (№№ 17 и 18), в числе 24.817, получили усадьбы в дар и этим самым они прекратили свои обязательные отно-

[1]) Упомянутое дело комиссии по пересмотру горного устава № 19/9 (журнал от 7 июля 1861 г.).

Земельное обеспечение оренбургских заводов[1])

Заводы	На душу в десят.		Заводы	На душу в десят.	
	Пашни	Покосы		Пашни	Покосы
1) Благовещенский . . .	1,9	2,8	12) Шильвенский . . .	0	0
2) Верхоторский	2,7	3,4	13—14) Кагинский и Узянский	0	0
3) Воскресенский . . .	нет	свед.	15—16) Авзянопетровские .	0	1,9
4) Богоявленский . . .	нет	свед.	17—18) Белорецкий и Тирлянский	2,1	1,4
5—6) Симский и Миньярский	1,8	2,9	19) Преображенский . .	5,1	5,8
7—8) Катав-Ивановский и Усть-Катавский . .	0,99	5,1	20) Архангельский . . .	1,8	1,9
9—10) Юрюзанский и Минский	1,3	4,1	21) Троицкие	0,35	2,3
11) Каноникольский .	0	0	22) Усень-Ивановский .	0,2	4,9

шения к владельцам. Прочие мастеровые — 11.174—перешли на оброк за пользование усадьбой[2]).

Для подзаводских крестьян Оренбургской губернии, в отличие от Пермской, не было установлено особых правил, так как они были приравнены к помещичьим крестьянам. Однако, этот порядок вскоре потребовал пересмотра. Контора Благовещенского завода усомнилась, на каких основаниях может она принять в свое ведение крестьян двух слобод, работавших на рудниках и заводах в качестве подзаводских. Губернское присутствие нашло, что эти крестьяне должны быть сравнены с прочими людьми, приписанными к частным заводом, и что поэтому они пользуются существенным в то время правом не отправляться против своей воли на дальние рудничные работы в страдную пору[3]). Такой порядок был распространен на всех подзаводских крестьян Оренбургской губернии[4]).

Разделением уральского горнозаводского населения на мастеровых и сельских работников, по словам заводчика Дашкова, были нарушены два начала, намечавшиеся крестьянской реформой: не допускать обеззе-

[1]) *Л. Айзенберг*, „К трагедии горнозаводских крестьян в Оренб. крае“ (Архив истории труда, кн. 6—7, подстр. прим. на стр. 138).

[2]) Отчеты оренбургского губернатора за 1862 и 1863 гг. (Архив госуд. совета, отделение дел по устройству сельского состояния). В отчете за 1864 г. указаны несколько иные цифры (разница в одну-другую сотню).

[3]) Постановление оренб. присутствия от 22 апр. 1861 г. (упомянутое дело 6-го делопр., 1861 г., № 2, ч. 1-я).

[4]) См. переписку в том же деле 6-го делопр. 1861 г. № 2, ч. 1-я, особенно—письмо мин. вн. дел от 30 июня 1861 г.

меления рабочих и не вводить издельной повинности на заводах. Оказалось, что люди, имевшие землю, могли лишиться ее припиской в мастеровые, а работы заводские подводились под урочное положение и отбывались обществом за круговой порукой [1]). Можно указать, в виде иллюстрации, что мастеровые Кыштымских заводов (Пермской губ.), имевшие большие пахотные наделы, должны были, согласно Положению 19 февраля, отказаться от части земли, так как их земли по размеру превышали норму высшего душевого надела для прочих крестьян данной местности [2]). Впрочем, случалось и нечто противоположное: мастеровые Шаквинского завода (Пермской губ.) получили наделы от 4 дес. 1.000 саж. до $5^1/_2$ дес., хотя сами не занимались хлебопашеством, а обрабатывали землю наемными работниками [3]).

На казенных заводах, по данным горного ведомства [4]), в 1859 г. мужское население было представлено в следующих цифрах:

Округа	Нижние и рабочие чины	Сельские работники (бывш. урочники)	Всего
Богословский	8.328	—	8.328
Гороблагодатский . .	17.062	1.282	18.344
Екатеринбургский . .	13.086	—	13.086
Златоустовский . . .	21.933	—	21.933
Воткинский	6.470	8.585	15.055
Пермский	7.104	1.929	9.033
Всего . . .	73.983	11.796	85.779

На казенных заводах освобождение населения от обязательного труда происходило частями, начиная с более старых рабочих [5]). Например, по Златоустовскому горному округу оно состоялось следующим образом [6]): в 1861 г. были уволены прослужившие не менее 20 лет — 2.236 чел. (в их семьях 5.260 мальчиков, всего 7.496), в 1862 г. ушли прослужившие от 15 лет — 1.664 чел. (3.071 малолетних, всего 4.735),

---

[1]) Из записки Дашкова, относящейся к 1868 г. (6-е делопр. земск. отд., 1862 г. дело № 9816, ч. 2-я).

[2]) Донесение члена пермского присутствия Лонгинова от 14 сент. 1861 г. (6-е делопр., 1861 г., дело № 2, ч. 1-я).

[3]) Горный деп., 3 отд. 2 ст. 1863 г., д. № 739/21 „О распространении на мастеровых Шаквинских заводов льгот 3 дек. 1862 г.“.

[4]) Указанное выше дело 6-го делопр., земск. отдел. 1862 г. № 6 „Об устройстве быта населения горных заводов и т. д.“, ч. 2-я. Ср. с цифрами, приведенными в первой главе, стр. 17.

[5]) Об устройстве обществ и общественного управления населения казенных заводов (а также кабинетских) — см. Второе собр. закон., № 39043.

[6]) *В. Боков.* Освобождение горного населения Урала от обязательного труда „Русский Архив“, 1916 г., кн. 1—3).

в 1863 г. прекратили принудительную работу остальные 6.026 (3.882 малолетних, всего 9.908).

На некоторых казенных заводах из-за разделения населения на мастеровых и сельских работников произошли замешательства. Так, на Серебрянском заводе крестьяне записывались, имея слабое представление о фактическом положении. Многие записавшиеся в сельские работники, состоя в действительности мастеровыми, стали позже добиваться перевода в мастеровые в виду предоставленных последним льгот. На Кушвинском заводе записались в сельские работники только 360 человек, хотя там было до 2.000 конных урядников, для которых в сущности и было предназначено звание сельских работников. Это произошло благодаря распространившемуся опасению, что сельских работников заставят заниматься хлебопашеством, хотя бы они и не были земледельцами. В других же местностях, как мы увидим, крестьяне боялись записываться в мастеровые.

Почувствовав „свободу", порою еще не успев отдать себе отчет в окружающей экономической обстановке и в своих силах, многие рабочие стали или отказываться от горнозаводской работы, или же требовать очень высокой платы. Так было в Златоустовском округе, где заводоуправление, чтобы понизить плату, искусственно обостряло конкуренцию, призывая на работу государственных крестьян из окрестных селений или же сокращая действие завода.

На казенных Миясских золотых промыслах первоначально нехватало рук. Промысловое управление не могло найти рабочих, даже платя втрое и более, чем раньше. Приведенные издалека 2.000 башкир плохо работали и не соглашались на задельную плату, требуя поденной [1]). На казенных золотых Березовских россыпях число рабочих до того уменьшилось, что работа производилась только в течение пяти месяцев в году. Рабочие отказывались от заключения контрактов и уходили. Это тянулось долгие годы. Летом 1867 года ушли 800 лучших рабочих с одного Березовского завода. Подобные неурядицы об'яснялись отчасти отливом рабочих на старательские работы. Однако, на частных золотых промыслах подобные замешательства не принимали столь резкой формы [2]).

Вопрос о рабочей силе обострился в местностях с неблагоприятными климатическими условиями. Например, в Богословском округе из 10.000 чел. обоего пола ушли до 3.000 мужчин, т.-е. около трех четвертей мужской рабочей силы. Многие покинули заводы еще до срока увольнения В 1861—63 годах уход принял здесь такую стремительность, что дома с огородами нередко просто покидались. Остались только старики да женщины с детьми, лишенные всяких источников существования. Естественно, что привлечение сюда свежих рабочих обходилось очень дорого. Описанное явление на Богословских заводах об'ясняется тем, что они

---

[1]) Договоры заключали башкирские начальники, чтобы трудом на промыслах башкиры отработали подати и недоимки.

[2]) *В. Безобразов.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов (1869 г.), стр. 69 и др., 54 и сл. 59, 150, 238—39.

обслуживались почти исключительно ссыльными и вообще лицами, присланными сюда в виде наказания с других горных заводов, не исключая и частных[1]).

В виду перехода казенных заводов к вольнонаемному труду, заводоуправления поспешили составить правила внутреннего распорядка, определить приблизительный размер вознаграждения и разработать производственные планы применительно к новому хозяйственному укладу. При разнообразии условий в деле снабжения заводов рабочей силой и при изменчивой обстановке самой работы черты рабочего быта являли собою крайнюю пестроту. Здесь приходится ограничиться несколькими штрихами.

На Каменском заводе (Екатеринбурского округа) были следующим образом определены основные условия труда [2]):

Мастер обязан разведывать рудные месторождения, наблюдать за правильным ведением работы и надлежащим креплением выработок. Он назначал уроки рабочим, наблюдал за выполнением их, следил за рудничным устройством и за поведением рабочих, должен был обходиться с рабочими кротко, выслушивать их жалобы. Уроки назначались по урочному положению 1843 г. и штатам 1847 г., а также по опыту прошлых лет. Жалованье мастера — 150 р. в год.

Ученик или подмастер обязывался помогать во всем мастеру и в случае нужды заменять его. Он должен был преимущественно наблюдать за добычею руды, принимать работы от рабочих и показывать им, как надо производить работу. Жалованье — 120 р. в год.

Добыча руд производилась артелями, число членов которых определялось мастером. Вместо урочной работы допускалась и сдельная — за тысячу пудов добытой на поверхность руды полагалось до 8 рублей. При жалованьи на каждую тысячу пудов уплачивалось по 2 р. 50 коп. за припасы и инструменты (бревна, свечи, порох, канат, тачки, бадьи, кайлы и т. д.). Поправка инструментов производилась за казенный счет, но материал доставлялся артелью.

Работы на рудниках производились от 5 ч. утра до 5 ч. вечера, включая два часа на завтрак, обед и отдых (в другом месте указано от 6 ч. до 6 ч.). За сверхурочные работы уплачивалось в соответствии с поденным уроком и поденной платою. Вспомогательные рабочие получали от 25 до 35 к. в день. В праздничные дни (90 дней в году) работа не была обязательной.

Женщины, не моложе 15 лет, могли быть допускаемы к работе при изготовлении кирпича, разбивке руды, забивке свай, перевозке и пр. Плата за поденщину — 20 копеек.

Малолеты не моложе 12 лет допускались к работам при чистке котлов и выборке чугуна из шлаков. За поденщину — 15 коп. На перм-

[1]) В 1861 г. здесь находилось 80 человек с частных заводов, присланных „для исправления“ по распоряжению заводчиков. По отмене принудительного труда возникло опасение вернуть их на старые места, чтобы они не вызвали в рабочих вражды к заводчикам (архив горного деп., дело комиссии по пересмотру горного устава, № 40/27).

[2]) Горный деп. Дело комиссии по пересмотру горного устава, № 21/47, том II, стр. 70 и след.

ских заводах, как мы увидим ниже, подростков брали и на рудничную работу в качестве катальщиков.

Женщины и дети нанимались по словесным условиям, без контрактов, обязательных для мужчин-рабочих.

На пермских заводах [1]), между прочим, были точно определены условия работы кайловщиков и катальщиков.

Кайловщик был обязан, взяв с собой котомку, отправиться на тот рудник, куда его посылали. При откомандировании на дальний рудник (куда отправлялись на две и даже четыре недели, откуда, во избежание излишних переходов, запрещалось уходить каждую субботу),— котомки сдавались возчику, нанимаемому специально для подвозки котомок и разных припасов. На таких отдаленных рудниках рабочим дозволялось работать в воскресенье и праздничные дни. Твердо установленного вознаграждения за эту работу, как видно, не было. Уроки задавались по особой таблице в зависимости от качества породы. Кайловщик должен был уметь различать степень твердости пород, чтобы в случае неправильности урока — принести жалобу. При очистке забоя к концу недели он делал у самого забоя вверху и внизу копушки, чтобы не потерять из виду руды. Кайловщик забивался вперед (т.-е. делал вруб в середине забоя с тем, чтобы потом удобнее и легче спустить верх): в твердых породах — не более 12 вершков, в полутвердых — не более 8, в мягких — не более 4, а в трещиноватых забоях и менее. Если замечалась трещина, то, подрабатывая забой, кайловщик до установки коренного переклада ставил так называемую жуверку, а когда совершенно очистит забой, то употреблял ее вместо настоящего подстава. Крепь кайловщик приготовлял сам в обеденное время. В забоях рудных кайловщик должен был тщательно отделить руду от пустой породы и рассортировать ее на собственно руду, разбор и пустую породу.

Катальщик получал от нарядчика тачку или „собаку“ (вагонетку), смотря по способу откатки, т.-е. простому или венгерскому, а также лопату, свечу и подсвечник. Урок зависел от расстояния откатки. Применительно к полутвердой породе и к 20-саженному расстоянию забоев от шахты, назначался один катальщик для уборки пород, добытых двумя кайловщиками. Кайловщик в день добывал (при выработке в 10 четв. высоты и 12 ширины) 1 четв. и $2^1/_2$ вершка погонной меры, т.-е. 144 пуда. При двух забоях в один день получалось всего 288 пудов. Между тем катальщик должен был откатить в один день 98 тачек весом в 294 пуда, т.-е. более на 6 пудов. Для откатки пород от твердых забоев при том же расстоянии один катальщик назначался к четырем кайловщикам, потому что при твердых породах четыре кайловщика в один день добывали каждый по 88 пудов породы, всего 352 пуда, а катальщик убирал 294 пуда. Прочие 58 пуд. оставлялись для откатки подростками, „исподволь приучаемыми к полным работам“. При мягкой породе кайловщик добывал в день 158 пудов; здесь один катальщик назначался откатывать добычу двух кайловщиков — 316 пудов, из коих

[1]) То же дело, том III.

22 пуда оставлялись для подростков. С увеличением расстояния соответственно уменьшался урок откатки. При употреблении венгерских шестипудовых „собак" назначались уроки, почти вдвое большие.

Из нижеприводимой таблицы по Каменскому заводу видно, сколько рабочих в разных грунтах должны были выработать данное количество пудов руды (1 кв. сажень руды), и какая им полагалась поденная плата.

Категории рабочих	Число поденщин			Плата поденная в копейках
	Твердая порода 1.000 пудов руды	Средний грунт 1.200 пудов руды	Слабая порода 1.800 пудов руды	
Копщики	15	10	6	35
Катальщики	3	3	3	25
Под'емщики	3	3	3	25
Нагребщики и севальщики	4	4	3	30
Поденщин . . .	25	20	15	—

Нижеследующая таблица устанавливает взаимоотношение между уроком, уровнем платы и отдаленностью рудника при различном качестве породы и различной вышине штольни (ширина штольни всюду 12 четв.).

Плата кайловщику

Рабочих дней	Вышина штольни				Выработанное пространство		Руды и породы, полагая в 1 куб. сажени 1.260 пуд.		Плата при расстоянии от завода					
	10		8						От 1 до 15 верст		От 15 до 20 верст		От 20 до 30 верст	
	Четв.	Верш.	Четв.	Верш.	Саж.	Четв.	Тачек	Пудов	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
I. По твердой породе. Урок: 17 кв. саж. и 624 кв. четв.														
1	1	—	1	1	—	120	29	87	—	27	—	27	—	28
250	232	2	340	—	17	624	7.250	21.750	67	50	68	75	70	—
II. По полутвердой породе. Урок: 22 кв. саж. и 1234 кв. четв.														
1	1	$1^1/_4$	1	$2^1/_2$	—	157	38	114	Та же плата					
250	325	—	406	1	22	1.234	9.500	28.500						
III. По мягкой породе. Урок: 31 кв. саж. и 682 кв. четв.														
1	1	$3^1/_4$	2	1	—	217	$52^2/_3$	158	Та же плата					
250	450	—	562	2	31	682	13.166	39.500						

Примечание. При добывании руды в расстоянии от 20 до 30 верст задельная плата, в сложности из трех пород, за одну куб. сажень —3 р. 18 к.

Если сложить урок всех трех пород, то получится 71 кв. саж. и 812 четв., которые при разделении на три, для получения средней выработки, дадут 23 саж. и 1422 четв. Эти уроки исполнялись с 1827 года.

IV

Как и следовало ожидать, при практическом осуществлении реформы 1861 г. на частных заводах встретились разнообразные затруднения.

На оренбургских частных заводах остро сказался вопрос о запрещении принудительной посылки людей на работы в расстоянии более 25 верст в страдную пору. Считая это постановление вошедшим в силу тотчас по обнародовании манифеста 19 февраля, крестьяне начали уходить с рудников [1]). Заводчики же старались отсрочить его введение, говоря, что иначе все рабочие уйдут с рудников, как занимающиеся земледелием, между тем, именно с мая по сентябрь — лучшее время для рудничных работ. Местные власти считали необходимым тотчас ввести указанное правило, поясняя, что некоторые рудники расположены в расстоянии до 350 верст, что крайне тягостно для крестьян. Этому, впрочем, пытался воспротивиться оренбургский и самарский генерал-губернатор Безак, требуя, чтобы до введения уставных грамот крестьяне попрежнему повиновались заводчикам, при чем он готов был дополнительно прислать одну-две роты. Заводчики возымели надежду, что и петербургские власти склонятся на их сторону. Но последовало раз'яснение, что принудительная отправка рабочих на дальние работы должна быть немедленно прекращена [2]).

Оренбургский губернатор в отчете за 1861 г. сообщал, что оставление рабочими рудников нанесло значительные убытки заводчикам. Однако при этом он отметил, что „состояние рудников большею частью не соответствовало правилам горного устава", что „если бы заводовладельцы исполнили во-время свои обязанности относительно крестьян, то не понесли бы таких убытков, какие потерпели".

По давнему правилу, фактически не исполнявшемуся, только половина крестьян могла одновременно наряжаться на заводские работы. Прочих следовало оставлять при сельских занятиях [3]). После реформы 1861 г. было потребовано, чтобы это правило соблюдалось впредь до введения уставных грамот. Вместе с тем было раз'яснено, что порядок работ, которые по своей сложности не допускают изменения состава рабочих, определяется каждым заводом в отдельности. В этом случае за работников, непрерывно занятых на заводе, рабочие дни могут быть зачитываемы другим членам того же семейства [4]).

Весьма важным являлся вопрос о разборе жалоб крестьян на заводовладельцев. Еще в 1845 году состоялось следующее распоряжение. Первая жалоба горнозаводских крестьян, как бы она ни была основательна, не удовлетворяется непосредственно, она приводит лишь к тому, что власти напоминают заводовладельцу об его обязанностях по отношению к рабочим. Только повторная жалоба, если ее и признают вполне справедливой, позволяла властям вмешаться в дело данного предприятия.

---

[1]) См. 1-ю главу, стр. 23.

[2]) Упомянутое дело 6-го делопр. 1861 г. № 2, ч. 1-я.— Дело комиссии по пересмотру горного устава № 19/9. — Ср. *Л. Айзенберг.* Крестьяне на частных горных заводах. („Архив истории труда в России", кн. 4-я).

[3]) Статьи 395 и 487 горного устава. Свод законов, т. VII, изд. 1842 г.

[4]) Постановление комиссии по пересмотру горного устава от 7 июля 1861 г. (дело комиссии № 19/9).—Письмо министра внутр. дел от 25 ноября 1861 г. (в том же деле).

При этом распоряжение последовало в секретном порядке, чтобы среди крестьян не возникли „превратные толки". Иначе говоря, крестьяне не должны были знать о том, что вторичная жалоба может оказаться плодотворной, дабы они не стали прибегать к этому средству [1]). Эта тенденция сказалась и на Положении 19 февраля 1861 г. Оно предусматривало случаи, когда „возникающие между заводовладельцами и заводскими людьми несогласия имеют отношение к горнозаводскому делу". Тут, как думается, речь шла только о недоразумениях, связанных с техническими условиями горнозаводского труда. Что касается жалоб по поводу заработной платы, провианта и др., то они были обойдены в Положении. И лишь тогда, когда жизнь показала, что заводчики безнаказанно игнорируют самые насущные нужды горнорабочих, было постановлено рассматривать их жалобы в мировых инстанциях [2]).

Различные неполадки на горных заводах побуждали местную власть добиваться того, чтобы старый быт горнозаводского населения возможно скорее сменился новым. В этих видах власти хлопотали о более быстром введении уставных грамот и о немедленном уничтожении принудительного труда путем замены барщины денежным оброком за землю, хотя трехлетний период для перехода с издельной повинности на денежную был введен в интересах заводовладельцев: боясь лишиться рабочей силы, они настаивали на обеспечении таким путем заводов барщиной хотя бы на первое время. С другой стороны, возникла мысль о разрешении заводовладельцу, вопреки воле крестьян, в интересах завода, переводить их на денежную повинность до срока. Эта мера, носившая в отношении крестьян принудительный характер, была отвергнута высшими инстанциями. Вместе с тем, ввиду того, что 15 ~~марта 1862~~ г. должен был, согласно закону, начаться перевод одной трети рабочих с барщины на оброк, было признано ненужным п р и н у д и т е л ь н о е ускорение перехода остальных двух третей рабочих, это предоставлялось соглашению мастеровых с заводчиками. Однако, чтобы поощрить переход с барщины на оброк, было раз'яснено: если мастеровые окажутся не в состоянии выплатить оброк, пусть это их не тревожит, так как они имеют право отработать свою недоимку в рудничных и заводских работах по ценам вольнонаемных рабочих [3]).

---

[1]) Журнал XX заседания комитета министров 22 мая 1845 г. (№ 994), утвержденный 2 июня, и приложение к нему: записка министра юстиции от 16 мая 1845 г.

[2]) Ответ гл. начальника уральских заводов Фелькнера от 5 августа 1861 г. на письмо министра финансов от 24 июня (Горный депар., 3 отд., 2 ст., 1861 г., дело № 1/7 „О принятии мер к устройству быта горнозаводск. крестьян и т. д.").—§ 41 „дополнительных правил о людях частных заводов" 19 февраля 1861 г.—Цитир. журн. комиссии 7 июля 1861 г. и в одном деле с ним письмо министра внутр. дел министру финансов от 25 ноября 1861 г. См. также: Второе собр. зак., № 37646.

Отметим, что вопрос о праздничном отдыхе был разрешен след. образом: работа на рудниках в праздничные дни не может быть обязательной; обязательность допускается только на плавильной работе. См. архив] мин. вн. дел, 6-е делопр. зем. отдела, 1862 г. дело № 2. *Айзенберг.* Крестьяне на част. горн. заводах (Архив истории труда, кн. 4-я).

[3]) Упомянутые журналы комиссии по пересмотру горного устава 7 июля 1861 г. и письмо мин. вн. дел от 25 ноября 1861.— Журн. главного комитета, утвержд. 18 ноября 1861 г.

Необходимо остановиться на вопросе о снабжении горнозаводского населения хлебом. Заводчики обязаны были иметь не менее годового запаса провианта для всех рабочих. Это старинное правило [1]) оправдывалось тем, что горнозаводские районы были удалены от хлебных рынков. Но отсутствие у заводчиков достаточных средств, чтобы держать запасы сильно вздорожавшего хлеба, а вместе с тем развивавшаяся постепенно торговля в крае, побудили администрацию истолковать старый закон в том смысле, что заводчик обязан иметь запас лишь „по мере действительной надобности". Вследствие этого, в местностях, где производилась хлебная торговля, запасов почти не заготовлялось [2]). Положение же 1861 г. сохранило в силе старый закон, при чем рабочий мог или покупать хлеб на стороне, или требовать его от заводчиков по себестоимости. При таком условии заводчики, боясь, что заготовленный ими запас хлеба не будет куплен рабочими, уклонялись от выполнения закона в виду дороговизны хлеба и вообще хозяйственного кризиса на горных заводах [3]).

Главный начальник уральских горных заводов Фелькнер донес (3 августа 1861 г.), что дороговизна жизни последних трех лет поставила многих заводчиков в тяжелое положение в отношении выдачи заработной платы и провианта, а некоторых из них совершенно истощила. Поэтому надо оказывать заводчикам помощь хотя бы для покупки хлеба. По Оренбургской, Пермской и Вятской губерниям для прокормления горнозаводского населения нехватало до 670 тысяч пудов хлеба [4]). Исклю-

---

[1]) В 1840 г. был издан закон о снабжении рабочих хлебом (см. том первый настоящей книги, стр. 191). В 1845 г. комитет министров обязал заводчиков: если они не хотят давать безденежно хлеб крестьянам, не имеющим достаточного земледелия, то должны снабжать их пайком по умеренным ценам, утвержденным горным ведомством, если же они отказываются давать хлеб натурой, то урочная и поденная плата должна быть повышена по мере вздорожания хлеба. Но так как это секретное постановление было известно одним лишь заводоуправлениям, то, конечно, не проводилось в жизнь. (Журнал комитета министров 22 мая 1845 г., утвержденный 2 июня 1845 г.)

[2]) Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. XIII, ч. 4-я, стр 10.

[3]) На Кыштымском заводе с 1861 года хлебный запас не заготовлялся, и к маю 1862 г. оставалось около 14 тыс. пудов при 8.300 душах населения; из указанного остатка в течение четырех лет мастеровыми было куплено всего 4.800 пудов, и то потому, что вместо $72^3/_4$ коп. (себестоимость) хлеб был отпущен по $18^3/_4$ коп. за пуд. На Каслинском заводе при населении в 7.700 душ в течение четырех лет ни один пуд не был куплен. (Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. XIII, ч. 4-я, стр. 63).

[4]) Цены на хлеб в середине 1861 г. в копейках за пуд на заводах:

Пермская губерния		Вятская губерния	
Уинский	50	По всем заводам	60
Ревдинский	$86^1/_2$	Оренбургская губерния	
Кнауфские	$70^1/_2$	Каноникольский	$79^1/_2$
Суксунские	68	Шильвенский	37
Сергинские	81	Кагинский	90
Пожевский	70		
Промыслы	170		

чив заводчиков, могущих обойтись собственными средствами, оставалось до 375 тысяч пудов. Помочь заводчикам можно было бы двумя способами — или выдачей казенной ссуды или пополнением заводских хлебных запасов из магазинов государственных крестьян за счет особых продовольственных капиталов. Но все это оказалось практически неосуществимым [1]). Между тем, во второй половине 1862 г. положение мастеровых, не обеспеченных землей, до того обострилось, что для предотвращения голода пришлось обратиться к казенной заготовке хлеба для них.

В эти тяжелые дни пермское присутствие (в конце 1862 г.) предложило принудить заводчиков иметь запасы. Осуществление этой меры, независимо от дороговизны хлеба и истощения денежных средств у заводчиков, должно было затрудниться тем, что к мерам принуждения могло прибегнуть только гражданское начальство, так как горная полиция была упразднена [2]). Поэтому губернской власти было поручено надзирать за хлебными запасами и побуждать заводчиков к заготовке запасов, действуя в последнем случае по соглашению с горным правлением [3]). Жалобы на невыдачу провианта рассматривались мировым посредником.

Законом 19 февраля 1861 г. было предусмотрено издание правил о порядке найма и увольнения рабочих, о заработной плате, об ответственности и подчиненности во время работ, о призрении нищих и т. д. с тем, чтобы на каждом предприятии правила, с утверждения горного ведомства, были детализированы в зависимости от местных обстоятельств. При составлении правил возник вопрос, не следует ли ввести на частных горных заводах тот порядок, который был установлен на казенных [4]).

Заводовладельцы выразили желание, чтобы их совершенно освободили от обязательных отношений к рабочим, чтобы заводоуправления и рабочие с полной свободой вступали в соглашение, так как никакие детальные условия не могут быть постоянными, завися от различных обстоятельств на данном предприятии: материальных средств, способов производства работ, технической обстановки и т. д.; твердые условия только тогда можно будет установить, когда с течением времени исчез-

---

[1]) Цитированное выше сообщение Лонгинова от 14 сентября 1861 г.— Горный деп., отд. 2, ст. 2, 1861 г., дело № 18 „Относительно заготовления провианта на уральских частных заводах".

[2]) При осуществлении реформы 1861 г. раздались голоса об упразднении должности заводских исправников. Калужский губернатор указал, что они получают жалованье от заводчиков, а потому не относятся беспристрастно к крестьянам. Вообще, с отменой обязательного труда, их функции были ограничены техническим надзором. Указанное дело 6-е делопр. 1861 г., № 2, ч. 1-я: письмо калужского губернатора от 28 мая 1861 г. и министра финансов министру вн. дел от 21 декабря 1861 г.

[3]) 6-е делопр. земск. отдела мин. вн. дел, 1863 г. дело № 3 „О наблюдении за запасами продовольствия на частных горных заводах".— Горный деп., 3 отд., 2 ст., 1862 г., дело № 17/769 „О приостановлении сбора податей с зав. мастеровых Пермской и Вятской губерний и вообще об оказании пособия горнозав. крестьянам Пермской губернии" (письмо министра вн. дел. 6 марта 1863 г. и ответ министра финансов).

[4]) Положение 8 марта 1861 г.

нет недоверие рабочих к заводоуправлению. Однако, пермский губернатор заявил, что нельзя, в интересах рабочих, оставить без контроля заключение договоров. Во избежание недоразумений и споров надо определить: с каких лет, в какие работы и на какое время могут быть употреблены малолеты; какие именно условия должны быть обозначаемы с точностью в договорах. Вместе с тем „для упрочения связи между заводами и рабочими" необходимо создать горнозаводские товарищества, как это было на казенных заводах.

В связи с разработкой указанных правил был рассмотрен и вопрос о рекрутчине. Для того, чтобы удержать мастеровых на горной работе, было установлено (на ближайшие десять лет) безвозмездное освобождение от рекрутчины (помимо освобождения за триста рублей) мастеровых, особенно нужных предприятию. Это те мастеровые, которые заключили договор на новое трехлетие и безвозмездно получили усадьбы [1]). Льгота была включена в число тех правил, которыми предполагалось прочно организовать горнозаводскую работу.

Правила о горнозаводской работе, утвержденные 4 июня 1862 г. [2]), свелись в основных чертах к следующему:

1) Поступающие в работы разделяются на мастеровых и рабочих: мастеровые выполняют технические заводские или рудничные работы, требующие известного знания и навыка, а рабочие выполняют вспомогательные работы. Мастеровым предоставляются льготы по рекрутской повинности [3]).

2) Мастеровые и рабочие могут заниматься по одиночке, артелями и обществами, и принимать на себя работы подрядом.

3) Дети моложе 12 лет не могут быть принимаемы в рудничные работы. Малолеты от 12 лет до 18 лет могут быть занимаемы только с согласия родителей, при чем малолеты моложе 15 лет употребляются в работе не более 8 часов в сутки, и не иначе, как днем и на поверхности.

4) В условиях должны быть обозначаемы: род, время и место работ, с показанием числа рабочих дней в году и рабочих часов в день; плата окладная, в виде жалованья, или задельная; порядок подчиненности на заводе порядок расчетов; взыскания и штрафы как за неисправность работ, так за убытки или вред, причиненные заводу (в последнем случае применительно к казенным заводам); неустойка при нарушении условий; случаи, когда условия могут быть изменяемы (например, при непредвиденном уменьшении или прекращении работ) и вовсе уничтожаемы до срока.

---

[1]) § 40 „Дополнительных правил".

[2]) Комиссия по пересмотру горного устава, дело № 18 (1861 г.) „О составлении дополнительных правил для населения частных горных заводов". Письмо министра внутренних дел от 2 ноября 1861 г., записка комиссии от 25 янв. 1862 г. и др. документы этого дела. Правила были опубликованы сенатским указом 23 июня 1862 г. (Второе собр. зак., № 38339). См. также: Архив госуд. совета по отделению дел об устройстве сельского состояния, 1862 г., дело № 23 „Об установлении правил для найма рабочих людей и о льготах, предоставляемых мастеровым по рекрутской повинности".— Горный департамент — по описи № 121, 1861 г., дело № 47/21 „Составление правил о найме рабочих" (по округам). Приведенные выше правила были присоединены к § 39 дополнит. правил о приписанных к частным горн. заводам людях по продолжению 1863 г.

[3]) См. выше, стр. 13, § 9.

5) Мастеровые и рабочие вносятся в списки завода, которые при рекрутских наборах служат основанием для определения того, кто имеет право на льготы по рекрутчине.

6) Наниматель выдает каждому мастеровому и рабочему рабочую книжку, в которой вписываются работа, для которой он нанят, срок и главные условия найма; отмечаются денежная выдача, вычеты и окончательный расчет.

7) На заводах могут быть учреждены горнозаводские товарищества, которые имеют целью попечение о рабочих в болезни, старости и при домашних несчастиях, призрение вдов и сирот, разбор возникающих по работам несогласий. Учреждение товариществ предоставляется соглашению заводовладельцев и работающих людей (председатель попечительного горнозаводского приказа назначается заводовладельцем).

8) При отсутствии горнозаводского товарищества существующие заводские больницы содержатся на счет заводовладельца с предоставлением ему права взимать с больных плату. Больных, получивших увечье и другие повреждения на заводских или рудничных работах, заводы обязаны содержать на свой счет до выздоровления.

Вопрос о рекрутчине был окончательно разрешен в том смысле, что льгота предоставляется только тем рабочим, которые еще до 19 февраля 1861 г., состоя на горных заводах, пользовались ею[1]). Таким образом, рекрутской льготой имелось в виду удержать на заводе более опытных рабочих, а вовсе не приманить новых. И это естественно, так как рабочие руки на многих предприятиях оказались в избытке, а поэтому важным представлялось лишь сохранение на горных работах более квалифицированных мастеровых. В цикле работ, предоставлявших право на рекрутскую льготу, значились: бурение и кайлование; добыча руд и пород; крепление рудничных выработок; под'ем и откатка руд; отливка воды и другие работы в рудниках; обогащение руд и установка обогатительных машин; промывка золотоносных песков; устройство золотопромывальных машин и управление ими. Что касается количества рабочих, подлежащих на каждом заводе освобождению от рекрутчины, то его нельзя было заранее определить, в виду наличия разнообразных паровых и технических сил, меняющих соотношение между производительностью завода и численностью рабочих. Поэтому было установлено одно лишь правило — принимать во внимание время поступления рабочего на работу, дающую льготу[2]). И сельский работник, наравне с прочими, освобождался от рекрутчины, если он выполнял технические работы.

При проверке списков „льготных" рабочих, составленных заводовладельцами, обнаружилось, что заводчики предоставляли освобождение от рекрутчины таким рабочим, которые по своей квалификации не имели на это права. Можно полагать, что заводчики хотели воспользоваться рекрутской льготой, чтобы держать ею в послушании рабочих, давая ее по своему усмотрению. Впрочем, так как в декабре 1862 г. рекрутская

---

[1]) Архив государствен. совета, указанное дело 1862 г. № 23. Второе собр. зак. № 38653 (10 сентября 1862 г.).

[2]) Журн. комиссии по пересмотру горного устава от 13 марта 1862 г. (утвержд. 17 марта).

льгота была предоставлена на шесть лет широким кругам рабочих, то составление списков было отсрочено [1]).

Правила о рабочих на частных заводах не вполне совпадали с Положением о рабочих на казенных заводах. И в одном случае такое расхождение коснулось важнейшего момента рабочей жизни — стачек. Этот вопрос был, вообще, не нов. Еще в 1845 г. по отношению к вольнонаемным рабочим фабричной промышленности было установлено, что стачка, под которой разумелось прекращение работы до условленного времени, с целью повысить заработную плату, карается арестом при полиции. И промышленники, в свою очередь, в случае стачки с целью понизить заработную плату или изменить условия оплаты труда, уплачивали штраф и возмещали рабочим понесенные ими убытки. Вместе с тем, явное неповиновение рабочих промышленникам, оказанное целой артелью (или толпой), было приравнено к восстанию против правительственной власти [2]).

С отменой крепостного труда встал вопрос об артелях на горнозаводских предприятиях. Положение о рабочих на казенных заводах гласило: „Для взаимного вспомоществования при исполнении работ мастеровые и рабочие могут наниматься артелями, но таковые артели, допускаемые к найму, не должны заключать в себе более того числа людей, которое требуется самым свойством каждой отдельной работы, для которой артель нанимается“ [3]). При этом, как об'ясняли защитники такого правила, под наименованием „отдельной работы“ разумелось, например, дело, порученное рудокопам, составляющим обыкновенно артель из девяти человек (по три на смену), каковым малолюдным составом устранялась возможность стачек среди рабочих.

В правилах о рабочих частных заводов такого ограничения в отношении численного состава артелей не было. Когда же комиссия для пересмотра системы податей и сборов составляла новый горный устав (во второй половине 60-х годов), была сделана попытка превратить это ограничение в общее правило. Но большинство комиссии заявило, что если стачки рабочих наносят материальный вред нанимателям, то стачки нанимателей не менее вредны для рабочих, а между тем против стачек предпринимателей не вводится никаких предупредительных мер. В результате — ограничение числа членов артелей было отменено [4]).

---

[1]) Горный деп. 3 отд., 2-я ст., 1862 г., дело № 8/370 „О распубликовании правил о преимуществах рабочих на частных заводах“. По истечении льготных лет правило о списках вошло в действие (Горный деп., отдел частных заводов, ст. 3-я, 1869 г. № 1/7 „Относительно утверждения исчислений о работах, дающих преимущества рабочим“).

[2]) Ю. Гессен. К истории стачек среди фабричных рабочих (Архив истории труда в России, кн. 3-я).

[3]) § 44 Положения 8 марта 1861 г.

[4]) Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. XIII, ч. 4-я, стр. 66 и след.— Архив главного комитета об устройстве сельского состояния 1869 г., дело № 73 „По предмету изменения некоторых постановлений о горнозав. рабочих“.

Тогда же в правила о найме рабочих было включено ограничение в отношении эксплоатации труда женщин: они могли работать только днем на поверхности земли.

Против подобного ограничения приводилось то соображение, что, с одной стороны, подноской руд занимаются почти исключительно женщины, с другой же стороны, — „странно ограничивать какими бы то ни было нормами труд лиц, не имеющих иногда других средств к жизни, кроме рудничной работы". Но на это последовало возражение, что по особенностям обстановки горной работы, ставящей женщину в совершенно беззащитное положение, вмешательство закона необходимо, что вопрос о женском и детском труде принадлежит к числу тех вопросов, где принцип свободного распоряжения собственным трудом сталкивается с интересами народного здоровья и народной нравственности [1]).

НА ЗАРЕ „ОСВОБОЖДЕННОГО" ТРУДА

Вопрос о снабжении рабочих продовольствием. — Иллюстрации к их тяжелому положению. — Угроза заводовладельцев закрыть заводы, как способ получить казенные субсидии. — Образование кадров безработных. — Стремление рабочих переселиться с заводов на казенные пашни. — Отказ их от принятия уставных грамот. — Необходимость задержать переселенческое движение в интересах горного промысла. — Уставные грамоты. — Бедственное положение горнозаводского населения. — Установление льгот для безземельных мастеровых (закон 3 декабря 1862 г.). — Различие между поссессионными и владельческими заводами. — Распространение льгот на малоземельных мастеровых.

Вздорожание цен на хлеб, подорвав хозяйственные силы многих заводов, отразилось в острой форме и на положении рабочих. Издавна выдаваемый на большинстве заводов бесплатно хлеб составлял главную часть заработной платы. Денежные выдачи играли сравнительно малую роль. При дешевизне хлеба такая система оплаты труда была выгодна заводовладельцам. В конце пятидесятых годов хлеб вздорожал. Заводовладельцы начали отказываться от бесплатной выдачи его, не увеличивая соразмерно денежного вознаграждения, вследствие чего дороговизна хлеба падала на бюджет рабочих. Сейчас же по об'явлении акта 19 февраля 1861 г. горнозаводские крестьяне стали жаловаться на свое тяжелое положение [2]). Председателю комиссии оренбургских заводовладельцев Пашкову было предложено обсудить общий вопрос о продовольствии горнозаводских людей, которые „при настоящем настроении умов, вынужденные крайностью, могут возбудить беспорядки". Но общего решения не было вы-

---

[1]) Там же.

[2]) Именно ввиду этого оренбургские власти добивались, чтобы заводовладельцы немедленно прибыли на свои предприятия, и чтобы одновременно приступили к исполнению своих обязанностей члены присутствия. Письма оренб. губернатора от 24 марта генерал-губернатора от 28 марта 1861 г. (Горный деп., отд. 3, ст. 2-я, 1861 г., дело № 1/7) и оренб. губернатора от 24 апреля (6-е делопр., 1861 г., дело № 2, ч. 1-я).

несено, потому что в отношении хлеба заводы находились в различных условиях: одни имели пашни, на других не было земледелия. К этому Пашков добавил, что несправедливо обязывать заводчиков снабжать хлебом тех, кто уклоняется от работы; ведь сдельная плата повышена, а взносы податей и повинностей за крестьян еще лежат на обязанности заводовладельцев. Однако, оренбургское присутствие постановило что впредь до введения уставных грамот заводовладельцы обязаны обеспечить горнозаводское население хлебом.

Комиссия для пересмотра горного устава заявила, что положение рабочих казенных заводов должно служить примером для частных заводовладельцев лишь в отношении людей, данных на завод казною. Но все же она потребовала, чтобы заводоуправления выдавали рабочим и их семьям провиант безденежно за рабочее время, или же увеличили заработную плату стоимостью провианта по норме казенных железных Златоустовских или медных Пермских заводов [1]).

Это постановление было вполне своевременным, так как на многих заводах Урала рабочие находились в бедственном положении. Вот как характеризует один официальный документ (июнь 1861 г.) общие условия труда на оренбургских заводах. Мастеровые и крестьяне работают в течение всего года, за исключением праздничных дней и от 4 до 10 недель, предназначаемых для сенокоса и хлебопашества. Кроме небольшого денежного вознаграждения отпускается мука по покупной цене (частью по уменьшенной), говядина, соль. Стоимость всего этого вычитается из заработной платы. Заработная же плата такова, что не покрывает долга по заборам из заводских магазинов [2]).

Чтобы составить себе более ясное представление о жизни уральского горнозаводского населения, присмотримся к нескольким заводам, на которых тяжесть неблагоприятных условий далеко не была одинакова, и которые поэтому могут послужить образцом непорядков на большинстве заводов.

В мае 1861 г. мастеровые Лысвенского завода княгини Бутеро-Радали (в Пермской губернии) заявили, что если в течение недели заработная плата, как было обещано, не будет увеличена, они прекратят работу. При этом они воспрепятствовали аресту „зачинщика“ Баландина [3]) Жалобы мастеровых сводились к следующему. За добычу пуда руды уплачивают по 1 копейке, кроме безденежного провианта по два пуда в месяц на человека, но в апреле паек не был выдан. За пробивку шурфов ничего не платят, да и ту руду, которую рабочие находят своими шурфами, смотритель бракует. Для отопления казарм на рудниках сами рабочие должны заготовлять дрова. Заводоуправление сознавало, что ука-

---

[1]) Дело комиссии по пересмотру горного устава, № 32/20 „Относительно продовольствия горнозавод. людей оренб. частных заводов“ (журнал оренб. присутствия 18 июля 1861 г.; письмо министра финансов оренб. губернатору от 2 ноября 1861 г.).

[2]) Из журнала комиссии по пересмотру горного устава от 7 июля 1861 г. (дело комиссии № 19/9 „О раз'яснении некоторых статей дополнительных правил и т. д.“).

[3]) О протесте лысвенских мастеровых мы уже упомянули выше, см. стр. 24.

занная плата за добычу руды не соответствует поднявшимся ценам на жизненные продукты. В 1860 г. было обещано увеличить с января 1861 г. плату, но в виду манифеста 19 февраля 1861 г. новые штаты не были введены из опасения, что и на других заводах владелицы рабочие пред'-явят такие же требования. Не получив прибавки, мастеровые 19 мая прекратили работу, невзирая на прибывший казачий отряд. Но вскоре, узнав, что вызваны новые силы, они выдали главарей движения и возобновили работу. Четырнадцать человек были арестованы. Ввиду этих беспорядков, уполномоченный княгини высказался против немедленного удовлетворения требований рабочих, чтобы не создать опасного примера для других заводов, но горное начальство настояло на увеличении платы для успокоения рабочих [1]).

Незадолго до об'явления манифеста 19 февраля 1861 г. при проезде пермского губернатора через Бисертский завод Демидова горнозаводские крестьяне заявили, что заработной платы нехватает на покупку хлеба. Оказалось, что рабочие Ревдинских заводов (к числу которых принадлежал и Бисертский) получали вознаграждение в размере от $7^{1}/_{7}$ до $11^{3}/_{7}$ коп. серебр. в день. Провиант им не выдавался. На казенных же заводах плата не опускалась ниже 3 коп. сер. при бесплатном провианте на всю семью рабочего. Плата Ревдинских заводов была достаточна при дешевом хлебе, но с наступлением дороговизны она не давала „самого необходимого пропитания" даже не слишком многочленным семьям. Например, за 25 рабочих дней в месяц рабочий получал 2 рубля 86 коп. Хлеб же, если даже нужно было купить только шесть пудов (на взрослого полагалось в среднем — два пуда) по заводской цене (около 74 коп. за пуд) обходился в 4 рубля 45 коп. Своей пахотной земли рабочие не имели. Согласно секретным распоряжениям 1827 и 1845 гг. рабочие на частных заводах должны были получать не меньше, чем на казенных. Поэтому начальник уральских горных заводов Фелькнер потребовал, чтобы им отпускался хлеб по 20 коп. за пуд, или же чтобы была соответственно увеличена плата. Заводчик поспешил заявить о своей готовности улучшить положение рабочих, но... для этого необходимо, чтобы была удовлетворена его просьба о рассрочке ссуды в 160 тысяч рублей, выданной государственным банком под залог металла [2]). Рассрочка по ссуде была дана (июнь 1861 г.). Но Демидов не стал торопиться с повышением заработной платы.

Вообще положение рабочих на предприятиях Демидова оставалось и в дальнейшие годы крайне неудовлетворительным. Например, на его Рождественском заводе нехватало хлеба. В августе 1863 г. губернским властям было вменено в обязанность следить за наличием у него хлеб-

---

[1]) Горный деп., 3 отд., 2-я ст., 1861 г., дело № 393/14 „О беспорядках на Лысвенском заводе".

[2]) Начальник уральских заводов заявил, что положение рабочих должно быть улучшено независимо от рассрочки ссуды, в противном случае надо взять завод в опеку, что предусматривалось ст. 1453 горного устава (изд. 1857 г.).

ных запасов. Наконец, в апреле 1864 г. мастеровые остановили работы. Обнаружилось, что помимо низкого размера платы, заводская контора не выдавала рабочим причитавшихся им 8.000 рублей и не снабжала их льготным провиантом. Тогда, чтобы удержать рабочих при заводе, Демидов отдал сенокосы на один год мастеровым безденежно, а сельским работникам — по рублю за десятину [1]).

На оренбургских заводах генерал-лейтенанта Пашкова недовольство рабочих проявилось уже в 1860 г., когда начались самовольные уходы с рудников. Это, как видно, побудило заводчика увеличить плату всем рабочим. Но рудничные рабочие не были удовлетворены прибавкой. По обнародовании манифеста 19 февраля движение с рудников усилилось.

В чем же заключалось недовольство пашковских рабочих? Рабочие Преображенского завода жаловались, что плата недостаточна для покупки хлеба в заводских магазинах, своего же хлеба нехватило ввиду неурожая. Заводоуправление должно было им до 30 тысяч рублей, они же остались в долгу за взятый хлеб в сумме всего около 20 тысяч рублей [2]). Крестьяне Воскресенского завода и принадлежащих к нему деревень говорили, что они терпят нужду из-за неурожая и невыплаты заводом денег. К тому же завод отпускал хлеб в меньшем размере, чем полагалось, а должникам еще больше урезывалась порция. Заводоуправление допускало несправедливый учет работ кайловщиков, вследствие чего плата не покрывала расходов по продовольствию на руднике.

Фелькнер дважды предлагал Пашкову увеличить плату, если не всюду, то, по крайней мере, на рудниках, а вместе с тем выдавать хлеб не по мере заработка, а по действительной нужде. О необходимости увеличить заработную плату мастеровым, особенно, на рудниках, Фелькнер писал и другим владельцам медно-плавильных заводов Оренбургского края: генерал-майору Пашкову — владельцу Богоявленского завода, ротмистру Пашкову — Верхотурского и графине Коссаковской — Архангельского завода. Вместе с тем он упросил министра финансов со своей стороны воздействовать на заводчиков. И кое-какой — правда, ничтожный — результат получился. Генер.-лейт. Пашков согласился увеличить плату [3]) рудничным рабочим: „могучим", престарелым и старшим подросткам — по 6 коп. сер. за отработанный день, а младшим подросткам — по 5 коп. сер. Таким образом, поденная плата достигла следующих размеров:

Полные работники по . . . . . 16 коп. сер.
Престарелые и старшие подростки по . 14 „ „
Младшие подростки по . . . . . 12 „ „

---

[1]) Горный деп., 3 отд., 2-я ст., 1861 г., дело № 10/295 „Побуждение владельца Ревдинских заводов полк. Демидова к улучшению содержания ревдинских крестьян".

[2]) Журнал оренб. присутствия от 18 июля 1861 г. (упомянутое дело комиссии по пересмотру горного устава, № 32/20).

[3]) Уведомляя об этом (6 июня 1861 г.) министра финансов, Пашков отметил, что по введении правила, запретившего принудительно обращать в летние месяцы горнозаводских людей на работы за пределами 25 верст, никто из них не согласился направиться туда по вольному найму.

Увеличение платы за одну рудничную работу не могло улучшить положения всей рабочей массы на Преображенском заводе. Рабочие отказались от работы по уставной грамоте. Губернатор убедился, что от них требовали работы по неправильно составленной и еще не утвержденной уставной грамоте, и что самовольные поступки крестьян были вызваны, между прочим, действиями посредника. Посредник не об'яснил населению, что оно по своему желанию может приписаться к мастеровым или к сельским работникам [1]).

Ввиду обострившегося тяжелого положения рабочих оренбургский губернатор предложил, не довольствуясь письменными обращениями к заводчикам, немедленно принять решительные меры против них в видах обеспечения рабочих средствами к существованию. И Фелькнеру (24 июня 1861 г.) было дано соответствующее предписание [2]).

Владелец Богоявленских и Верхоторских заводов ротмистр Пашков дал понять, что нажимы со стороны горного ведомства заставят его закрыть завод. Тогда Фелькнер повторил требование о принятии непосредственных мер к облегчению положения рабочих. Он тогда же обратился к министру финансов с просьбой воздействовать на Пашкова. Но министр отказался от продолжения переписки с заводчиком и предписал дать ход жалобам крестьян.

Неблагополучно было, равным образом, на Юрюзань-Ивановском (Юрюзанском) и Минском заводах Сухозанет [3]). И сюда посылались увещательные письма. В тяжелом положении находились рабочие также на Кагинских заводах. Но здесь на каждый пуд хлеба, выдаваемого рабочим, заводчик уже докладывал по 50 копеек [4]).

Наиболее мрачной иллюстрацией может, кажется, послужить Архангельский завод графини Коссаковской, о котором сообщает знаток горнозаводского дела генерал Гернгросс 2-й, назначенный в состав оренбургского присутствия. „Посылаемые на рудники на $9^1/_2$ и даже на 10 месяцев в году за триста верст от места жительства, эти несчастные люди, поистине, разлучаются со своими семействами и делаются им совершенно чуждыми, ибо по своей бедности не в состоянии сколько-нибудь обеспечить их существование". Работнику вменяется в обязанность явиться на столь отдаленный рудник в течение семи дней, и за это время никакой платы не выдается, а за просрочку заставляют отработать в праздник бесплатно. Назначаемый на рудник обязан пройти в день

---

[1]) Архив госуд. совета. Отчет губернатора за 1861 г.

[2]) Это предписание министра финансов обидело Фелькнера. Он пытался оправдать себя тем, что обо всех своих обращениях к заводчикам он сообщал губернскому начальству, а когда некоторые такие обращения оказались безуспешными, он сам просил министра финансов разрешить рассматривать в надлежащих инстанциях жалобы крестьян на недостаток пропитания, и правительство согласилось на это (см. выше стр. 36).

[3]) См. том I настоящей книги, стр. 199.

[4]) Горный деп., 3 отд., 2 стол, 1861 г., дело № 1/7, „О принятии мер к устройству быта горноз. крестьян Оренбургск. губернии и о недостаточности содержания, производимого крестьянам Преображ. завода ген-лейт. Пашкова и Богоявленского и Верхоторского гг. Пашковых".

41 версту (по закону полагалось только 25 верст), и, явившись на место, конечно, голодным и усталым, тотчас становиться на работу. Рудничные работы были тяжелы: одной паре работников приказывалось в три дня вынуть до 12 кубических аршин руды и пород, поставив вместе с тем необходимые крепи. Поденная плата колебалась от 21 до 28 копеек ассигнациями (смотря по возрасту рабочих), что составляло в месяц в 25 рабочих дней от 5 руб. 25 коп. до 7 руб. ассигнациями. На рудниках не было защиты от непогоды и холода. Платье истлевало от сырости, так что рабочие возвращались домой почти нагими[1]). Гернгросс потребовал, чтобы плата работающим в рудниках была повышена до 16 коп. серебр. в день, и чтобы им выдавалось бесплатно в месяц по 2 пуда муки, 15 фунтов крупы, 3 фунта соли и 3 пары лаптей. Но „совершенная нищета" заводского населения требовала повышения платы по всем производствам. Большей частью население довольствовалось водой и хлебом, да и то хлеба не было в достаточном количестве. Не во всяком дворе встречались лошади и коровы, а домашняя птица считалась роскошью. В 1860 г. крестьяне заработали на заводе немногим больше двадцати тысяч рублей, а забрали в тот год хлебом, овсом, гречей, солью, рукавицами, дегтем и проч. до тридцати двух тысяч. Свой долг крестьянам заводоуправление то вовсе отказывалось уплатить, то соглашалось выплатить по одной шестой в год. Даже угроза взять завод в опеку не могла заставить заводоуправление поднять плату до необходимого уровня — оно согласилось на увеличение лишь в размере 50% того, что было необходимо, так как завод был лишен оборотных средств. Такая прибавка не могла внести сколько нибудь заметное улучшение в жизнь рабочих Архангельского завода.

Еще тогда, когда разрабатывался проект крестьянской реформы, оренбургский заводчик Дашков предупреждал, что новый порядок, быть может, принудит некоторых заводчиков закрыть свои предприятия. Это было повторено уральскими заводовладельцами. В коллективном письме (29 апреля 1861 г.) на имя министра финансов они указывали на тяжелое положение, в котором уже давно оказалась горная промышленность. По их словам, горное дело страдало от ввоза иностранного чугуна, с которым русское производство не могло конкурировать, так как поссессионные заводы без разрешения не смели ни увеличивать, ни уменьшать своего действия. Все заводы чрезмерно обременены налогами. Особенно тяжела обязанность снабжать продовольствием заводское население. Заводы отдалены от торговых центров, а пути передвижения неудобны. Заводчики пугали правительство тем, что в течение года иностранный металл вытеснит в столицах своей дешевизной русское производство, что впоследствии может случиться со всеми рынками, и тогда иностранный металл начнет диктовать цены.

---

[1]) Доклад Гернгросса от 1 июня 1861 г. (Комиссия по пересмотру горного устава 1861 г., дело № 23). — *Л. Айзенберг.* Крестьяне и т. д. („Архив истории труда в России". кн. 4-я).

Борясь с этой опасностью, заводчики, по их словам, стали усовершенствовать свои предприятия, но упадок кредита помешал довести дело до конца. Тем временем сбыт русских металлов оказался более затруднительным. Одновременно повысились цены на провиант, что удорожило производство. Это положение ухудшалось, по словам заводчиков, теми хозяйственными переменами, которые повлекла за собою отмена обязательного труда. Действительно, оренбургский губернатор метко указал, что крепостное право приучило заводчиков к беспечности. Они привыкли извлекать доходы, не думая об улучшении производства. Реформа 1861 г. застала их без запасных средств и при дурном устройстве заводов. К тому же на некоторых заводах освобожденные крестьяне до того подняли цены на труд, что заводчики стали терпеть большие убытки [1]).

Горнозаводская промышленность сможет существовать — говорили заводчики — лишь в том случае, если правительство отменит на десять лет горную подать с железа и меди [2]). Заводовладельцы, конечно, преследовали в данном случае личные интересы. Но, чтобы добиться успеха, они подкрепили свое ходатайство заявлением, что, удовлетворив их просьбу, правительство тем самым поддержит не только заводы, но и их население, которому заводы дают средства для существования и для уплаты казенных повинностей [3]). Заводчики знали, что правительство беспокоилось об экономическом положении горнозаводского населения, потрясенного крестьянской реформой в своем хозяйственном быту. И вскоре они более конкретно связали вопрос о дальнейшей деятельности горных предприятий с благополучием горнозаводского населения. Так, акционерное товарищество Суксунских заводов, использовав казенную ссуду в 200.000 руб., полученную для развития своих железных заводов, обратилось к министру финансов с просьбой [4]) о сложении 15% подати с двух убыточных медно-плавильных заводов. Одновременно оно поставило вопрос, что сделать с рабочими (3.619 душ), если, в случае отклонения просьбы о сложении подати, придется закрыть заводы.

Вообще, на многих предприятиях горнозаводскому населению стала угрожать опасность лишиться работы. И тогда в полной мере сказались последствия тех условий, в которых некогда возникла горнозаводская промышленность на Урале.

Как известно, уральские горные заводы строились там, где имелась руда, лес и вода. О плодородии земли в данной местности мало помышляли, как и о близости населенных пунктов. Поэтому, повторяем, основным источником существования рабочих являлась горнозаводская работа. Горнозаводское население разрослось настолько, что превысило

[1]) Отчет оренбургского губернатора за 1863 г.

[2]) В 1861 г. подлежало взысканию натурой и оброчными около 798.000 руб., в том числе по Уралу 713.000 руб., остальные по Замосковному округу.

[3]) Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 23 „О порядке закрытия частных заводов, о мерах обеспечения горнозав. населения и о льготах для заводовладельцев".

[4]) Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 23. Письмо от 16 июня 1861 г.

потребность в рабочей силе. Назрела необходимость найти избытку населения новые источники существования. А таковых не имелось. Из-за отдаленности большинства заводов от городских поселений в окрестности не было подсобных заработков. Что касается земледелия, то оно не могло развиться в достаточной мере вследствие малоплодородности большинства земель и недостаточности наделов. Таким образом, потеря работы на заводе угрожала чаще всего голодом. Между тем последовали два раз'яснения, неблагоприятные для горнозаводского населения [1]). Во-первых,—заводовладелец волен нанимать людей из всякой среды [2]), вследствие чего конкуренция между рабочими на заводах должна была усилиться и тем самым понизить заработную плату. Во-вторых, мастеровые не вправе отказываться от усадьбы [3]), что было равносильно прикреплению к усадьбе, которая не могла обеспечить их существования.

Усилившаяся вскоре конкуренция, вызванная вообще уменьшением потребности в рабочих руках при более производительном вольнонаемном труде, понизила на многих заводах плату до того, что мастеровые кое-где были вынуждены прекратить работу, и заводы стали. В Пермской губернии случалось, что мастеровые не только сговаривались не брать работы по низкой цене, но даже преследовали тех, кто становился на работу [4]). При таких условиях поступившие заявки о предстоящем закрытии заводов рисовали в будущем еще более мрачную картину [5]). Дороговизна хлеба представлялась исключительно грозным явлением, так как по составлении уставных грамот бесплатная выдача рабочим провианта прекращалась.

Пермское и оренбургское присутствия по крестьянским делам, изо дня в день наблюдая за ухудшавшимся состоянием ряда заводов, как видно, осведомлялись о положении дел друг у друга [6]). По мнению оренбургского присутствия недостаток оборотного капитала (раньше заменявшегося отчасти крепостным трудом), затруднения, вызванные быстрым переходом от крепостного хозяйства к новому, и, наконец, „натянутость" отношений между заводовладельцами и рабочими,— все это лишало возможности вести заводское дело в прежнем размере. С другой стороны, население не могло прокормить себя хлебопашеством, пользуясь на одних заводах только усадьбами и покосами, а на других—не имея времени для обработки пахотных участков. К тому же на население свалилась новая забота об уплате казенных податей и повинностей, раньше лежавшая на обязанности заводовладельцев.

---

[1]) Секретный журн. пермск. присутствия от 10 мая 1862 г. (6-е делопр., 1861 г дело № 2, ч. I-я).

[2]) Предложение министра внутренних дел от 5 января 1862 г. (№ 91), вызванное, вероятно, тем, что на первых порах крестьяне сильно подняли цены на свой труд.

[3]) Предложение его же от 12 марта 1862 г. (№ 1653).

[4]) Отчет пермского губернатора за 1862 г.

[5]) Секретный журнал пермского присутствия от 10 мая 1862 г.

[6]) Оренбургский губернатор познакомил пермского с тем, как шла реформа в Оренбургском крае, и это письмо было приобщено к журналу пермского присутствия от 10 мая 1862 г.

И вот среди мастеровых обнаружилось стремление прекратить заводскую работу. При составлении уставных грамот рабочие некоторых заводов, целыми селениями переходя в разряд мастеровых, получили от владельцев в дар усадьбы. Но при этом они отказывались не только от полевых угодий и от земельного надела, предоставлявшегося им за повинность, но и от дарового (или крайне дешевого) пользования покосами и пашнями. И все это с целью получить право переселиться на казенные земли [1]).

Чтобы несколько оградить интересы мастеровых в случае закрытия завода или сокращения его действия, оренбургское присутствие наметило следующие меры: заводовладелец может остановить работы только весною, предупредив мастеровых об этом за год, чтобы облегчить им приискание новых занятий или переселение; по закрытии завода мастеровые в течение года освобождаются от оброка, податей и земских повинностей; им на известных льготах передается заводский запас хлеба; при переселении мастеровым дается казенное пособие [2]). А пермское присутствие, имея в виду, что приблизительно одна треть местных горнорабочих (до 66.000 душ мужского пола) остается без работы, предложило наделить излишних мастеровых на п о с с е с с и о н н ы х (и казенных) заводах землею по норме сельских работников, избыточным же мастеровым ч а с т н ы х заводов разрешить выход из общества с правом переселения. Одновременно оно нашло нужным оказать всем им экстренно помощь продовольствием, так как на заводах, вопреки закону, вообще не имелось хлебных запасов [3]).

Казалось, что переселение на казенные земли — ближайший и наиболее легкий путь для отлива безработных мастеровых. Эта мера представилась нужной и возможной также для части сельских работников. Первоначально было предположено при уменьшении действия завода снимать с сельских обществ часть оброка, а при закрытии завода—дозволять части сельских работников переселяться на казенные земли с казенным пособием. Но потом было решено право переселения предоставлять при уменьшении заводского действия только в случае неимения у сельского работника никаких источников существования [4]).

„Единственное стремление каноникольцев — немедленное переселение; оно и было побуждением ко всем последним происшествиям на этом заводе“ — так писал петербургский чиновник горного ведомства Иваницкий, назначенный в оренбургское присутствие и посетивший завод после происходивших там волнений. Каноникольский завод имел за собою печальное прошлое. В самом начале 1861 г. завод был взят в опеку,

---

[1]) Журнал оренбургского присутствия от 12 апреля 1862 г. (1861 г., д. № 2, ч. 1-я).

[2]) Постановление оренбургского присутствия 13 ноября 1861 г. (см. отношение министра внутренних дел министру финансов от 15 июня 1862 г. в деле 1861 г., № 2, ч. 1-я).

[3]) Секретный журнал пермского присутствия от 10 мая 1862 г. и письмо мин. вн. дел. министру финансов от 15 июня 1862 г. (1861 г. дело № 2, ч. 1-я).

[4]) Журнал оренб. присутствия от 12 апреля 1852 г.

в виду тяжелого положения рабочих и „умышленного захвата“ заводских денег владельцем Загряжским[1]). Опекунское управление увеличило плату за рудничные работы с 6 до $7^1/_2$ к. сер. в день и вообще несколько улучшило условия труда. Но этим не были устранены невзгоды. Каноникольские крестьяне существовали работой на заводе (и льготным пользованием лесом и покосами), не имея хлебопашества и побочных заработков. Задумав закрыть завод, заводовладелец хотел дать крестьянам полный поземельный надел (по 7 дес. на душу), не уменьшая размера повинностей в соответствии с дурным качеством земли. „При таких обстоятельствах — писал губернатор в отчете за 1861 г. — крестьяне естественно с боязнью ожидали будущего своего положения, если бы уставная грамота составилась согласно заявленному заводовладельцем желанию“. Когда на заводе произошли беспорядки, губернатор арестовал „зачинщика“ Гусева и подверг „полицейскому наказанию“ некоторых рабочих. Но от формального следствия по делу о сопротивлении воинской команде он уклонился. Крестьяне и по восстановлении порядка продолжали отказываться не только от полевых наделов, но и от усадеб, чтобы не связать себя с заводом. Они хотели переселиться на казенные земли. При недостаточности земледелия, в виду вражды к заводоуправлению, допускавшему обманные расчеты, они не были уверены, что завод возобновит свое действие и обеспечит им безбедное существование. Все же уставные грамоты были введены в феврале 1862 г. Но еще осенью 1861 г. Загряжский закрыл завод. Вследствие этого мастеровые оказались в бедственном положении. С целью заставить заводчика выдавать им хлеб, присутствие приостановило действие уставной грамоты и перевело мастеровых на прежние повинности[2]).

Отказы от принятия уставных грамот происходили и на других заводах в Оренбургском крае — например, на Благовещенском заводе Дашковых; местные власти об'яснили это ожиданием крестьянами „новой воли“, больших льгот. Вообще, горнозаводское население надеялось на полное избавление от владельцев, на лучшее наделение землею, а потому боялось всяких документов. Так, например, на Сергинско-Уфалейских заводах мастеровые потребовали от заводоуправления расписки, что, возобновив работу, они не лишатся свободы и в любой момент смогут прервать работы[3]). Но в действительности на заводе Дашковых отказ был вызван не только превратными слухами. Крестьяне жаловались на обременительность условий уставной грамоты и говорили, что не примут надела, пока владелец не заплатит им за прежние земледельческие работы. Они, вообще, отказались от исполнения заводских работ, определенных уставной грамотой, так как она, по их словам, была составлена без их

---

[1]) См. том I настоящей книги, стр. 198—199.

[2]) Журнал оренб. присутствия от 14 марта 1862 г. (Комиссия по пересмотру горного устава 1861 г. дело № 23). — *Л. Айзенберг*, цитир. статья в 4-й книге „Архива истории труда в России“.

[3]) *В. Боков.* Освобождение горноз. населения Урала от обязательного труда („Русский архив“, 1916 г., кн. 1-я).

согласия. Волнения все больше разрастались. Была вызвана рота солдат. После этого среди сельских работников произошел раскол, в результате чего руководители движения были выданы. Впрочем, ни один из них, несмотря на очные ставки, не сознался в подстрекательстве, и суд оставил их на свободе. Вслед за тем крестьяне под влиянием слухов о новых льготах стали уклоняться от уплаты податей и оброков. Но и в этом случае первоначальное единодушие было вскоре нарушено частью домохозяев, решивших отделиться от общества и выкупить свой поземельный надел. Жертвой этого раскола пали вожаки движения [1]).

Подобные отказы от уставной грамоты на заводах Оренбургской губернии вызывались, главным образом, недоверием к заводовладельцам и страхом за будущее. По словам губернатора, слово „мастеровой" везде отождествлялось с понятием об „обязательном заводском работнике". Рабочие, чувствуя себя связанными с деятельностью заводов, не могли надеяться, чтобы им, подобно другим сословиям, удалось наладить свое существование по личному усмотрению. Это вызывало в них дух протеста.

На Воскресенском заводе в феврале 1862 г. почти ежедневно рабочие устраивали самовольные сходки, отказываясь от уставных грамот и не желая платить оброк, подать и земские повинности. Так продолжалось до конца года. Успокоение наступило отчасти благодаря тому, что при взыскании повинностей по уставной грамоте крестьянам засчитывали старые долги заводовладельца. На Богоявленском заводе при проверке уставной грамоты крестьяне отказались от всяких переговоров с мировым посредником, не желая платить денежный оброк за землю. На вопрос, к какому разряду хотят приписаться — в сельские работники или мастеровые,— крестьяне кричали, что напрасно их спрашивают: пусть их всех запишут в казачье сословие, так как отведенная им в надел земля не хлебородна. В виду этого введение уставной грамоты состоялось при содействии казачьей команды. Впрочем, повинности плохо исполнялись, пока не была повышена заработная плата. На Белорецком и Тирлянском заводах крестьяне, выслушав уставную грамоту, отказались записаться в мастеровые без земли и платить владельцу за усадьбы, говоря, что все равно в 1863 году правительство наново разрешит их участь и даст им землю. На завод была послана экзекуционная команда.

Из-за подобных обстоятельств, на многих заводах оказалось большое число дней, не отработанных сельскими работниками. А последние, со своей стороны, настоятельно требовали расчета по долгам заводоуправлений за прежнее время.

Взаимным недовольством рабочих и заводовладельцев во многих местах поддерживалась переселенческая горячка. Несколько лет спустя заводы жаловались, что выселение рабочих было искусственно вызвано

---

[1]) Отчеты губернатора за 1861 и 1862 гг.

вспомоществованием от казны [1]). Действительно, так как для продовольственной помощи средств нехватало, считалось неотложным перевести часть населения на казенные земли, но лишь постольку, поскольку это не вредило действию заводов. Ведь расположенные среди лесов, вдали от поселений, заводы нуждались не только в опытных технических мастерах, но и в конной силе для многочисленных вспомогательных работ. Здесь привыкшее „к дикой непривлекательной природе" заводское население было незаменимо. Вопрос о переселении вообще разрешался не легко. На сколько-нибудь значительный отвод казенных земель нельзя было рассчитывать [2]), не говоря о том, что нельзя было обезлюдить заводы. Приходилось думать об облегчении материального положения мастеровых на старых местах. А чтобы твердо обеспечить мастеровых средствами к жизни и уменьшить жертвы со стороны казны, было предложено поставить в льготные условия население только тех заводов, владельцы которых готовы будут передать им навсегда усадьбы, а также во временное безвозмездное пользование выгоны и покосы [3]).

Оренбургское начальство добилось введения уставных грамот до назначенного срока. Оно рассчитывало поднять этим благосостояние горнорабочих, так как будет устранен произвол заводовладельцев в оплате труда и в „предоставлении им дарованных льгот" [4]). Но действительность разрушила эти ожидания. Мы видели, что властям приходилось намеренно задерживать введение грамот, дабы крестьяне могли хотя бы некоторое время оставаться в прежних условиях быта. Член оренбургского присутствия Иваницкий, посетив в первые месяцы 1862 г. некоторые заводы, изобразил следующую картину [5]).

Архангельский завод. Заводские рабочие заявили, что они уже в течение 112 лет пашут одни и те же поля. Так как пашни приходится не более $3^1/_2$ десятин на душу, то земля выпахалась. Последние десять лет не возвращала даже семян. При крепостном праве они только за хлеб исполняли заводские работы, оттого пришли в крайнюю бедность. И это усугубилось тем, что завод значительно сократил свое действие за неимением запаса руд, так как зимою крестьяне не соглашались работать на рудниках за отсутствием там помещений, весною же они хотели

---

[1]) *Л. Айзенберг.* К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае, („Архив истории труда в России", кн. 6-я).— *В. Безобразов.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов (1869 г.).

[2]) Между прочим, прослышав, что заводские крестьяне целыми семьями собираются занять лучшие оброчные статьи, бывшие помещичьи крестьяне стали отказываться от составления уставных грамот со своими бывшими владельцами, чтобы перейти на эти лучшие земли.

[3]) Журнал оренбургского присутствия от 5 декабря 1861 г., 29 января и 12 апреля 1862 г., письмо министра внутр. дел министру финансов от 15 июня 1862 г. (1861 г. № 2, ч. 1-я).

[4]) *Л. Айзенберг.* К трагедии горнозаводских крестьян („Архив истории труда", кн. 6-я, стр. 138).

[5]) Журнал оренбургского присутствия от 18 апреля 1862 г., доклад Иваницкого (1861 г., дело № 2, ч. 1-я).

отправиться туда, если будет увеличена заработная плата. Затруднение вызывалось тем, что заводоуправление не давало вперед хлеба под заработок, боясь безнадежных долгов. Рабочие же не могли отправиться на отдаленные рудники, не обеспечив продовольствием семью. Вообще заводское население чувствовало себя бессильным выйти из тягостного состояния. Постоянное безденежье завода усиливало в населении желание выселиться.

Белорецкий и Тирлянский заводы. Большая часть пашен, занятых мастеровыми, была брошена ими как совершенно бесплодная. Усмотрев стачку в просьбе мастеровых о прибавке задельной платы и о безвозмездной уступке усадеб (лишь небольшое число мастеровых получило усадьбы безденежно), заводовладелец заявил, что наймет вольных мастеровых хотя бы за двойную плату, а земли раздаст даром киргизам. Тогда, мол, мастеровые, чтобы не умереть с голоду, придут к нему работать за 5 копеек в день. С трудом удалось убедить на Белорецком заводе до ста семейств, а на Тирлянском до двадцати записаться в мастеровые. Остальные отказались от уставных грамот. Убеждение мастеровых, что Положение 19 февраля не обязывает их платить оброк за усадьбы было так непоколебимо, что введение уставной грамоты привело бы к общему восстанию [1]).

Узянский и Кагинский заводы. Здесь уставные грамоты были уже введены. Заводские люди получили безвозмездно усадьбы и в безвозмездное пользование покосы. Освобожденные от всех обязательных отношений к заводовладельцу, они стали работать на заводах по вольному найму. Но безденежье завода держало мастеровых в постоянном страхе за будущее и заставляло их добиваться переселения на казенные земли.

Авзяно-Петровские заводы. При полной невозможности вести в голокаменных горах хлебопашество и огородничество, заводские люди стремились уйти в другие места. Заводоуправление, обладая денежными средствами, стало отпускать им провиант по удешевленной цене и увеличило заработную плату, и рабочие готовы были примириться со своей участью.

Переселение части мастеровых на казенные земли представлялось желательным. Избыток мастеровых был вызван не только переходом на более производительный труд, но и тем, что почти все заводчики стали в некоторой мере заменять машинами человеческую силу. Многосемейные мастеровые не могли прокормить свои семейства, так как бо́льшая часть их употреблялась в качестве чернорабочих. При новом порядке они были пригодны только для самых малоценных работ. А в близком будущем нельзя было рассчитывать на развитие горного дела, при котором увеличивалась бы потребность в мастеровых [2]).

---

[1]) Это убеждение могло быть вызвано тем обстоятельством, что на большинстве заводов Оренбургской губернии мастеровые получили усадьбы в дар.

[2]) Вопрос о том, позволяло ли положение заводов пойти навстречу земельным нуждам рабочих, разрешался местными властями в положительном смысле. Ср. доклад члена пермск. присутствия Лонгинова от 14/IX, 1861 г. и письмо министра финансов от 11/XII, 1861 г. (дело 6-го делопр. 1861 г., № 2, ч. 1-я).

И в Пермской губернии происходило то же, что в Оренбургском крае. От мастеровых тех заводов, которые лежали в неземледельческой полосе, поступали просьбы о переселении их на казенные земли. Об этом, например, хлопотали мастеровые Шайтанского и Билимбаевского заводов, где предвиделось уменьшение производства, а иных источников существования не было. И в других местах мастеровые, в числе от ста до трехсот в каждой, возбудили подобные же ходатайства. А мастеровые Нижне-Уральской волости решили выселиться целым обществом. На Верхне-Исетском заводе до трех тысяч человек должны были остаться без работы.

Близко ознакомившись с делами горнозаводских предприятий, мировой с'езд по Екатеринбургскому, Красноуфимскому и Шадринскому уездам признал крайне необходимым допустить местных мастеровых к переселению. Здесь можно было предвидеть, что заводские работы, и ранее дававшие „весьма скудные" заработки, потребуют при вольном труде меньшего числа мастеровых. К тому же было очевидно, что часть горнозаводских работ будет выполняться подрядным путем соседними государственными крестьянами, которые понизят заработную плату, имея основной доход от хлебопашества. Вместе с тем, вследствие того, что заводчики заготовляли запасы руды и других материалов тогда, когда цены на хлеб низки, а при вздорожании сокращали работы, мастеровые именно в тяжелое время лишались источника существования. Вообще при избытке рук мастеровые должны были постоянно находиться в слишком большой зависимости от заводов. Наконец, при почти общем безденежьи заводов мастеровые редко получали полностью провиант и заработную плату. Тем не менее, считалось необходимым, как мы уже знаем, ввести переселенческое движение в известные границы, чтобы, с одной стороны, заводы не лишились нужных им рук, а с другой, — чтобы хватило земель для переселяемых. С указанной целью, между прочим, рекомендовалось не назначать пособия переселенцам [1]).

Главнейшие горные заводы внутренних губерний — Баташевские и Шепелевские [2]) — также находились в затруднительном положении. Шепелевские заводы настолько сократили свою работу, что две трети работников остались бы без хлеба, если бы заводоуправление не разделило работы одного человека на двоих и даже на троих, поделив, конечно, между ними и жалованье. Выданные заводу из казны ссуды в сто тысяч рублей были в течение шести месяцев истрачены, а между рабочими, вследствие невыдачи денег, возникли волнения.

Картина, как видим, была безотрадная. Пример бедственного положения населения закрытых заводов усиливал общее тревожное состояние. При таких условиях было необходимо изыскать двоякого рода меры: одни — с целью удержать от общей тяги к выселению тех мастеровых, которые

---

[1]) Постановление мирового с'езда по Екатеринб., Красноуф. и Шадринск. уездам от 11 февраля 1862 (дело 1861 г. № 2, ч. 2-я).

[2]) В губерниях Нижегородской, Владимирской, Рязанской.

нужны были для действия заводов, другие — для устройства мастеровых, ставших излишними. Однако, как ни старались столичные канцелярии, разработка подобного закона продвигалась медленно. Между тем, в ближайшем будущем ожидалось закрытие некоторых поссессионных заводов. Этим, вероятно, об'ясняется издание закона о том, что при закрытии поссессионного завода мастеровые, лишенные установленного надела, могут переселиться на казенные земли [1]). Тем временем просьбы местных властей о скорейшем разрешении участи мастеровых не прекращались. На некоторых заводах обстоятельства так сложились, что невозможна была отсрочка. Отметим несколько примеров.

Летом 1862 г. из-за наводнения, опустошившего в Оренбургской губернии четыре завода — Юрюзанский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский и Симский, множество рабочих оказалось в столь тяжелом положении, что только выселение части их могло предотвратить катастрофические последствия. Мастеровым Симского завода, жившим в дер. Ивановской, угрожал голод. Пахотной земли у них не было, а сено часто оставалось гнить в поле за бездорожьем [2]).

О переселении на пахотную казенную землю ходатайствовали и мастеровые Шильвенского завода [3]), в Оренбургской губернии. Этот завод остановил свое действие за отсутствием средств. Мастеровые не имели земли, они владели только усадьбами и поэтому находились „в совершенной крайности“ [4]).

При составлении годовой сметы на заводах наследников Мосолова в Вятской губернии обнаружилось, что по введении уставных грамот часть рабочей команды останется без работы: на Буйском — половина, а на Шурминских — одна треть. Буйское волостное правление обратилось за помощью к властям, об'ясняя, что общество не в силах будет оплатить подати и повинности за безработных, тем более, что из-за многолюдства заработок упадет. Заработную плату и без того понизили сторонние государственные крестьяне. Заводское же население не имело своих посевов. И шурминское волостное правление ходатайствовало о выселении безработных на принадлежащие заводу куренные вырубы или о предоставлении им права дворовых людей, чтобы они могли приписаться в смежные с заводом починки государственных крестьян [5]). Вообще на

---

[1]) Второе собрание законов, № 38235 (2 мая 1862 г.).

[2]) Занимаясь только рубкой дров, они при крепостном состоянии получали меньшую плату, но зато заводчик снабжал их дешевым хлебом; за сажень дров им платили 72 копейки, а пуд хлеба стоил 24 копейки, т.-е., отработав сажень дров, они имели три пуда хлеба. Теперь платили по вольной цене за сажень 1 рубль 10 коп., хлеб же стоил в заводском магазине (рынок далек, и провоз дорог) по 67 копеек, т. е. они получали за рубку сажени дров только 1 пуд 26 фунтов. К тому же при крепостном состоянии они не платили податей, не знали мирских повинностей, не тяготились круговой порукой (6-е делопр., дело № 2, ч. 1-я).

[3]) В I томе настоящей книги, стр. 196, ошибочно напечатано Шельвинских.

[4]) Указанное дело 1861 г. № 2, ч. 2-я.

[5]) Донесение начальника Вятской губернии от 3 октября 1861 г. (дело 1861 г. № 2, ч. 2-я).

всех частных заводах Вятской губернии население не имело земельных угодий, между тем действие заводов сильно сократилось [1]). Впрочем, владелец Кажимских заводов в Вятской в Вологодской губерниях пользовался трудом кроме заводского населения также до пяти тысяч живших поблизости государственных крестьян [2]).

Мы уже говорили выше о положении дел в начале 1862 г. по Екатеринбургскому, Красноуфимскому и Шадринскому уездам Пермской губернии. Прошло с тех пор несколько месяцев. Бедственное состояние горнозаводского населения настолько обострилось, что вызвало во властях „серьезное опасение за будущее". Мировые посредники, исследовав причины тяжелого положения заводских мастеровых, заявили, что не могут взять на себя ответственность за последствия, если вопрос не будет разрешен в возможно скором времени. Все заводы, лежащие на вершинах и по склонам Урала [3]), имели крайне мало земли, годной для хлебопашества. Заводы, лежащие в западной части Красноуфимского уезда, представляли как бы переход к пахотному хозяйству: земля там за ничтожным исключением не обработана, но при удобрении и возделывании могла бы дать хороший урожай. А в восточной части Екатеринбургского уезда заводы окружены пахотными имениями, и мастеровые могли бы иметь средства к жизни от хлебопашества. Уставные грамоты в указанных местностях были введены повсюду, исключая Ревдинского, Нязепетровского, Шемахинского, Бисертского и Нявьянского заводов. Оказалось, что, несмотря на облегчения, сделанные некоторыми заводовладельцами, положение населения осталось безвыходным там, где не было пахотных земель, так как число потребных рабочих рук сократилось в более значительной степени, нежели можно было ожидать, а именно, примерно:

Заводы	Всего людей	Из них безраб.	Заводы	Всего людей	Из них безраб.
Шайтанский	1.150	400	Билимбаевский . . .	3.500	1.500
Сыльвинский	1.800	500	Молебский	1.600	300
Уткинский	2.000	1.500	Тиссовский	700	150
Сергинский	3.500	3.000	Суксунский	1.900	1.900
Шайтанский	2.500	1.000	(закрытый)		
			Итого . . .	18.650	10.250

К тому же на некоторых заводах ожидалось в ближайшем будущем уменьшение производства, а на иных — совершенное прекращение. Далее, кроме Суксунского, остановились Саранинский и Бисертский за-

---

[1]) Архив государств. совета, дело комитета об устройстве сельского состояния, 1862 г. № 76 „О мерах к поддержанию горного промысла и обеспечения заводских людей" (записка об общем положении дел на заводах).

[2]) В ноябре 1863 г. (1861 г., дело № 2, ч. 2-я, ст. 162).

[3]) Екатеринбургского уезда — Петрокаменский, Быньговский, Нейвинский, Шуралинский, Верхне-Тагильский, Верхне-Нейвинский, Нейвинско-Рудянский, Уткинский (новый), Билимбаевский, Шайтанский, Ревдинский, Нижне-и Верхне-Уфалейские; Красноуфимского уезда — Уткинский, Сылвинский, Бисертский, Шайтанский, Нижне-и Верхне-Сергинские, Атикский, Шемахинский, Назепетровский и Михайловский.

воды из-за прорыва плотины, при чем безденежье заводчиков не позволяло надеяться на скорое восстановление работы. Только яковлевские заводы работали по-прежнему, и на них заработная плата была наивысшая. Другие же заводоуправления, отчасти из хозяйственных расчетов, отчасти в виду бедственного положения рабочих, по необходимости готовых согласиться на всякую цену, понижали плату до такой степени, что поторжным рабочим приходилось получать не более четырех или пяти рублей в месяц. Главная часть заводского населения состояла из поторжных работников: цеховые ремесленники составляли привилегированное меньшинство. При такой плате был необходим побочный заработок или собственный хлеб, но ни того ни другого не было [1]).

С целью хотя бы немного увеличить землепользование горнорабочих, им были отданы участки земли, расчищенные собственным трудом мастеровых-домохозяев на поссессионных заводах Оренбургской, Пермской и Вятской губерний. Эти так называемые „росчисти" поступили (как это было на казенных заводах) в пожизненное бесплатное владение с правом переуступать земли до смерти домохозяев [2]). Росчисти предоставлялись сверх надела, служа дополнением к нему.

С каждым днем число бедствующих мастеровых росло. Главная причина этого заключалась в том, что число рук на заводах превышало потребность в них, и что определенная законом величина надела не обеспечивала мастеровых, да и земля была плохого качества. Единственным выходом, по общему мнению, являлось переселение безработных на казенные земли. При этом теперь уже подчеркивалось, что не следует, как это раньше предлагалось, воздерживаться от оказания пособия переселенцам. Сверх того требовалось немедленное денежное пособие наиболее нуждающимся [3]). Такое положение горнозаводского населения, угрожавшее по заявлению местной власти „последствиями первой важности", побудило пермского губернатора шифрованной депешей (15 октября 1862 г.) известить министра внутренних дел, что во многих заводских волостях вследствие общего неурожая и излишнего числа мастеровых продовольствие населения крайне затруднено, что необходимо возможно скорее предоставить мастеровым льготы и тотчас же прекратить сбор податей с них, а вместе с тем оказать денежную ссуду обществам под круговую поруку. Это известие произвело сильное впечатление в Петербурге. Тотчас же министр финансов, указывая, что предположенные льготы имеют целью

---

[1]) К этому времени вернулись домой на зиму многие из самовольно ушедших, ничего не приобретя, между тем из-за обилия свободных рук плата понизилась до крайности. Бедственное положение еще более ухудшилось в виду нового неурожая: близ Екатеринбурга мука достигла цены 1 руб. сер. за пуд. Журнал пермского присутствия от 31 августа 1863 г. (1861 г., дело № 2, ч. 2-я).

[2]) Второе собр. законов, № 38671 (14 сент. 1862 г.). Журналом главн. комитета об устройстве сельского состояния от 28 июля 1864 г. (высоч. утвержд. 9 августа) был разрешен вопрос о пользовании мастеровыми поссессионных заводов участками, которые были расчищены не одним домохозяином, а несколькими членами семьи (Архив госуд. совета по отделению дел об устройстве сельск. состояния. 1864 г., дело № 74).

[3]) Постановление мирового с'езда от 12 октября 1862 г. (1861 г., дело № 2, ч. 2-я).

отклонить рабочих от переселения, испросил (19 октября 1862 г.) повеления — немедленно приостановить сбор податей с мастеровых Пермской губернии, не получивших соответствующего земельного надела [1]).

В те же дни из Вятской губернии поступило приведенное выше сообщение об образовании избыточного населения на Буйском и Шурминских заводах. Кроме того, пришло известие, что крестьяне Залазинского завода (взятого в казенное управление) терпят крайнюю нужду. Поэтому упомянутое немедленное освобождение от податей было распространено и на Вятскую губернию [2]).

Чтобы смягчить положение на пермских частных заводах, горное начальство Уральского хребта тогда же стало привлекать безработных мастеровых к работе на казенные предприятия. В Богословский округ на промыслы и заводы были направлены 1.420 мастеровых с обещанием выдавать им провиант по себестоимости, а вслед за тем работа открылась и на Миасских золотых промыслах [3]).

Одновременно началась казенная заготовка хлеба для выдачи нуждающимся. Последних в Пермской губернии было до 50 тыс.

Так как выселение „излишних" мастеровых в чрезмерном количестве вызывало у заводчиков опасения остаться без рабочей силы в случае, если в ней вновь окажется надобность, то не только правительственные учреждения, но и сами заводовладельцы, поняли необходимость принятия экстренных мер к ослаблению кризиса. Был выработан такой план помощи в целях возможного удержания мастеровых при заводах, который требовал со стороны заводовладельцев известных уступок. Впрочем, уступки не были чрезмерны, и большинство заводчиков тотчас согласилось на них. План заключался в следующем:

а) мастеровые и чернорабочие, не имеющие пахотной земли, хотя бы и не работали на заводе, освобождаются на шесть лет от казенных податей, повинностей и рекрутчины;

б) владельцы поссессионных заводов передают им усадьбы безвозмездно в собственность, а покосы в пользование на льготных условиях — в течение шести лет [4]); к этому приглашаются и владеющие заводами на праве полной собственности — во всяком случае они обязаны сделать некоторые уступки;

в) о намерении закрыть завод или уменьшить его действие владелец предупреждает за год, и тогда рабочие, оставшиеся без работы, получают при заводе высший местный размер земельного надела на льготных основаниях или переселяются на казенные земли с пособием от казны.

---

[1]) Второе собр. законов, № 38810.

[2]) Горный деп., 3 отд., 2 ст., 1862 г, № 17/769 „О приостановлении сбора податей с зав. мастеровых Пермской и Вятской губ и вообще об оказании пособия горноз. крестьянам Пермской губ." — См. также дело 1861 г., № 2, ч. 2-я.

[3]) Дело 1861 г., № 2, ч. 1-я.

[4]) Мастеровым и чернорабочим как в этом случае, так и в других аналогичных ниже приводимых, вместе с покосами давалось топливо бесплатно или на льготных условиях.

Это правило применяется также в тех случаях, когда даже при полном ходе завода часть рабочих останется без работы [1]).

Еще в марте 1862 г. уральские заводчики, владевшие 39 предприятиями, население которых превышало 60.000 чел., просили разрешить „неотложный" вопрос — при каких условиях можно закрывать заводы, намекая, что от этого пострадают рабочие. Напоминание о рабочих, остающихся без средств к существованию, должно было подсказать, что помочь заводчикам надо хотя бы для того, чтобы оберечь казну от тысяч голодных. Заводовладельцы указывали, что, обладая предприятиями на праве собственности, они могли бы по своему усмотрению закрыть их. Все же они выразили готовность пойти на следующие уступки: заблаговременно уведомлять о своем намерении закрыть завод, и в этих случаях снабжать мастеровых, не имевших земли, наделами — в первые три года бесплатно, а в следующие три года за половину причитающейся цены.

Такие меры, по об'яснению заводчиков, могли только несколько облегчить положение рабочих, так как труд, а не земля составляет основание их благополучия. Следовательно, чтобы упрочить быт рабочих, надо укрепить горное дело. Его расшатали следующие обстоятельства: трехлетний неурожай; общий коммерческий и торговый кризис; низкий и изменчивый тариф на заграничное железо [2]); беспошлинный ввоз машин и железнодорожных металлических принадлежностей; отсутствие поземельных закладных банков и свободных оборотных капиталов [3]). Ввиду этого, заводовладельцы просили установить для них различные льготы. Но горное ведомство выразило согласие лишь на уменьшение (в известном проценте) подати при условии, если правительство обяжет заводчиков соблюдать отмеченные выше правила для материального обеспечения заводских людей. В соответствии с приведенными данными и была составлена записка „О мерах к поддержанию горного промысла и обеспечения заводских людей" [4]). Отметим, что еще в первой половине 1861 г. член оренбургского присутствия Гернгросс, настаивая на увеличении заработной платы, указывал, что медное производство могло создаться в Оренбургском крае только при крепостном праве и при „постепенно вкравшихся натяжках" (т.-е. при злоупотреблениях) со стороны заводоуправлений. Поэтому при увеличении заработной платы заводы должны будут закрыться, если правительство не окажет им помощи, по крайней мере, в сложении за три года подати с металла и печей [5]).

Высшие власти принципиально согласились с предложенными мероприятиями. Но они не отважились открыто принять принудительную

---

[1]) Цитированное письмо министра вн. дел от 15 июня 1862 г.

[2]) С 1857 г. правительство отказалось от прежней покровительственной системы; в 1859 г. состоялось новое понижение тарифных пошлин на ввозимые металлы.

[3]) Государственный совет, 1862 г., дело № 76. Записка министра внутр. дел и министра финансов от 4 августа 1862 г. Записка делегатов от заводчиков. (Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 23).

[4]) От 4 августа 1862 г. госуд. совета (1862 г., дело № 76).

[5]) Доклад Гернгросса от 1 июня 1861 г. (Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 23).

меру по отношению к заводчикам. Хотя большинство заводчиков согласилось уступить мастеровым усадьбы и предоставить им в пользование покосы [1]) (за это будет уменьшен размер горнозаводской подати), все же было „желательно избегнуть до крайней возможности таких мер, которые бы безусловно обязывали заводчиков к уступкам". Считалось достаточным об'явить, что льготы в отношении горной подати предоставляются только тем заводчикам, которые пойдут навстречу нуждам горнозаводских людей. Поссессионные заводчики платят бóльшую подать, чем заводовладельцы на праве полной собственности, они извлекут бóльшую пользу, чем последние, при процентном понижении подати, следовательно, от поссессионных заводчиков можно требовать бóльших уступок, чем от остальных владельцев.

В результате, законом 3 декабря 1862 г. было установлено [2]):

Мастеровые, не получившие пахотной земли и остающиеся на прежнем месте жительства, освобождаются на шесть лет от казенных податей и земских денежных повинностей [3]), а также от рекрутской повинности.

Мастеровым предоставляются:

а) на поссессионных заводах — усадьбы в собственность безвозмездно, а покосы в пользование (и топливо) в первые три года безвозмездно, а в следующие три года за половину причитающихся сумм;

б) на заводах владельческих — безвозмездно усадьбы, а покосы в пользование (и топливо) на один год безвозмездно и еще на один год за половину причитающихся сумм.

Заводчикам, которые обяжутся выполнить указанные условия, уменьшается на три года горная подать.

О закрытии завода владелец уведомляет за один год. В течение этого года он должен или дать работу мастеровым, которые пожелают получать провиант и работать по условленным ценам, или же безвозмездно продовольствовать излишних мастеровых.

Мастеровым, оставшимся без работы после предварения о закрытии завода (хотя бы завод и не был закрыт) или при уменьшении его действия, дается высший земельный надел (если это позволяют земельные средства завода) с некоторыми льготами — меньшими на частных заводах и большими на поссессионных.

По закрытии завода или уменьшении его действия разрешается, в случае необходимости, переселение мастеровых на казенные земли со льготами и пособием, при чем в течение года (в ближайший трехлетний период) заводчик, как и в предшествующем случае, должен безвозмездно продовольствовать тех мастеровых, которые к 1 октября 1862 г. состояли при заводе; о продовольствии остальных заботится комиссия народного продовольствия [4]).

---

[1]) Журнал соединенного заседания гл. комитета об устройстве сельск. населения и департамента экономии госуд. совета. От 1 сентября 1862 г. (гос. совет, 1862 г., № 76)

[2]) Главный комитет подчеркнул, что если заводчик, об'явив о своем намерении закрыть завод, не остановит его действия, то за горнорабочими все же сохраняется право на надел и другие льготы, так как одно об'явление заводчика о предстоящем закрытии завода приведет горнорабочих в расстройство. Можно полагать, что тут имелось в виду отвратить заводчиков от попыток путем угрозы закрытия завода склонять рабочих к принятию более тяжелых условий труда.— Цитиров. дело 1861 г. № 2, ч. 2-я.— Госуд. совет, 1862 г., дело № 76.

[3]) Кроме сбора в продовольственный капитал и на содержание мировых учреждений.

[4]) Второе собрание законов, № 38989 (высочайше утвержденное 3 декабря 1862 г. мнение государственного совета).

Указанными льготами могли воспользоваться не только мастеровые, лишенные надела за отсутствием земли, но и те, которые отказались по доброй воле от надела [1]).

Ввиду различия тех условий, в которые были поставлены рабочие поссессионных и частновладельческих заводов [2]), напомним, что поссессионными заводами именовались двоякого рода предприятия: 1) получившие пособие от казны — землей, лесом, рудниками и людьми и 2) принадлежавшие лицам не дворянского происхождения (т.-е. не имевшим права лично владеть крепостными), пользовавшимся принудительным трудом крестьян, которые были прикреплены к предприятию, но не составляли собственность его хозяина. В 1852 г. поссессионными заводами были об'явлены только предприятия, имевшие от казны вещественное пособие [3]). Несмотря на это, заводы второй категории продолжали попрежнему числиться в списках поссессионных. Между тем, так как, помимо большей горной подати, поссессионные заводы должны были сделать более значительные уступки мастеровым, вопрос о принадлежности завода к той или иной категории обострился. Вот почему было постановлено: из числа поссессионных заводов, не получивших от казны вещественного пособия, перечисляются в списки владельческих следующие: 1) принадлежавшие лицам не дворянского происхождения; 2) хотя и имевшие непременных работников (данных от казны), но со времени реформы не пользовавшиеся их трудом; 3) пользующиеся рудниками от казны, за которые уплачивали особую подать. При этом заводы могли перейти на положение владельческих лишь в том случае, если (согласно закону 3 декабря 1862 г.) предоставят мастеровым безвозмездно усадьбы, а также передадут им покосы на льготных условиях [4]).

Приведенные выше льготы для безземельных мастеровых побудили малоземельных сельских работников добиваться перевода их в разряд мастеровых. И всюду это стремление было „более или менее резко выражено". На Благовещенском заводе, на котором, как мы видели выше, уже раньше возникли волнения, сельские работники прекратили земледельческие занятия [5]). Чтобы водворить порядок, неоднократно вводились войска. Но сельские работники упорствовали, хотя постепенно все больше разорялись. Подати принудительными мерами взыскивались с них попрежнему. Наконец, в июне 1864 г. крестьянам завода было разре-

---

[1]) В таком положении оказались, напр., мастеровые Уинского завода. Горный деп. отдел. частных заводов, 3 стол, 1869 г., дело № 67/12 „О правах мастеровых Уинского завода на льготы и т. д."

[2]) *А. Петров.* О поссессионном праве в России (Горный журнал, 1862 г. № 1, стр. 148—54).

[3]) См. том I настоящей книги, стр. 194—95.

[4]) Второе собр. зак., № 40358, § 3 (9 дек. 1863 г.). Оговорено было также предоставление крестьянам льготного пользования топливом. Ср.: Второе собр. зак., № 45728, 16 апреля 1868 г.

[5]) Эти волнения привели к изданию закона 9 июня 1864 г. „О пределах власти общественного крестьянского управления над членами общества — служащими по найму на частных горных заводах" (Второе собр. зак., № 40975).

шено переселиться на казенные земли. На это выразили согласие 707 домохозяев (2.132 души). Тех же, кто остался при заводе, стали поспешно снабжать поземельными наделами [1]).

Льготы, предоставленные безземельным мастеровым, шестилетнее освобождение от податей и рекрутчины были распространены на тех мастеровых, надел которых был ниже минимальной нормы, установленной для местных государственных крестьян. Размер надела определялся не только пахотной землей, но и прочими угодьями [2]).

ЛЬГОТНЫЕ ГОДЫ

Переход к вольнонаемному труду на казенных заводах. — Земельная необеспеченность и безработица мастеровых.—Распространение на них льгот, предоставленных мастеровым частных заводов.— Вопрос о выселении избыточных рабочих с частных заводов. —Ходатайства о продлении льгот.— На частных золотых приисках.—Возвращение переселенцев.— Цифровые иллюстрации.

Казенные мастеровые еще не могли в ту пору добиться таких же льгот, как на частных заводах, хотя местами они находились в таком же тяжелом положении. Население казенных заводов, кормившееся, главным образом, от заводской работы, подобно населению частных заводов, потеряло с отменой принудительного труда казенный хлеб и приняло на себя тяготу податей и повинностей. Мастеровых частных и казенных заводов роднило и то, что на казенных заводах потребность в числе рабочих рук уменьшилась как вследствие большей производительности вольного труда, так и ввиду сокращения действия казенных заводов. Работу искусственно и преднамеренно сокращали, чтобы „внутренней конкуренцией“ вынудить рабочих к „уменьшению своих требований“ [3]). Еще в мае 1862 года указывалось на необходимость наделить мастеровых казенных заводов землею в равном размере с сельскими работниками [4]) А когда законом 17 декабря 1862 года было учреждено общественное управление на уральских казенных заводах (также на Алтайских и Нерчинских), этим же законом был поставлен вопрос, следует ли распространить на население казенных заводов упомянутые льготы.

---

[1]) Отчеты оренбургского губернатора за 1863 и 1864 гг.

[2]) Горный деп. 3 отд. 2 ст. 1864 г. дело № 7/267.— Архив госуд. совета, отдел. дел об устройстве сельского состояния, 1864 г., дело № 64 „О распространении правил 3 декабря 1862 г. на мастеровых и т. д.“— Второе собр. зак., № 41000 (23 июня 1864 г.).

[3]) Из упомянутой выше записки Дашкова. Это вызывалось отсутствием необходимых денежных средств, каковое об'яснялось отнятием у заводов (в 1860 г.) запасных сумм (новые сметные правила не допускали кредитов на погашение расходов прежнего времени) и сильным вздорожанием хлеба. Безденежье до того тормозило работу, что в 1863 г. пришлось в спешном порядке отпустить средства уральским казенным заводам (Архив гос. совета 1863 г., дело № 198/9886 „Об отпуске казенным уральским заводам 1.130.345 руб. в виде экстраординарного кредита“).

[4]) См. выше, стр. 50.

По Пермской, Оренбургской и Вятской губерниям мастеровые и сельские работники казенных заводов были недостаточно обеспечены земельными угодьями. На каждую мужскую душу приходилось: в Екатеринбургском округе—2 десятины, в Златоустовском—$1^1/_3$ десятины, в Гороблагодатском—$2^1/_3$, в Пермском—$2^1/_2$, в Богословском—$1^1/_2$. Уральские присутствия высказались за шестилетние льготы мастеровым, включая преимущества, установленные на случай сокращения действия завода, так как хотя по об'явлении свободы на некоторых заводах почувствовался недостаток в рабочих руках, но вскоре предложение стало превышать спрос. В 1862 году одна треть казенного населения была лишена работы [1]). Уральское горное ведомство считало необходимым предоставить льготы также сельским работникам, не получившим надела даже в низшем размере. Но в Петербурге соглашались лишь на то, чтобы сельские работники пользовались льготами только в исключительных случаях [2]).

Так как положение мастеровых изо дня в день обострялось, а вопрос о льготах двигался медленно, то поспешили дать хотя бы частичное облегчение. В 1863 году мастеровых и сельских работников казенных заводов освободили от рекрутчины [3]), а в 1864 и след. годы освободили одних лишь мастеровых и притом только тех из них, которые не получили пахотной земли [4]). В 1865 и след. годах от рекрутчины [5]) были освобождены сельские работники Мотовилихинских заводов. Но все это мало помогло. Невозможность взыскивать с горнозаводского населения подать стала совершенно очевидной. И так как к этому времени льготы на частных заводах были распространены и на малоземельных, то и для мастеровых казенных заводов они должны были быть соответственно расширены [6]).

---

1) С течением времени это явление не уменьшалось. Так, в отчете за 1864 г. пермский губернатор сообщал, что с введением на казенных заводах вольнонаемного труда и с закрытием или сокращением нескольких северных заводов и золотых промысловых работ часть горнозаводского населения оказалась в таком положении, что пришлось выдать хлеб в ссуду. А председатель уфимского присутствия сообщил в конце 1866 г. о желании мастеровых казенных заводов Златоустовского округа переселиться на казенные земли ввиду недостатка работы на заводах (6-е делопр. земск. отд. мин. вн. дел, 1863 г., дело № 24 „О переселении горнозав. людей на казенные земли". Сообщение от 30 ноября 1866 г.).

2) Журнал комиссии по пересмотру горн. устава от 31/X, 1864 г. в цитированном деле 6-го делопроизводства земского отдела, № 6, ч. 2-я.— В том же деле: записка министров фин. и вн. дел 16/XII, 1867 г.; письмо мин. финансов министру вн. дел 31/X, 1864 г.— Журнал пермского присутствия 31/VIII, 1863 г. (в деле 1861, г. № 2 ч., 2-я).

3) Высоч. повеление: для Урала 15/X, 1863 г. (Вт. собрание законов, № 40126), для прочих казен. заводов 9/XI, 1863 г. (Вт. собр. законов, № 40244).

4) Вт. собр. законов, № 41612 (23/XII, 1864 г.).

5) Там же № 41903 (10/III, 1865), № 42756 (9/XII, 1865 г.), № 44035, (23/XII, 1866 г.), № 43068 (2/III, 1866 г.), № 44179 (27/I, 1867 г.).

6) В середине 1865 г. пермская казенная палата, ожидая закона о льготах для казенных заводов, воздержалась от обложения податью всех сельских работников и мастеровых. Но пермское присутствие, возбудив ходатайство о льготах в отношении лишь мастеровых, не получивших низшего размера, предписало палате обложить остальных мастеровых и всех сельских работников.

Время шло, а дело не продвигалось. Случалось, что, вследствие стеснения в денежных средствах, казенные заводы плохо расплачивались с рабочими. На Гороблагодатских заводах летом 1867 года не была выдана плата за ноябрь и декабрь 1866 года. Рабочие принуждены были с большим убытком продавать местным торговцам заводские квитанции на задолженные за работы суммы. Были также жалобы на невыдачу богаделенного пайка. Отсутствие средств у горного управления сказывалось и на рабочих тех частных заводов, которые поступали в казенное заведывание. Когда Бизярский завод, принадлежавший к группе кнауфских заводов, закрылся в 1862 году, состоялось распоряжение выдать его мастеровым бесплатно около 16 тысяч пудов ржаной муки. Однако, оно не было выполнено [1]). Вообще, хозяйственное состояние казенных заводов было таково, что действие некоторых из них поддерживали, главным образом, с той целью, чтобы местное население не потеряло источника существования. Число рабочих на подобных предприятиях уменьшалось именно вследствие неисправной выдачи платы и понижения ее [2]).

Совокупность описанных обстоятельств заставила, наконец, горное ведомство заявить (в августе 1866 года), что все население казенных заводов пришло в убожество и не может уплачивать подати и повинности. Предположенное распространение на мастеровых казенных заводов тех льгот, которые были даны мастеровым частных заводов, казалось теперь уже недостаточным. Предлагалось: освободить от податей и рекрутчины на 6 лет всех мастеровых и сельских работников (последних от рекрутчины при крайнем малоземелье); предоставить мастеровым бесплатные покосы; временно освободить мастеровых, имеющих пахотные земли, и сельских работников от поземельного оброка. При этом указывалось, что такие льготы, вопреки существовавшему опасению, вовсе не вызовут ропота у населения частных заводов. Оно привыкло к тому, что крестьяне разных ведомств получали разные права [3]). Но столь широкий план встретил отпор со стороны министерства внутренних дел, и горное ведомство решило удовольствоваться меньшими льготами с тем, чтобы они были введены на всех казенных заводах—Уральских, Олонецких и Луганском.

Это было в конце 1866 года [4]). Все же вопрос о льготах продолжал служить предметом обсуждения. Между тем, положение горнозаводского населения, не исключая сельских работников, все ухудшалось. Если раньше пермское присутствие высказывалось против льгот для

---

1) Лишь в 1895 г. последовало предписание немедленно выплатить им стоимость полагавшегося хлеба. Дело, таким образом, тянулось 33 года. (Московское древнехранилище. Горный Деп. Отдел частных заводов, № 979. 1892 г. 2-й стол., № 82 „О выдаче мастеровым Бизярского завода провианта“).

2) *В. Безобразов.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов.

3) Письмо мин. вн. дел 30/IX 1866 г. и записка мин. вн. дел и финансов от 16/XII 1867 г. (1862 г., дело № 6, ч. II).

4) То же письмо мин. вн. дел 30/IX 1866 г. и ответ мин. финансов.

сельских работников, то теперь оно признало неотложным оказать им помощь. На некоторых заводах сельские работники или вовсе не имели пашни, или их надел был весьма ничтожен—иногда меньше, чем у мастеровых той же волости. Неоднократно бывало, что во дворе, имеющем общее хозяйство, члены семейства оказывались записанными в различные разряды — мастеровых и сельских работников, вследствие чего невозможно было определить в отдельности наделы мастеровых и сельских работников. Право на льготы по малоземелью имели (по неточному подсчету) 27.625 мастеровых и 11.640 сельских работников, то-есть всего 39.265 человек, лишенных даже низшего надела. Не имели права на льготы всего 12.602 человека, в числе которых 7.072 пользовались наделом в пределах от 2 дес. 800 саж. до 3 и 4 дес., а в нескольких случаях—до 11. Остальные же 5.530 мастеровых и сельских работников из группы, неимевших права на льготы, пользовались наделами, не достигавшими 2 дес. 800 саж. каждый. Но они жили там, где для земледельца минимум был установлен в размере от $1^1/_2$ дес. до 2 дес. 850 саж. Поэтому они имели, так сказать, местный минимум, и формально могли считаться обеспеченными землею. Понятно, что при неблагодарной почве надел менее 3 десятин (считая в этом числе усадебные земли, выгон, покос и пашню) являлся нищенским [1]).

Наконец, 12 марта 1868 года [2]) были утверждены в отношении казенных заводов, а отчасти и частных, следующие меры, в основном опиравшиеся на льготы, установленные в 1862 году для частных заводов:

Мастеровые освобождаются от податей, денежных повинностей и рекрутчины в течение шести лет.

Мастеровые пользуются бесплатно покосами, освобождаются от оброка за землю на шесть лет, а сельские работники—на три года [3]).

В случае закрытия заводов или сокращения их действия к мастеровым применяются правила, установленные на поссессионных заводах.

Сельским работникам как частных, так и казенных заводов, получившим землю в меньшем размере, чем по низшей норме, предоставлять — в особых случаях — те же льготы в податях и повинностях, как мастеровым.

---

[1]) Журнал пермского присутствия от 14/VIII 1867 г. (упомянутое дело 6-е делопр. зем. отд., 1862 г., № 6, ч. 2-я). В октябре 1867 г. на сельских работников каз. и поссесс. заводов было распространено право пожизненно пользоваться безвозмездно землями, собственноручно расчищенными, каковым правом по положению 8 марта 1861 г. пользовались мастеровые казен. заводов и по повел. 14/IX, 1862 г. мастеровые пос. заводов (письмо мин. финансов от 12/X 1867 г. в том же деле). О неблагоприятных земледельческих условиях в горнозаводских имениях говорят следующие цифры. На 51.867 душ было дано пахотной земли и сенокосов 73.712 дес., в среднем по 1 дес. и 1.012 саж. на душу, а считая также: 4.711 дес. усадебной земли, 5.676 дес. выгона, всего выходило 1 дес. 1.491 саж. на душу, при чем часть этой земли была расчищена самими рабочими (Журн. пермск. присутствия 14/VIII, 1867 г.).

[2]) Вт. собр. зак. № 45599—Упомянутое дело 6-го делопр., 1862 г., № 6, ч. 2-я. Дело главн. комитета об устройстве сельского состояния, 1867 г., № 73 „О мерах к обеспечению быта горнозаводского населения".

[3]) При установлении этой льготы было оговорено, что она не вызовет ропота на частных заводах.

Новый закон мог лишь частично облегчить стесненное материальное положение горнозаводского населения. С мест продолжали поступать ходатайства об облегчении его участи и на казенных и на частных заводах. Так как ни наделение мастеровых частных заводов росчистями, ни льготы 3 декабря 1862 года не могли в корне парализовать последствий земельной необеспеченности рабочих и сокращения заводской потребности в них [1]), то тяга к переселению должна была попрежнему владеть мастеровыми. Начали собирать сведения о том, какое количество рук необходимо для заводов, и какому числу мастеровых можно разрешить выселение. В Оренбургском крае дело на некоторых заводах представлялось в следующем виде:

	Оставить:	Выселить:
Юрюзанский	2.218	250
Минский	1.507	66
Катав-Ивановский . . .	3.268	217
Усть-Катавский	1.848	130
Миньярский	370	534
Симский	849	186
Каноникольский	380	336
Кагинский и Узянский .	Без дейст.	275
Всего . . .	10.440	1.894

Сверх этого могло выселиться также известное число мастеровых, живших по деревням, принадлежавших как к перечисленным заводам, так и к Преображенскому, владелец которого готов был отпустить всех людей. Таким образом, было разрешено выселиться всего 5.209 мастеровым. Но не все они воспользовались этим правом за отсутствием пригодной земли [2]).

Переселенческое движение, принявшее эпидемический характер, посеяло тревогу в Петербурге. Поэтому, хотя по закону 3 декабря 1862 года вопрос о переселении предоставлялся усмотрению губернских присутствий, было восстановлено прежнее правило (25 мая 1861 г.), чтобы эти вопросы разрешались совместно министрами финансов, внутренних дел и государственных имуществ. Между тем, местные власти хотели сохранить это право за собою, чтобы угрозою переселить мастеровых понуждать заводчиков к уступкам в пользу мастеровых [3]).

К уходу с завода побуждала, главным образом, неуверенность в дальнейшем заработке на предприятии. Нередко мастеровые снимались с мест, не получив даже пособия от правительства. Так, в отчете пермского

[1]) В Оренб. крае правилами 3/XII, 1862 г. воспользовались в 1862 г. только владельцы Симских заводов Балашевы и Катавских заводов кн. Белосельский-Белозерский (отчет губернатора за 1863 г.).

[2]) Отчет оренб. губернатора за 1863 и 1864 годы (цифры в этих двух отчетах не совпадают).

[3]) Письма пермского губернатора от 6 июня 1863 г. со ссылкой на письмо министра внутр. дел от 25 мая 1863 г., № 6895; записка губернатора от 18 октября 1863 г. (1861 г., дело № 2, ч. 2-я).

губернатора за 1864 г. встречается сообщение, что из числа избыточных рабочих, образовавшегося в виду закрытия некоторых частных заводов и золотых промыслов, а также вследствие технических усовершенствований заводов, до 310 ревизских душ мужского пола перешли в другие губернии на казенные земли за собственный счет, и не группами, а „почти единолично".

Местные власти усиленно добивались продления льгот 1862 года [1]). Между тем, самая неизбежность этих ходатайств указывала, что нужны более глубокие перемены в условиях труда и быта рабочих, которые сделали бы излишними временные льготы.

Пермское присутствие указывало на ряд обстоятельств, препятствовавших рабочим выйти из бедственного состояния. Так, льгота по рекрутчине, предоставленная Положением 1861 года тем мастеровым, которые, прослужив три года на заводе, заключили договор на новое трехлетие и которые вместе с тем бесплатно получили от заводовладельца усадьбы, оказалась мало реальной. Большинство владельцев не отдали усадеб и почти ни с кем не заключили договоров. Льготы по переселению с пособиями от казны умалялись тем, что они были предоставлены только тем рабочим, которые, значась на заводе к 1 октября 1862 года, потеряли заработок только вследствие сокращения действия или закрытия предприятия. Между тем, были такие, которые лишились работы вследствие технических усовершенствований или по личным соображениям заводовладельца. К тому же переселение избыточных рабочих на практике парализовалось различными затруднениями [2]). Характерно, что даже право владеть пожизненно росчистями оспаривалось в отношении мастеровых тех поссессионных заводов, которые таковыми числились лишь потому, что в свое время данным предприятием владело лицо недворянского происхождения. Особого внимания требовали те мастеровые, которые при отмене принудительного труда отказались от покосов (за оброк). Спустя некоторое время они стали добиваться этих участков с правом выкупа, но им отказывали. Вообще ощущалась потребность в немедленной помощи мастеровым, потерявшим работу из-за избытка рук и не обеспеченным пахотной землей [3]), а также многосемейным мастеровым. Однако, не все такие нужды удовлетворялись.

Пожизненное пользование росчистями было предоставлено мастеровым в с е х поссессионных заводов [4]). Но за теми мастеровыми, которые

---

[1]) Журн. пермск. присутствия от 18/VII, 1863 г.; письмо министра внутр. дел 18/I, 1864 г. № 640 (дело 1861 г. № 2, ч. 2-я). О взыскании оброка — см. журнал пермск. присутствия и др. бумаги в том же деле, стр. 176—180, 187—194, 205 и др. Двое крупных заводчиков оказались вынужденными понизить оброк (на $1^1/_2$ р. серебр.), полагавшийся по закону 19 февраля 1861 г.

[2]) См., напр., 6-е делопроизв. земск. отдела мин-ва вн. дел, 1863 г., дело № 24 „О переселении горнозав. людей на казенные земли".

[3]) Записка (май 1868 г.) депутата пермского присутствия и письмо пермского губернатора (30 ноября 1868 г.) в деле 1862 г., № 6, ч. 2-я.

[4]) Письмо министра вн. дел 23 марта 1869 г. всем губернаторам на Урале (в деле 1862 г., № 6, ч. 2-я).

в свое время по неведению отказались от земли, не было признано право на получение надела. Только для мастеровых Суксунских заводов было сделано исключение. Равным образом, мастеровым, которые при отмене принудительного труда отказались от наделов сельских работников, ограничившись меньшим наделом мастеровых, не было дано права на дополнительный участок по льготным условиям Положения 19 февраля 1861 года. Они могли только по частному соглашению с заводовладельцем взять надел сельских работников и перейти в этот разряд [1]).

С такой же тревогой, как пермские власти, ждала и оренбургская администрация окончания льготных лет (на некоторых заводах срок истекал в 1868 году, на других — в следующем и в дальнейших). Но она не рассчитывала на восстановление льгот в полной мере и потому хлопотала о продлении их в урезанном виде. Оренбургские власти указывали, что горнозаводское население не в силах уплачивать подати и повинности в таком размере, как сельское сословие вообще. Оно не имеет пахотной земли. Луга даны в небольшом размере только мастеровым казенных заводов, на частных же заводах даны одни только усадьбы. Поэтому источником существования служит работа на заводах. Между тем, после 1861 года уменьшилось заводское действие. Чтобы удержать мастеровых при заводах, необходимо по истечении льготного шестилетия понизить на следующее шестилетие размер казенных повинностей как для казенных, так и для частных заводов. Но это ходатайство было отклонено [2]).

Неудовлетворенной осталась и просьба вятских властей о продлении льготы мастеровым Бело-Холуницких, Климковско-Боровского и Черно-Холуницкого горнозаводских обществ, которые не имели пахотных земель, а потому бедствовали ввиду сокращения работы заводов [3]).

Очевидец, побывавший в 1867 году на Холуницких заводах, сообщает, что неурядицы в управлении и в особенности неисполнение заводами своих обязательств по контрактам с рабочими понудили местные власти принять ряд мер, чтобы обеспечить рабочих хлебом. Не имея денег, заводоуправление выдавало рабочим в счет платы квитанции, которыми обязывалось вносить за них подати в казну. Рабочие готовы были терпеть неуплату остальных денег, лишь бы получать за работу такие квитанции, освобождавшие их от уплаты подати. А заводоуправление не вносило в казну государственных податей за рабочих в течение восьми лет, и на нем накопился громадный долг [4]).

---

[1]) Постановление горного совета 5 февраля 1869 г. (земск. отд., дело 1862 г., № 6, ч. 2-я). Сообщено было пермским властям лишь в конце того года. — О льготах для рабочих, имевших менее 2 дес. 840 саж., см. — дело 1862., № 6, ч. 2-я (журнал пермск. присутствия 14/VIII — 67 и др. бумаги).

[2]) 6-е делопр. земск. отд. 1862 г., дело № 6, ч. 2-я (журнал оренб. присутствия 12 июня 1868 г. и письмо министра фин. 23 окт. 1868 г.).

[3]) Письмо вятского губернатора от 25 сентября и письмо министра фин. от 29 окт. 1868 г. (в том же деле).

[4]) *В. Безобразов*, названное сочинение.

Картину хозяйственного расстройства предприятия и нужды рабочих представляет также описание Ревдинских заводов, составленное тем же очевидцем. Правительство оказывало материальную поддержку владельцу Ревдинских заводов с целью обеспечить мастеровых хлебом. Но эта помощь не могла задержать разрушение завода, первоначально вызванное тратой денег на „увеселительные заведения", а потом усилившееся вследствие отсутствия денег в годы отмены принудительного труда и вздорожания хлеба. Только казенные кредиты поддерживали заводы да разные льготы (податные недоимки достигли 800 тысяч рублей). Долг завода рабочим в 90 тысяч рублей при наличии населения в 9.000 человек дает понятие, какова должна была быть нужда населения. Работа в долг и получение за работу всяких негодных товаров продолжались в течение ряда лет. Это, конечно, легче всего могло привести к возмущению рабочих, и именно под угрозою волнений заводовладельцы выпрашивали пособия от казны. При этом заводоуправление не давало рабочим уйти с предприятия, склоняя местную власть отказывать им в паспортах. Казна поддерживала действие завода, опасаясь необходимости взять на себя заботу о безработном населении. Между тем, когда в 1867 году завод закрылся, рабочие нашли работу по соседним предприятиям и, зная о его несостоятельности, даже не потребовали годового бесплатного провианта. Их положение значительно улучшилось, но очень тяжело стало оставшимся на заводе престарелым и детям.

Мрачную картину представляла собою и жизнь рабочих на частных золотых приисках. Упомянутый нами выше очевидец, посетивший золотые промыслы по пути от Верхотурья к Богословскому заводу, наблюдал в этих местах старательские работы. Частные промышленники обычно привлекали старателей к работе на бедных россыпях или на новых местах для разведки. Когда же находились богатые гнезда, старателей устраняли. И вот почему на описываемых россыпях большие партии старателей — в сто человек и более — фактически даром трудились над отысканием золотоносного пласта. Старательские артели нанимали от себя подёмных рабочих на самых разнообразных условиях. Но общий результат был тот, что всего более проигрывали те, кто пришел с деньгами, прочие попадали в неоплатные долги хозяевам приисков или артелям, от которых получали провиант в счет будущего золота. Старательские работы, за отдельными исключениями, представляли собою „поистине нищенский" и в то же время азартный промысел, деморализовавший рабочих. Рабочие, втянувшиеся в него, делались неспособными к другому труду. Деревни старателей были обыкновенно самыми бедными. На прииски рабочие приходили из дальних мест Екатеринбургского уезда, и многие, не найдя золота, существовали милостыней. На одном прииске толпы людей обоего пола и всяких возрастов до изнеможения бились, чтобы докопаться до золотоносного пласта. Одни артельщики доедали последние копейки, другие — кормились в долг. Эта безнадежная работа, которая могла быть выгодной одному лишь владельцу прииска в

случае обнаружения золотоносного пласта, поддерживалась лживыми обещаниями хозяина дать позже более благоприятный участок.

Несмотря на то, что на горных заводах рабочие находились в тяжелых материальных условиях, многие из переселившихся на казенные земли хотели вернуться назад. Их быстро охватило разочарование. Уже в 1866 году из Томской губернии поступил запрос, на каких условиях можно вернуть на старые места крестьян, переселившихся с уральских горных заводов. Ответ был таков: надо предварительно возвратить казенное пособие, выданное для переселения. Это условие было, конечно, невыполнимо. И неудивительно, что вскоре в Уфимскую губернию самовольно вернулись переселенцы, и притом в крайне бедственном состоянии. Число их с каждым днем возрастало, и этот массовый поток указывал на то, что имелись общие причины, препятствовавшие переселенцам водвориться навсегда в Сибири. Поэтому был возбужден вопрос о разрешении всем переселенцам вернуться назад. Наибольшее число переселенцев, кажется, принадлежало Симскому заводу: в 1865—66 гг. ушло с завода до 2.000 человек. Многие из них вернулись самовольно — это те, которые получили казенное пособие. На Миньярском заводе только 17 семейств воспользовались казенным пособием при переселении, другие даже не успели уехать, ограничившись тем, что записались на новые земли. Подобное же явление наблюдалось и в Оренбургском крае. И здесь власти хлопотали о том, чтобы вернувшиеся из Омской губернии переселенцы (113 домохозяев) были включены в их старые общества, иначе они будут разорены.

Сибирский ген.-губернатор признал, что переселенцы с горных заводов непригодны, как сельскохозяйственный элемент, поэтому всем переселенцам (1869 г.) было дозволено возвращаться на заводы с постепенным погашением казенного пособия. Первоначально было решено лишать вернувшихся переселенцев тех особых льгот, которые были предоставлены мастеровым, но затем это изъятие было исключено [1]).

Чтобы подробнее ознакомиться с некоторыми из описанных выше явлений горнозаводской жизни, мы приведем дополнительно цифровой материал. Не охватывая всех тех факторов, совокупностью которых определяются данные явления, эти цифры не вполне достаточны для твердых выводов, но они ценны в качестве иллюстрации.

Вздорожание рабочей силы в шестидесятых годах было общим явлением на Урале. Чем же оно было вызвано? Условиями ли вольнонаемного труда? Из таблицы № 1 (стр. 72) видно, что, например, в казенном Гороблагодатском округе вздорожание рабочей силы происходило еще в те годы (1858—61), когда действовали старые условия труда. В ту пору оно вызывалось повышением цен на хлеб, и так как вздорожание

---

[1]) Архив главного комитета об устройстве сельского населения, 1869 г., дело № 42 „По предмету возвращения на горные заводы мастеровых, переселившихся на казенные земли". Правила 29 апреля 1869 г.

Таблица № 1

Стоимость поденной работы в Гороблагодатском округе [1])

Казенный Гороблагодатский округ	1858 г.			1861 г.			1862 г.			1863 г.			1865 г.			1866 г.		
	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину	Выдано в рублях [2])		Заработок на одну поденщину
	Плата	Провиант		Плата	Провиант		Плата	Провиант		Плата	Провиант		Плата	Провиант		Плата	Провиант	
Кушва	3.839	5.088	$16^1/_4$	4.925	8.905	$31^1/_2$	17.361	8.250	$36^3/_8$	25.850	Не выд.	$46^7/_8$	24.620	Не выд.	$47^3/_8$	21.696	Не выд.	47
В. Тура . . .	9.406	10.587	$15^3/_8$	8.662	20.662	$33^5/_8$	10.232	16.511	$29^3/_8$	27.227	495	$45^1/_8$	40.054	54	39	41.759	43	$40^3/_4$
Баранча . . .	2.108	2.542	$15^1/_8$	4.613	6.427	$36^5/_8$	5.797	7.595	$32^1/_8$	11.596	Не выд.	$38^5/_8$	5.694	Не выд.	$40^3/_8$	18.264	Не выд.	$43^1/_8$
Н. Тура . . .	15.145	5.963	$30^1/_8$	11.012	15.495	$42^3/_4$	18 857	18.821	39	40.782	2.674	$60^3/_8$	51.348	„ „	$61^1/_4$	39.851	„ „	$68^5/_8$
Серебрянка .	11.582	9.348	$24^7/_8$	12.231	13.411	$36^1/_2$	17.332	12.367	$38^1/_2$	46.299	79	$58^1/_4$	34.734	332	48	35.470	234	$52^7/_8$
Итого .	42.081	33.526	$20^1/_2$ В среднем	41.444	64.902	36 В среднем	69.581	63.544	$35^1/_4$ В среднем	151.775	3.248	52 В среднем	156.451	387	48 В среднем	157.041	278	$49^5/_8$ В среднем

[1]) Приложение к книге *В. Безобразова.* Уральское горное хозяйство и пр.

[2]) В суммах заработной платы и стоимости провианта нами опущены копейки, а потому итоги в рублях не совпадают.

хлеба в разных местах шло по кривой, отнюдь не одинаковой (см. таблицу № 2), то стоимость труда повышалась в отдельных местах неравномерно.

Таблица № 2

Цены [1]), по которым покупали хлебные продукты казенные заводы
(Средняя цена за пуд в копейках)

Заводы	1856/57 г.	1857/58 г.	1858/59 г.	1859/60 г.	1860/61 г.	Продукты
Екатеринбургские . .	$17^{2}/_{4}$	$20^{1}/_{2}$	$30^{6}/_{7}$	$58^{1}/_{8}$	$81^{1}/_{2}$	Мука
Гороблагодатские . .	$26^{2}/_{4}$	$30^{3}/_{7}$	$40^{1}/_{8}$	$75^{1}/_{8}$	$90^{1}/_{8}$	„
Златоустовские . . .	$19^{1}/_{2}$	$21^{1}/_{2}$	$32^{1}/_{8}$	$58^{1}/_{8}$	$74^{3}/_{5}$	„
„ . . .	$17^{1}/_{2}$	19	$29^{1}/_{3}$	$53^{1}/_{4}$	$74^{1}/_{5}$	Рожь
Богословские	$29^{3}/_{7}$	$30^{1}/_{8}$	$42^{1}/_{2}$	$77^{1}/_{4}$	1 р. $06^{3}/_{4}$	Мука
„ . . .	$27^{1}/_{4}$	$29^{1}/_{2}$	$42^{5}/_{8}$	75	99	Рожь
Пермские	25	$31^{2}/_{7}$	$46^{5}/_{8}$	$57^{1}/_{2}$	$64^{1}/_{4}$	Мука
Воткинские	$24^{3}/_{5}$	$30^{2}/_{7}$	$34^{1}/_{2}$	$48^{1}/_{2}$	$47^{1}/_{5}$	„

В дальнейшем, с отменой принудительной работы, стоимость труда зависела уже не только от цены все более дорожавшего хлеба (см. таблицу № 3 на стр. 74), но и от других нужд рабочего. Кроме того, стоимость труда определялась также соотношением между спросом и предложением рабочей силы и разнообразными местными условиями [2]).

Размер заработной платы колебался в различных пределах по отдельным местностям и родам труда, как это видно, например, из таблицы № 4 (стр. 75). Так, на Богословском казенном заводе, на Турьинских рудниках (Пермской губернии) плата высшим мастеровым в период 1862—66 годов удвоилась в сравнении с предыдущими периодами, а плата рабочим низшего разряда возросла даже в семь раз: с 5—8 копеек в день до 25—60 коп. Богословский завод и Турьинские рудники обслуживались до отмены обязательного труда преимущественно ссыльными, в частности, людьми, удаленными с частных и казенных заводов за проступки или вообще по желанию заводоуправления. Они поспешили покинуть негостеприимный край, и для замены их новыми людьми приходилось вербовать рабочих в отдаленных губерниях, обещая им особые выгоды. А так как к тому же заводоуправление не было исправно в расчетах, то рабочие еще больше возвышали плату. Однако, даже повышенная плата была недостаточна, чтобы удерживать рабочих на Турьинских рудниках в необходимом числе. Вот почему для привлечения мастеровых

---

[1]) Горный деп., комиссия для пересмотра горного устава, 1861 г., дело № 23 „О порядке закрытия частных заводов и т. д.“.

[2]) Ср. *Р. Попов.* Горнозаводский Урал (Отечественные записки, 1874, кн. 11-я).

Таблица № 3

Движение цен[1]) на хлеб и заводские материалы

Средние цены в рублях и копейках (без дробей)

	1855/57 г.		1858/60 г.		1864/66 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Пермская губерния:						
Средне-Прикамская местность:						
Пуд ржаной муки	—	25	—	54	—	60
Короб угля на заводе	—	39	—	71	1	38
Пуд медной руды	—	06	—	10	—	10
Средний Урал. Западный склон:						
Пуд ржаной муки	—	23	—	61	—	64
Короб угля	—	59	1	35	1	48
1.000 пуд. железной руды на заводе.	16	—	53	—	57	—
Северный Урал. Восточный склон:						
Пуд ржаной муки	—	27	—	63	—	87
Короб угля	—	73	1	—	1	75
100 пудов железной руды	1	66	3	—	3	25
Оренбургская губерния:						
Южный Урал:						
Пуд ржаной муки	—	27	—	37	—	62
Короб угля	—	53	—	58	—	80

предлагалось: назначить плату по степени твердости породы (как это было в Нижнетагильских рудниках), и притом, в соответствии с ценами на продукты питания, производить более частые денежные расчеты с рабочими и принять другие меры к улучшению их положения[2]).

Дороговизна хлеба и повышение заработной платы сказывались на стоимости заводского материала. Соответствующие данные, приведенные в таблице № 3, представляют собою средние цифры,— в таблице не отмечены крайние пределы дороговизны в отдельных местностях и в отдельные годы. И тем не менее указанные цифры говорят о чрезвычайном вздорожании заводских материалов и хлеба в трехлетие 1858—60 годов в сравнении с предыдущими годами. Повышение стоимости хлеба и материалов в ту пору было наименьшим в Оренбургской губернии, но именно здесь оно оказалось наиболее значительным в дальнейшие годы. Не следует полагать, будто стоимость материала всегда и всецело опре-

---

[1]) *В. Безобразов.* Уральское горное хозяйство, стр. 323.

[2]) *Г. Романовский.* О турьинских медных рудах и рудниках (Горный журнал, 1868 г., ч. 3-я, стр. 181 и след.).

Таблица № 4

Добыча руды [1])

Горные предприятия	Плата в копейках по отдельным годам							
	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867
Юговский казенный завод Пермского уезда	Плата в копейках							
Поторжная работа — поденная плата	3	20	20	20	20	20	25	до 25
Частный завод Осинского уезда								
Кайловщик — дневной урок.	9	9	9	от 20 до 35 копеек				
Тоже в день	3	3	по 15 копеек					
Простому работнику в день .	$5^1/_2$	$5^1/_2$	по 30 копеек					
Частный завод Кунгурского уезда								
Кайловщику в день	7	7	по 45 копеек					
Турьинские рудники (Богосл. окр.)								
Поденному работн. в день .	—	от 5 до 8	от 20 до 60 копеек					
Березовские золотые прииски								
Копщику в день	4	по 35 копеек						
Частный завод Уфимского уезда								
Добыча руды с пуда . . .	$1^8/_{10}$ [2])	$1^8/_{10}$	по 2 копейки [3])					
Частный завод Верхнеуральского уезда								
Кайловщику с пуда	$^5/_7$	—	—	по $^5/_7$ копейки				

делялась ценою хлеба. Случалось, что цена на хлеб резко падала, а стоимость металла повышалась, и наоборот. Это может быть отчасти об'яснено тем, что и заработная плата, отражавшаяся на стоимости материала, отнюдь не в полной мере зависела от цены на хлеб (ср. таблицу № 3, где цены указаны в среднем по трехлетиям).

Кризис, поразивший в шестидесятых годах горнозаводскую промышленность, не может быть непосредственно об'яснен заменою принудительного труда свободным. Упразднение крепостной зависимости совпало с кризисом. Заводчиков, как мы знаем, поставило в тяжелое положение отсутствие оборотных средств в ту пору, когда их хозяйство, носившее раньше характер натурального, должно было превратиться

[1]) *В. Безобразов.* Статистические таблицы о количестве производства, о ценах на заводские материалы, работу, провиант и о стоимости изделий уральских горных заводов (СПБ, 69).

[2]) В том числе провиант, без обжига, без дров, инструментов и припасов.

[3]) С обжигом, инструментами и вспомогательными работами.

в денежное. И деятельность казенных заводов парализовалась отсутствием денежных средств [1]).

Хотя случалось, что на отдельных заводах ощущался временами (главным образом, в первые месяцы по об'явлении манифеста 19 февраля) недостаток в рабочих руках, все же потребность в них, как уже указывалось, по мере введения вольнонаемного труда повсеместно уменьшилась. Так, в четырех казенных округах Пермской губернии насчитывалось по уставным грамотам около 52 тысяч человек, а в 1863 году, т.-е. в первый год вольного труда, на работе числилось всего около 12.400 человек, в 1864 году — только около 9.600 [2]). То же происходило на других пермских горных заводах [3]). В 1860 г. из всего горнозаводского населения занималось на частных казенных заводах около 51% а в 1862—65 гг.— всего 31,53%, остальное же население должно было обратиться к другим занятиям (ср., напр., таблицу № 5).

Таблица № 5 [4])

Заводы Гороблагодатского казенного округа	Число рабочих:									
	При труде обязательном				При труде добровольном					
	1855 г.	1857 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.
Кушвинский . .	1.934	2.098	1.948	2.005	1.611	943	637	673	908	638
Верхнетуринский.	1.554	1.462	1.456	1.495	1.251	869	465	713	963	808
Нижнетуринский.	2.563	2.453	2.377	2.472	1.978	1.531	608	531	599	465
Баранчинский . .	1.028	1.023	1.027	1.025	819	537	386	381	481	541

Впрочем, надо иметь в виду, что если данные о числе рабочих на казенных заводах могут внушать к себе доверие, то цифры, сообщавшиеся частными заводами [5]), вряд ли всегда могут быть правдивыми, так как различные обстоятельства побуждали заводчиков не слишком раскрывать свои карты. К тому же и учет рабочей силы был труден. Напр., в случаях, когда работы производились обществом за круговой порукой, заводчик не имел особой надобности, да и возможности, исчислять рабочих. Затрудняло учет рабочей силы и то, что рабочие, в массе, не заключали контрактов, вследствие чего состав рабочих кадров менялся. Общее

---

[1]) *Безобразов.* Уральское горное хозяйство.

[2]) 6-е делопр. земск. отдела 1862 г., дело № 6. ч. 2-я (сообщение члена пермского присутствия — журнал комиссии для пересмотра Горн. устава, 27 августа 1866 г.).

[3]) *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. 1-я, стр. 458.

[4]) *В. Безобразов,* названное сочинение, стр. 84—85.

[5]) Соответствующий цифровой материал по отдельным заводам имеется в „Сборниках статистических сведений по горной части" за 60-е годы и в позднейшем таковом издании под другим наименованием.

мнение было таково, что уменьшение количества рабочих вызывалось, главным образом, самим характером вольнонаемного труда. Однако, число рук уменьшилось и вследствие того, что в силу различных обстоятельств, производительность горных заводов в середине шестидесятых годов в общем сократилась (см. таблицы №№ 6 и 7).

Таблица № 6

Производительность частных уральских заводов [1])

Годы	Чугуна	Отливок	Железа		Стали
			Кричнего	Сортового	
	(В тысячах пудов)				
1860	12.871	307	4.317	3.804	62
1862	9.429	300	3.903	3.011	63
1863	10.699	523	5.180	3.229	72
1865	10.593	527	4.359	4.707	66
1867	10.385	515	4.738	4.541	80
1869	10.418	1.623	5.179	2.555	79
1870	11.015	1.781	5.453	3.729	76

Таблица № 7

Добыча меди на Урале

Годы	Казенные заводы		Частные заводы	
	Штыков.	Листов.	Штыков.	Листов.
	(В тысячах пудов)			
1860	24	3	259	—
1862	29	5	196	—
1863	28	10	204	—
1865	12	10	196	—
1867	26	9	163	6
1869	15	4	154	15
1870	20	—	145	29

[1]) *И. Боголюбский.* Опыт горной статистики Русской империи (1878), XXVII и XIX—XX (приводим цифры округленными).

Конечно, не все заводы в одинаковой мере испытывали потрясения в ту пору. Некоторые из них благополучно пережили годы кризиса, но тем резче было падение производительности на других. Лишь к концу второй половины шестидесятых годов заводы стали оправляться, и потому, в среднем, за последнее пятилетие производительность железа несколько превысила цифры лихолетия, а добыча меди упала (см. таблицу № 8).

Таблица № 8

Средняя производительность по пятилетиям [1])

Заводы в районах	1861—65 гг.				1866—70 гг.			
	Чугун	Железо	Медь		Чугун	Железо	Медь	
	В тыс. пуд.		В тыс. пуд.	% [2]) содер.	В тыс. пуд.		В тыс. пуд.	% [2]) содер.
Уральск. частные	10.777	8.239	202	3,4	12.268	8.131	161	2,8
„ казен.	1.581	906	26	3,05	1.921	885	25	2,52
Собствен. русские	19.512	10.665	—	—	18 398	12.451	—	—
Подмосковные . .	2.210	1.306	—	—	3.528	1.548	—	—
Олонецкие . . .	229	3	—	—	176	3½	—	—
Сибирские . . .	60	27	—	—	71	28	—	—
Итого...	34.369	92.146	228		36.364	23.046½	186	

Таблица № 9 [3])

Горные округа в 1863 г. и частью в 1864 г.	Прииски и рудники				Заводы		Плавильные				Машины силою [4])			Рабочие
	Золот.	Медн.	Железн.	Угольн.	Медные	Железн.	Домны	Вагран.	Печи	Горны	Колеса	Паровые	Тюрбина	
Екатеринбург .	35	—	1	2	—	3	2	4	30	40	21/320	—	11/258	5.024
Златоуст . . .	38	—	9	—	—	6	3	7	339	177	69/1034	11/336	14/416	5.391
Гороблагод. .	—	15	3	—	—	6	10	10	95	74	82/1610	—	5/292	2.236
Богословский .	38	6	—	—	1	—	—	1	19	4	6/72	—	6/128	2.666
Пермск. (мед.).	—	25	—	—	2	—	—	1	23	14	9/15	—	3/18½	1.022
Пермские . . .	39	23	370	5	12	83	61	35	702	960	1192/24004	39/1575	86/2466	58.573
Оренбургские .	178	68	1261	—	12	29	29	19	221	204	253/5736 (154)	6/380	15/550	37.168

[1]) *И. Боголюбский*, стр. 118—24.

[2]) Процентное содержание меди к проплавленным рудам.

[3]) *И. Боголюбский*, прилож., стр. IX.

[4]) Числитель — количество машин; знаменатель — число паровых сил; в скобках — число машин без обозначения сил.

Рост производительности (при вольном труде) отнюдь не влек за собою соответствующего увеличения количества рабочих рук. На заводах постепенно вводились технические усовершенствования, которые, требуя более квалифицированной рабочей силы, не только не нуждались в увеличении количества рабочих, но, наоборот, сокращали потребность в них. Тяжелое состояние заводов, повышавшее стоимость продукции именно в переходные годы, побудило более крепких заводчиков произвести затраты на лучшее оборудование предприятия. В противном случае нельзя было выдержать конкуренцию металла, привозимого из-за границы. Из таблицы № 9 видно, как разнообразно было соотношение между рабочими и техническим оборудованием заводов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА ЮГЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рабочие на казенных предприятиях после отмены принудительного труда. — Недостаток в рабочих руках. — Проекты с'ездов промышленников о привлечении рабочих на рудники. — Причины текучести рабочей силы. — Условия работы. — Состав рабочих кадров. — Производственные артели. — Рабочий быт. — Жилищный вопрос. — Крестьянские шахты.

В пятидесятых годах и даже в шестидесятых добыча угля в Донецком бассейне была ничтожной в сравнении с производительностью дальнейших десятилетий. Развитие каменноугольной промышленности во многом зависело от усовершенствования путей сообщения. Когда в шестидесятых годах стали проводить железную дорогу, предназначенную специально для перевозки грушевского антрацита к Дону, во всем Донецком бассейне началась каменноугольная горячка. Она усилилась с постройкой больших железнодорожных линий — в 1868 году началось десятилетие интенсивного железнодорожного строительства на юге России. Многие из бросившихся на угольное дело разорились, но те, которые уцелели, успешно развили каменноугольную промышленность. Добыча так возросла, что цена на уголь стала падать. Вследствие этого предприятия, находившиеся вдали от железнодорожной линии, как бездоходные, закрылись или сократили производство [1]). Это, между прочим, видно из нижеприводимой таблицы, в которой отмечены уменьшение количества действующих каменноугольных копей и задержка в росте производительности после 1872 года. Таблица дает также представление о роли донецкого угля в тогдашней русской каменноугольной промышленности.

---

[1]) *П. И. Фомин.* Горная и горнозаводская промышленность на юге России. Том I (до восьмидесятых годов, Харьков, 1915 г.), стр. 174 и след.—*В. Ислави́н.* Обзор каменноугольной и железоделательной промышленностей Донецкого кряжа („Горный журнал" 1875 г. кн. 1-я).— *В. Ден.* Каменноугольная и железоделательная промышленность.

Годовая добыча угля в тысячах пудов [1])

Годы	Донецкий бассейн			Всего в России	Годы	Донецкий бассейн			Всего в России
	Добыча	Число копей				Добыча	Число копей		
		Камен. уг.	Антрацит.				Камен. уг.	Антрацит.	
1858	4.500	—	2	13.409	1870	15.647	18	9	42.416
1859	2.800	—	2	14.098	1871	20.461	37	15	50.654
1860	6.009	11	2	18.209	1872	36.348	52	15	66.364
1861	10.204	11	2	23.456	1873	37.619	48	15	71.438
1863	6.410	14	3	21.863	1875	51.436	39	11	104.348
1865	9.829	21	21	23.332	1877	48.911	—	—	110.120
1867	9.298	20	20	26.694	1879	76.498	—	—	178.238
1869	13.376	14	7	36.915	1880	86.347	—	—	200.034

Общий рост добычи угля в Донецком бассейне за двадцать пять лет, в которые зародилась капиталистическая каменноугольная промышленность, вырисовывается из следующих данных [2]).

Годы	Средняя годовая добыча угля по пятилетиям в млн. пудов	Рост в % если принять первую цифру за 100	% прироста в смежные пятилетия
1855—59	4,02	100	—
1860—64	7,34	182	82
1855—69	10,83	269	47
1870—74	29,01	721	167
1875—79	60,87	1.514	109 [3])

[1]) Количество добычи указанно по таблице в книге *П. Фомина*, т. I. — Число копей приведено по данным в книге *И. Боголюбского*. „Опыт горной статистики Русской империи“ (1878 г.), в которой имеются цифровые данные о добыче за 1858—1875 гг. отдельно для каменного угля и для антрацита. За некоторые годы общее количество добычи в указанных источниках несколько разнится.

[2]) Источники указаны в примеч. 1.

[3]) Уменьшение прироста за 1875—79 гг. в сравнении с предыдущим пятилетием об'ясняется, между прочим, русско-турецкой войной, затруднившей перевозку угля по железной дороге.

Первоначально уголь рассматривался как подсобный материал, нужный в качестве горючего лишь для добывания металла из местной руды. Между тем, южная железоделательная промышленность, оставшаяся по своим размерам весьма скромной, не потребляла всего количества угля, которое в ту пору извлекалось. И потому все растущая добыча угля стала итти на потребность не только железоделательной промышленности, но также быстро развивавшихся железных дорог и пароходства, а вместе с тем и домашних хозяйств.

Однако, в виду наличия угля давняя мысль о насаждении на юге России чугуноплавильного и железного производства из тамошней руды не умирала. Убедившись в неуспешности работы казенных заводов (Луганского и Петровского), правительство обратилось к содействию частного производства. Так, кн. Кочубею была сдана (1866 г.) концессия на постройку в Бахмутском уезде рельсового завода из местных материалов и топлива, и тогда усилиями англичанина Юза на английские капиталы (300.000 фунт. стерлингов) возникло „Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства". Концессия на проведение Курско-Харьковско-Азовской железной дороги была дана предпринимателю с условием построить рельсовый завод. В ту же пору при содействии правительства возник в области Войска Донского завод Пастухова. Впрочем, эти попытки насадить железоделательную промышленность оказались первоначально малоуспешными. Она вступила на путь расцвета только тогда, когда в 80-х годах началась разработка вновь открытых железных криворогских рудников, расположенных в Херсонской губернии [1]).

Таким образом, в первые двадцать пять лет после отмены принудительного труда в Донецком бассейне разрабатывались, главным образом, угольные копи, и притом в скромных размерах. Соответственно этому незначительно было и число рабочих. Тем не менее, и здесь сказалась крестьянская реформа 1861 года. Управление казенного Луганского завода, имевшее в своем ведении рудники, должно было с отменой крепостного труда реорганизовать ведение дела [2]). Новый порядок сводился к следующему.

Мастеровые, занимавшиеся собственно рудничным делом, делились на три разряда. В первый разряд включались хорошо знающие „кайловую, порохострельную работу и крепление выработок"; во второй разряд — „способные хорошо работать в забоях"; к третьему разряду относились — молотобойцы, пильщики, починщики, вожаки, верховые. Прочие, работавшие на поверхности, не обладая никакими специальными знаниями, составляли группу „рабочих". Чтобы определить в общих чертах разли-

---

[1]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы. Часть 2-я. Иностранные капиталы в России. (СПБ, 1899).

[2]) Архив горного деп. Комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 21/47 „О составлении правил о коренных условиях о найме рабочих по Луганскому, Олонецкому, Гороблагодатскому и Воткинскому заводам". Том I.

чие в экономическом положении этих категорий, укажем, что было предположено установить заработок в следующем размере:

	В месяц	В день
Мастеровые I разряда . . .	15 р. 20 к.	63 к.
„ II „ . . .	12 „	50 „
„ III „ . . .	9 „ 12 „	38 „
Рабочие	7 „ 20 „	30 „

Дети могли работать только на поверхности, при чем до 15-летнего возраста лишь днем и не более 8 часов в сутки; размер их вознаграждения колебался между $^1/_3$ и $^2/_3$ заработной платы полного работника. Женщинам дозволялось работать только на поверхности и лишь днем; их заработная плата определялась в размере от $^1/_2$ до $^3/_4$ заработка полного работника.

Заводоуправление старалось перейти к сдельной плате (выработанного пространства или количества добытой руды и угля) с таким расчетом, чтобы „хороший и трудолюбивый работник“ мог получить на руки от 9 до 15 руб. в месяц, смотря по разряду. Поденная или месячная плата могла быть применяема лишь в исключительных случаях. В счет заработной платы входили: починка инструментов, освещение в ортах, порох, утирка металла в инструментах, поденная или другая плата верховым и прочим помощникам по добыче и доставке руды и угля на поверхность, наконец, смазка телег, тачек и воротов.

При трех сменах рабочим назначалось увеличенное содержание. Но в этом случае они получали в воскресные и праздничные дни обычное вознаграждение. Прочим же рабочим за эти дни назначалась полуторная плата. При исполнении низшей работы мастер высшего разряда получал вознаграждение по высшей ставке, но к трехсменным этот порядок не применялся.

Мастеровые должны были работать артелями из определенного количества подбойщиков, вожаков и верховых. Привлечение участников в данную артель предоставлялось самим рабочим. Выбранный артелью староста или артельщик принимал под отчет припасы и инструменты.

Продолжительность рабочей поры и распределение смен зависело от заводоуправления. Так, на Лисичанских рудниках летние работы представлялись неудобными, а потому собственно рудничные работы имелось в виду прекращать на три летних месяца. А на Сергиевском руднике, напротив, необходимо было работать беспрерывно в течение года. Работы производились преимущественно двумя сменами, но встречались и односменные, а также трех- и четырехсменные. В экстренных случаях рабочий день можно было удлинить всего на один час, и притом не более двух раз в месяц.

Трехсменные стояли на работе ежедневно по 8 часов, при чем смена могла быть недельной или денной, т.-е. денная работа, ночная работа и отдых (отгул) чередовались по дням.

Двухсменные рабочие ежедневно (за исключением праздничных и воскресных дней) работали по 12 часов за вычетом получаса на завтрак или полдник и одного часа на обед или ужин.

При одной смене работа распределялась в зависимости от времени года, как это видно из нижеследующей таблицы:

			Часы пополуночи		Часы пополудни		Всего рабоч. часов
			На работу	С работы	На работу	С работы	
Январь	1	полов.	7 1/2	11	0 [1])	4 1/2	8
„	2	„	7 1/4	11	0	5	8 3/4
Февраль	1	„	7	11	0	5 1/2	9 1/2
„	2	„	6 3/4	11	0	5 1/2	9 3/4
Март	1	„	6 1/4	11	0	5 3/4	10 1/2
„	2	„	5 3/4	11	0	6 1/4	11 1/2
Апрель	1	„	5 1/2	11	1/2	6 3/4	11 3/4
„	2	„	5 1/4	11	1/2	7	12 1/4
Май	1	„	4 3/4	11	1/2	7	12 3/4
„	2	„	4 1/2	11	1	7 1/2	13
Июнь	1	„	4 1/2	11	1	7 1/2	13
„	2	„	4 1/2	11	1 1/2	8	13
Июль	1	„	4 1/2	11	1	7 1/2	13
„	2	„	4 1/2	11	1	7	12 1/2
Август	1	„	5	11	1/2	7	12 1/2
„	2	„	5	11	0	6 1/2	12 1/2
Сентябрь	1	„	5 1/2	11	0	6	11 1/2
„	2	„	6	11	0	5 1/2	10 1/2
Октябрь	1	„	6 1/4	11	0	5 1/4	10
„	2	„	6 1/2	11	0	5	9 1/2
Ноябрь	1	„	7 1/4	11	0	4 3/4	8 1/2
„	2	„	7 1/2	11	0	4 1/2	8
Декабрь	1	„	7 3/4	11	0	4	7 1/4
„	2	„	7 3/4	11	0	4 1/4	7 1/2

Мастеровые и рабочие, опоздавшие без уважительной причины на время от 10 до 30 минут, платили штраф в размере одной четверти поденной платы; при опоздании от 1/2 часа до 1 часа — удерживалась половина поденной платы; позже пришедшие, но ранее половины рабочего времени — платили штраф в размере денного вознаграждения; прочие, а также явившиеся в пьяном состоянии, платили штраф в двойном размере денной платы. При двух и трех сменах штраф делился на две части, из коих одна шла на пользу рудника, а другая—работавшему за неявившегося. Остальные же штрафы распределялись таким образом: одна половина поступала в пользу рудника, а другая—в капитал вспомогательной кассы. В эту же кассу отчислялся однодневный заработок, удерживаемый при переводе в высший разряд.

---

[1]) 0 — обозначает 12 часов; 1/2 — половина первого; 1 — час дня.

Мастеровые, желая оставить службу, обязаны были предупредить об этом за три месяца, а простой рабочий — за один месяц. Рудничное управление, с своей стороны, должно было придерживаться таких же сроков при увольнении мастеровых и рабочих.

Чтобы составить себе представление о соотношении между количеством выработки и рабочей силой, рассмотрим следующие цифры:

На Лисичанском каменноугольном руднике:

Для добычи 400.000 пудов угля в течение 200 рабочих дней при нагрузке человека в 20 пуд. крупного угля нужны были:

а) Собственно добыча угля	100	челов.
б) Крепление выработки и починка рудничной посуды	13	„
в) Отливка воды и под'ем угля	15	„
г) Другие работы, считая 6 запасных для замены больных	22	„
	150	„

На Софиевском каменноугольном руднике:

Для получения 250.000 пуд. чугуна потреблялось 750.000 пуд. каменного угля и для 150.000 пуд. железа — 450.000 пуд. каменного угля. Для добычи указанного количества угля в течение 250 рабочих дней (в день 5.000 пуд.), полагая на каждого рабочего по 35 пудов, нужны были:

а) Добыча угля	135	челов.
б) Отливка воды	15	„
в) Крепление и починки	30	„
г) Прочие, считая 12 запасных для замены больных	60	„
	240	„

Подобно тому, как это происходило на Урале, прежние крепостные крестьяне не были удовлетворены земельными наделами, и вскоре был поднят вопрос об улучшении их земельного обеспечения. Вообще материальное состояние горнорабочих оказалось крайне тяжелым в связи с перебоями в работе казенных предприятий [1]). Поэтому на них были распространены и льготы по рекрутской повинности и те льготы, сроком на шесть лет, которые были установлены для рабочих всех казенных горных заводов [2]).

Отсутствие достаточного контингента рабочих [3]) и вытекавшая отсюда необходимость изыскивать меры к удержанию рабочих на рудниках на-

---

[1]) Архив горного деп., комиссия по пересмотру горного устава, 1861 г., дело № 14/36 „Относительно особых льгот и преимуществ горнозав. населения Луганского округа"; архив минист. вн. дел, 6-е делопроизводство земского отдела, 1863 г., дело № 38 „Об устройстве быта мастеровых Луганского завода".

[2]) См. выше, стр. 66.

[3]) См. т. I настоящей книги, глава V (Донецкий бассейн).

водили на мысль об искусственном образовании оседлого населения, которое снабжало бы горную промышленность рабочей силой. В первое время, до проведения в начале 70-х годов Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, и пока народ не освоился с нею, рабочие из внутренних губерний шли на шахты с крайней осторожностью. Большей частью за ними нарочно приезжали агенты и подрядчики. По собственной инициативе редко кто решался итти на шахты. Впрочем, и двадцать лет спустя рабочие больше всего вербовались подрядчиками и артельщиками, нарочно ехавшими „в Россию" за рабочими. Если некоторые и уходили на юг, то не в одиночку, а партией в несколько человек, на своих лошадях и с запасом харчей, чтобы в случае неудачи вернуться домой. С проведением Азовской и Донецкой дорог, когда крестьяне двух-трех внутренних губерний ознакомились с характером жизни и труда на рудниках, они стали уезжать на шахты с меньшей оглядкой, зная, что встретят на рудниках родных или односельчан. Некоторые впервые шли на шахты вместе с товарищами, вернувшимися оттуда домой на праздники или на лето. Благодаря этому из 73 уездов разных губерний (кроме Екатеринославской), высылавших рабочих на рудники, Белевский уезд Тульской губернии и Болховской уезд Орловской губернии дали в 1886 году почти 75% всех пришлых рабочих на рудниках Славяносербского уезда. Из остальных 71 уезда пришло крайне ничтожное количество рабочих. Что касается местного населения, то, несмотря на то, что пионерами в каменноугольном деле были исключительно тамошние крестьяне, постепенно доведшие кустарную добычу угля на своей земле до нескольких миллионов пудов в год. Оно в массе первоначально избегало не только шахты, но и пришлого шахтера, который рисовался человеком, ниже стоящим в нравственном отношении [1]).

При таких условиях, в течение ряда десятилетий наличие рабочих на юге не соответствовало спросу на них со стороны каменноугольной, а затем и железоделательной промышленности. Это в значительной мере об'ясняется тем, что приходившие сюда крестьяне, связанные со своей землею, были обычно недолгие гости. И вот почему, повторяем, так рано возникла мысль об образовании постоянных рабочих кадров для угольных рудников.

Уже в 1862 году новороссийский генерал-губернатор указывал на неотложную потребность юга России в „корпорации углекопов", т. е. людей, постоянно занимающихся этим делом, приобретающих опыт и навык, подобно тому, как в других странах занятия углекопа переходят от отца к сыну. Для создания кадров постоянных углекопов он находил необходимым предоставить им известные льготы, по крайне мере, освобождение от рекрутской повинности и уплаты податей. Так как освобождение от рекрутской повинности и от уплаты податей в качестве временной меры было уже применено к определенным категориям горноза-

[1]) *С. Ан-ский.* Очерк каменноугольной промышленности („Русское богатство", 1892 г. кн. 2-я).—Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Том третий. Славяносербский уезд (1886 г.).

водских рабочих, то первоначально в Петербурге зародилась мысль о 20-летних льготах для донецких каменноугольных мастеровых, исполняющих специальные работы. Но комиссия по пересмотру горного устава воспротивилась установлению подобных льгот. Она предвидела, что до устройства железных дорог, расширения местного сбыта и открытия более отдаленных рынков для донецкого каменонго угля и железа, горный промысел в южной России не разовьется ни при каких насильственных мерах. Это подтверждалось тем, что в некоторых местах Донецкого бассейна добытый уголь уже тогда оставался непроданным. Благодаря этим соображениям, вопрос об искусственном привлечении рабочих к горным работам остался неразрешенным. Подобная же судьба постигла и проект о переселении на юг рабочих из других губерний, представленный в 1870 году [1]).

Между тем, вследствие отсутствия нужного числа рабочих, цены на труд с течением времени повысились. Недостаток в рабочих стал тем сильнее ощущаться, что увеличилось требование на каменный уголь для железных дорог. В районе Лисичанского рудника горнорабочие имелись только в Лисичанске и в окрестных деревнях. Спрос на лисичанских горнорабочих со стороны частных рудников настолько возрос, что если в 1868 г. за добычу пуда угля платили от $1^1/_2$ до 2 коп., то в 1870 г. платили уже по 5 коп. На Голубовском руднике рабочие были наняты по 45 руб. в месяц при рудничном продовольствии. Эта плата была так высока, что возникло сомнение, сумеет ли рудник выдержать подобный расход. На некоторых месторождениях цена угля поднялась с 4 до 8 коп. за пуд. По одному расчету в ту пору во всем Донецком бассейне горнорабочих насчитывалось всего от 3.000—3.500, да и то большею частью они только временно были заняты на рудниках. Несмотря на это, повторное возбуждение вопроса об образовании постоянных кадров рабочих осталось без последствий.

В ближайшие годы добыча каменного угля, как видно из вышеприведенных таблиц, стала быстро возрастать. И естественно, что состоявшийся в 1874 г. первый с'езд горнопромышленников юга России посвятил особое внимание вопросу о возможном обеспечении рудников рабочими руками.

В наиболее благоприятных условиях в отношении рабочей силы находилась старая казенная Лисичанская копь. При ней имелись селения горнорабочих, образовавшиеся из крестьян, приписанных к Луганскому заводу, владевшему Лисичанской копью, но она перестала действовать в виду отдаленности железной дороги, и ее селения снабжали рабочими другие копи, даже те, которые находились в далеком от нее расстоянии, как, напр., Корсунскую копь (100 человек), расположенную в 80 верстах, Петровскую (100 человек), Макеевскую (300 человек). И упраздненная казенная Успенская копь, образовавшая вокруг себя оседлую группу горнорабочих, в полной мере снабжала рабочими тамошнюю частновла-

[1]) *А. Кеппен.* Материалы для истории горного дела на юге России (1900 г.).

дельческую Успенскую копь. Ореховская и Голубовская копи (вблизи Лисичанска), не испытывавшие недостатка в рабочих, обслуживались не только местными жителями, но также артелями из Тульской и других внутренних губерний. На Краснопольских копях работали пришлые артели, в зимнее же время к ним присоединялись местные горнорабочие. Грушевские антрацитовые копи, действовавшие только с 15 октября до пасхи, обслуживались рабочими из внутренних губерний, а также и лисичанскими горнорабочими. При всем том, здесь периодически, через год, ощущался недостаток в рабочих руках. Это явление об'яснялось так. Если в данный год спрос на антрацит был значителен, шахтовладельцы, напрягая все усилия к вербовке рабочих, не останавливались перед повышением заработной платы. Под влиянием слухов о выгодных условиях работы на Грушевских копях к будущему сезону приходило так много рабочих, что образовывался избыток. Случалось, что отдельные артели, не найдя работы, возвращались домой или же колесили Донецкую область в поисках заработка. Колебания количества рабочей силы несколько утратили остроту, когда вследствие разрешения (1868 г.) устроить при Грушевских рудниках горное поселение[1]), образовалась новая станица, часть жителей которой занялась горным делом.

Страдали от отсутствия местной рабочей силы копи на Калмиусе (Екатеринославской губ.) и в западной части Миусского округа. Окруженные пашнями бывшими (срочными офицерскими участками Донской области), дешево отдаваемыми в аренду, они не могли привлечь местных жителей к более тяжелым и менее выгодным горным занятиям. Копи на землях: Щербиновской, сел: Железного, Никитовки, Государева Буерака и Корсуни — обслуживались только зимою местными рабочими (летом уходившими на земледельческие работы). Будучи снабжены машинами и имея глубокие шахты, копи (напр., Корсунская) не могли непрерывно работать без найма людей в отдаленных местах.

В сущности, в рабочих руках не было недостатка, если принять это выражение буквально[2]). Количество рабочих, появлявшихся у шахт, было бы достаточно, если бы они работали все время. Но две трети их регулярно, из года в год, уходили с рудников на летние месяцы, чем разрушались производственные планы предприятий. К тому же в силу уже своего состава рабочая масса не могла почитаться устойчивой, так как известная часть ее состояла из беспаспортных, из бродячих элементов. „С началом развития каменноугольного дела на юге России, — сообщает один горный деятель в семидесятых годах — появился особый класс людей, так называемых „шахтеров", т.-е. работающих на шахтах. Местные крестьяне-хохлы неохотно шли на работу в шахты, куда их загоняла, в виде исключения, только крайняя нужда, и контингент рабочих на шахтах в то время, когда я приступал к работам в Кура-

---

[1]) Архив госуд. совета, деп. законов, 1867 г. дело № 4031/113 „Об устройстве на Грушевском руднике горного поселения".

[2]) *Ислагин*, назв. сочинение.

ховке и в Рутченкове, состоял почти исключительно из беспаспортных бродяг, из коих большинство было из крестьян средних губерний: Смоленской, Тульской, Орловской, Курской, Рязанской". Бродягами многих сделала стеснительная паспортная система, а также та свобода, которой пользовались беспаспортные в ту пору в южных губерниях. В виду тяжелого материального положения в деревне многие отрывались от родины и превращались в скитальцев. Среди шахтеров было немало из числа беглых каторжников [1]).

Отсутствие паспортов давало подрядчикам возможность безнаказанно эксплоатировать рабочих. Никуда за защитой беспаспортный обращаться не мог. При возникавших конфликтах для него был один исход — покинуть рудник в уверенности, что работа найдется в другом месте. В этом малонаселенном крае сельское хозяйство готово было принять множество рабочих рук.

Чтобы обеспечить предприятия постоянными привычными рабочими, горнопромышленники задумали создать на рудниках колонии. Они хотели, чтобы земледельческое население из внутренних губерний, получив при материальном содействии шахтовладельца (с рассрочкой платежа на 30 лет) в собственность усадьбу и выгон, осело бы при данном руднике [2]). Имелось в виду вербовать переселенцев в тех губерниях, которые особенно страдали малоземельем. Но при всем том горнопромышленники не надеялись, чтобы одна только усадьба, связанная со страшной для земледельца работой в шахтах, могла вызвать переселенческое движение даже среди самых неимущих земледельцев. Поэтому были намечены две льготы: освобождение переселенцев от уплаты податей в течение первых нескольких лет и сокращение срока военной службы для тех молодых людей, которые в возрасте от 18 лет до 21 года будут работать в шахтах (мотив тот, что горнорабочие сравнительно с другими скорее теряют здоровье). При этом, чтобы переселенца не мог сманить другой рудник, суля более высокую заработную плату, горнопромышленники намеревались установить о б я з а т е л ь н у ю работу поселенца в течение пяти лет у своего шахтовладельца под угрозою взыскания обычной ежегодной суммы за усадьбу в двойном размере.

Этот проект первого с'езда горнопромышленников не получил движения в правительственных канцеляриях. Между тем, все усиливавшийся спрос на уголь вызывал необходимость технических усовершенствований и более рациональной организации каменноугольных предприятий, что, в свою очередь, требовало концентрации капиталов, так как только крупнокапиталистическое предприятие могло вынести громадные расходы по переоборудованию рудников и по другим улучшениям дела. В связи с

---

[1]) *А. Ауэрбах.* Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России („Русская старина", 1909 г., декабрь).

[2]) Архив горного деп. Отдел частных заводов. 1874 г., дело № 3/8 „Разрешение созывать с'езды углепромышленников на юге России". Первый том этого дела находится в Ленинграде в фонде горн. деп., а второй том — в московском древлехранилище.

этим находился злободневный вопрос о концентрации рабочей силы, об образовании кадра постоянных квалифицированных рабочих вместо зыбкого сборища бродячего элемента. Поэтому пятый с'езд горнопромышленников (1880 г.) вновь поднял вопрос о привлечении рабочих к рудникам. Из проекта, составленного на первом с'езде, были извлечены основные положения, сводившиеся к следующему: разрешить пришлым рабочим селиться на свободных казенных и войсковых землях; дозволить им переселяться сюда без разрешения сельских обществ и не выходя из старого общества в течение пяти лет; предоставить им надел земли. Но и этот проект был оставлен министерством государственных имуществ без осуществления [1]), как недостаточно полно разработанный.

Тогда горнопромышленники обратили внимание на скудость имевшихся у них данных о рабочих. Началось собирание материалов. Выяснилось, что среди 16.000 рабочих, задолженных на рудниках, насчитывалось всего до 2.000 (12%) местных. Остальные представляли собою пришлый элемент преимущественно из Курской, Орловской, Смоленской, Тульской, Рязанской и Тамбовской губерний. Наличное количество рабочих, как это было уже отмечено за несколько лет до того, могло бы быть достаточным для текущей добычи, в общем, соответствовавшей труду 16.000 человек в течение года. Но фактически значительная часть этих рабочих была занята на рудниках только в течение зимних месяцев, свободных от сельских работ. До $^2/_3$ общего числа рабочих уходили с рудников [2]). Из остальных многие рабочие, бездомные, беспаспортные, лишь урывками задерживались на данном руднике, чтобы потом более не вернуться.

По сведениям, относящимся к середине восьмидесятых годов, в Бахмутском уезде в одних только рудниках Общества Южно-русской каменноугольной промышленности работы производились днем и ночью, во всякое время года. Такая непрерывавшаяся напряженная деятельность была возможна лишь потому, что на предприятии имелись свои постоянные рабочие, вследствие чего не приходилось обращаться на сторону. Другие, менее значительные акционерные предприятия работали только днем и при том в течение лишь десяти месяцев, так как в июле и августе, в виду полевых работ, цены на рабочие руки чрезмерно поднимались, и шахты или слабее разрабатывались или совсем закрывались. А в работе на рудниках, принадлежавших отдельным лицам, происходили беспорядочные перебои в течение всего года.

Недостаток в рабочих разнообразно отражался на деятельности каменноугольных предприятий и на стоимости продукции. Например, в виду сравнительной кратковременности работы, приходилось заготовлять запасы угля и держать их в складах, что удорожало товар и понижало его качество (выветривание). Далее, вследствие переменчи-

---

[1]) В 1873 г. это министерство приняло в свое ведение горное дело из министерства финансов.

[2]) По сообщению *Ислявина*.

вого состава рабочих, не имевших навыка в горном деле, производительность рабочей массы в целом была далеко недостаточной, что также удорожало продукцию.

Текучесть и недостаточность рабочей силы вызывались не только тем, что местные крестьяне в массе, обеспеченные земледелием, не нуждались в тяжелой горной работе, но также отсутствием на рудниках сколько-нибудь сносных условий жизни. В частности исключительно тяжелая работа и отсутствие места для отдыха толкали рабочих в питейные дома, густой сетью охватывавшие рудник, что также вредило делу.

„Домашняя" обстановка на рудниках сильно препятствовала народжению оседлого населения. За редкими исключениями горнорабочие жили в землянках и полуземлянках, служивших, каждая в отдельности, приютом для 40—50, а иногда и более человек. Здесь могли иметь свой угол только одинокие. Семейные, более чем холостые пригодные к образованию постоянных кадров рабочих, не находили жилищ. Одной из причин текучего характера горнорабочих служило и то обстоятельство, что даже на более крупных рудниках, не обеспеченных постоянным требованием угля и не обладавших оборотными средствами, происходило беспорядочное уменьшение и увеличение требования на рабочие руки. Бродячий элемент от этого не страдал, но семейные находились в постоянной тревоге [1]).

Вследствие описанных условий, несмотря на то, что средняя заработная плата в Донецком бассейне выражалась в сумме около 22 рублей в месяц, рабочих нехватало. В урожайные годы, когда плата на полевых работах повышалась, горнорабочие чуть ли не всей массой покидали рудники. И поэтому горнопромышленники (шестой с'езд в 1881 г.) продолжали просить правительство о заселении казенных пустопорожних мест в Бахмутском и Славяносербском уездах и угольных участков в Донской области, а также ставили вопрос о льготном заселении частных земель.

Озабоченные привлечением рабочих, горнопромышленники искали соответствующих мер только за пределами рудников, как бы не сознавая, что и на самих рудниках таились причины, побуждавшие рабочих всячески уклоняться от горной работы. Такая односторонность сказывалась и в попытках переселить на рудники крестьян из внутренних губерний. В этом переселении видна одна только цель — снабдить промышленников рабочими, но не дать последним никакой гарантии к их благосостоянию и к постоянному заработку [2]). Горнопромышленники готовы были проектировать самые сложные меры с целью погнать крестьян внутренних губерний на шахты, но ничего не хотели сделать по шахте с целью облегчить условия труда.

---

[1]) Ср. *Н. Булычев.* Горнорабочий вопрос на юге России („Горный журнал", 1884 г., кн. 10-я).

[2]) Труды VI с'езда, записка Данилова. — *С. Ан-ский.* Очерк каменноугольной промышленности („Русское богатство", 1892 г., кн. 1-я).

Между тем, сторонние наблюдатели утверждали, что для удержания людей на рудниках необходимо было создать сколько-нибудь благоприятные условия существования как на работе, так и на отдыхе. Один современник удостоверяет, что если в 1871 г. можно было думать, будто для каменноугольной промышленности надежнейшим источником рабочей силы способны служить только Славяносербский и Бахмутский уезды Екатеринославской губернии, а также Миусский, Черкасский и Донецкий округи Области Войска Донского, то уже в 1874 г. оказалось, что на крупных рудниках прибывшие „из России" крестьяне настолько привыкли к рудничному делу, что оставили позади себя старых горнорабочих. Это об'яснялось тем, что крупные шахтовладельцы создавали более благоприятные условия для труда и быта горнорабочих и лучшим из них повышали заработную плату в страдную пору, чтобы удержать их от ухода на полевые работы [1]). Но это являлось исключением. Обычно, во избежание денежных затрат, для улучшения быта рабочих ничего не делалось. Мысль об устройстве рудничного дела на широких промышленных основаниях, неразрывно связанных с заботой о положении рабочих, перевешивалась стремлением скорее вырвать из каменноугольных недр возможные выгоды, доведя свои расходы до минимума. Тут сказывалась в некоторой мере неустойчивость каменноугольных шахт. Порою они оказывались очень бедными. Тактика большинства горнопромышленников была направлена к тому, чтобы каким-либо средством приманить массы нуждающихся крестьян на рудник, а затем удержать их здесь *не приемлемыми условиями существования, а задержкою в расчете*.

Подобный односторонний образ действия наблюдается и в борьбе горнопромышленников с пьянством. В дни частых массовых попоек деятельность шахты замирала, что, конечно, наносило делу материальный ущерб. Пьянство также качественно понижало труд рабочих, во вред производству. Поэтому промышленники должны были желать уменьшения размера пьянства. Как же они хотели бороться с этим явлением?

Развитию пьянства способствовали внешние и внутренние обстоятельства. Чем больше выпивалось водки, тем успешнее осуществлялся государственный бюджет, а потому казенные интересы требовали, чтобы в местах скопления рабочих ставились кабаки. С другой же стороны, утомленный люд, к тому же не имевший спокойного места для отдыха, шел туда, чтобы побороть в себе подавленное состояние, вызывавшееся переутомлением, чтобы в алкогольном самозабвении провести час мрачного бездействия. Кабаки частоколом окружали шахту. Один из составителей статистического описания Бахмутского уезда, находясь на Корсунском руднике, когда рабочим выдавали месячный заработок, был свидетелем массовой беспрерывной попойки в течение двух дней. С субботы, с момента выдачи платы, до понедельника вечера кабаки в Горловке кишмя кишели рабочими. Пили преимущественно одиночки, а из

[1]) *Ислявин.* Обзор каменноугольной промышленности и т. д.

семейных — те, жены которых не успели отобрать заработок у мужей. В среднем каждый рабочий оставлял в кабаке за год до 40 рублей, а если считать и рабочих с Новой копи, то по 35 рублей. Кабак, поставленный между Семеновской и Александровской шахтами, брал в год с каждого рабочего в среднем до 30 рублей. „Отрадным исключением из царства нищеты и пьянства" являлись Рутченковские рудники французской компании и Петровский — частного лица, где благодаря лучшим условиям жизни пьянство было значительно меньше [1]).

Для ослабления пьянства намечались два средства: во-первых, усилиями самих горнопромышленников устранить те тяжелые условия жизни, которые толкали горнорабочего в кабак, и, во-вторых, мерами правительства — установить такой порядок, чтобы кабак не мог с излишним гостеприимством встречать посетителей. Первый способ был связан для горнопромышленников с расходами, а потому они оставляли его без внимания. А ко второму способу горнопромышленники охотно склонялись, потому что он не требовал от них никаких жертв. Уже первый с'езд горнопромышленников выразил пожелание, чтобы кабаки ставились не ближе двух верст от копей и рудников, расположенных в степных местах, вдали от селений. Однако, даже столь скромное ходатайство, как идущее вразрез с казенными интересами, не было удовлетворено. Такая же судьба постигла и дальнейшие подобные просьбы [2]).

При разрешении рабочего вопроса на юге России возникала двоякого рода задача: прежде всего создать постоянные рабочие кадры, а уже затем урегулировать отношения между ними и горнопромышленниками. Мы видели выше, что, как только горнопромышленники создали свою организацию в форме с'ездов, они без промедления обратились к правительству за содействием в целях привлечения рабочих из внутренних губерний. Но такие домогательства, впоследствии неоднократно возобновлявшиеся, оставались безрезультатными. Тогда горнопромышленники стали задумываться над улучшением быта горнорабочих. Шестой, седьмой и восьмой с'езды (1881—1883 гг.) постановили просить правительство: об облегчении паспортной системы, о рассрочке горнорабочим недоимок с лишением волостных правлений права требовать таких рабочих домой во всякое время; о принятии мер в целях соблюдения рабочими договора найма. Вместе с тем с'езды возбудили вопрос об учреждении касс помощи рабочим путем сборов с горнопромышленников (без денежного участия рабочих). Устав „Общества пособия горнорабочим юга России" был утвержден (1884 г.), остальные же ходатайства по рабочему вопросу отклонены [3]).

---

[1]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ., том второй (1886 г.)

[2]) Ср. *П. Фомин.* Краткий очерк истории с'ездов горнопромышленников юга России (1908 г.)

[3]) *П. Фомин.* Краткий очерк истории с'ездов. Фонд пособия увечным рабочим стал образовываться в 1882 г. и к ноябрю 1885 года в фонде находилось уже 24.000 руб., но выдано было потерпевшим только 395 руб.—по отчету за 1885—1886 годы. См. *В. Добролюбов.* О положении каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, стр. 50 и след.

Без удовлетворения осталось и ходатайство об изменении договора найма. Было указано, что соответствующий закон 4 июня 1862 г.[1]) не требовал отступлений для отдельных горнозаводских районов. Отметим, что, когда в 1870 г. управление горной частью Области Войска Донского пожелало ввести у себя специальные правила для найма рабочих на горные предприятия, горное ведомство отнеслось к этому отрицательно, сославшись на то, что в Области Войска Донского может быть почти полностью применен закон 1862 г. [2]).

Рабочие, сознавая, что рудники в них нуждаются, держали себя независимо: неожиданно прерывали работу или совсем уходили на другое предприятие. Это побуждало горнопромышленников желать такого скопления рабочих, чтобы конкуренция между ними обесценила рабочую силу и сделала ее покорной. В связи с этим родилась даже мысль о принудительном труде арестантов на частных рудниках. Когда в 1869 г. рабочие руки на юге России сильно вздорожали, в Петербурге было сделано предложение применить к добыче каменного угля труд ссыльно-каторжных [3]). И на с'езде горнопромышленников 1881 года один из участников заявил, что единственный способ обеспечить рудники рабочей силой — это воспользоваться трудом арестантов. Но подобные планы были слишком сложны. Поэтому на восьмом с'езде возникло другое предложение, которое, как могло казаться, легко было провести в жизнь. Пусть все горнопромышленники обязуются не брать к себе рабочих, не представивших свидетельства, что они не остались должниками на том руднике, где они раньше работали. Этим будет предотвращен до известной степени переход рабочих с рудника на рудник. Тогда можно будет ограничить огромное число праздничных и прогульных дней [4]). Само собою разумеется, что более богатые рудники не могли согласиться на подобное условие, так как в возможности сманивать рабочих с бедного рудника заключалась их сила.

Приведем описание быта горнорабочих, составленное около середины восьмидесятых годов начальником одного из крупных рудников [5]) Донской области. Вместе с тем сообщим данные, собранные приблизительно в те же годы земством по Бахмутскому и Славяносербскому уездам [6]).

Среди рабочих на шахтах Донской области можно было найти дворян, бывших чиновников, купцов, мещан, но главный контингент — крестьяне. „Так как на шахты идет всякий, нуждающийся в куске хлеба, то это создает постоянные условия для понижения заработной платы". Выбирать людей приходится по физическому состоянию и возрасту, а потом

---

[1]) См. выше, стр. 39—40.

[2]) Горный деп., отдел частных заводов, ст. III, 1870 г., дело № 3/21 „Об установлении правил для найма рабочих по горным заводам и на землях Войска Донского".

[3]) *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России, т. II (изд. 3-е, 1924 г.), стр. 61.

[4]) *В. Добролюбов.* О положении каменноугольной промышленности.

[5]) *Н. Верещинский.* Рабочий шахтер в Донецком бассейне (СПБ, 1893 г.).

[6]) Сборник статистических сведений по Екатеринославск. губ., том второй — Бахмутский уезд, том третий — Славяносербский уезд (изд. 1886 г.).

работа показывает, пригоден или нет. Лишь немногие шахтеры знают ремесло. Занятия рабочих: забойщики — непосредственно занимаются выработкой угля; саночники — перевозят уголь на небольших санках от места ломки угля до штрека на рельсовый путь; вагонщики — отвозят по рельсам уголь к под'ему, то-есть к выходу из шахты (стволу); стволовые — нагружают бадьи или ставят вагончики в клеть; верховые — получают уголь на поверхности и сваливают его в штабеля. При конных шахтах — мальчики, называемые „погонщиками", гонят лошадей по манежу (то-есть по кругу, где действует ворот). Если шахта имеет два горизонта, то из одного в другой уголь доставляется механически при посредстве „бремсберга", при котором работает шахтер-поденщик,— он только направляет вагончик, собственной тяжестью спускающийся и поднимающий взамен порожний вагончик. Для отобрания пустой породы из угольных штабелей нанимаются подростки обоего пола.

Особенно тяжела работа в сырых шахтах, где минеральная вода, пропитанная углекислотою, „буквально с'едает рабочего". Незначительная мощность пласта принуждает рабочего при добывании угля лежать на спине. Порода (потолок) при тонкости пласта снимается настолько, чтобы можно было работать, но не более, так как выемка земли дорого стоит. Свой заработок такой шахтер добывает на глубине 20—40 саженей, по колено в воде или в горизонтальном положении, в дыму и в копоти лампы, подбивая кайлом и ползая на животе. Большого напряжения сил требует работа саночника — таскать на лямке санки с большим грузом. Стволовой находится постоянно внизу у отверстия шахты в сыром испарении и в воде. Ему всегда угрожает опасность, так как бадьи или клети от разных случайностей срываются. Еще опаснее положение запальщика, производящего взрывы. Это делалось примитивным способом: пробуравит отверстие, заложит патрон из пороха или динамита, подожжет фитиль и бежит к бадье, которая его уносит вверх. Произойди остановка, или порвись канат,— и запальщик погиб. Эта опасность окупается ценою двойной поденной платы.

Забойщик, смотря по времени года, получал от 2 р. 50 к. до 4 р. 50 к. за погонную сажень. Он работал по четвертям, но в среднем более 5—6 четвертей даже хороший и опытный работник выработать на смену не мог. Обыкновенно вырабатывалось от $3^1/_2$ до 4 четвертей, особенно в пластах твердого угля. Если встречался твердый уголь наравне с мягким, рабочие переводились с одного на другой для уравновешения трудностей. Остальные зарабатывали поденно и поурочно: саночник — от 80 к. до 1 р.; вагонщик — от 1 р. до 1 р. 10 к.; стволовые и верховые — от 90 к. до 1 р. 10 к.; погонщики и сортировщики — от 25 к. до 30 к. в смену.

Инструменты, масло для освещения и прочее относились чаще всего на счет рабочего. Напр., на Александровской шахте за кайло и лопату вычитались из заработка два рубля, при чем инструменты назад не брались, так что при уходе рабочему оставалось только продать их на сторону. На шахтах Общества Южно-русской каменноугольной про-

мышленности кайло, лопата, лом, лампа и т. д. отбирались у рабочих при их уходе с удержанием лишь 10% стоимости за ремонт их во время работы, каковой порядок был введен, по об'яснению администрации, вследствие небрежного обращения рабочих с инструментами.

Рабочий день продолжался 12 часов. Работа шла в две смены: первая — с 6 ч. утра, вторая — с 6 ч. вечера. Дневная смена имела свободными $^3/_4$ часа на обед; ночная не пользовалась таким перерывом. Отметим здесь, что по данным, относящимся к середине восьмидесятых годов, на рудниках Общества Южно-русской каменноугольной промышленности, как и на других крупных рудниках в Бахмутском уезде, в число двенадцати часов работы (при двух сменах) входили летом—два часа на обед и по получасу на завтрак и полдник, зимою—по получасу на обед и завтрак. А урочники иногда успевали кончить работу на два-три часа раньше, чем прочие.

Жилища были бесплатны, но, как мы увидим в дальнейшем, они представляли собою самое ужасное зрелище. В шахте рабочий ел хлеб, вяленую рыбу; вода не всегда имелась в достаточном количестве. На поверхности он питался хлебом, рыбой, редко мясом; пил чай с сахаром и очень много водки. Продукты скверные и дорогие. На одежде и обуви шахтовладельцы наживали до 100%. Все выдавалось по ордерам, даже водка в кабаке, хотя это и запрещалось. Порою сами шахтовладельцы содержали кабаки и своей водкой расплачивались с рабочими. Вследствие неграмотности большинства рабочих—обмер и обман не встречали противодействия. Когда рабочий, окончив работу, торопился домой, ему говорили, будто в конторе денег нет, и расчет поэтому производился товарами.

Врачебной помощи, можно сказать, не было. Если кое-где встречались больницы и врачи, то в девяти десятых случаях даже фельдшеров не было. Заболевшим рабочим обычно давали немедленно расчет, чтобы смерть застигала их вне рудника; зная это, рабочие старались скрыть свое недомогание.

Приведенное выше сообщение очевидца того, что происходило в Донской области, тождественно с картиной, которую представляла собою жизнь горнорабочих в Бахмутском и Славяносербском уездах.

В Бахмутском уезде из числа обследованных на шахтах 5.150 чел.— 2.067 чел. (40,1%) жили постоянно при шахтах, а остальные 3.083 чел. (59,9%) приходили из разных мест на временную работу, но большинство последних (97%) были местными жителями.

Из нижеприводимых данных видно отношение этих временных рабочих к земле:

	Местные		Пришлые		Итого	
	Число	%	Число	%	Число	%
Бесхозяйные	563	18,3	73	2,4	636	20,7
При земледелии	2.431	78,8	16	0,5	2.447	79,3
Итого . . .	2.994	97,1	89	2,9	3.083	100

Постоянное горнорабочее население, группировавшееся около самых крупных Бахмутских рудников (в Бахмутском и Славяносербском уездах их было 4-5), состояло из 1.870 семей в 3.820 душ, из коих 2.067 трудящихся. Оно, за исключением 399 семей (в 694 души), входивших в состав жителей Юзова, на трех шахтах „Новорос. общества", распределялось следующим образом:

	Семей	Душ
Мещан и крестьян Бахмута	93	214
Крестьян Бахмутского уезда	174	595
	267	809
Из прочих уездов Екатериносл. губ.	48	147
	315	956
Из других губерний и иностранцев .	1.156	2.170
	1.471	3.126

Значительный процент пришлых служит доказательством, что местные при всех житейских невзгодах предпочитали до последней крайности держаться своего хозяйства. Малый процент постоянных рабочих из числа местных еще больше подтверждает это заключение: только уничтожение хозяйства могло погнать местных крестьян на шахты. Они шли сюда лишь на временные заработки. Заработок на шахте не мог почитаться подспорьем для сельского хозяйства, так как крестьянин, чтобы заработать несколько рублей для неотложной надобности, оставлял свои поля на произвол судьбы. Таким образом, горный промысел имел тенденцию подорвать крестьянское хозяйство [1]). Шли на шахты обыкновенно бесхозяйные и беднейшие жители и отчасти из многодушных семейств среднего достатка. Крестьяне-хозяева уходили на шахты вследствие расстройства и значительного упадка своих хозяйств. Как мы видим из нижеприводимой таблички, уходящие из селений занимались

	Местные			Пришлые			Итого	
	Постоянные	При земледелии	Итого	Постоянные	При земледелии	Итого	Постоянные	При земледелии
Рабочие в шахтах и на поверхности	526	1.478	2.004	54	15	69	580	1.493
Возчики угля	10	927	937	—	1	1	10	928
Мастеровые	13	10	23	3	—	3	16	10
Служащие и подрядч.	14	16	30	16	—	16	30	16
Итого . . .	563	2.431	2.994	73	16	89	636	2.447

[1]) Сборник по Бахмутскому уезду, стр. 275—76.

работами не только на самих шахтах, в качестве рабочих, мастеровых и служащих, но и вне их — перевозкой и др. Рабочие эти, не ограничиваясь Бахмутским уездом, приходили также на рудники в Славяносербском уезде и Миусском округе.

В Славяносербском уезде на 26 рудниках население состояло из следующего числа:

	Всего	Из них трудящ.	Среди них одиночек	Всего семей
Мужчин	1.727	1.620	1.504	103
Женщин	221	3	3	

По роду занятий рабочие отметились:

Артельщики	26	Погонщики	61
Забойщики	709	Сортировщики:	
Саночники	346	мужчины	16
Вагонщики	197	женщины	3
Стволовые	42		
Верховые	131	Всего . . .	1.531

Остальные — разные, т.-е. крепильщики, грабари и т. д.

Среди горнорабочих, зарегистрированных в Славяносербском уезде статистиками по месту приписки, значилось:

Местных жителей (Славяносербского уезда) . . .	446	(28%)
Из Бахмутского и Мариупольского уездов	260	(16%)
Из 73 уездов других губерний	917	(56%)

О времени своего пребывания на данном руднике показали: до одного года — 642 (60,5%); до трех лет — 305 (28,7%); более трех лет — 113 (10,8%). Последняя группа могла почитаться осевшей, составлявшей кадры постоянных рабочих.

О времени своего занятия вообще рудничным промыслом сообщили о себе: до одного года — 268 (21%); до пяти лет — 520 (42%); до десяти лет — 275 (22%); более десяти лет — 186 (15%).

Из 1.021 пришлых горнорабочих, в Славяносербском уезде, попавших под обследование, только 56 человек (менее 5,5%) принадлежали к безземельным семьям; остальные или сами имели наделы или принадлежали к земельным семьям. При этом почти вся масса рудничных рабочих состояла из одиночек, холостых или оставивших на родине свои семьи. Этим подтверждается, что из внутренних губерний на шахты шли, главным образом, члены больших малоземельных семей и при том лишь на время, с намерением вернуться домой, к земле. Даже безземельные крестьяне всегда надеялись вернуться на родину [1]).

[1]) *С. Ан-ский.* („Русское ботатство", 1892 г., кн. 2-я).

Работы по добыче каменного угля в Бахмутском уезде велись хозяйственным и подрядным способами. Получая попудно за добытый уголь, подрядчики от себя нанимали рабочих для подземных и наружных работ. Не найдя поблизости рабочих, они отправлялись в уезды внутренних губерний и там набирали, подкупая волостных властей, чтобы те „поприжали" плательщиков податей, а сами в это время предлагали рабочим заплатить за них подати и, в особенности, недоимки выдачей авансов.

Часть горнорабочих вообще на всех шахтах нанималась по-одиночке, при чем каждый самостоятельно получал свой заработок: поденный, месячный или задельный. Но были и артельные рабочие. Организаторами артелей являлись сами конторы, рабочие и подрядчики. Осевшим рабочим конторы предлагали взять на себя организацию артели; рабочий списывался с родными и односельчанами, которые и „присоглашали" нужных рабочих в соседних селах. Набор недостающего числа делался из числа постоянно приходящих на заработки. Последним конторы порою сами указывали, к кому записаться в артель. Другие артели являлись на рудник, уже дома сформировавшись. Инициаторами в таких случаях выступали обычно рабочие, бывавшие на копях. Их представитель являлся в контору для заключения договора. Меньше всего было артелей из местного населения.

Артельщик рассчитывался с конторой, заботился о продовольствии, распоряжался нарядом работы, вел счет „упряжкам" (единица времени работы) и т. д. От работы в шахте он освобождался. Моложе 16 лет в артель не принимали. Только погонными к лошадям при барабанах встречались моложе. Обыкновенно артель нанимала их за общий счет на своих харчах. В некоторых артелях каждый выполнял определенную работу, к которой был пригоден. Артель делилась на две смены: в ночную шли забойщики, в денную — отбойщики, тягальщики, вагонщики, с 6 ч. до 6 ч. Артель имела общий стол, свою кухарку (работавшие в шахте днем обедали там же). Члены артели делили заработок поровну или соответственно количеству „упряжек", количеству и свойству произведенной каждым работы. На некоторых рудниках производились одни лишь артельные работы, на других — артели играли главную роль; на остальных же рудниках артельные работы применялись только на проходке продольных и печей. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. На шахтах Новороссийского Общества артели организовались для работ в продольных и печах в составе всего двух забойщиков и одного отбойщика или забойщика, отгребщика и возчика и т. д.

В Славяносербском уезде, как это вытекает из далее приводимой таблицы (на стр. 100), наиболее распространенной формой являлся наем артелей от конторы, сопровождавшийся для конторы меньшими расходами, чем при других способах найма. Еще дешевле обходился наем отдельных рабочих конторой, но этот способ был менее распространен, так как при нем (как и при найме отдельных рабочих через подрядчика) требо-

Способы найма	Число артелей	Чиисло рабочих	Стоимость одного рабочего в месяц в рубл.
Наем *артелей*			
от конторы	31	798	22
от подрядчиков . . .	15	237	37
Наем *отдельных* рабоч.			
от конторы	—	271	21
от подрядчиков . . .	—	262	23

вался больший административный надзор [1]). К тому же трудно было разыскивать отдельных рабочих и удерживать их на шахте. Артель устраняла эти затруднения силою круговой поруки [2]).

Рабочим было выгоднее наниматься самостоятельно, а не через подрядчика, что видно из нижеследующих примеров, взятых из практики по Бахмутскому уезду. На Корсунском руднике в двух продольных подрядчики работали по 12 и 13 р. от сажени и нанимали: 6 забойщиков, платя всем вместе 4 р. 50 к. за сажень плюс 1 р. 35 к. в упряжку; 6 крепильщиков — 1 р. 35 к. и по 1 р. 20 к.; 6 возчиков по 1 р. 10 к. в упряжку. В день были пройдены 3 сажени и подрядчики получили 38 р., из коих выплатили: забойщикам посаженно 4 р. 50 к. плюс 5 р. 40 к. поденно, итого 9 р. 90 к.; крепильщикам 5 р. 40 к. плюс 2 р. 40 к., итого 7 р. 80 к.; возчикам 6 р. 60 к. Всего за день подрядчики уплатили рабочим 24 р. 30 к. или по 1 р. 35 к. в день каждому. Самим же подрядчикам осталось 13 р. 70 к., т.-е. по 6 р. 85 к. на человека в день. В других продольных работали небольшие артели от конторы: по одному забойщику, крепильщику и возчику; рабочих дней в течение месяца 20 дней, и в это время было выбито 10 саж. на сумму 130 р.— которыми поделились трое поровну, т.-е. на каждого рабочего пришлось по 43 р. 33 к., т.-е. 2 р. 17 к. в день. Следовательно, в день — на 82 коп. больше, чем у подрядчика.

Следует подчеркнуть, что подрядчики, подобно шахтовладельцам, закабаляли рабочих выдачей им продуктов питания и задержками в расчете. Зимним рабочим подрядчики выдавали заработную плату только три раза (перед рождеством, на масленицу и на пасху), в остальное же время рабочие получали лишь небольшими суммами—по нескольку рублей, что, конечно, заставляло рабочего обращаться в продуктовые лавки подрядчиков.

На основании записей частных случаев и отчасти приблизительных вычислений получились следующие сведения о размерах годового вознаграждения всех вообще и одного рабочего из числа постоянно проживающих на шахтах в Бахмутском уезде.

---

[1]) Сборник по Славяносербскому уезду, стр. 366.

[2]) *М. Балабанов.* Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II. (Киев, 1924 г.), стр. 139.

Профессии	Число семей	В семьях		Общий заработок в рублях	Приход в рублях	
		трудящихся	всего едоков		на рабочего	на едока
Рабочие:						
Глеевщики	19	19	38	3.012	159	79
Саночники	198	206	254	40.580	197	160
Разные (отчасти стволовые и верховые) . . .	161	161	302	33.908	211	112
Молотобойцы	11	11	18	2.476	225	138
Вагонщики	252	272	446	61.806	227	139
Стволов. и верх.	50	50	120	11.466	229	96
Крепильщики и бутчики .	74	78	187	17.855	229	95
Кочегары	29	29	64	6.677	230	104
Забойщики	760	940	1.610	235.549	251	146
Мастеровые:						
Плотники	81	81	173	23.431	289	135
Слесари	20	20	60	7.038	352	117
Служащие:						
Штейгера	28	28	66	12.420	444	188
Конторщики и др. . . .	61	61	163	27.512	451	169

В этой таблице не отделены одиночные рабочие от семейных, а потому цифры являются средними и они рисуют положение семейных, т.-е. „годовой приход на душу“, в более розовом свете, чем это было в действительности. При обследовании же Славяносербского уезда семейные и одиночные были особо учтены, и нижеследующая таблица изображает положение семейных („приход на едока“) в меньших суммах месячного заработка, чем в Бахмутском уезде.

	Число	В них едоков	Сумма месячного заработка	Приход	
				На семью	На едока
Семей	113	441	2.703 р.	24 р.	6 р.
Одиночек.	1.507	1.507	33 207 р.		22 р.

Низкой заработной платой семейных об‘ясняется отчасти то, что в Донецком бассейне с трудом устраивались семейные рабочие [1]).

Учитывая размер заработной платы, нельзя упустить из виду штрафы, налагавшиеся по разным поводам как шахтовладельцами, так и подрядчиками. Например, на заводе Юза были установлены следующие размеры штрафа за опоздание на работы: 5 мин.—5 коп.; 15 мин.—15 коп.; свыше 15 мин.— вычет дневной платы. Прогулы карались штрафом в размере трехдневной заработной платы. Отлучка без письменного разрешения влекла за собою такой же штраф. За „недобросовестное поведение, грубость, оскорбление начальства“ — 3 рубля.

---

[1]) *Фомин*, т. I.

Месячный расход артельного рабочего на продовольствие колебался в пределах от 8 до 11 рублей, а у семейного — от 4 до 5 руб. на душу. У одиночек и малосемейных оставалось после удовлетворения указанных потребностей от 3 до 10 рублей в месяц. Из этого расходовалось еще на освещение во время работы и на инструмент до 3 рублей. У иных заработок не покрывал даже этих расходов. Одна запись статистика зафиксировала следующие слова рабочего: „Так и маемся — живым в могилу лезть не хочется". Нередко крестьяне, пришедшие, чтобы заработать подати, обманывались в своих надеждах.

Для крестьян рудничные работы по непривычке представлялись очень изнурительными. Из девяти месяцев в году, проводимых на шахтах, у самых усердных выходило не более шести месяцев рабочего времени; после месяца работы необходим был двухнедельный отдых. Получив часть заработка, местные уходили домой, а пришлые отдыхали в казармах при шахтах.

Расплата с рабочими производилась по усмотрению шахтовладельца. Почти на всех рудниках Бахмутского и Славяносербского уездов был установлен месячный расчет с удержанием первого полумесячного или месячного заработка впредь до окончательного расчета как бы в виде залога. Но обычно конторы затягивали выдачу денег. В этих случаях шахтовладельцы, помимо прикрепления рабочих к руднику, извлекали непосредственную материальную выгоду, пользуясь заработной платой рабочих в качестве оборотных средств, свободных от уплаты процентов за кредит. В Славяносербском уезде сравнительно аккуратно расплачивались, по словам рабочих, только три-четыре рудника. Случалось, что артели не получали заработка в течение ряда месяцев. Тут-то вступали в свои права устраивавшиеся шахтовладельцами и подрядчиками продуктовые и вещевые лавки для рабочих.

Так как шахты находились обычно вдали от селений, а вместе с тем у рабочих не было наличных денег, то вообще являлась необходимость держать запасы предметов питания и обихода для продажи рабочим в кредит. И на немногих крупных предприятиях такие склады имели своей единственной задачей снабжение рабочих различными предметами житейских нужд. На большинстве же шахт лавки являлись торговым делом. Они извлекали громадные барыши благодаря тому, что отпуская товар в кредит и пользуясь монопольным положением, повышали цены до крайности. Кредитоваться рабочие принуждались с первого же дня поступления на работу, так как первая заработанная сумма — за полмесяца или за целый месяц — удерживалась шахтовладельцем. В дальнейшем и неаккуратная расплата заставляла рабочих итти в лавку хозяина.

Кредитованием рабочих взамен выдачи заработной платы владельцы прикрепляли их к предприятию. Благодаря такой систематической недодаче заработка рудник Голубовского товарищества насчитывал не менее половины рабочих, находившихся на нем более года.

На некоторых шахтах Бахмутского уезда продавали продукты торговцы. Расплачивался с ними за забранные рабочими товары шахтовла-

делец, вычитая соответствующую сумму из заработной платы. На одном руднике с рабочими расплачивались только товарами на всю заработанную ими сумму денег.

Исключительно мрачную картину, за редкими исключениями, представляли собою жилища рабочих. Крайняя первобытность жилищ об'яснялась в некоторой мере особым характером еще не прочно установившегося каменноугольного промысла. Неуверенность в продолжительности дела, отсутствие необходимой рабочей силы, приводившее к перебоям в работе, разные непредвиденные обстоятельства, угрожавшие быстрому и выгодному сбыту добычи,— все это, не говоря уже о спекулянтских замыслах, удерживало шахтовладельца от затрат на устройство сколько-нибудь здоровых жилищ. Имеется сообщение, что когда выписанные в 1860 г. на Грушевку вестфальские горнорабочие (вместе с женами и детьми), пройдя с музыкой в парадных профессиональных костюмах по улицам Новочеркасска, увидели землянки на Грушевке, бадьи, всю рудничную грязь и неустройство, они решительно отказались опускаться под землю, „сделав нечто вроде стачки рабочих в Западной Европе". Вызвав вмешательство консула и администрации, они разошлись, не приступив к работе [1]).

„Помещения, в которых в то время жили шахтеры, — вспоминал впоследствии один горнопромышленник [2]) о первоначальном периоде каменноугольной промышленности в Донецком бассейне — были поистине ужасны; у хорошего помещика скот помещался лучше, чем несчастные шахтеры, жившие в землянках. Землянки эти представляли собой вырытые в земле ямы, покрытые двускатной земляной же крышей, если находятся на ровном месте, и односкатной крышей, опирающейся одной стороной на землю, а другой на сложенную из камня на глине стенку, когда землянка выкопана по склону балочки; не только пола в этих землянках не было, но даже не было деревянных нар, а просто вдоль стен земля оставлялась несколько выше, чем посередине, где образовался таким образом проход, бока которого были закреплены обаполами (горбылями), чтобы не обвалилась земля от уступа, заменявшего нары. Отапливались землянки чугунными печами, служившими вместе с тем и очагом для варки пищи. Но и этих отвратительных помещений, несмотря на то, что они стоили грош, бывало недостаточно, и зачастую на одних и тех же местах ночью спала денная смена, а днем — ночная".

Такие же землянки описаны в середине 80-х годов при статистическом обследовании Славяносербского уезда: „Они (землянки) копаются при самых шахтах. На поверхности земли они не заметны, потому что прикрыты землей. Размеры, воздух и нечистота таких помещений поистине ужасны, даже летом. На Голубовском руднике в землянке при 10 саженях длины и 9 аршинах ширины летом помещалось 18 человек; в той

---

[1]) *А. Кеппен.* Материалы для истории горного дела на юге России (1900 г.), стр. 33—34.

[2]) *А. Ауэрбах.* Воспоминания о начале развития каменноуг. промышленности в России („Русская старина", 1909 г., декабрь).

же землянке, по словам рабочих, зимою бывает до 60 человек... Окон или совсем не полагается, или же, если они имеются, то не более $1^1/_2$ четвертей величиной. В самый яркий день в этих помещениях царит полумрак; в них едва можно писать, да и то лишь при самом окне. Во время дождей внутренние стены протекают, воздух постоянно сырой с запахом гнили. Просидевши в таком положении один час, выходишь из него, точно одурелый, с головными болями"[1]).

В тождественных условиях приходилось жить и бахмутским горнорабочим. Описывая даже более благоустроенные юзовские завод и рудники, земский статистик сообщает, что „каюты", жилища массы рабочих, лепятся по окраинам и вообще в отдалении. Каюты — простые землянки, низкие, невзрачные. Есть среди них такие, что сразу их и не заметишь— так невелико возвышение над поверхностью земли, представляемое их крышами, состоящими из земли и мусора. Стены их забраны деревянными досками или выложены камнем и легко пропускают сырость. Пол земляной. Проникнуть в „каюту" можно только спустившись по нескольким ступеням земляной лестницы. Каюты темны и крайне тесны. Поэтому воздух в них сырой, затхлый и удушливый. Содержатся весьма неопрятно.

Трафаретные „каюты" существовали и на дурно организованных Семеновской и Александровской шахтах, хотя здесь имелся кадр постоянных рабочих, оседло обосновавшихся с семьями. Два-три „балагана" для артелей вводили в заблуждение под'езжавшего к шахтам. С первого взгляда можно было подумать, что здесь производятся работы ничтожных размеров, потому что жилищ рабочих почти не было видно. Но на шахте в действительности жили постоянно 100—150 рабочих. Едва заметные возвышения над поверхностью земли вокруг шахт указывали на жилища рабочих. Возвышения эти — „шеи" землянок, торчащие из подземелий в виде конька изб. „Шеи" изображали входы в подземелья, закрываемые дверью. Дверь низка, пройти в нее можно только согнувшись. Тотчас за дверью начинаются земляные ступеньки, ведущие к другой двери. По бокам их, до стенок „шеи", остаются небольшие пространства, где на голой земле устраивались постели в летнее время, или ставилась посуда. Во время дождя вода проникала и сквозь дверные скважины, и сквозь покров и стены „шеи". Другая дверь вела прямо в жилище, узкое и продолговатое или квадратное сажени по $1^1/_2$ в стене. Пол земляной, потолка нет — его заменяет крыша. Внутри—подтопок с плиткой, стол и скамейка для сиденья. Кровати попадаются, как исключение. Внутри грязно. Сквозь крыши и стены проникает и сырость, и влага. От всего этого в жилище даже в летнее время воздух затхлый и гнилой. Крошечные окошечки с нечисто содержимыми стеклами пропускают тусклый полусвет [2]).

---

[1]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, Том третий, стр. 381—382.

[2]) Там же, т. II, стр. 283.

На фоне этой безрадостной картины мелькали исключения, но только на тех рудниках, в разработку которых вкладывались значительные капиталы, требовавшие, конечно, более производительного и организованного труда. Даже на Юзовском заводе, где еще сохранились давние землянки, уже в середине семидесятых годов были выстроены для части рабочих хорошие дома. Один очевидец сообщает, что в то время на Грушевском (Русского общества), Корсунском, Макеевском, Ореховском, в особенности же Кураховском рудниках имелся ряд красивых домов, в которых удобно жили не только одинокие, но и семейные [1]). Появление таких домов не всегда означало уничтожения „землянок" на данном руднике. Так было, как мы видели, в Юзове. Еще в середине восьмидесятых годов сохранились землянки (каменные с земляной крышей) на шахтах французского „Горного и промышленного общества", хотя там имелись и каменные дома для рабочих [2]).

Сами рабочие порою уклонялись от перехода в каменные казармы, предпочитая оставаться в землянках, так как там группировались артели, состоящие из земляков. Артели жили по отдельным землянкам, „как бы выражая этим свое единство и обособленность от прочих артелей". При переходе рабочих в казармы это внутреннее единение рабочей артели разрушалось, и члены в общей казарме должны были подчиняться режиму, общему для всей казармы, жить на виду у всех и т. д.[3]).

Состояние жилищ служило показателем уровня всей вообще рудничной обстановки. Там, где принимались меры к улучшению жилищных условий, обычно проявлялась забота также о медицинской помощи, о добросовестной выдаче продуктов, об устройстве школ для детей горнорабочих, и, конечно, об усовершенствованиях в самих шахтах с целью облегчить работу. А на остальных рудниках ни в каком отношении не вводилось усовершенствований. Так, на Александровской и Семеновской шахтах, напр., нередко случались обвалы, вследствие чего и без того недостаточное проветривание подземных ходов еще более затруднялось, и воздух до того спирался, что лампы тухли (рабочие говорили „светло не горит").

Статистикам, изучившим положение углекопов Славяносербского уезда, становилось „страшно и жутко" при мысли о работе шахтеров, производившейся на глубине 16—60 саж. при свете лампочек-коптилок. Впродолжение всей дневной упряжки рабочий должен был находиться в согнутом положении; даже в главных откаточных штреках в редких случаях средний человек мог стать во весь рост. Особенно тяжело было забойщикам и саночникам, так как во все длительное время работы первый трудился на корточках, а если толщина пласта мала — то и совсем в полулежачем положении; второй же должен был отвозить набитый уголь на четвереньках к главному откаточному штреку. Воздух в шахтах

[1]) *Ислабин.*

[2]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Том второй, стр. 284.

[3]) *Фомин*, т. I.

сырой, так как большинство их с большим притоком воды. Работали нередко совершенно голыми. Дышать приходилось угольной пылью в смеси с различными, тяжелыми для дыхания, газами, которые до такой степени вредно действовали на организм, что работа делалась невозможной, особенно в летнее время, — лампы гасли, и рабочие вынуждались прерывать работу на несколько дней.

В описанных условиях особенно остро ощущалось отсутствие медицинской помощи. Только на единичных крупных рудниках имелись больницы, или наезжали, в качестве гастролеров, врачи, а то и только фельдшера. Так, на Корсунском руднике, где образовалось поселение Горловка, и на Новой копи имелись лечебницы с кроватями, обслуживаемые фельдшерами. Врач приезжал сюда только дважды в месяц, кроме экстренных случаев. Обычно же на месте не оказывалось никаких лечебных средств. Больных и увечных отправляли в земские больницы, отстоявшие на несколько десятков верст, и случалось, что для привезенного не находилось места [1]).

Все до сих пор сказанное относится к капиталистическим каменноугольным предприятиям, которые состояли из двух групп: наиболее крупных и устойчивых рудников, принадлежавших акционерным обществам, компаниям, и обычно мало значительных, менее солидных рудников, находившихся во владении частных лиц. Но кроме них существовали, в числе до тысячи, мелкие шахты, составлявшие собственность крестьян. В основе разработки крестьянских шахт играл главную роль не капитал, а личный труд всех членов данной артели. Нередко крестьяне разрабатывали свои шахты только для удовлетворения собственной потребности в угле. Вообще крестьянские шахты служили источником лишь подспорного заработка. Даже на собственных каменноугольных копях крестьяне занимались этим промыслом только в дни, свободные от земледельческих работ. Они порой сдавали свои шахты в аренду на более или менее продолжительные сроки. Случалось, что крестьяне вынуждались в конце концов оставить земли за углепромышленником и превратиться в безземельных пролетариев. А иногда крестьяне обменивали свою надельную землю с каменноугольными копями и пластами на землю, пригодную для сельского хозяйства.

Таким образом, роль крестьянских шахт в каменноугольном производстве не могла быть значительной. В Славяносербском уезде на крестьянские шахты приходилось всего 3% добываемого в уезде угля (более 500 крестьян были заняты на шахтах). Крестьянские шахты отличались примитивным устройством, малыми размерами и непрочностью своего существования.

Глубина крестьянских шахт обычно простиралась от трех до пятнадцати сажен. И только немногие (конные) опускались до тридцати сажен. Крестьяне называли их „дудки“ или „ямки“. Встреча с камнем или появление воды останавливали работу.

---

[1]) *Булычев* (1884 г.).

Крестьяне устраивали небольшие артели из односельчан для разработки шахт, и лишь изредка разработка предпринималась единолично состоятельным крестьянином с помощью наемных рабочих. В артельных шахтах на каждого работника приходилось добытого угля в среднем около 25 пудов в день (от 10 до 60), за все же рабочее время не менее 3.000 пудов. Мироеды на захваченных ими общественных шахтах платили односельчанам (30—40 чел.) от 30 до 75 коп. в день или помесячно от 5 до 10 рублей на хозяйских харчах. Так как работа в шахтах продолжалась всего $8^1/_2$ месяцев (с первых чисел октября до половины июня), из коих рабочего времени не более полных 6 месяцев, то заработок на крестьянских конных шахтах при постоянном занятии составлял от 45 до 95 рублей, в среднем около 70 рублей [1]).

Работа на примитивных крестьянских шахтах была опасна для горнорабочих. Когда в 1876 г. на рассмотрение горного ученого комитета поступило дело о гибели одного крестьянина, разрабатывавшего шахту со своими односельчанами-совладельцами, стал вопрос о том, как устранить техническую отсталость крестьянских шахт, не разрушая самого крестьянского каменноугольного промысла. Погибший крестьянин был убит на глубине семи саж. глыбою подбитого угля, обвалившейся вместе со сланцем из крыши пласта. Окружный горный инженер распорядился о закрытии шахт, принадлежавших упомянутым собственникам. Но в горном совете было указано, что подобные случаи бывают даже при правильно организованных выработках. Вина убитого лишь та, что он не успел или пожалел поставить несколько лишних стоек, самый же способ добычи угля — общепринятый. Ввиду этого распоряжение о закрытии шахт было отменено с тем, чтобы владельцы крестьянских шахт подписками обязались выполнять технические требования.

Тогда же было предложено побудить владельцев крупных рудников помогать крестьянам техническими познаниями, так как хищнический способ крестьянской разработки затруднит в будущем более интенсивную добычу угля в этих местах. Крестьяне не проникали в глубь шахт, и рано или поздно их должны были заступить капиталисты, вооруженные техническими силами. Однако местный горный надзор удостоверил, что желательные технические меры невозможно осуществить. Мелкие владельцы копей или шахт не могут затратить для этого лишний труд (например, добыть пустую породу для закладки), чтобы не повысить цены на уголь, иначе придется прекратить продажу угля. Поэтому было постановлено, что меры, направляемые к улучшению состояния крестьянских шахт, никак не должны влечь за собою разорение их владельцев. Что касается надежды на помощь со стороны крупных шахтовладельцев, то она оказалась призрачной. Они потребовали такого технического усовершенствования крестьянских шахт, которое представлялось для крестьян неосуществимым [2]), да к тому же горнопромышленники ждали компенсации за любезность.

---

[1]) Сборники по Бахмутскому и Славяносербскому уездам.— *Фомин*, т. I., стр. 354 и след.

[2]) Древлехранилище в Москве. Горный деп., отдел частных горных заводов. 1876 г., дело № 29.

В результате не только старые шахты остались при прежних условиях труда, но закладывались и новые шахты (даже под домами шахтовладельцев) на таких же основаниях. Как подземные работы, по беспечности и безденежью крестьян, почти ничем не ограждались, так и спуск рабочих в шахту происходил при ежеминутной угрозе срыва. Если статистика регистрировала незначительное число несчастных случаев, то это об'ясняется отсутствием надзора, несообщением полиции о подобных происшествиях. Никакие предписания местной горной власти не могли внести улучшения в работу на крестьянских шахтах, пока они представляли собою кустарную промышленность [1]). Несчастья с рабочими происходили и на хорошо оборудованных рудниках, и причиною служили в отдельных случаях, как было выше отмечено, те же обвалы, которые вызывали обвинение крестьян в преступном пренебрежении требований техники. Но подобные происшествия на капиталистическом руднике горный надзор об'яснял „несчастной случайностью". Если же рабочий погибал в крестьянской шахте — причину находили в недочетах технического характера [2]).

Насколько трудно было крестьянам приступать к разработке шахт, видно из того, что, например, крестьяне Щербиновки и Нелеповских хуторов уступили свое право на добычу угля промышленнику, а за собою сохранили только ранее начатую ими разработку. Из-за отсутствия денег крестьянам приходилось прежде всего найти посредника, который, заранее купив всю добычу, давал бы им средства на жизнь во время разработки шахты. Упомянутые крестьяне просили (1886 г.) с'езд горнопромышленников облегчить им перевозку угля по железной дороге, где задерживалась его отправка. Но на с'езде отчетливо выяснилось, что более крупные шахтовладельцы страдают от конкуренции дешевого угля крестьян, и что именно эти материальные интересы вызвали поход против крестьянских шахт. А ведь только благодаря местным крестьянам были обнаружены многие каменноугольные месторождения [3]).

ЖЕЛЕЗО И УГОЛЬ

Открытие железной руды в Кривом Роге.— Кривой Рог и Урал.— Иностранный капитал.— Концентрация производства.— Накопление постоянных рабочих кадров.— Закон о труде малолетних.— Вопрос о применении к горным промыслам фабричного закона 1886 г.— Позиция донецких горнопромышленников.— Недостаток рабочих рук.— Волнения шахтеров на Рутченковском руднике.— Условия быта горнорабочих.— Закон 9 марта 1892 г. для горных предприятий.

До середины восьмидесятых годов в Донецком бассейне постепенно развивалась одна только каменноугольная промышленность. Железодела-

---

[1]) Там же, 1879 г., дело № 109.

[2]) Там же, 1884 г., дело № 304.

[3]) *В. Добролюбов.* О положении каменноуг. промышленности Донецкого бассейна (СПБ, 1888 г.).

тельная же прозябала. С начала семидесятых годов до середины восьмидесятых на юге существовало только два частных чугуноплавильных и железоделательных завода. Один из них почти бездействовал, а завод Новороссийского общества выплавлял чугун из находившейся вблизи завода нечистой руды, содержавшей в себе всего около 40% железа. И только открытие богатейшего месторождения железной руды в Кривом Роге (Херсонской губ.) сразу расширило горизонт.

О существовании залежей в районе Кривого Рога давно знали. Еще Потемкин намеревался построить здесь чугунолитейный завод. Но лишь почти век спустя, благодаря исключительной энергии местного помещика А. Поля, истратившего на подготовительные меры свое большое состояние и затем на французские капиталы основавшего в 1880 г. „Французское общество Криворогских руд", началась разработка железной руды. Этим была вызвана к жизни железоделательная промышленность, которая, в свою очередь, увеличила спрос на донецкий каменный уголь. Для снабжения Кривого Рога каменным углем, без которого криворогская руда не приобрела бы своей действительной ценности, провели железную дорогу от Кривого Рога в Донецкий бассейн. И тогда железоделательная, а равным образом и каменноугольная промышленность стали интенсивно развиваться. При содействии иностранного капитала к концу девятнадцатого века существовало уже 17 больших чугунолитейных заводов (около 40 доменных печей). Особенно расширилось производство чугуна. О том, какую роль стал играть Юг в общем развитии русского производства чугуна, говорит следующая таблица[1]):

Производство *чугуна* по районам (в тысячах пуд.)

Годы	Урал		Южная Россия	Во всей России	Годы	Урал		Южная Россия	Во всей России
	Казенн.	Частн.				Казенн.	Частн.		
1860	1.641	12.871	—	20.467	1891	3.719	26.204	15.234	61.339
1865	2.045	10.283	—	18.280	1892	3.523	27.098	17.029	65.431
1870	1.999	12.797	—	21.949	1893	3.594	27.164	19.868	69.992
1875	2.299	15.390	622	26.079	1894	4.369	28.357	27.152	79.707
1880	2.051	16.350	1.089	27.375	1895	4.026	29.221	33.675	86.853
1885	3.225	18.366	1.978	32.205	1896	3.764	31.693	38.995	96.919
1888	3.390	20.648	5.301	40.715	1897	4.840	35.976	46.182	112.297
1890	3.691	24.012	13.228	56.560	1898	5.179	38.670	59.388	133.130

Из приведенных цифр видно, что Урал, привыкший занимать первенствующее, а порою даже почти монопольное место в железной про-

[1]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. II, стр. 72.

мышленности, был вынужден в течение короткого времени стать позади молодого и так быстро переросшего его Юга. Если в 1870 г. частные уральские заводы произвели 58% всего русского чугуна, а Юг для этой отрасли промышленности вовсе не существовал, то спустя всего 28 лет Юг вырабатывал уже 42% русского чугуна, а на долю Урала осталось только 29%. В соответствии с этим, переместилась гегемония в обработке металла, как это явствует из нижеследующей таблицы [1]). Юг захва-

Производство *железа* и *стали*
(В тысячах пуд.)

Годы	Урал		Южная Россия	Всего в России
	Казенн.	Частн.		
1860	876	9.324	—	12.942
1865	769	7.276	—	10.956
1870	999	8.259	—	15.707
1875	1.014	10.508	998	19.336
1880	995	12.251	1.619	36.591
1885	1.117	13.059	2.584	33.893
1890	1.434	15.998	8.610	49.548
1891	1.853	16.796	10.994	53.815
1892	2.049	17.980	14.689	61.803
1893	2.383	19.270	17.648	69.415
1894	1.798	15.543	14.394	57.909
1895	1.990	16.798	18.222	63.425
1896	1.373	18.718	21.134	73.259
1897	1.639	20.713	24.398	83.574

тывает первенствующее место не только относительное, но и абсолютное, в деле изготовления стали, приобревшей в это время исключительно важное значение, так как сталь шла на рельсы для быстро развивавшейся железнодорожной сети. За Уралом сохранилась только почетная роль главного поставщика железа.

Торжество Юга не было куплено ценою уменьшения уральского производства. Нет, Урал все больше увеличивал свою производительность. Но, несмотря на такой рост железной промышленности, все расширявшаяся потребность России в металле не покрывалась отечественным

[1]) Там же, стр. 76—78. Эти данные не вполне совпадают с цифрами, которые приводятся ниже, в 5 главе.

производством. В связи с крайне интенсивной стройкой железных дорог ощущалась нужда и в заграничном металле. Его ввозили, хотя это вызывало нарекания со стороны русских заводовладельцев.

Промышленный прогресс Юга об'ясняется совокупностью различных обстоятельств: богатым содержанием криворогской руды (60—70% железа), свойством донецкого каменного угля коксования, наличием значительных иностранных капиталов, которым было доступно лучшее техническое оборудование предприятий. И на Урале встречалась богатая руда, порою превосходившая по своему качеству криворогскую. Однако, уже одна необходимость пользоваться не каменным углем, а древесным горючим, изменяла хозяйственную картину. Древесное горючее требовало для переработки его в уголь не только приложения большого физического труда и денежных средств, но вызывало также разные хозяйственные осложнения, которые с течением времени, по мере отхода леса от рудников, все более затрудняли железное производство. К сказанному присоединялось отсутствие на Урале удобных путей сообщения, неблагоприятное топографическое положение некоторых заводов и т. д.

Важнейшим обстоятельством, тормозившим развитие горного дела на Урале, являлась техническая отсталость горнозаводских предприятий. Именно благодаря своему техническому превосходству[1]) более крупные южные горнозаводские предприятия отличались большею производительностью, чем уральские. С этим, конечно, был связан и вопрос о рабочей силе. При техническом усовершенствовании предприятий стоимость рабочего уменьшается, так как на его долю выпадает большая продукция. Если исключить подсобные работы, вызывавшиеся на Урале, между прочим, употреблением древесного горючего, то в среднем каждый уральский рабочий поднимал в год всего 3.000 пудов руды, а южный рабочий — до 20.000 пудов. На Урале каждая рабочая единица выплавляла за год 5.000 пудов чугуна, а на Юге — около 14.000 пудов.

Развитием на Юге железоделательной промышленности, само собою разумеется, должна была воспользоваться в первую очередь местная каменноугольная промышленность. Донецкая каменноугольная промышленность была многим обязана развитию русского металлургического дела вообще. Помимо угля, поглощавшегося местными металлургическими заводами, из того количества угля, которое в последнее десятилетие девятнадцатого века вывозилось из пределов Донецкого бассейна по железным дорогам, от $^1/_4$ до $^1/_3$ отправлялось на металлургические заводы других районов.

Развитию вообще русского металлургического производства в значительной степени способствовал, как известно, прилив иностранных капиталов, и так как они вместе с тем влились и непосредственно в донецкую каменноугольную промышленность, то исключительно быстрый

---

[1]) Раньше Донецкого бассейна развился Домбровский район, вышедший из пределов России во время мировой войны.

рост донецкого каменноугольного дела должен быть приписан в известной мере действию иностранного капитала [1]).

Первоначально добыча минерального топлива в Донецком бассейне сосредоточивалась преимущественно в Грушевском районе [2]), где, однако, она весьма медленно развивалась, несмотря на высокие качества местного антрацита. В течение почти полувека (1840—1889 гг.) среднее годовое производство не превышало 23 млн. пудов. С проведением же Курско-Харьковско-Азовской железной дороги на рынке появился в качестве конкурента каменный уголь. Рост его добычи виден из нижеследующей таблицы, которая указывает также на роль Донецкого бассейна в каменноугольной промышленности всего государства [3]).

В тысячах пудов

Годы	Добыча каменного угля	
	Вся империя	Донецкий бассейн
1886	279.393	128.654
1887	276.779	125.484
1888	316.594	146.760
1889	379.350	189.869
1890	367.203	183.249
1891	380.526	191.659
1892	424.053	218.057
1893	464.818	239.832
1894	534.941	295.831
1895	555.462	298.311
1896	568.628	310.262

Несмотря на то, что с каждым годом добыча угля в России увеличивалась, количество заграничного угля также возрастало, насыщая около одной четвертой части потребления. Для удовлетворения все развивающейся потребности в каменном угле, в целях удешевления продукта при сохранении качества, нужны были прогрессивный рост и концентрация производства. Увеличение же добычи в соответствии с запросом рынка и при пропорциональном уменьшении расходов на единицу добычи вызы-

---

[1]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. II.—*Е. Рагозин.* Железо и уголь на юге России (1895).

[2]) См. т. I настоящей книги, стр. 258 и сл.—Ср. *А. Антипов.* Исторический очерк развития на Дону горного промысла (Труды Донского Войскового статистического комитета, вып. I., 1867).

[3]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. II, стр. 109, 111.

вало необходимость технических усовершенствований. Технические же усовершенствования в свою очередь нуждались в значительных денежных средствах. Естественным последствием этого должно было явиться поглощение слабых предприятий крупными. Этот процесс стал намечаться, повидимому, уже в начале восьмидесятых годов в связи с развитием железнодорожных сообщений. Так, из группы девятнадцати копей, работавших в 1884/85 г., в следующем производственном году закрылись четыре, а уцелевшие пятнадцать копей увеличили свою отправку на два миллиона пудов.

Этот прирост добычи не означал, будто все пятнадцать копей развили свою производительность. Нет, семь копей уменьшили добычу на миллион четыреста тысяч пудов, каковая недохватка вместе с прежней выработкой четырех закрывшихся копей была компенсирована усилившейся деятельностью прочих восьми копей, давших лишних три миллиона четыреста пудов. В том же году Горнопромышленное общество французской компании увеличило свою отправку более, чем на три миллиона пудов. Из упоминаемых ниже 15 предприятий девять (с добычей около 250 млн. пуд.) работали почти исключительно на иностранном капитале. Сверх того существовали менее значительные разработки, также производившиеся при помощи иностранных денег[1]). Показательно, что в 1884 г. шесть крупных предприятий выработали 28% общего количества добытого в России угля, а в 1894 году выработка тринадцати крупных

	Млн. пудов
1. Алексеевское Горнопромышленное Общество	50
2. Корсунская копь Южно-Русского О-ва каменноугольной промышленности	46
3. Александровская копь Новороссийского О-ва	40
4. Голубовское Берестово-богодуховское Горнопромышленное Т-во	36
5. Макеевская копь Донецкого О-ва каменноугольной и заводской промышленности	35
6. Рутченковская Французского Горного и Промышленного О-ва на юге России	30
7. О-во Прохоровских каменноугольных копей на Донце	25
8. О-во Рыковских каменноугольных копей	20
9. Екатериновское Горнопромышленное О-во	20
10. Русско-Бельгийское О-во	18
11. Щербиновский рудник О-ва разработки каменной соли и угля в Южн. России	18
12. Алмазное акционерное каменноугольное О-во	18
13. О-во Брянских каменноугольных копей	15
14. Вознесенская копь П. А. Карпова	15
15. Петро-Николаевская В. Р. Максимова	10
Всего . . .	396

[1]) *В. А. Добролюбов.* О положении каменноугольной промышленности Донецкого бассейна (1888 г.).— *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. II.

предприятий составила уже 57% годового производства всех каменноугольных бассейнов. В 1899 г. в Донецком бассейне (кроме района Области Войска Донского) действовали уже пятнадцать крупных предприятий, которые по приблизительному подсчету должны были в течение года выработать до 400 миллионов пудов, что составляло почти 75% всего количества угля, которое могли добыть за этот же период времени все 88 каменноугольных предприятий района. Чтобы дать представление о мощности этих крупных предприятий, приведем цифры предположенной ими выработки в 1899 г.

Рост концентрации южнорусской каменноугольной промышленности может быть иллюстрирован следующими данными. В 1882—83 гг. добыча угля на крупных копях с производством более 5.000 вагонов в год составляла немногим более 40% всей годовой добычи, а в 1894—95 гг. возросла уже до 79%. За этот период в 13 лет добыча на крупных копях увеличилась в семь раз, на средних копях (1—5 тыс. вагонов) осталась почти без перемены, а на мелких (менее 1000 вагонов) увеличилась немногим более чем в два раза, и таким образом доля мелких шахт в общей массе донецкого угля понизилась с 17% до 10%[1]).

Усиление разработки угольных и железных рудников потребовало соответствующего увеличения рабочей силы. Между тем, как мы видели, на юге России не имелось достаточного контингента постоянных рабочих. Поэтому горнопромышленники попрежнему старались найти способ привлечения рабочих к постоянной горной работе.

Образование оседлого рабочего населения при рудниках задерживалось в некоторой мере тем, что шахтерский труд — передвижной, по своему характеру не позволявший рабочим оседать при руднике. „Каждый рабочий день, каждый вынутый из недр земли пуд угля все удаляет место производства от жилища рабочего“. Если фабрика может получать предмет производства из разных мест и, благодаря этому, существовать всегда на том месте, собирая и укореняя возле себя рабочее население, то срок труда на руднике ограничен, так как труд здесь неразрывно связан с постепенно вырабатываемыми недрами земли. Рано или поздно труд в шахте уже настолько удалялся от места подачи угля на поверхность, что продолжать дальше работу в этой шахте оказывалось невыгодным и даже невозможным, вследствие чего рудничные строения, в том числе и жилища рабочих, должны были остаться впусте. „Шахты, в особенности мелкие, являются метеорами, вырабатываются за какие-нибудь 5—6 лет и бесследно исчезают. Такие шахты ежегодно открываются и закрываются целыми десятками. Их кратковременность увеличивается еще тем, что многие шахты закрываются гораздо раньше выработки по разным причинам, как, например, недостаток средств, застой в торговле. Вообще достаточно проехать 10—20 верст по степи в каком-нибудь угольном районе, чтобы наглядно видеть неустойчивость и кратковременность шахт: по степи, тут и там, глаз намечает чернобурые, безобразные сугробы, в ко-

---

[1]) *М. Туган-Барановский.* Русская фабрика (1926), стр. 299—300.

торых можно лишь на близком расстоянии различить развалины шахт и землянок“ [1]).

Сказанное относилось в наибольшей мере к мелким каменноугольным предприятиям. Когда же в связи с концентрацией каменноугольной промышленности возникли более крупные, технически усовершенствованные предприятия, срок существования шахты значительно удлинился. Вместе с тем усилилась производительность труда и относительно понизилась стоимость рабочей силы. Это в своей совокупности позволило предприятиям производить расходы на улучшение рабочего быта, даже при перспективе, что рано или поздно настанет день, когда шахта окажется выработанной [2]). В самом начале девяностых годов один исследователь-очевидец сообщает, что на крупных рудниках, рассчитанных на более продолжительное время — от 12 до 36 лет — все устроено более или менее фундаментально и заставляет с первого раза забывать, что со временем на этом месте будет расти бурьян и гулять овражек. При таком руднике рабочий может сделаться оседлым и зажить семьей [3]). Тогда же один видный деятель каменноугольной промышленности указывал, что, по мере того, как рудники принимают тип крупных предприятий, около них образуются поселения рабочих, из которых известный процент не покидает рудника, оставаясь при нем в течение более или менее продолжительного срока. На 34 копях при нормальных обстоятельствах должны были быть 22 тысячи рабочих, на полевые же работы ушли 9.000 человек. Следовательно осталось на рудниках 60%, при чем на крупнейших предприятиях число оставшихся превысило эту среднюю норму (например, на копях Французского горного и промышленного общества — 65%, на копях Голубовского товарищества до 70%), а на менее значительных рудниках число оставшихся рабочих далеко не доходило до 60% [4]).

Однако, все эти рабочие, не уходившие на полевые работы, не представляли собою вполне оседлого населения. Они неоднократно снимались — даже с семьями — с одного рудника, чтобы опять-таки временно поработать на другом. „Такое передвижение — об'яснял тот же промы-

---

[1]) *С. Ан-ский* („Русск. богатство“, 1892 г., т. 2, стр. 22 и сл.). Неблагоустройство рудничной жизни, затруднявшее в свою очередь прилив рабочих, об'яснялось и тем, что во многих случаях право шахтовладельца на разработку арендованного им участка земли ограничивалось сравнительно коротким сроком, не позволявшим вложить в дело более значительные средства. Это обстоятельство с течением времени все больше давало себя чувствовать, так как по мере углубления шахты требовались все большие капиталы для технического усовершенствования рудника и для лучшего устройства быта рабочих. Ср. журнал особой комиссии при горном департаменте для обсуждения ходатайств XVIII с'езда горнопромышленников (Горный департамент, 2-й стол отделения частных заводов, 1893, дело № 112, „О созвании в 1893 г. XVIII с'езда горнопромышленников юга России“).

[2]) На известном Лисичанском руднике работы были прекращены в 1879 г., и рабочие, как мы выше видели, разбрелись по другим рудникам.

[3]) *С. Ан-ский*, цитиров. очерк.

[4]) Записка *Н. Авдакова* (труды XVIII с'езда горнопромышленников юга России), составленная в конце 1893 г.

шленник — вытекает из натуры рабочего, привыкшего переходить с одного места на другое". Но, конечно, источник этого беспрерывного кочевания надо искать не в натуре рабочего, преимущественно выходившего из крестьянской среды, привыкшей к оседлой жизни. Тяжелые условия труда и жизни на рудниках, с одной стороны, а с другой — легкость найти работу в малонаселенном хлебородном крае, вот что превращало рабочего в перекати-поле.

В конце восьмидесятых годов первобытная обстановка в каменноугольной промышленности до крайности медленно изменялась. Не связанные с определенным местом, горнорабочие оставались распыленными. Только в артелях, собиравшихся нередко по землячествам, существовало известное единение. Отсюда вытекало, что рабочие, не втягиваясь в трудовую организацию данного предприятия, были готовы уйти в любой день на другой рудник, не считаясь с договором найма. А такие уходы, перебивая работу, ставили порою предприятия в затруднительное положение. Это создавало лишний повод к крайней эксплоатации рабочих, которою промышленники пытались покрыть убытки от простоев.

3 июня 1886 г. вышел закон о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Этот закон был составлен под непосредственным воздействием фабрикантов и в своей значительной части отвечал их желаниям. Тем не менее, будучи вызван к жизни незадолго до того происходившими волнениями на фабриках, он принес с собою новшества. Закон потребовал обязательного снабжения рабочих расчетной книжкой с указанием в ней условий найма, установил сроки выдачи заработной платы, ограничил свободу делать вычеты из заработной платы, усилил надзор фабричной инспекции за действиями фабрикантов, запретил им брать в свою пользу штрафы, взыскиваемые с рабочих, расплачиваться с рабочими вместо денег товарами и купонами, взимать с них за врачебную помощь, за инструмент и др. Несмотря на всю элементарность этого закона, фабриканты крайне враждебно отнеслись к нему и стали добиваться его пересмотра.

Обсуждая проект закона 3 июня 1886 года, государственный совет обратил внимание на то, что при его разработке были упущены из виду горные заводы, вследствие чего министру государственных имуществ было поручено обсудить этот вопрос.

Здесь необходимо остановиться на законе об охране труда малолетних, который вышел в свет 1 июля 1882 г., преодолев упорное сопротивление известных групп фабрикантов и заводчиков. Этим законом были установлены следующие правила в фабрично-заводской промышленности:

> дети, не достигшие 12 лет от роду, к работам не допускаются — это постановление входит в силу через год;
>
> малолетние в возрасте от 12 до 15 лет не могут быть занимаемы работой более 8 часов в сутки, не включая времени на завтрак, обед, ужин, посещение школы и на отдых, при чем работа не должна продолжаться кряду более 4 часов; кроме того, они не должны работать в ночное время, т.-е. от 9 час. вечера до 5 час. утра и во вредных для них производствах;

промышленники обязаны давать детям, не прошедшим определенного курса общего образования, возможность посещать школу;

министрам внутр. дел и финансов предоставляется право в течение двух лет по введении закона дозволять брать на работу детей от 10-летнего возраста, а детей от 12-летнего возраста ставить на ночную работу.

Вследствие того, что запрещение пользоваться работой детей, не достигших 12-летнего возраста, должно было вступить в действие лишь через год, а кроме того министрам было разрешено делать отступления, вокруг нового закона разгорелась жестокая борьба, из которой победителями вышли промышленники. Так, 12 июня 1884 г. была дозволена в течение двух лет со дня введения закона 1882 г. беспрерывная шестичасовая работа (вместо прежней 4-часовой) с сокращением общего числа работы до 6 часов. Вместе с тем правило о посещении детьми школы было почти отменено. Далее 24 апреля 1890 г. были установлены следующие правила [1]):

ночная работа детей в возрасте от 12 до 15 лет запрещается (за исключением стеклянного производства);

детей в возрасте от 10 до 12 лет оставить в тех предприятиях, где они уже работают, впредь же принимать их запрещалось;

для детей в возрасте от 12 до 15 лет разрешается беспрерывная работа продолжительностью в шесть часов с тем, чтобы в таких случаях рабочая норма не превышала вообще шести часов (вместо обычных восьми);

вопрос о ночной работе подростков — от 15 до 17 лет — и женщин предоставляется на благоусмотрение губернаторов и фабричных инспекторов;

инспекции предоставляется также разрешать работу малолетних в воскресные и праздничные дни, а также увеличивать для них продолжительность рабочего дня до 9 час. в сутки там, где существует 18-часовая работа, двумя сменами, при чем ночной период (между 9 час. веч. и 5 час. утра) урезывается на один час (с 9 час. веч. до 4 час. утра).

Эти постановления ничего не говорили о детях, работавших в горной промышленности. Но все же закон 1 июня 1882 г. на практике был применен также к горным промыслам и заводам [2]). Однако, вряд ли новые правила осуществлялись в должной мере, раз этого не требовалось специальным законодательным актом. К тому же в горнозаводской промышленности не существовало в то время органа надзора за предприятиями, который был учрежден в фабрично-заводской промышленности. Поэтому, когда вопрос о распространении закона 3 июня 1886 года (о найме фабрично-заводских рабочих) на горные промыслы и заводы стал приближаться к своему разрешению, в эту законодательную работу был включен и вопрос о малолетних на горных работах.

Комиссия, выбранная на двенадцатом с'езде горнопромышленников для более детального ознакомления с законом 3 июня 1886 г., осталась недовольна целым рядом его постановлений. Прежде всего горнопро-

---

[1]) Подробности см. *Вл. Юл. Гессен.* История законодательства о труде рабочей молодежи в России (1927 г.).

[2]) *А. Штоф.* Горное право (1896 г.), стр. 344.— Ср. дело древлехранилища в Москве: Горный департамент. Отделение частных заводов. Ст. I, 1884 г., № 33 „О применении к горным заводам и промыслам закона о малолетних".

мышленников смутил параграф о пред'явлении рабочими своих паспортов. Мы видели выше, что среди южных горнорабочих встречалось множество беспаспортных. С течением времени число их уменьшилось. Все же разговоры о паспортах не могли совершенно прекратиться. Ведь сами горнопромышленники способствовали появлению беспаспортных тем, что, сманивая рабочих с другого рудника или, крайне эксплоатируя их, принуждали их уйти с предприятия, оставив паспорт в руках хозяина. Поэтому комиссия заявила, что паспортные требования должны быть смягчены по отношению к южным горнорабочим. Большое значение должно было иметь постановление закона о расплате с рабочими не менее одного или двух раз в месяц. На большинстве рудников заработная плата не выдавалась в течение нескольких месяцев. Горнопромышленники желали сохранить за собой право удерживать с рабочего до конца работы заработную плату хотя бы за полмесяца. Большинство членов комиссии хотело установить ежемесячный расчет, чтобы при более редкой расплате у рабочих не накоплялось много денег для разгула. Меньшинство же настаивало на допущении, по „обоюдному согласию", более редких расчетов, не менее четырех раз в году, особливо при найме рабочего на хозяйских харчах, когда расчет должен производиться к рождеству, пасхе, троице и покрову. В защиту такой системы приводился тот мотив, что рабочему, мол, легче сохранить деньги и послать домой, когда он получает их сразу в более значительной сумме; к тому же после каждой получки рабочие предаются кутежам, что отражается на правильности работы предприятия. Не встретило сочувствия со стороны горнопромышленников и запрещение взимать с рабочего за медицинскую помощь и за освещение при подземных работах.

Правила о договоре дозволяли расторгнуть условия в случае неявки рабочего в течение трех дней без уважительных причин, горнопромышленники же хотели довести этот срок до 2-х дней с тем, чтобы таковой срок мог быть с утверждения инспекции еще более сокращен! С другой стороны, они не хотели примириться с тем, чтобы рабочие могли расторгнуть договор, если предприниматель дурно обращается с ними или нарушает какой-либо пункт соглашения, а также в том случае, если работа действует разрушительно на их организм. Горнопромышленники желали, чтобы надзор за соблюдением порядка на горных предприятиях был возложен на окружных инженеров и их помощников и чтобы, в связи с этим, взамен губернских по фабричным делам присутствий были учреждены с'езды окружных инженеров и их помощников при участии, с правом голоса, представителя горнопромышленников[1]). При таком порядке горнопромышленники избавлялись от вторжения посторонних лиц в их дела. Окружные горные инженеры и их помощники не могли почитаться элементом, совершенно чуждым интересам горнопромышленников.

Итак, горнопромышленники в достаточной мере пытались ослабить по отношению к горной работе силу закона 3 июня, изданного под

---

[1]) Такой порядок был введен в Области Войска Донского.

давлением фабричных волнений. Но и в урезанном виде этот закон, надо полагать, представлялся с'езду угрожающим интересам горнопромышленников. Сославшись на свою неподготовленность к принятию решения по столь, мол, сложному вопросу, с'езд постановил поручить особой комиссии вновь переемотреть закон 3 июня в применении к горнозаводским предприятиям.

Эта комиссия (собравшаяся в августе 1888 г.) оказалась по своему составу отличной от с'ездовских комиссий. В число ее членов был включен представитель министерства внутренних дел, вообще склонного купить покой и тишину на промышленных предприятиях ценою принуждения хозяев к уступкам в пользу рабочих. К тому же и среди самих горнопромышленников стали раздаваться голоса о необходимости урегулировать взаимоотношения рабочих с владельцами предприятий. Тут сыграла некоторую роль пресса, неоднократно указывавшая на крайнюю эксплоатацию, которой подвергаются южно-русские горнорабочие. Источник хозяйственной неналаженности южнорусской каменноугольной промышленности пресса усматривала в тяжелом положении рабочих на копях. Представляя каменноугольную промышленность в Донецком бассейне как область, говоря словами одного горнопромышленника, „какой-то профессиональной эксплоатации, обмана и грабежа рабочего люда", печать предлагала на-ряду с наложением на горнопромышленников новой пошлины, обрушить на них фабричную инспекцию [1]). Некоторые горнопромышленники не отрицали, что положение рабочих требует значительных улучшений. Вместе с тем они указывали, что недостаток рабочих рук об'ясняется не столько неблагоприятными условиями жизни рабочих, сколько непрочностью взаимных обязательств между хозяевами и рабочими. Для устранения такого явления необходим был горнозаводский устав [2]).

Вмешательство министерства внутренних дел в разрешение вопроса о горнорабочих и „прогрессивные" идеи отдельных горнопромышленников сказались на постановлениях августовской комиссии. Прежде всего она признала нужным распространить на горнозаводские предприятия требование закона 3 июня, чтобы рабочие при найме пред'являли свои виды на жительство. Такое решение вопроса о беспаспортных не могло быть принято сочувственно большинством горнопромышленников, что и обнаружилось на тринадцатом с'езде. Вычеркнуть беспаспортных из рабочих рядов было невозможно, раз беспаспортные составляли заметную часть рабочей массы. Вместе с тем они, вследствие своей беззащитности пред законом, являли элемент, наиболее пригодный для эксплоатации. Поэтому было предложено узаконить всех наличных беспаспортных. Тут имелось в виду, что при облегчении недоимочным крестьянам получать паспорта увеличится число свободных рабочих рук, и горная промышленность в дальнейшем будет в состоянии отказаться от беспаспортных.

---

[1]) Ср. труды XII с'езда, стр. 363; труды XVIII с'езда, стр. 337.

[2]) Записка инж. *Завадзкого* в трудах XII с'езда, стр. 362—363, 366—68.

Не трудно было предвидеть, что снабжение беспаспортных документами не могло иметь практического значения. Кочевая жизнь шахтеров, их переходы с места на место вызывались рядом причин экомического характера. Вокруг рабочих происходила глухая борьба между шахтовладельцами. Если данный предприниматель забирал паспорт у рабочего, рассчитывая таким путем удержать его на руднике, то другой предприниматель, оказывая гостеприимство рабочему, убежавшему без паспорта от первого хозяина, рассчитывал, что при самых неблагоприятных условиях рудничного быта ему удастся невыдачей заработной платы удержать беспаспортного именно вследствие того, что последний как бы находился вне закона. Некоторые горнопромышленники это открыто признавали. А то, что и остальные не ожидали исчезновения беспаспортных, доказывается тем, что они предложили установить штрафы за переманивание рабочего до истечения срока договора.

На тринадцатом с'езде подверглись переработке и некоторые другие предложения, сделанные на предшествующих совещаниях. Крупные промышленники не могли не желать появления нового закона, долженствовавшего урегулировать взаимоотношения между предприятиями и рабочими и тем самым обеспечить в известной мере рудники более устойчивой рабочей силой. И в результате торжества более крупных предпринимателей, готовых пойти на уступки, для них незначительные, но чувствительные для небогатых предприятий,— был выработан такой проект, который в основном являлся повторением закона 3 июня. Горнопромышленники оказались не в силах освободить свои предприятия от порядков, введенных в фабрично-заводских заведениях. Только в отношении некоторых частностей горнопромышленники рискнули предложить кое-какие отступления от закона 3 июня.

Основная черта южнорусской каменноугольной промышленности заключалась в том, что в общем спрос на уголь не удовлетворялся наличностью добываемого угля. С другой стороны, производительность копей все еще не поднималась до их добывной способности. Таким образом, могло казаться, что достаточно усиления работы шахт, чтобы наступило полное благополучие. Но фактически было иначе. Если в данный момент горе шахтовладельцев вызывалось действительно невозможностью извлечь из шахты то количество угля, которое она могла бы дать при нормальных производственных условиях, и которое рынок мог бы поглотить, то нередко случалось, что шахтовладельцев приводил в отчаяние непроданный уголь, оставшийся на территории шахты. Эта шаткость вызывалась тем, что шахтовладелец не предвидел ни того, сколько угля у него потребует покупатель, ни того, сколько угля он сам сумеет дать покупателю, добыть и вывезти по железной дороге. Емкость рынка менялась от самых разнообразных обстоятельств. Напр., скудный урожай хлеба и свекловицы в 1880 г. привел к тому, что сахарные и винокуренные заводы, а также и железные дороги сократили в 1881 году спрос на уголь. Подобные же последствия вызвал и неурожай 1882 года. В 1884—85 годах сбыт угля был ослаблен неблагоприятным состоянием

торговли и промышленности вообще. Потребность в угле стала зависеть и от конкуренции нефтяных остатков, впервые появившихся тогда на широком рынке. С другой стороны, и количество угля, которое шахтовладелец мог добыть к определенному сроку, зависело от разнообразных обстоятельств. Например, после снежной зимы вода нередко затопляла шахты, и не все владельцы имели средства осушить их. Железная дорога, не приспособившись к транспортным требованиям каменноугольной промышленности, часто оказывалась бессильной вывезти выработанный уголь. С проведением Донецкой дороги появилось так много новых шахт, что не весь уголь был продан. Пострадавшим шахтовладельцам пришлось сократить в дальнейшем размер добычи.

Когда общая кон'юнктура оказывалась благоприятной для развития каменноугольной промышленности, тогда обнаруживалось старое зло — отсутствие рабочих рук. Это случилось и в 1888 году. С 1887 г. под влиянием различных обстоятельств (пошлины на заграничный уголь, постройки новой железной дороги, роста железоделательной промышленности) спрос на уголь стал быстро расти, но шахты не сумели насытить эту потребность отчасти вследствие недохватки рабочих. Прекрасный урожай того года привлек множество рабочих рук к уборке хлеба. Заработная плата так повысилась, что шахтовладельцы оказались не в состоянии конкурировать с землевладельцами. Некоторые горнопромышленники подняли уровень заработной платы: например, на копях Французского общества и на копях Коренева и Шипилова она была увеличена на 30%, на Лисичанских попудная плата с $1^1/_2$ копейки повысилась до $3^1/_2$ коп. (130%), на копях Южнорусского общества, имевшего горнорабочее население,— на 10%. Щербиновские крестьяне стали платить за четверть от 30 до 35 коп., раньше же не более 18 коп. Но и такое повышение платы не всегда могло привлечь косца на шахту.

С'езд горнопромышленников Юга, экстренно созванный к концу 1888 г. в связи с угольным кризисом, выработал проекты законов о найме рабочих, о правительственном надзоре за исполнением соответствующих правил, об устройстве вспомогательных товариществ, о медицинской помощи, об ослаблении пьянства и т. д. [1]). Согласно законопроекту о найме, рабочим Донецкого бассейна предстояло воспользоваться новшествами, которые закон 3 июня внес в жизнь фабрично-заводских рабочих, чтобы оградить произвол в выплате заработной платы. Но вместе с тем горнорабочие должны были очутиться в тех тисках, которыми закон 3 июня стремился, в интересах промышленников, сковать волю рабочих. Не говоря уже о стачках, участие в которых каралось, даже самовольный отказ от работы до истечения срока найма влек тюремное заключение и вычет из заработка, а фабрикантам нарушение закона 3 июня угрожало почти исключительно штрафами, к тому же малообременительным для предприятия.

---

[1]) Труды экстр. с'езда горнопром. юга России (сентябрь 1888 г.).— Труды XII и XIII с'ездов (1887 и 1888 гг.).

Закон 3 июня не охватывал всех важнейших сторон рабочего быта. Ряд основных потребностей рабочего оставался без защиты закона, а это должно было иметь особое значение в Донецком крае, где рабочие продолжали жить в исключительно тяжелых условиях. В записке, представленной одним горнопромышленником двадцатому с'езду, мы читаем: „Нельзя не сознаться, что положение нашего горнорабочего далеко не только от идеала, но даже от скромной посредственности. Недостаток, а на некоторых копях и полное отсутствие порядочных и гигиенически построенных помещений, плохая, по большей части, постановка, если не полное отсутствие медицинской части, нечистота как в жилых помещениях, так и вокруг них, отсутствие каких бы то ни было развлечений, которые могли парализовать препровождение времени в кабаке". А несколько лет позже мы встречаем следующие подробности о кабаках. „Кабаки в Донецком бассейне разбросаны везде: в степи, на дорогах, по балкам, по оврагам. Водка скверного качества, рассчитанная более на опьянение от небольшого количества выпитого — на одурманение. Кабаки содержатся помещиками, винокуренными заводами, кулаками, евреями, и являются выгодной статьей дохода... Пьянство шахтеров — это своего рода стихийная сила" [1]).

Хотя на с'ездах горнопромышленников господствовала тенденция разрешить рабочий вопрос посредством привлечения на рудники нуждающихся крестьян из внутренних губерний, все же эпизодически с указанной целью делались предложения о создании на самих рудниках таких условий, которые отвлекли бы рабочих от водки. В этих видах рекомендовалось ограничение питейной торговли на рудниках, устройство сберегательных касс при почтовых учреждениях (1889 год) и воскресных чтений с туманными картинами (1890 г.). Особое внимание было посвящено устройству вспомогательных касс. Оказывая помощь рабочим во время болезни, облегчая положение семьи в случае смерти рабочего, касса должна была способствовать прикреплению их к предприятию. Средства кассы составлялись бы преимущественно из обязательных взносов рабочих: контора предприятия самостоятельно удерживала бы с рабочего 1% его заработной платы для взноса в кассу, владелец же предприятия обязывался внести в кассу одну треть той суммы, которая соберется с рабочих. Имелось в виду, что кассы снимут с владельцев рудников расходы по устройству медицинской части, так как медицинская помощь входила в круг функций кассы [2]). Но подобные пожелания горнопромышленников не удовлетворялись правительством.

На пороге девяностых годов, с ростом добычи, усилился приток рабочих из внутренних губерний. Например, на участке у завода Новороссийского общества насчитывалось до 15 тысяч рабочих. Однако, увеличение пришлых элементов не поспевало за ростом спроса на уголь. Между тем в новых условиях горной работы даже небольшая недохватка

[1]) Труды XVIII с'езда, стр. 332.

[2]) Труды XII с'езда, стр. 370 и сл. (Записки П. Карпова) — Труды XIII с'езда стр. 366 и след.

в рабочих руках стала ощущаться острее. Пока разработка каменноугольных шахт происходила в обстановке мелких предприятий, уход части рабочих не вызывал больших осложнений, так как небольшой рудник можно было почти безболезненно временно закрыть. Но с того времени, когда многие рудники превратились в обширные промышленные предприятия, уход хотя бы небольшой части рабочих стал крайне чувствительным. Большие рудники, работавшие с твердо установленным хозяйственным размахом, не могли в любой момент остановить или сократить свое действие. К тому же, с концентрацией каменноугольной промышленности недобор в рабочих, нарушая правильный ход добычи на крупных рудниках, стал приносить убыток не только самому горному предприятию, но и различным отраслям промышленности и железным дорогам работавшим на донецком угле [1]). Из приводимых ниже данных о вывозе каменного угля из Донецкого бассейна [2]) видно, что добыча его из года в год возрастала. Но при всем том она не удовлетворяла потребности.

Года	Миллионы пудов	Года	Миллионы пудов	Года	Миллионы пудов
1879—80	36,6	1884—85	66,6	1889—90	117,6
1880—81	43,2	1885—86	77,4	1890—91	123,6
1881—82	54,0	1886—87	85,2	1891—92	151,8
1882—83	58,8	1887—88	87,0	1892—93	168,0
1883—84	57,6	1888—89	114,6	1893—94	201,6

Беспорядочное состояние угольного производства, характеризуемое то недохваткой угля, то убыточным для шахтовладельцев накоплением на складах несданного своевременно угля, пагубно отражалось на положении рабочих. А число их с течением времени увеличивалось. Следовательно, угроза „общественному порядку", которую представляло собою скопление недовольных элементов, все возрастала. И естественно, что когда на южнорусских горных предприятиях стали происходить волнения среди рабочих, министерство внутренних дел „в целях охранения государственного порядка" сосредоточило на горнорабочих свое внимание. Стремясь предотвратить волнения путем улучшения рабочего быта, оно даже вступило в конфликт с министерством земледелия, которое, ведая горнозаводским производством, не склонно было пред'являть горнопромышленникам решительные требования.

Можно полагать, что одними из наиболее ранних явились волнения, возникшие в марте 1884 года на угольном руднике Губонина в Екатеринославской губернии. Они сопровождались разгромом лавки, выдававшей продукты по ассигновкам заводской конторы. Как показало расследова-

---

[1]) Там же, стр. 335—36.

[2]) *Е. Рагозин.* Железо и уголь на юге России, стр. 112.

ние, причиной волнения было стесненное положение рабочих, не получавших своевременно заработной платы и потому вынужденных брать продукты из лавки по высоким ценам [1]). Более крупных размеров, как видно, достигли волнения в 1887 г. на Рутченковском руднике, в районе Юзовского завода, в пяти верстах от него. Шахтеры шахты № 19 сняли с работ шахтеров шахт №№ 11 и 13. Толпа, достигшая 1.500 человек, потребовала увеличения заработной платы и удаления придирчивых штейгеров, конторщиков и фельдшера. В дело вмешались власти, и тогда волнения усилились. Рабочие разгромили трактир, часть их перепилась, стала разбивать бочки с водкой; на пивном заводе они опорожнили 400 ведер пива и на другой день подожгли его. У завода Юза они встретили сопротивление со стороны части заводских рабочих, которых сорганизовал заводовладелец. Вскоре прибыли войска, и волнение было подавлено [2]).

Выяснилось, что вообще недовольство рабочих вызывалось тяжелым материальным положением и стесненными условиями найма, допускавшимися некоторыми, в особенности мелкими, шахтовладельцами. В расчетных книжках, выдаваемых одною крупною компаниею, заключались правила, свидетельствовавшие о „возможности произвольных действий рудничной администрации по отношению к рабочим и об отсутствии постановлений, ограждавших интересы последних". Согласно этим правилам, за всякий „беспорядок и непослушание" контора наказывала рабочего штрафом по своему усмотрению. Правила обязывали рабочего работать по требованию конторы и в праздничные дни. Рабочий, желавший получить окончательный расчет, мог быть уволен лишь в сроки, установленные конторою для денежных выдач, а именно всего шесть раз в год и т. п. Наконец, отпуск продуктов из магазина производился только по ордерам конторы. При обязательном приобретении жизненных припасов из конторской лавки рабочие снабжались товаром, несоответствующим цене, весу и мере. Характерно, что получая продукты, рабочий вынуждался ждать в конторе иногда шесть часов выдачи ордера и все же за опоздание на работу его подвергали в данном случае штрафу. Вообще, наложение штрафа было предоставлено усмотрению приказчиков и других служащих, заинтересованных в возможно большем накоплении штрафных взысканий. Рабочие наполняли добытым углем вагончики, которые служили мерилом количества выработанного каждым шахтером угля, а следовательно, и заработной платы. Между тем, этот вагончик при поднятии машины наверх всегда осыпался и, как неполный, в счет труда рабочего не принимался. Если по ошибке рабочего в вагончике оказывался слой глины или иной породы, то за доставку такого вагона шахтера штрафовали тремя рублями, а за добытый уголь ничего не платили, хотя такой вагон принимался управлением и очищался от глины людьми, нанятыми за счет рабочих.

---

[1]) *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России. Том II (изд. 3-е, 1924 г.), стр. 209. — Значительно раньше происходили беспорядки на заводе Юза, связанном с рудниками. Здесь в мае 1875 года в третий раз произошли волнения из-за невыдачи платы, завершившиеся разгромом лавки и трактиров (там же, стр. 198).

[2]) *В. Невский.* Очерки по истории РКП, том I (изд. 1924 г.), стр. 211.

С каждого рабочего удерживалось конторой по 50 коп. в месяц заводу и по 25 коп. за отопление, а с каждой тысячи вагончиков отсчитывалось в пользу копи для топки машин и печей по 30 вагончиков, за которые рабочие платы не получали. При описанных условиях, согласно официальному заявлению, „рабочие лишались фактически всякого заработка". Дознание указывало на случаи получения рабочими при окончательном расчете всего нескольких копеек. Естественно, что вследствие малого заработка многие рабочие не могли своевременно обменивать паспорта. Отсюда вытекала еще большая эксплоатация конторою таких беспаспортных людей, опасавшихся, ввиду отсутствия установленного вида, приносить какие-либо жалобы. К тому же рабочие по своим жалобам обычно не получали никакого удовлетворения, а, напротив, их штрафовали как за неповиновение, и в лучшем случае они вовсе не выслушивались „начальствовавшими над ними иностранцами, не знавшими русского языка". Заведующий медицинскою частью фельдшер из корыстных целей нередко лишал больных рабочих надлежащей пищи, и заболевшие предпочитали оставаться в балаганах без врачебного пособия. Небрежность штейгеров приводила к частым случаям увечья рабочих вследствие непрочности устоев и иных приспособлений, не поправляемых, несмотря на заявления рабочих.

Положение рабочих на некоторых мелких шахтах представлялось еще более тягостным. Хозяева заключали условия не непосредственно с рабочими, а с подрядчиками и артельщиками, которые, находясь в обязательных отношениях к хозяевам, всячески эксплоатировали рабочих. „Снабжение рабочих недоброкачественною пищей из собственных лавок, отпуск припасов за двойную против рыночной цену, несоразмерные ни с виною рабочего, ни с получаемою им платою штрафы, неверный расчет, и даже полная невыдача заработка — составляют заурядное на сих шахтах явление. Были случаи на некоторых копях, что подрядчик давал подросткам непосильную работу, наносил побои плетьми за невыполнение урока и ставил в счет только половину угля. На копях одного владельца притеснения доходили до того, что по распоряжению конторы были сломаны печи в помещениях рабочих, чтобы принудить их брать печеный хлеб из конторской лавки".

Описанные обстоятельства, установленные официальным путем, открывали широкие возможности для дальнейших волнений на рудниках. Несколько позже это побудило министерство внутренних дел заявить, что „обеспечение на копях порядка и спокойствия не может быть достигнуто исключительно полицейскими мерами", что „в видах государственной и общественной пользы представляется, поэтому, необходимым войти в рассмотрение вопроса об упорядочении взаимных отношений хозяев каменноугольных копей и их рабочих" [1]). И местная админи-

[1]) Архив государственного совета, департамент законов, 1891 г., дело № 99 „По проекту правил о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих". — Древлехранилище в Москве (№ 4048), Горный департамент. Отделение частных заводов. 1892 г., дело № 1.

страция сочла нужным указать, что беспорядки являются естественным последствием отсутствия надлежащих законодательных постановлений. Отмечая в отчете царю за 1887 год, что на шахты идет из внутренних губерний весьма беспокойный, малоуживчивый и мало чем дорожащий рабочий элемент, екатеринославский губернатор сообщал, что рабочие Южно-русского горнопромышленного каменноугольного общества „устроили стачку, начали производить бесчинства, разбивать питейные дома и ходить на соседние шахты, требуя забастовок". „Произведенное расследование — читаем мы в отчете — не указало достаточных поводов, которые могли бы возбудить рабочих к производству подобных беспорядков". Таким образом, можно было бы подумать, что губернатор считал положение рабочих на рудниках вполне нормальным, не требующим никакого вмешательства со стороны властей. Но нет. Приведенные строки являлись не чем иным, как дипломатической фразой, смягчавшей подход к дальнейшему серьезному заявлению: „Были обнаружены действительно— продолжал губернатор — лишь некоторые неудобства в отношениях между управлением шахт и рабочими, и в способе расчета с ними. Оказавшиеся поводы к неудовольствиям (значит — поводы все же были!) устранены административным порядком, но при этом обнаружено затруднение в установлении нормальных отношений между заводчиками и шахтерами за отсутствием правил на сей предмет". И тогда же по распоряжению горного ведомства была образована официальная правительственная комиссия с участием горнопромышленников для выработки таких правил[1]).

Более пристально всмотрелся в условия труда и быта горнорабочих новый екатеринославский губернатор В. Шлиппе. Об'езжая в 1890 году горные предприятия, он спускался в шахты, чтобы воочию убедиться в условиях подземных работ, и вообще изучал порядок найма и обстановку, в которой жили рабочие. Вот что он сообщил министру внутренних дел, как результат своих наблюдений.

На некоторых рудниках конторы договаривались не с каждым отдельным рабочим, но с лицами, которые уже от себя нанимали рабочих, получали за них условленную плату от конторы и сами рассчитывались с рабочими. Иногда эти лица являлись как бы обыкновенными подрядчиками — исполнителями условленных работ, иногда же — только поставщиками рабочих, посредниками между конторой и рабочими. В этих обоих случаях возникали многообразные взаимные жалобы рабочих и подрядчиков на неправильный расчет или неисполнение работ, а также и пререкания с конторами. На иных шахтах работы производились артелями. Иногда члены артели считались равноправными, лишь с различною платою, соответственно роду работы, иногда же они выставляли как бы своего ответственного представителя, который вел с конторою все расчеты. Никаких правил относительно тех или других артелей

---

[1]) Архив министерства внутр. дел. Департамент общих дел. Особое делопроизводство. 1888 г. № 184 „Дело с копией со всеподд. отчета о состоянии Екатериносл. губернии за 1887 г.".

не существовало, вследствие чего возникали многообразные, трудно разрешимые пререкания между членами артели о причитающейся им плате. Еще более сложным представлялся разбор пререканий между членами артели и их старшими. Рассмотрение жалоб рабочих на рудничное управление, особенно на малых шахтах, затруднялось отсутствием правильного счетоводства, а иногда и отсутствием хозяина.

Бань не было. Помещения на мелких шахтах были обычно дурны. Владельцы рудничных лавок иногда пользовались ими для эксплоатации рабочих, и это приводило к довольно серьезным беспорядкам. На некоторых крупных шахтах за счет владельцев был устроен полицейский надзор; так, например, на заводе и шахтах Юза содержались один полицейский надзиратель и пятнадцать полицейских нижних чинов. На мелких шахтах работы производились без достаточных предосторожностей, последствием чего происходили несчастные случаи. В течение года было 30 случаев смерти от обвалов и других причин. Большим злом являлось пьянство рабочих после получения заработка, а также частые уходы с шахт. Разгул рабочих об'яснялся тяжестью работы, требующей усиленного возбуждения, и соблазном издержать имеющиеся на руках деньги, которые некуда положить на хранение. Лишним штрихом к этой картине мог служить тот факт, что на каменноугольных копях Лемешевского и Завадского рабочим не выдавали заработной платы в течение десяти месяцев. То же случилось на копях Петровского. В обоих случаях произошли беспорядки, для прекращения которых понадобилось вмешательство администрации [1]).

В отчете за 1890 г. екатеринославский губернатор отмечал, что на одном руднике три тысячи рабочих выпивали водки в течение одного года на двести пятьдесят тысяч рублей (т.-е. на душу 83 р.), между тем устройство сберегательных касс могло бы оздоровить рудничную атмосферу, как это видно из того, что за вторую половину 1890 г. возникла сеть таких касс, в которую были внесены тысячью рабочих сорок тысяч рублей. Далее губернатор подчеркивал необходимость издать „правила об обеспечении рабочих получением заработной платы", рекомендовал: ввести выборных старост, образующих свой „совет", установить периодическое посещение шахт чинами надзора для опроса жалоб и т. д., ввиду ненормальных отношений между нанимателями и рабочими на горных промыслах и „тяжелых условий быта горнорабочих". К чему же, однако, все это привело? Единственно к тому, что было признано полезным „по мере возможности" отдалить кабаки от рудников, организовать полицейский надзор и, наконец, в целях сокращения пьянства, воспретить евреям

---

[1]) Архив госуд. совета, департамент законов, № 1891, дело № 99 (записка министра госуд. имущ. от 6 апреля 1891 г.).— Древлехранилище в Москве № 4048. Горный департ. Отдел частн. заводов, 1892 г. № 1. (та же записка)— Архив министр. внутр. дел, департ. общ. дел. Особ. делопроизв. 1891 г. № 189 (с копией отчета екатеринославск. губернатора за 1890 г.).— Арх. мин. внутр. дел, 6-е делопр. земского отдела, 1893 г. дело № 14 „По всеподд. отчету о состоянии Херсонской и Екатеринославской губерний за 1891 г.".

селиться у рудников. Ни других виновников в деле насаждения пьянства, ни других мер для оздоровления рабочей жизни не нашлось [1]).

Впрочем, к этом у времени уже частично разрешился вопрос об урегулировании взаимоотношений между горнопромышленниками и рабочими. Законопроект о применении к горнозаводским предприятиям закона 3 июня 1886 г. с изменениями, вызываемыми специфическими условиями горнозаводской работы и особыми домогательствами шахтовладельцев, был подкреплен следующими пояснениями, основанными на фактах. Подрядчики нередко берут подряды по заведомо невыгодным ценам, в расчете отыграться на рабочих. Поэтому надо распространить на подрядчиков те правила о найме, которые обязательны для шахтовладельцев. Вместе с тем, следует привлечь промысловые и заводские управления к вмешательству в отношения подрядчика с рабочими, если от последних поступает жалоба, и нести ответственность за расчеты подрядчика с рабочими. За отсутствием законодательной регламентации артельных отношений, необходимо ввести письменные договоры, в которых были бы поименованы все участники артели, указаны условия найма и взаимных расчетов. Надо запретить договоры, исполнение которых начинается через год и далее, так как в этих случаях рабочие надолго закабаляются полученным задатком. За рабочими должно быть сохранено право искать удовлетворения по договору судебным порядком, а потому нельзя допускать, чтобы договоры ограничивали рабочих в этом отношении. Запрещая расплачиваться с рабочими иначе, как наличными деньгами, нужно оговорить, что не дозволена расплата „ярлыками“ и всякого рода долговыми обязательствами. В отличие от фабрично-заводских предприятий, на рудниках осветительный материал и инструменты следует относить на счет рабочих. Переманивание шахтовладельцами рабочих должно быть пресечено карательными мерами. Чтобы обеспечить в дальнейшем интересы каждого члена артели в отдельности, было предложено, чтобы расчетная книжка выдавалась предприятием не одна на всю артель, но каждому ее члену особо с указанием в ней договоренных условий труда. Что касается горного надзора, то его состав не должен быть ограничен чинами одного ведомства, потому что горное присутствие следует облечь таким же авторитетом, как фабрично-заводские присутствия, в которых представлены различные ведомства.

Обсуждая законопроект, государственный совет не мог не обратить внимания на то, что им совершенно не обеспечивались интересы детского и женского труда. Министерство земледелия заявило, что закон 1882 г. о детском труде на фабрично-заводских предприятиях применен к горнозаводским работам, при чем он дополнен запрещением ставить детей (в возрасте от 12 до 16 лет) на подземные работы, а женщин, сверх того, и на ночные. Все же государственный совет настоял, чтобы охрана женского и детского труда на горнозаводских предприятиях была вновь подтверждена.

---

[1]) Записка министерства госуд. имуществ от 12 апреля 1893 г. (Архив мин. внутр. дел, 6-е делопр. земского отдела, 1893 г., № 14).

В результате, законом 9 марта 1892 г. „о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промысла" были распространены на горные промыслы и заводы правила 3 июня 1886 г. с приведенными выше изменениями и пояснениями [1]). А законом 16 января 1895 г. были установлены правила об артелях на горных заводах [2]).

У ПОРОГА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Волнения 1892 г. в Юзовке.— Кризис каменноугольной промышленности и вопрос о рабочей силе. — Положение рабочих на рудниках в середине девяностых годов. — Закон 1897 г. о рабочем времени. — Рабочее движение на юге России. — Волнения шахтеров в 1895—99 гг. — Вопрос об избыточной рабочей силе. — Волнения на Рутченковских шахтах. — Отчет правительственной комиссии, обследовавшей рудники. — Отказ министерства внутренних дел участвовать в деле по привлечению рабочих на южно-русские рудники. — Волнения шахтеров в 1900 г.— Положение горнорабочих накануне 20-го века. — Требование горнопромышленников о репрессивных мерах против рабочих.

Подорванная недородом в течение ряда лет, особенно в 1889—90 годы, Россия подверглась в 1891 году еще более тяжкому неурожаю, охватившему семнадцать губерний. В связи с этим началось беспорядочное передвижение пострадавшего населения в поисках хлеба. Этим должны были обостриться последствия появившейся холерной эпидемии. Истощенное от недоедания население служило легкой добычей холеры. Вместе с тем, находясь в состоянии передвижения, оно способствовало распространению заразы. Как всегда при подобных обстоятельствах, среди массы стали носиться темные слухи. Общее возбуждение проникло и в среду донецких горнорабочих. Здесь „культурная эксплоатация английских капиталистов довела (1892 г.) рабочих Юзовского предприятия до взрыва отчаяния и ненависти". Во время волнений были сильно повреждены доменные печи и казармы. Участников волнений предали военному суду и некоторых из них приговорили к смертной казни [3]). Первоначально местный жандармский начальник указывал, будто недовольство рабочих распоряжениями, принятыми в борьбе с холерой, вызвало беспорядки. Но позже он привел и другую причину взрыва возмущения, а именно — чрезмерно поднявшиеся цены на продукты питания и обихода. Было также отмечено „недовольство русских рабочих при-

---

[1]) Третье собрание законов, № 8402.— Архив госуд. совета, департам. законов, 1891 г. дело № 99.— Древлехранилище в Москве, дело горн. департ., отдел частных заводов, 1892 г. дело № 1.

[2]) На основании ст. 166 устава горного (издания 1893 г.).—Древлехранилище в Москве (№ 1183). Горный департамент. Отделение частных горных заводов, стол 2, 1895 г. дело № 9 „Об издании правил об артелях рабочих".

[3]) *К. Пажитнов,* указ. сочинение, стр. 215.— *Лев Либерман.* В стране черного золота (Госуд. издательство, 1926 г.), стр. 59—60.

сутствием на заводах иностранных рабочих и мастеров", положение которых было лучше, чем положение русских рабочих.

По словам уполномоченного экстренного с'езда горнопромышленников, появлении эпидемии и принятие предохранительных мер, носивших в известной мере принудительный характер, послужили лишь предлогом для рабочих выступлений, истинную же причину их нужно искать в „постепенно слагавшихся условиях жизни среди горнорабочих". Совещание, в котором участвовали представители местного горного начальства, нашло, что волнения отнюдь не были случайным явлением, но были заранее подготовлены неизвестными подстрекателями, которым не трудно было расшевелить в большей своей части безземельную, разгульную массу. При беспорядках на заводе Юза, где участвовали рабочие большинства рудников, замечено было, что рабочие ничего, мол, не просили у хозяев — ни прибавки к заработной плате, ни других льгот, а предавались исключительно грабежу и буйству, „поощряемые и руководимые опытной рукой". Впрочем, такое толкование не встретило доверия в министерстве внутренних дел.

Екатеринославский губернатор в своем докладе указывал на недостаточную заботливость горнозаводчиков об устройстве быта рабочих, особливо шахтарей, на безнаказанную эксплоатацию их. „Горнопромышленники — писал губернатор — имеют многие преимущества пред рабочими. Начиная с того, что владельцы рудников или управляющие их делами — все горные инженеры, следовательно, люди образованные; в их руках капиталы; от них в полной зависимости устройство быта рабочих. Поэтому нельзя не признать за горнопромышленниками права сильного. Наоборот, в рудничные рабочие идут люди, побуждаемые самой безысходною нуждой, почему подчиняются всякому произвольно поставленному обстоятельству и, как темный люд, не в силах осуществлять свои законные права. Есть нелегальные рабочие, т. е. с просроченными письменными видами и, вероятно, без всяких паспортов,— такой человек не может итти с жалобой к начальству, опасаясь высылки этапным порядком. У рабочего свободен только праздничный день, в который трудно что-либо сделать в присутственном месте или у должностного лица; отлучка же в будни влечет за собою установленный хозяином штраф и во всяком случае потерю заработка. Очевидно из сказанного, что рабочие сравнительно с их хозяевами представляются слабой стороною, а потому и заслуживают особенного участия в их судьбе со стороны правительственных органов. Вникая дальше в условия жизни горнорабочих, оказывается: рудники стоят одинокими среди обширных степей, вне городов и селений, почему проживающие на шахтах рабочие совершенно изолированы от благоустроенных соответственно их быту обществ, соприкосновение их ограничивается только с уполномоченными от горнопромышленника, заинтересованными выгодами последнего, и товарищами-шахтерами, одинаково темными людьми. В довершение ко всему имеют близко устроившийся к ним кабак"[1]).

[1]) *В. Колпенский.* Холерный бунт в 1892 г. („Архив истории труда в России", кн. 3).

В 1893 году был период, когда из-за недостатка рабочих рук добыча угля сократилась, а вместе с тем заработная плата повысилась. Например, на рудниках Алексеевского горнопромышленного общества в сравнении с предшествовавшим годом горнорабочим платили на 25—35% дороже, а чернорабочим на 10—20% дороже, смотря по роду занятий [1]).

Павловский рудник	1892 г.	1893 г.
Забойщики с саночками за кв. сажень	2 р. 25 к.—2 р. 75 к.	3 р.—3 р. 75 к.
Верховые в день	80 к.	1 р.
Каменский рудник		
Забойщики за кв. саж. (крутые паденья)	1 р. 60 к.	2 р. 20 к.

Уменьшение добычи, а также повышение заработной платы, тормозившее в свою очередь работу на менее богатых шахтах, взволновали не только шахтовладельцев, но и круги тех промышленников, которые были заинтересованы в своевременном получении определенного количества дешевого угля. В виду этого в августе 1893 г. был созван экстренный с'езд горнопромышленников, а затем с'езду, собравшемуся в конце того года, министерство государственных имуществ предписало специально заняться вопросом о снабжении рудников рабочими. И действительно, этой теме на с'езде было уделено большое внимание [2]). Горнопромышленники указывали, что на некоторых крупных рудниках осталось на месте всего до 60% рабочих, на мелких же шахтах—еще меньше. На крупных рудниках условия жизни были более благоприятны для рабочих, такие рудники могли повысить заработную плату. Но привлекать к себе рабочих подобным путем в большинстве шахты не могли, не обладая достаточными средствами. Поэтому, имея в виду кочевую натуру рабочих Донецкого бассейна, горнопромышленники считали необходимым принять меры для обеспечения каменноугольной промышленности рабочими руками: колонизировать копи, улучшить быт рабочих, вступить в борьбу с пьянством, установить дисциплину среди рабочих. Для водворения постоянного рабочего населения, по словам горнопромышленников, требовалась затрата больших денежных средств на устройство его, а вместе с тем продолжительная деятельность шахт, которая постепенно компенсировала бы затрату, которая оправдывала бы перевод рабочих из других губерний на копи. Между тем, многие угольные участки были сданы в аренду на сравнительно короткий срок, вследствие чего колонисты не могли быть гарантированы, что упрочатся на новом месте. Поэтому горнопромышленники вновь подняли старый вопрос о долгосрочных арендах.

Таким образом, удлинение арендных сроков, сулившее выгоды, горнопромышленники поставили в связь с рабочим вопросом. С рабочим же вопросом они связали и открытие им дешевого кредита, якобы для улучшения рабочих жилищ, устройства школ и т. д., а также ходатайство о принудительном отчуждении земли под рабочие жилища в тех случаях

---

[1]) Труды XVIII с'езда (1893 г.), ч. 1-я, стр. 35.

[2]) Там же, ч. 2-я, стр. 5.

когда владелец шахты имел право только на недра, но не на поверхность земли. Это предложение было встречено в Петербурге сочувственно. Министр внутренних дел подчеркивал необходимость устройства постоянных поселений около каменноугольных копей с предоставлением для этого известных льгот и пособий, а также с обязательным — в случае нужды — отчуждением земель[1]).

Горнопромышленники ходатайствовали об учреждении сберегательных, а также вспомогательных касс (на случай болезни и смерти) с обязательным участием всех рабочих в размере одного процента заработной платы и соответствующим взносом шахтовладельца[2]). В целях уменьшения пьянства они просили скорее ввести казенную продажу питей, при которой отпадал неприятный вопрос о держании кабаков самими шахтовладельцами, якобы для того (как это об'яснялось в некоторых случаях), чтобы устранить еще худшее влияние чужих кабаков. Для поднятия дисциплины среди рабочих были изысканы два пути — признать наем беспаспортного уголовно наказуемым деянием и усилить полицейский надзор на рудниках. Зная, как широко были распространены злоупотребления при расчетах с рабочими, нетрудно сделать заключение, что полицейским чинам предстояло заглушать протесты рабочих. Действительно—необходимость водворения полицейского урядника на Харламовском руднике (Бахмутский уезд) была мотивирована тем, что происходили недоразумения при расчете между рабочими и администрацией[3]).

Все такие предложения, которыми горнопромышленники хотели образовать кадры постоянных рабочих, оставлялись без удовлетворения. Но к этому времени (к последним годам девятнадцатого века) стали кое-где замечаться улучшения в условиях рабочего быта и изменения в составе рабочей массы. Правда, общая картина рудничной обстановки все еще хранила на себе грубые черты первобытного устройства. Но на отдельных крупных рудниках рабочие постепенно переходили к оседлости, к семейному укладу.

---

[1]) 21 декабря 1893 г. Ср. упомянутый ранее (на стр. 115) журнал комиссии при горном департаменте в деле № 112 за 1893 г.

[2]) На с'езде указывалось, что Общество пособия увечным горнорабочим выдает слишком незначительные пособия (порою 2—3 р. в месяц), так что рудники вынуждены от себя давать значительно большие пособия, и в связи с этим возник спор по поводу того, что Общество стремилось образовать основной капитал, чтобы уже впоследствии расширить помощь. Постоянное пособие было выдано в 1892/93 отчетном году 46 лицам в размере 3.207 руб. (Труды с'езда, стр. 291—293).

[3]) Департамент полиции, 1885 г. 2, д. 32, ч. 7-я. В дальнейшем, в связи с концентрацией рабочих, учреждение полицейских должностей при рудниках и даже за счет предприятий стало обыденным явлением. Напр., на копях Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности (департамент полиции, 1892 г., 2 д., 23, ч. 26-я), на руднике Карпова (там же, 2 д. 23, ч. 7-я). Но и это вскоре оказалось недостаточным—углепромышленники района станции Рудничной пожелали водворить у себя две сотни казаков — „именно донских", выразив готовность обложить себя специальным сбором, но ходатайство не могло быть удовлетворено по военно-техническим обстоятельствам. (Труды XVIII с'езда, ч. 2-я, стр. 21—22).

Железная и каменноугольная промышленность на юге России давала в ту пору заработок 50.000 рабоч., из коих 2.000 были заняты на криворогских железных рудниках, 25.000 — на каменноугольных копях, 15.000 — на железных заводах и 8.000 занимались выработкою и подвозкою местной железной руды, известняка и другими работами на мелких заводах, находившихся в связи с железной и каменноугольной промышленностью. Большинство рабочих, не менее 70%, прибыло из великороссийских губерний и частью северо-западных, остальные пополнялись из губерний украинских и царства Польского. На криворогских рудниках рабочие жили без семейств за отсутствием соответствующих жилищ; на каменноугольных семейных насчитывалось от 10 до 15% и только на самых старых рудниках (напр., Новороссийского общества) число их доходило до 19½%.

Извлечение угля осложнилось главным образом тем, что добыча угля стала производиться уже на больших глубинах, что делало необходимой все большую концентрацию капитала. Такое явление было общим в Донецком бассейне. Например, угольная промышленность Грушевского района сосредоточилась в руках нескольких крупных фирм. Маленькие рудники доживали последние дни. Те времена, когда с несколькими тысячами рублей можно было пройти шахту на небольшой глубине и добывать уголь, миновали. Площади, где уголь залегал на небольшой глубине, были совершенно выработаны. На руднике Шушпанова, открытом в 1886 году, уже имелась шахта в 102 сажени глубины [1]). То же наблюдалось и в Екатеринославской губернии. Вообще в Донецком бассейне добычи угля из открытых ям не существовало, уголь получался из шахт глубиною от 30 до 130 саженей, что требовало большой затраты времени и капитала [2]). Это, должно было, конечно, сказаться на структуре всего рудничного дела и на положении рабочих, вызывая необходимость в дорого стоящих технических приспособлениях и в рабочей силе, действующей без перерывов. Вот как описывается длительный переход горного дела к новым формам взаимоотношений промышленников с рабочими.

„Подземная работа, соединенная со словом „рудник", напоминающим каторгу, не могла привлекать хороших рабочих, какие бы заработки она им ни сулила, а потому естественно, что в числе первых работников на рудниках значительный процент составляли беглые и беспаспортные". Этим определились отношения между хозяевами и рабочими: „жалованья не полагалось; рабочие питались, одевались и получали деньги на выпивку по усмотрению хозяев". Постепенно начал появляться новый элемент рабочих", „не менее бесшабашный, из захудалых уездов разных губерний, вроде Белевского Тульской губернии, откуда ни один земле-

---

[1]) *М. Краснянский.* Записки донского штейгера (Ростов-на-Дону, 1916 г.), стр. 28. Сообщение относится к 1897 г.

[2]) *Е. Рагозин.* Железо и уголь на юге России. Оборудование шахты на 12—15 миллионов пудов ежегодной выработки стоило от 500 до 700 тысяч рублей, смотря по глубине шахты и условиям работы, и требовало от 2 до 3 лет времени на подготовку, не считая времени на исследование самого месторождения.

владелец не возьмет к себе работника". С видоизменением состава рабочих изменились и отношения к ним хозяев: появились определенное жалованье и расчет раз или два-три раза в год. Одно удерживалось всего дольше — выдача товара в счет жалованья. „Следы такого способа эксплоатации народного труда не вполне стерлись до настоящего времени. Рудничные лавки сохранили до сих пор свое значение как регуляторы цены на предметы первой необходимости". Расплата с рабочими ордерами на лавки „практикуется в большинстве рудников до сих пор". Жилища вроде каюток заменяются „приличными домами с соблюдением, по возможности, новых санитарных требований", при чем было обращено особенное внимание на семейные дома. Кадры постоянных рабочих могли более прочно образоваться лишь на рудниках, приобретенных в собственность. Среди 114 рудников их насчитывалось только 19, остальные добывали уголь на землях, арендованных на высший дозволенный законом 36-летний срок [1]).

Таково показание одного из наблюдателей, наиболее, как кажется, радужное. Другой очевидец, пристальнее заглянувший в повседневную жизнь горнорабочего, рисует ее иными красками [2]). По его словам, неурядицы рудничной жизни происходили не от каких-либо местных обстоятельств, а в большинстве создавались самими промышленниками, которые без достаточного капитала предпринимали дело на-авось, лишь бы как-нибудь набить карман, не брезгуя никакими способами. Это лучше всего было видно на рабочей силе. Большинство шахт находилось в первобытном состоянии. Заработная плата зависела от уже известных нам видов найма: единоличного, артельного, через подрядчика. Если средний номинальный заработок колебался в пределах от 18 до 30 рублей в месяц, то реальный ограничивался от 8 до 15 руб., так как администрация удерживала часть заработка в виде штрафа за прогул. День выдачи заработка владельцы шахт вообще обычно оттягивали, чтобы иметь деньги для оборота, и это заставляло рабочих довольствоваться товаром из лавок владельца по повышенной цене. Таким путем рабочие попадали в кабалу — их удерживали в „черной паутине". За редким исключением, жилищные условия были до крайности плохи. Летом в землянке в 8 саженей длины и 6 саженей ширины помещались (ввиду сокращения рудничных работ) всего по 15 человек, зимою же в землянке скоплялось до 50—60. Окна в этих „каютах" большей частью отсутствовали, или их заменяли крошечные отверстия со вставленными кусками стекла. В дождливую погоду вода проникала через крышу и сквозь стены. Беспаспортные продолжали пополнять рабочую силу на рудниках. Во время проверки документов нелегальных рабочих спускали в рудники —

---

[1]) *Е. Рагозин.* Железо и уголь на юге России.— На 114 рудниках можно было насчитать до 300 шахт, помимо крестьянских шахт, которых имелось до 1.000. Шахты эти достигали лишь глубины 20—25 саж.; они служили разведчиками залежей угля.

[2]) *Н. Зинченко.* Корреспонденция из Луганска в „Новом Слове", апрель 1896 г., стр. 202—204.

там их не отыщешь. Вот как говорил в песенке о своей жизни донецкий шахтер:

По продольным разошлись,
За работу мы взялись...
Распроклята жизнь шахтера!
День и ночь мы работаем,
Ровно в каторге сидим.
День и ночь мы со свечами,
Смерть таскаем за плечами.

Наконец, третий наблюдатель, отнюдь не склонный к пессимизму, рисует следующую картину. На старых копях, преимущественно мелких, продолжали существовать дома для рабочих самого примитивного устройства, немногим отличающиеся от старых „землянок“ или „каюток“, которые кое-где еще встречались. В этих домишках, до крайности грязных, без полов, с маленькими окошечками и с низкими потолками, стоит самая тяжелая атмосфера. Лучшие дома на таких копях уступают самым худшим на заводе Новороссийского общества. Казармы на подобных копях—такие же жалкие, ветхие, грязные и низкие помещения, до крайности тесные. Нередко в одном помещении живет несколько семей вместе, не только без перегородок, но даже без обычных занавесок... Чрезвычайная скученность отчасти вызывалась тем, что рабочие любят размещаться по „землячествам“, предпочитая жить более тесно со „своими“, чем просторнее с чужими. Старые копи, принадлежавшие иностранцам, также оставляли желать очень многого, например, на копях Русско-донецкого общества (бывш. Иловайского) и на копях Французского горного и промышленного общества. Об'яснялось это тем, что первое общество застало жилища рабочих на них уже готовыми, а второе (учрежденное еще в 1873 г.) долгое время несло большие убытки. На новых копях, эксплоатируемых иностранцами, дома устраивались по усовершенствованным типам [1]).

То, что происходило на каменноугольных рудниках, в общих чертах повторялось и на железных криворогских. Размеры их производительности не могли быть с точностью установлены, так как рудники возникали один за другим, увеличивали свои размеры. В связи с этим менялась численность рабочих. По одному подсчету в 1899 году на 23—25 рудниках насчитывалось до 4.000 рабочих, которые добывали 92% всего железного потребления южных заводов (около 135 млн. пудов). На добыче железной руды условия труда были менее тягостными, чем в каменноугольных шахтах, так как рабочие, извлекали железо открытим способом, стоя во весь рост под свободным небом. Только на разведках, производившихся при помощи узких шурфов глубиною иногда до 25 саженей, положение рабочих значительно ухудшалось.

Плата была задельная, от вагонетки, поднималась ли на поверхность руда или пустая порода (кварцит). Заработок колебался от 80 коп. до

---

[1]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. 2, стр. 288 — 290.

1 р. 60 к. в день в зависимости от числа часов, проведенных на работе, от удачно подобранного состава артели, от вида работы и т. д. Артели, особенно вначале, составлялись из людей, друг друга знающих, и они старались сами заменить выбывающих, порою беря некоторую сумму со вновь вступившего. Артель работала тремя партиями попеременно — одна партия приготовляла шпуры (долбление породы), другая разбирала породу и подвозила ее в вагонетках, а третья работала на верху на откатке. В целях уравнения заработной платы артели перемещались одна на место другой. Из артели удалялись (выходили в „дамки") уличенные в неаккуратной работе и получавшие „крючки", т.-е. отметки о прогулах. Только на 3—4 рудниках работы производились в две смены по 12 часов каждая. На остальных — одной дневной сменой. Закон 1897 г., долженствовавший регулировать рабочее время[1]), всюду игнорировали. Летом работали с 4—4½ час. утра до 7½—8 час. вечера с 2½ часами на перерыв, т.-е. всего 12½ — 13 часов. Такой продолжительный рабочий день устанавливался в период с апреля по сентябрь. Зимой он немного уменьшался. Это положение было обычным как на крупных, так и на мелких рудниках, как на благоустроенных, так и на плохо оборудованных. Чтобы иметь возможность легально прибегать к продолжительному дню, промышленники домогались, чтобы рабочие на железных рудниках были приравнены к сельскохозяйственным рабочим, трудовой день которых не был ограничен. Не соблюдалась и норма работы в предпраздничные дни. В большом ходу были сверхурочные работы. Не обращалось внимания и на правила касательно ночной работы, которая должна была быть менее продолжительной, чем дневная.

Неустойчивость рабочей силы, присущая каменноугольной промышленности, была свойственна и железным рудникам. Рудокопы, подобно шахтерам, переходили с рудника на рудник, чтобы быть поближе к землякам или в поисках большего заработка. Порой и промышленники их переманивали. Весенние и осенние перемены в численности рабочих были обычны. Но все это не так резко сказывалось как в каменноугольной промышленности. Жалоб на недостаток рабочих рук было меньше.

Из 5.423 рабочих, поступивших в течение трех лет (с 1896 г.) на рудник Новороссийского общества, расположенный недалеко от Кривого Рога, были впервые приняты 2.419, остальные вторично пришли на работу. Наименьшее число рабочих давали Екатеринославская и Херсонская губернии, на границе которых находился рудник, как это видно из следующих данных о родине рабочих (в %).

Черниговская губ.	35,1	Могилевская губ.	10,3
Орловская „	27,2	Курская „	6,4
Киевская „	12,8	Прочие губернии	8,2

В 1900—01 годах в виду неурожая число местных рабочих увеличилось. Характерно, что в то время как по всей России на каждые 1.000 человек приходилось 271 мужчина в возрасте от 15 до 35 лет,

[1]) См. о нем на стр. 138.

на руднике Новороссийского общества рабочих в том возрасте насчитывалось 774, а в возрасте от 45 до 60 лет работали на руднике только 22 человека, хотя на 1.000 человек по всей стране их приходилось 110. Это сопоставление указывает, что горные работы больше всего вбирали в себя здоровую часть населения.

Так как железные рудники меньше ощущали недостаток рабочих, чем каменноугольные, то их владельцы еще меньше заботились о рабочих, чем шахтовладельцы, хотя финансовое положение железных рудников было прекрасно. Медицинская помощь, правда, была поставлена прилично, но несчастья случались весьма часто (особенно из-за обвалов). Поэтому на восьми рудниках было введено страхование на случай увечья, лишавшего трудоспособности (1.500-кратный денной заработок), и смерти (1.000-кратный). На остальных рудниках рабочие не обеспечивались. Жилищные условия были те же, что и на каменноугольных шахтах. Только на нескольких рудниках имелись хорошие жилища, на остальных — грязные, тесные землянки. На рудниках Новороссийского общества в 90-х годах часть рабочих помещалась в таких полуземлянках, крытых землею или досками, что „самое пылкое воображение не может представить себе, до каких размеров доходили здесь антигигиенические условия". А разведчики (могилевцы), нанимавшиеся подрядчиком, работавшие с марта до поздней осени, жили в досчатом балагане, где спали на земляном полу, подослав солому. С устройством лучших помещений для одиноких часть землянок пошла под семейные помещения [1]).

Неустойчивость рабочей силы в каменноугольной промышленности чувствительно отражалась на разнообразных предприятиях, питавшихся донецким углем. Уже не одни горнопромышленники били тревогу по поводу необеспеченности угольных шахт рабочими. На двадцать третьем с'езде горнопромышленников (в 1898 г.) министерство путей сообщения, нуждаясь в угле как топливе для железных дорог и как грузе, подняло старый вопрос о принятии углепромышленниками мер к удержанию рабочих на шахтах, а министерство государственных имуществ — о мерах к содержанию постоянной рабочей силы на рудниках в соответствии их производительности. Это обращение правительственных органов к самодеятельности горнопромышленников указывало на утвердившееся убеждение, что причины бегства рабочих с каменноугольных шахт таятся в тех тяжелых условиях рудничной жизни, изменения которых зависят от самих горнопромышленников. Однако снабжение шахт рабочими затруднялось и другими причинами.

Неурегулированная провозоспособность железных дорог, колебание в деятельности предприятий, потреблявших донецкий уголь, изменчивая конкуренция иностранного угля и т. д., расстраивая временами соответствие между спросом на уголь и производительностью шахт, придавали

[1]) *В. Мехмандаров.* Заболеваемость горнорабочих на юге России („Вестник фабричного законодательства", 1905 г., кн. 2). Сведения относятся к концу 19-го века.—*П. Преображенский.* Некоторые данные о положении рабочих на рудниках Кривого Рога (Известия Общества горных инженеров, 1900 г., кн. 4).

каменноугольной промышленности лихорадочный характер. Вследствие этого количество рабочих, нужных для добычи угля, не было постоянным. Заработок на шахтах не мог почитаться устойчивым. Этим задерживался прилив рабочих. С другой стороны, малонаселенность края, условия возникновения многих каменноугольных предприятий (мелкокапиталистических), обстановка, в которой им приходилось действовать (краткосрочность аренды земли), и проч., препятствуя образованию постоянной рабочей силы, также вызывали перебои в добыче угля. Все же улучшение элементарных условий рабочей жизни, в большинстве случаев доступное средствам углепромышленников, смягчило бы остроту вопроса. Однако, горнопромышленники уклонялись от принятия мер к устранению из'янов рудничной жизни. По их словам, опыт 1892 г., когда ощущался недостаток в рабочих руках, показал, что с повышением заработной платы производительность рабочего не повысилась, и условия его жизни не изменились [1]).

Приведенные выше наблюдения над условиями рудничного быта относились преимущественно к тому времени, когда в отношении горнорабочих юга России действовал один лишь закон 1892 г., сосредоточивший свое внимание на заработной плате. Но вот 2 июня 1897 г. появился закон об ограничении и распределении рабочего времени на всех фабрично-заводских предприятиих и горных промыслах. В соответствии с ним были установлены следующие правила на горнозаводских промыслах и предприятиях [2]).

Рабочее время — это те часы в сутки, в течение которых по договору найма рабочий обязан находиться на месте работы. При подземных работах время, употребляемое рабочими на спуск в рудник и на под'ем, считается рабочим временем. В счет рабочих часов не входят свободные перерывы, в течение которых рабочий вправе располагать своим временем.

Ночное время при одной смене — между 9 час. вечера и 5 час. утра; при двух и более сменах — между 10 час. вечера и 4 час. утра.

Продолжительность рабочего времени для занятых в дневные часы не должна превышать $11^1/_2$ часов в сутки [3]) (по субботам и накануне праздников — 10 час.), а для занятых хотя бы отчасти в ночные часы — не более 10 часов. При 18-часовой работе двумя сменами число рабочих часов в сутки может быть увеличено до 12 с тем, чтобы в среднем по расчету за две недели

---

[1]) *П. Фомин.* Краткий очерк истории с'ездов горнопромышленников юга России.— Горнопромышленники открыли в Харькове „контору для найма рабочих на горные промыслы юга России", но она не могла быть использована, так как сведения об имеющихся в других губерниях предложениях труда сообщались только тем горнопромышленникам, которые обязывались нанимать рабочих на их родине, выплачивая им задатки, а эти задатки часто оставались неотработанными.

[2]) Третье собрание законов, № 14251. Правила, утвержденные 8 декабря 1897 г. министерством земледелия и государственных имуществ по соглашению с министерством внутренних дел на основании ст. 9 отд. 1 закона 2 июня 1897 г. (Древлехранилище в Москве № 1383). Горный департамент, отделение частных заводов, 2 стол, 1897 г. №·2 „С циркулярами к закону о нормировке рабочего времени").

[3]) Комиссия, разработавшая первоначальный проект закона, определила рабочий день в 11 часов, но затем по настоянию министра финансов он был доведен по $11^1/_2$ час. Архив государственного совета, департамент госуд. экономии, 1897 г., дело № 178.

рабочее время для каждого рабочего не превышало 9 часов в сутки. При рабочем времени более 10 часов устанавливается по крайне мере один перерыв продолжительностью не менее одного часа.

Отступления от этих правил допускаются:

а) при работах, не терпящих перерывов, в произвольное время, при чем общее число рабочих часов в течение двух последовательных суток не может превосходить 24 часов, и рабочий должен быть освобожден на полные сутки не менее трех и четырех раз в месяц в зависимости от его рабочих часов в сутки;

б) в отношении известных категорий рабочих (напр., старших рабочих в забоях, проводимых посредством работ со взрывчатыми веществами, или на работах по оттаиванию забоев), занятых такой работой, без предварительного исполнения которой промысел не может быть пущен в действие;

в) при исключительных серьезных случаях (неожиданный спешный ремонт, обвалы и т. п.);

г) в отдельных отраслях горной промышленности с разрешения министра земледелия по соглашению с министром внутренних дел.

Сверхурочные работы допускаются лишь по особому соглашению с рабочими; в договоре же могут быть включаемы лишь такие сверхурочные работы, которые необходимы по нормальным техническим условиям производства. Число сверхурочных часов не должно превышать 120 в год, не считая предусмотренных договором и вызываемых экстренными, стихийными случаями.

Принятие пищи допускается не реже, чем через каждые шесть часов. Если продолжительность рабочего времени между двумя свободными перерывами превышает шесть часов, рабочему предоставляется время для принятия пищи в течение рабочего времени.

Праздники. Работа как взрослыми, так и малолетними не производится в следующие дни: в воскресенья, 1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября 25 и 26 декабря, пяток и суббота страстной недели, день вознесения, второй день праздника сошествия св. духа. С ведома каждый раз горного надзора разрешается работа в воскресный день с отдыхом в будни.

В дополнение к этим правилам инструкция обязывала чинов горного надзора следить, чтобы порядки, устанавливаемые на предприятии, не оказывались вредными для рабочих — напр., чтобы пища не принималась в нездоровой обстановке. Особое внимание было обращено на то, чтобы рабочие не были принуждаемы к сверхурочным работам (не обусловленным в договоре), так как, по словам инструкции, „всякое упущение в этом отношении может повлечь за собою ослабление значения всего закона 2 июня 1897 г.“

Закон 1897 г. был издан под непосредственным воздействием стачечного движения в 1896—97 гг. на предприятиях фабрично-заводской промышленности, достигшего небывалого ранее развития[1]). Так как рабочей массе стало известно, что закон явился уступкой, вызванной забастовочным движением, то можно было ожидать, что рабочие впредь будут прибегать к этому уже испытанному средству. Вот почему министр внутренних дел разослал губернаторам циркуляр (12 августа 1897 г.), в котором указывалось, что „укоренение в рабочей среде ложного представления о целесообразности всякого рода действий скопом, самоуправ-

---

[1]) Ср.: *В. Колпенский.* Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство („Архив истории труда в России“, кн. II).— *Л. Мартов.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России (1923 г.), стр. 127.

ства и насилия как по отношению к правительственной власти, так и в отношении фабрикантов и товарищей, представляется весьма опасным для государственного порядка и общественного спокойствия". Ввиду этого, в целях „обуздания" рабочих, предписывалось высылать с места работы на родину всех тех рабочих, которые прекратили работу без нарушения законных сроков; тех же, которые бросают работу, нарушив таковые сроки,— тех удалять по этапу. Сверх того рекомендовалось направлять подобные дела преимущественно в порядке положения об охране, так как судебное преследование не всегда возможно, а также потому, что судебные власти не всегда обязаны арестовывать обвиняемых, между тем „при тревожном настроении рабочего населения данной местности освобождение наиболее энергичных вожаков из-под стражи до полного успокоения умов представляется весьма часто вредным и влечет за собой возобновление беспорядков" [1]).

Пред забастовочным потоком, залившим в ту пору важнейшие фабрично-заводские районы, движение донецких горнорабочих по своим размерам представлялось весьма скромным. Все же оно, несомненно, имело значение для горной промышленности (и без того находившейся в лихорадочном состоянии), а потому производило впечатление на администрацию. Вспомним, как серьезно отнеслось министерство внутренних дел к рутченковским событиям 1887 г. Что касается характера выступления рабочей массы на горных предприятиях, то если в прежние годы они, возникая вследствие вспышек недовольства, не представляли собою организованного действия, то трудно сказать, в какой обстановке зарождалось шахтерское движение конца девяностых годов. „Быстро выросшая в несколько лет заводская индустрия юга России — говорит один исследователь — должна была привлекать к себе рабочих из других мест высокими заработками, а обилие капиталов (иностранных) и выгодная промышленная конъюнктура в эти годы промышленного расцвета, который особенно утилизировали металлические заводы юга, позволяли им легко обеспечить рабочим эти выгодные заработки. При низком уровне потребностей рабочей массы они могли удовлетворяться таким положением. Поэтому возникшие в 1895—97 гг. группы социал-демократов в Харькове, Екатеринославе и Николаеве дольше, чем то было в Петербурге и Москве, не могли выйти в своей деятельности за пределы кружковой пропаганды среди небольшого слоя интеллигентных рабочих, и их попытки агитации в массах не имели успеха" [2]).

При такой обстановке менее всего было бы возможно использовать в форме организованного движения недовольство горнорабочих. Одни из них были связаны с землею, другие — случайно и временно приобщались к горной работе, третьи — распылялись по небольшим рудникам. Но, судя по другому сообщению, Екатеринославская губерния, в частности, сосредоточившая в себе каменноугольную промышленность, занимала в отно-

---

[1]) *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России, т. II (изд. 3-е, 1924 г.). стр. 220.

[2]) *Мартов*, стр. 137.

шении рабочего движения как бы особое положение по сравнению с прочими южно-русскими промышленными центрами. Здесь, благодаря изумительно богатому росту промышленности вообще, стянулись рабочие со всех концов России и „рабочее движение довольно быстро приняло массовый и резко революционный характер". В Юзовке, как мы знаем, уже в 1892 г. были крупные рабочие беспорядки. „Революционные социал-демократические кружки, существовавшие среди Екатеринославских рабочих, скоро об'единившиеся в одну общую организацию, выступившую под именем „Екатеринославского рабочего союза", пытались с самого начала руководить возникшим во второй половине девяностых годов стачечным движением, но далеко не успевали совладать с буйным характером стачек и направить их в более мирное русло" [1]).

Действительно, если признать, что в отдельных стачках южно-русских горнорабочих принимали участие члены социал-демократических кружков, то в ходе своего развития стачки эти не всегда сдерживались в рамках организованного протеста, выливаясь в резкие разрушительные формы, как видно из нижеприведенных кратко описанных случаев.

В апреле 1895 г. вспыхнули волнения на Горловских копях, в одном из самых крупных предприятий в Донецком бассейне. Во всем бассейне два раза в год плата снижалась и повышалась. В Горловке в то время разница между весенней и осенней платой сводилась лишь к пяти копейкам на смену. При низкой оплате труда это представляло для рабочих известное значение. Между тем шахтоуправление решило не повышать весною заработной платы. Среди рабочих возникло глухое недовольство, подогреваемое ненавистью, которую рабочие питали к сторожам-черкесам. Рабски исполняя приказания начальства, они чрезвычайно стесняли рабочих. Когда один из черкесов, вооруженных с ног до головы, ранил рабочего, толпа в пятьсот человек, запасшись „обушками", двинулась по улицам поселка. Из вагонеток, сброшенных с эстакадов, была сооружена баррикада. Рабочие стали бить окна в надшахтном здании, где углеподъемная машина спускала в шахту ночную смену. Рабочие хотели броситься во внутрь, но двери успели запереть. Огни в надшахтном здании погасли, и рабочие, спускавшиеся в шахту, пробыли всю ночь в клети, висевшей посередине шахты. На утро явилась сотня казаков.

Несколько позже волнения шахтеров произошли на Голубовке. Рабочие разгромили контору, спустили в шахту углеподъемную машину, сбили и испортили машины водоотлива. Затем толпа тысячи в три направилась к соседним рудникам снимать шахтеров. Но вскоре соседние крестьяне, споенные земским начальником, вооружившись дубьем, разбили горнорабочих. Казаки довершили дело „усмирения". Было учинено наказание розгами, а потом суд приговорил до двадцати человек к каторжным работам [2]).

---

[1]) *А. Ельницкий.* История рабочего движения в России (2-е изд., 1923 г.), стр. 99.— Ср. *В. Невский.* Очерки по истории РКП (т. I, 1924 г.), стр. 469 и сл.

[2]) *Л. Либерман,* стр. 60—63.

12 мая 1897 г. возникли шахтерские волнения на копях Горного и промышленного общества в Рутченково. Здесь, как и на многих соседних рудниках, зимняя плата рабочих была с мая повышена, примерно, на 10%, о чем заблаговременно было вывешено об'явление в здании шахт. По сообщению заводоуправления переход с зимнего положения на летний обычно сопровождался некоторым замешательством. Так как цены по забоям устанавливались различные в зависимости от условий работы, то отсюда проистекали „недовольства и протесты". На задельные работы еще с 20 апреля была повышена заработная плата. В одном месте шахты № 19 за вагончик угля, весом в 28—29 пудов, вместо 22 коп., стали платить 24 коп. Когда работа в этом месте приблизилась к концу, и надо было перейти на новое поле, то 3 и 4 мая было об'явлено, что за вагончик угля, вместо прежних 20 коп., будут с 15 мая платить 22 коп. Первые дни после этого прошли спокойно. Но вот пять артельщиков заявили требование назначить 24 коп. за вагончик, а когда управление согласилось на это, они об'явили, что не будут работать дешевле 28 коп. за вагончик. В ночную смену на 12 мая рабочие и поденные одного пласта собрались для спуска в шахту, но „толпа исключительно из молодежи стала уговаривать и принуждать их не итти на работу", и никто не спустился. Администрация удалилась. Толпа, около 200 человек, стала бить стекла в доме заведующего шахтой, а оставшиеся в здании шахты выбили стекла в конторе и стали давать тревожные свистки. Прочие шахты работали обычным порядком, только одна из них бездействовала в течение двух смен, так как рабочие боялись преследования со стороны забастовщиков. С прибытием казаков из Юзовки были произведены аресты, после чего на шахте № 19 возобновились работы [1]).

В описанном событии, как видим, роль возбудителя сыграли артельщики. Но чьи интересы они, главным образом, преследовали — интересы вообще рабочих или свои собственные? Нижеследующий эпизод, как-будто, служит ответом на этот вопрос.

Новороссийское общество отдавало работу артельщикам сдельно с вагоно-пуда, а артельщик, в свою очередь, отдавал работу уже урочно, т.-е. считал упряжку забойщику в четыре вагона угля, и если забойщик вырабатывал три вагона угля (что часто случалось в новых местах — в удаляющихся забоях, в штреках и печах), тогда артельщик ставил забойщику не $^3/_4$ упряжки, а только $^1/_2$. Затем, если забойщик вырубал свои четыре вагона угля ранее под'ема смены, все равно артельщик требовал продолжения работы (хорошие забойщики, особенно в столбах, давно разрезанных и стоявших долго, успевали к двум часам дня исполнить урок — вырубить четыре вагона угля). Так как под'ем рабочих до смены был запрещен, то забойщику приходилось подчиняться. На долю артельщика приходилось, смотря по числу рабочих, от 60 до 200 р.

[1]) Древлехранилище в Москве (№ 4109). Горный департамент, отделение частных заводов. 1897 г. № 619 О„ беспорядках среди рабочих копей горного и промышл. общества Рутченково".

в месяц, между тем он принадлежал к той же среде рабочих, но только сумел выслужиться. Это вызывало недовольство среди рабочих, вследствие чего по требованию горного надзора заработную плату стала распределять между членами артели сама горная контора, смотря по количеству принятого конторою угля, а за хлопоты и за сношения с конторою артельщику платили 10 р. в месяц сверх среднего заработка забойщика. Кроме того, артельщик впредь обязан был принимать участие в добыче угля личным физическим трудом. Такое нововведение вызвало недовольство среди артельщиков, к ним присоединились коногоны числом до 150 человек, а так как артельщики держали рабочих в зависимости, то они и пытались использовать последних в своих интересах.

Согласно упомянутому выше обычаю, на юге России 1—15 октября вводились зимние расценки на работы в рудниках и на заводах (для поденных чернорабочих вообще, а также для сдельных в некоторых случаях и особо в шахтах). Новороссийское общество своевременно представило горному надзору расценку — как максимум, так и минимум заработной платы для постоянных и поденных заводских и рудничных рабочих. Затем рабочие на заводе и в шахтах были извещены, что для них заработная плата остается летняя (повышенная) за исключением коногонов-подростков от 16 до 20 лет, которым заработная плата была уменьшена с 80 коп. до 70 коп. Это уменьшение коногонам заработной платы, в связи с вопросом об урегулировании заработной платы забойщиков, рамщиков и — главнейшее — артельщиков, и создало атмосферу в которой вспыхнула стачка. По сведениям местного горного управления, еще 11 октября между рабочими Центральной шахты Новороссийского завода были заметны „признаки нежелания итти на работу“. На другой день среди рабочих стали раздаваться возгласы с требованием увеличить заработную плату. Тем не менее многие рабочие отправились на работу. Но тут артельщики под угрозою расчета заставили рабочих принять участие в стачке. Около 200 человек отправились к коксовым печам, разогнали рабочих цеха, а затем с шумом направились к воздуходувным машинам, побили стекла и пытались уничтожить электрические фонари. Когда освещение погасло, толпа разогнала рабочих у доменных печей, делая попытки испортить машины. Но тут прибыли казаки, и работы стали принимать нормальный ход. Губернатор распорядился: рабочие, которые не откликнутся на требование исправника и окружного инженера вступить на работу в 6 час. утра 13 октября, высылаются административным порядком на родину, как не выполнившие договора с заводом (300—325 человек), а „зачинщики и подстрекатели“ подвергаются следствию и суду в порядке усиленной охраны [1]).

Судя по этому сообщению, бродильный элемент был представлен артельщиками. Но из донесения окружного инженера мы узнаем, что „заметное влияние оказали и разбросанные преступные прокламации, приглашавшие рабочих к стачке вообще в видах поднятия цен на труд“.

---

[1]) На основании циркуляра м-ва внутр. дел от 12/VIII—1897 г.

Волнения на шахте Новороссийского общества посеяли, как видно, тревогу в горном управлении Южной России. Когда в начале ноября произошли небольшие беспорядки на заводе общества „Русский Провиданс", вызванные нелепо составленным об'явлением относительно заработной платы, окружным инженерам и их помощникам было циркулярно предписано: каждый раз при посещении заводов и рудников проверять, насколько администрация исполняет правила внутреннего распорядка, а равно и общие правила, виновных же в нарушении правил привлекать к ответственности. Вместе с тем был признан несоответствующим интересам рабочих порядок, установленный в отношении артельщиков на шахтах Новороссийского общества. Горный надзор потребовал, чтобы содержание артельщиков было принято на счет администрации, так как, получая из общего заработка по 10 р. дополнительных, артельщики современем наверное станут уклоняться от фактического участия в добыче угля, ссылаясь на хлопоты по сношению с конторой, что породит сначала ропот среди рабочих, а затем вызовет беспорядки [1]).

Весною 1898 г., с отливом рабочих на полевые работы, началась забастовка на Рутченковских рудниках. До 2.000 шахтеров требовали уничтожения землянок и замены их сносным жильем. На этот раз протест носил внешне мирный характер — отсутствовал элемент стихийности. Власти вынуждены были признать, что требования рабочих частично не идут вразрез с постановлениями закона. В ту же пору, а также несколько позже, произошли две забастовки на рудниках Древицкого в том же районе Юзовки. Одновременно забастовочного движения не миновали и местные горные заводы, что вместе с беспорядками на рудниках создавало тревожную атмосферу. Стачка вспыхнула на руднике Успенского общества (вблизи Юзовки), где взрывом газа было убито около 100 человек. А затем забастовали рабочие на рудниках Юза, не прибегая к насильственным действиям. Поводом послужило понижение заработной платы с пуда добытого угля: вместо $1^1/_2$ коп.—$1^1/_4$ коп. Рабочие отказались избрать уполномоченных для ведения переговоров с рудничной администрацией, зная по опыту, что делегаты будут арестованы. Чтобы вывести рабочих из состояния пассивного протеста, заключавшегося в том, что рабочие не выходили на работу, не нарушая „общественной тишины", полицией были привлечены посторонние лица, которые начали в Юзовке погром. Это дало возможность приравнять забастовавших рабочих к погромщикам, и тогда наиболее сознательные рабочие были высланы на родину без права выезда из места ссылки в течение трех лет [2]).

Перебои в производстве побуждали горнопромышленников в массе и даже ведомства останавливаться от случая к случаю на рабочем вопросе, как на одной из назревших потребностей текущего дня. Вот почему попытки разрешить этот вопрос завершались преимущественно

[1]) Древлехранилище в Москве, № 1549, горный деп-т, отд. частн. зав. 1898 г. № 6—„По конфиденциальной переписке".

[2]) *Л. Либерман*, стр. 67—69.

стремлением привлечь новые партии нуждающихся малоземельных крестьян из внутренних губерний. Между тем рождалось сомнение, действительно ли рабочих всегда и всюду было недостаточно? Не добивались ли горнопромышленники привлечения в край лишних рабочих, чтобы, пользуясь конкуренцией между рабочими, понизить заработную плату?

Этот вопрос в конце девяностых годов возник не без серьезных оснований. Когда осенью 1899 г. в Харькове министр финансов повел беседу с горнопромышленниками по поводу значительного повышения цен на минеральное топливо, они указали на недостаток в рабочих руках как на главнейшую причину вздорожания топлива. Ввиду этого с целью урегулировать дело спроса и предложения рабочих рук министр финансов предложил образовать особый правительственный комитет. Но когда был составлен проект такого комитета, министр внутренних дел выступил с решительным протестом. По имевшимся в министерстве сведениям в Донецком горнопромышленном районе не только не было недостатка в рабочих руках, но, напротив, „чрезвычайный наплыв рабочих в названную местность повлек за собою понижение заработной платы и невозможность для значительного количества рабочих найти приложение своего труда". Вследствие этого новый вызов рабочих тем менее мог быть желателен, что при повторявшихся за последнее время сокращениях и остановках в производстве „надо было ожидать недовольства в рабочей среде" [1]). Таким образом, если рудники, главным образом, в определенное время года, не могли итти полным ходом из-за отсутствия нужного числа рабочих, то это в значительной мере вызывалось слишком резким различием в обстановке, с одной стороны — на полевых работах, а с другой — в шахтах.

Возбудив ходатайство о созыве в мае 1900 г. экстренного с'езда, горнопромышленники включили в его программу рассмотрение проекта о расширении деятельности „Общества пособия увечным горнорабочим" и о страховании рабочих [2]). Других вопросов рабочей жизни с'езд не намеревался коснуться. Но случилось, что к этому времени в Петербурге были получены следующие сообщения по телеграфу:

От 23 февраля.— Ночью на шахте № 19 Рутченковского общества началась полная забастовка. Все тихо.

От 25 февраля.— Забастовка на шахте № 19 Рутченковского общества продолжается. Рабочие требуют прекращения на будущее

---

[1]) Письмо министра внутренних дел от 30 ноября 1902 г. Древлехранилище в Москве (№ 1756). Горный департамент, отделение частных заводов, 2 стол., 1900 год, дело № 430 „О созвании экстренного с'езда горнопромышленников на юге России".

[2]) На двадцать четвертом с'езде горнопромышленников, состоявшемся в 1899 г. было указано, что помощь Общества пособия недостаточна, носит случайный характер, иногда пострадавшие не получают никакой помощи, а потому было предложено создать „Общество взаимного страхования горнозаводских предприятий юга России от несчастных случаев с их рабочими и служащими", но эта мысль еще не была осуществлена когда появился закон 2 июня 1903 г., возложивший ответственность за вознаграждение потерпевших вследствие несчастных случаев индивидуально на предпринимателей (*П. Фомин.* Краткий очерк истории с'езда горнопромышленников юга России).

время браковки вагонов, прибавки жалованья. Ожидаются юзовские казаки. На соседних шахтах спокойно. Окружной инспектор на месте.

От 26 февраля.— Вчера дневная смена спущена в шахту Рутченковского общества. Казаки возвращаются [1]).

Эти тревожные известия, повидимому, побудили министерство государственных имуществ потребовать, чтобы с'езд рассмотрел также вопрос вообще об улучшении быта рабочих на каменноугольных копях.

Выделенная с этой целью комиссия поняла свою задачу в том смысле, что нужно рассмотреть существующие условия рабочей жизни на каменноугольных копях и указать те улучшения, какие уже сделаны и какие необходимы в дальнейшем. И тогда оказалось, что все обстоит благополучно! Комиссия об'яснила, что в период 1891—99 гг. вследствие значительного прилива капиталов (особенно с 1895 г.) каменноугольная промышленность сделала большой шаг вперед, что благоприятно отразилось и на положении рабочих, хотя доходность каменноугольных предприятий „не столь значительна, как это обыкновенно принято думать". Заработная плата — указывала комиссия — на донецких копях выше, чем во Франции и Бельгии. Бани имеются в изрядном количестве. Больничное дело в удовлетворительном состоянии. В жилищном деле замечается значительный прогресс. Если тут и нужны некоторые улучшения, то во всяком случае не на мелких копях и не на тех предприятиях, которые пользуются землей, арендованной на короткий срок. Таким образом, по мнению горнопромышленников, не предстояло необходимости ни в каких сколько-нибудь серьезных изменениях быта рабочих.

С этим, в общем, согласился начальник горного управления [2]). Между тем, происходившие среди рабочих волнения красноречиво свидетельствовали, что их жизнь требует коренных улучшений. И вот, чтобы убедиться, насколько законодательство охраняет интересы рабочих, а главное — в какой мере законодательные постановления осуществляются, при министерстве земледелия была образована (1900 г.) комиссия под председательством А. Штофа для обревизования предприятий Южно-русской горной промышленности. Она отметила следующие из'яны.

Жилища рабочих представляют наиболее слабую сторону горнопромышленных предприятий. Продолжают существовать землянки, и вообще констатируется несоответствие кубического содержания воздуха к количеству живущих рабочих. Кроме того, иногда отсутствуют отхожие места.

Взыскания с рабочих нередко превышают норму, установленную законом и даже самими горнопромышленниками (в табелях взысканий), при чем иногда довольно крупные суммы штрафного капитала оставляются в кассе промышленника, а сами взыскания небрежно записываются в книгу. Серьезного внимания заслуживает вид штрафования, встреченный на некоторых рудниках, а именно — бракование неполно или нечисто

---

[1]) Древлехранилище в Москве (№ 1750). Горный департамент, отделение частных заводов, стол 2, 1900 г., № 105-а „По конфиденциальной переписке".

[2]) Цитированное дело горного департамента, 1900 г., № 430.

(с пустою породою) нагруженных вагончиков с добытым ископаемым, которые затем идут в пользу конторы без оплаты труда рабочего. Такое действие есть не что иное, как штрафование рабочего в пользу нанимателя, т.-е. тот именно вид взыскания, который в прежнее время служил способом к эксплоатации рабочих и вызвал издание закона об обращении взысканий с рабочих в особый капитал, хозяину не принадлежащий [1]). Возможность устранения такого способа взыскания без какого-либо вреда для производства явствует из того, что большая часть рудников его не применяет, принимая ископаемое, например, по весу (а не по числу вагончиков) или рассчитываясь с рабочими по замерке выработанного об'ема пласта. На одном заводе месячная плата разделялась на две определенные суммы: обычную плату и премию, при чем последняя выдавалась полностью, если рабочий был все время исправен, и уменьшалась в большей или меньшей мере, или вовсе не выдавалась—за неисправность. Это был особый вид штрафования рабочих в пользу хозяина.

Расчет с рабочими совершался вообще правильно. Если в расчетных книжках или в правилах внутреннего распорядка встречалось иногда указание на расплату один раз вместо двух раз в месяц, то это об'яснялось тем, что деньги выдавались в виде аванса и ранее срока. Однако на большей части рудников и заводов плата рабочим за данный период производилась по прошествии двух недель с его окончания.

Продажа продуктов из лавок обществ потребителей рабочим в кредит, с расплатою через контору, обычно производилась не по утвержденной таксе. Еще более важной являлась на некоторых рудниках продажа не по таксе в кредит через посредство конторы из лавок, принадлежащих посторонним лицам. Равным образом не имелось таксы при вычетах из заработка за квартиры, воду, уголь и бани. Все делалось по произволу

Медицинская помощь и гигиена. На ряде рудников больницы не удовлетворяли основным требованиям, не говоря о том, что многие рудники не только больниц, но даже бань не имели. Там, где бани существовали, они нередко не соответствовали по своим размерам количеству рабочих или, ввиду своей отдаленности от рудника, не могли быть посещаемы достаточно часто [2]).

Комиссия Штофа зафиксировала виденное преимущественно с одной точки зрения — насколько данное явление противоречит закону [3]). Она не взглянула в повседневную обстановку, в которой приходилось трудиться рабочим. Между тем, еще беспорядки 1887 г. на Рутченковских копях, согласно сообщению чинов министерства внутренних дел,

---

[1]) Правила о штрафных капиталах, утвержденные министром земледелия 25 октября 1895 г., запрещали оставление промышленниками денег у себя, дабы штрафы не служили оборотными средствами, что побуждало бы промышленников особенно усердно налагать штрафы.

[2]) *М. Краснянский.* Записки донского штейгера (сообщение „К вопросу о донских горнорабочих" напечатанное в „Горнозаводском листке", 1900 г., № 20.— Труды XXV с'езда горнопромышленников юга России (1900 г.), том I (Харьков 1901 г.), доклад XV.

[3]) Судя по тем материалам, которые в свое время появились в печати.

раскрыли жизнь горнорабочих во всей ее потрясающей наготе. А те непреодолимые препятствия, с которыми горнопромышленники продолжали сталкиваться при попытках привлечь рабочих к шахтам, служили свидетельством, что установившаяся трудовая обстановка на донецких горных предприятиях оставалась прежней.

Весьма характерен следующий эпизод. В комиссии (1895 г.) по упорядочению движения рабочих на сельскохозяйственные промыслы был возбужден вопрос о том, чтобы правительство в лице земских начальников и начальников железнодорожных станций оказывало горнопромышленникам содействие в приискании рабочих через посредство предположенной в ту пору особой „конторы для найма рабочих на горные промыслы юга России“ [1]). Но представители министерства внутренних дел решительно настояли на том, чтобы правительство уклонилось от такой совместной работы с горнопромышленниками, так как самый факт обращения горнопромышленников за помощью к правительству в таком деле свидетельствует, что наем рабочих происходит в ненормальной обстановке. Было решено предоставить земским начальникам право давать конторе справки о числе свободных рабочих на местах, но при этом отнюдь не вмешиваться в дело найма рабочих и не оповещать население о предполагаемой работе на шахтах [2]). Эти меры предосторожности были приняты с той целью, чтобы недовольство крестьян, нанятых таким путем на горную работу, не обрушивалось на правительство. О том же, что условия рудничной жизни открывали достаточный простор для недовольства рабочих, об этом министерство внутренних дел было осведомлено. И для него не могли явиться неожиданными буйные проявления гнева рабочих, участившиеся как раз в ту пору, когда комиссия Штофа записывала отдельные недочеты рабочего быта.

Остановимся на трех случаях возмущения рабочих [3]), происшедших вскоре после упомянутых выше волнений на руднике Рутченковского общества.

3 мая (1900 г.) 115 рабочих на шахте „Эрнест“ Петро-Марьевского общества не вышли на работу, за что все они были оштрафованы каждый в сумме одного рубля, но потом по просьбе рабочих штраф был снят 8 мая в день праздника Иоанна богослова они вновь не вышли на работу, при чем потребовали увеличения заработной платы в размере одного рубля на квадратную сажень. На следующий день, с прибытием пристава, 50 рабочих, оставив паспорта, отправились на родину в Харьковскую губернию [4]).

---

[1]) См. выше подстрочное примечание на стр. 138.

[2]) Древлехранилище в Москве. Горный деп-т, отд. частных зав., дело № 20, за 1895 г. „По ходат. XIV с'езда горнопром. юга России об учреждении в Харькове конторы для найма горнорабочих“.

[3]) Древлехранилище в Москве (№ 1725). Горный департамент, отделение частных заводов, 2 стол, 1900 г., дело № 105-а, „По конфиденциальной переписке“.

[4]) „Так как условия работы на шахте „Эрнест“ благоприятны, и цены довольно высокие и были повышены еще 1 мая, то стачку — так заявил окружной инженер — легко об'яснить желанием части рабочих бросить работы на шахтах в виду хороших видов на урожай и ярмарки, совпавшей с этим временем“.

Вечером 16 мая все пятьсот человек ночной смены шахты „Алиса“ рудника „Общество Успенского бассейна“ отказались спуститься на работу, ссылаясь на то, что правление рудника не желает выдавать уголь для отопления квартир и приготовления пищи. Когда же выяснилось, что такого намерения нет, они потребовали увеличения заработной платы. После этого толпа направилась к базарной площади деревни Ионовка, но, встреченная выстрелами местных торговцев, вернулась к шахте „Алиса“. Здесь толпа выбила окна в доме заведующего подземными работами, разгромила и подожгла рудничный магазин бр. Стартинских. При опросе рабочие жаловались на недостаточность водопровода, на неисправность предохранительных ламп, на то, что управление хочет брать деньги за уголь, который к тому же выдается в недостаточном количестве, и на целый ряд других непорядков. Вечером того же дня забастовавшие рабочие заставили прекратить работу на других двух шахтах и толпою в 1.000 чел. произвели повреждения на шахте „Алиса“, разрушили до основания дом подрядчика, разнесли квартиру штейгера, бросили 10 вагончиков в шахту, подожгли лесной склад, сожгли кузницу и контору и т. д. К полуночи успокоились и разошлись по домам. Следственные власти заявили, что в происшедшем сыграло большую роль подстрекательство, и что в этом направлении действовали даже некоторые десятники и подрядчики шахты „Алиса“. Однако, опасаясь волнений среди рабочих, горное управление решило придать наибольшее значение той обстановке, которая рождала недовольство. Оно потребовало, чтобы окружные инженеры внимательно следили за строгим осуществлением законов и правил, касающихся санитарной части, благоустройства и порядка, а также за исполнением условий найма, за снабжением рабочих водою и прочим.

1 октября возникла забастовка в шахтах №№ 8 и 9 Общества южно-русской каменноугольной промышленности ввиду понижения заработной платы в нижеследующем размере:

Шахта № 8	Шахта № 9
с 3 р. до 2 р. 55 к.	с 3 р. до 2 р. 40 к.
с 3 р. 75 к. до 3 р. 15 к.	с 3 р. 50 к. до 3 р.

Подобное обычное зимнее понижение платы было пуоведено также и на других рудниках. Но на шахтах №№ 8 и 9 уменьшение платы было об'яснено и тем, что „благодаря хорошей плате значительно уменьшилась производительность забойщиков“.

О понижении заработной платы с 1 октября стало известным 15 сентября, и тогда 30 рабочих рассчитались. Оставшиеся же заявили 1 октября, что не будут работать по новой плате и не допустят других. На другой день они начали просить прибавки, обещая пойти на работу, но, когда была сделана надбавка в 30 коп. на сажень, подавляющее большинство продолжало бастовать. Прибыли казаки и пехота. Постепенно водворилось „спокойствие“. Но часть рабочих покинула рудники, не соглашаясь на пониженную плату.

Хотя волнения средигорнорабочих не представляли собою случайных эпизодов, горнопромышленники на своих с'ездах обходили их молчанием. Традиционно преследуя, главным образом, ту цель, чтобы пригнать в Донецкий бассейн малоимущих крестьян из внутренних губерний, горнопромышленники в массе продолжали обращать до крайности слабое внимание на улучшение условий жизни горнорабочих. Самые разнообразные пожелания об улучшении тех или иных сторон рабочего быта, высказывавшиеся более крупными предпринимателями, украшали печатные отчеты с'ездов, но не изменяли рабочего быта.

Рассмотрев отзывы упомянутой выше ревизии Штофа, двадцать пятый с'езд (ноябрь 1900 г.) принял его как лишнее доказательство того, будто нет надобности в преобразовании рабочего быта, что ревизия сделала только указание „на некоторые упущения и неправильные толкования некоторых статей" законов, — не более того. Между тем, сам двадцать пятый с'езд констатировал существование запрещенных землянок, число коих было особенно велико в южной части края. В оправдание этого факта было указано, что там за 1897—99 гг. чрезвычайно разрослось угольное производство, а именно с 237 миллионов пудов до 363 млн. пуд., в то время, как в остальной части края — всего только с 177 до 198 млн. пудов, т.-е. в южной части в шесть раз больше, чем в остальной области. Поэтому, ввиду усиленного прилива рабочих, приходилось пользоваться землянками. Иначе говоря, там, где горнопромышленники могли извлечь сразу большую выгоду, там рабочие жили в первобытных условиях.

Девятнадцатый век приходил к концу, оставляя двадцатому тяжелое наследие. Жилищные условия к тому времени улучшились лишь на немногих крупных предприятиях. Продолжали существовать архаические землянки. Да и казармы нового образца чаще всего представляли собою самую мрачную картину. Так, на руднике Рутченковского общества встречались землянки, а новые казармы были крайне грязны. На Каменском руднике Алексеевского общества в казармах стекла были выбиты, земляной пол весь в ямах, каждая нара предназначалась для рабочих двух смен, так что в дни праздников половина их не имела пристанища. Еще в худшем состоянии находились помещения для семей — без потолков, с земляной крышей, с земляным полом, с одним небольшим окном в $^3/_4$—$^1/_2$ аршина. В таком домишке („каютке"), лишенном перегородок, проживала семья в составе, примерно, пяти членов, да два столовника (квартиранта) из числа местных рабочих. Вообще, значительная часть горнорабочих не имела в жилищах достаточного количества чистого воздуха. На Успенском руднике были дома, в которых на рабочего приходилось менее половины (иногда до трех десятых) кубической сажени воздуха вместо нормального количества в полторы сажени [1]).

[1]) В течение дальнейших десяти-пятнадцати лет даже на некоторых крупных рудниках жилищные условия оставались крайне неудовлетворительными. Ср. *Лев Либерман.* В угольном царстве (2-е издание, 1919 г.), глава третья.

Медицинская помощь в общем за десятилетия почти не шагнула вперед. Если на единичных крупных рудниках существовали хорошо оборудованные больницы, то встречались рудники с добывной способностью не ниже десяти миллионов пудов, с огромным количеством рабочих, куда врач наезжал всего раз в неделю на два-три часа. А менее значительные рудники и такой медицинской помощи не имели. На одном большом железном руднике вовсе не было бани, когда же ее построили, то была назначена столь высокая плата, что рабочие не могли посещать ее.

Кроме забойщиков, получавших сдельную плату, поденный заработок рабочих устанавливался, как мы знаем, в двояком размере в зависимости от времен года: с 1 мая по 1 ноября плата выдавалась в увеличенном размере — в среднем 1 р. 08 коп. взрослому (от 1 р. 30 коп. до 90 коп.) и 63 коп. подростку (от 70 коп. до 60 коп.), и с 1 ноября по 1 мая в уменьшенном размере — в среднем 98 коп. взрослому и 57 коп. подростку. И так как рабочих дней в месяц на круг было обычно не более $22^1/_2$, то рабочий зарабатывал около 23 р. в месяц, если только предположить, что с него ни разу не взыскали штрафа. А это представлялось почти невероятным.

Бюджет одинокого рабочего по ценам того времени (на рубеже двадцатого века) выражался в следующих цифрах:

Питание	10 р. 66 к.
Одежда	3 „ —
Стирка белья, керосин и прочие мелкие расходы холостого	5 „ —
	18 р. 66 к.

Таким образом, одинокий рабочий, не подвергавшийся штрафам, мог прожить, не испытывая особых стеснений. Но если на рудниках большинство рабочих не имело при себе семей, то это не означало, что они в действительности были бессемейные, что они никого не имели на своем иждивении. Обилие одиноких говорило лишь о том, что при существующем заработке рабочий не мог прокормить семью на самом руднике, а потому он оставлял ее в деревне, куда и посылал то немногое, чего он не проживал и не пропивал. Что касается рабочих, живших на руднике вместе с семьей, то недостаток заработной платы заставлял их содержать квартирантов (чаще всего в общей комнате, что вносило разложение в семью) и эксплоатировать труд своих детей на том же горном предприятии.

Рабочие продолжали оставаться крайне подвижным элементом. По-прежнему в страдную пору значительная часть рабочих уходила на полевые работы. Иллюстрацией может служить Кальмиусо-Богодуховский рудник, на шахтах которого, обслуживаемых 1.500 рабочих, в течение одного года уволилось 3.683 человека, и вновь было принято 3.549. В среднем каждый рабочий пробыл на руднике всего около пяти месяцев, и, следовательно, на каждом рабочем месте в течение года прошли больше, чем два человека.

Чтобы составить себе понятие об условиях детского труда,— говорит один наблюдатель,— надо на любом из рудников зайти в здание углепод'емных и других машин или же в ламповое отделение, где наливают и зажигают предохранительные лампы, и где воздух настолько насыщен парами бензина, что вызывает головокружение и тошноту. В этих помещениях можно увидеть вереницы мальчуганов, движущихся среди батареи ламп. «С бледными истомленными лицами, перепачканные копотью и сажей, с черными руками, замасленные донельзя, быстро движутся они по огромному зданию под недремлющим оком десятника. Большинству из них трудно дать и тринадцать лет, сплошь и рядом попадаются дети лет одиннадцати. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он к вашему изумлению ответит: „пятнадцать". Делается это часто по распоряжению низшей администрации (конечно, неофициальному), выполняющей, таким образом, закон[1]). Да и не в интересах самого мальчугана открыть истину: он мог лишиться места».

Закон обходили также в отношении продолжительности рабочего дня детей и ночных работ. Напр., на одном руднике дети работали днем и ночью в две смены, из которых каждая официально исчислялась в двенадцать часов (по закону полагалось восемь часов). Фактически смена продолжалась большее число часов, так как дети якобы добровольно приходили на работу не в 6 час., как полагалось, а в 4 часа. То же явление наблюдалось на многих крупных и мелких рудниках при сортировке угля, где десяти-тринадцатилетние мальчики и девочки в течение двенадцати часов согнувшись выбирали с помощью маленьких кочережек кусочки горных пород. На шахтах, где уголь поднимался при помощи лошадей, дети в течение двенадцати часов ходили днем и ночью — по кругу, подгоняя лошадей.

Наиболее тяжелой и опасной считалась работа в забое, в частности, в глухом забое, имеющем лишь один выход, в особенности же — в наклонных и вертикальных „проходках", колодцах шахт[2]). Здесь работа была настолько исключительна, что на некоторых рудниках администрация по своей инициативе ввела 8-часовой рабочий день. Правда, это облегчение компенсировалось для промышленников тем, что заработок забойщика мало чем отличался от заработка прочих рабочих, находившихся на сравнительно легкой работе. С другой же стороны, нередко трудовой день поденных рабочих удлинялся до $11^1/_2$ часов, а там, где надзор был более слаб,—даже до $12^1/_2$—13 ч., и, таким образом, промышленники выгадывали на заработной плате.

Столь непомерная продолжительность работы сказывалась на числе несчастных случаев, вызывавшихся переутомленностью рабочих. Но все же причины наибольшего числа несчастных случаев лежали в непорядках технического свойства, об'ясняемых стремлением промышленников к экономии. На Кальмиусо-Богодуховских копях при 1.200 рабочих в течение года из числа 368 несчастных случаев на подземные работы

---

[1]) Запрещавший работу подростков моложе 15 лет.

[2]) См. *Л. Либерман.* В угольном царстве, гл. II.

пришлись 315 (85,6%). Эти последние случаи распределились следующим образом по специальности пострадавших и по причинам, их вызвавшим.

Специальность	Число несчастных случаев	Не по вине рабочего	По вине рабочего
Забойщики	107	101	6
Саночники	27	23	4
Коногоны	16	12	4
Крепильщики	33	23	10
Вагонщики	59	46	13
Стволовые	6	3	3
Плитовые и тормозные	29	18	11
Лампоносы	4	3	1
Бурильщики	8	6	2
Уборщики породы	18	12	6
При машинах	7	5	2
При порохостр. работе . . .	1	—	1
Итого . . .	315	252	63

Согласно этим данным, которые были зарегистрированы и классифицированы самой администрацией рудника, несчастья в подавляющем числе (до 80%) были вызваны причинами, от рабочих независящими. Часть этих случаев явилась последствием недостаточности предохранительных устройств, неблагоприятных условий обстановки (теснота выработок) и несовершенств технического устройства. Львиную же долю происшествий администрация об'ясняла как „неизбежное последствие работ," т.-е. как результат непредвиденных обстоятельств. Но фактически несчастья происходили, главным образом, вследствие отсутствия надзора со стороны специалистов, что вызывалось соображениями экономии. Число штейгеров было столь незначительно (например, на Павловском руднике при 18 шахтах имелось всего 4 штейгера), что рабочие, в большей своей части мало квалифицированные и к тому же лишенные опыта, оставались предоставленными самим себе. Что касается рубрики несчастных случаев „по вине рабочего," то здесь собственная неосторожность играла лишь незначительную роль: чаще всего рабочие являлись „без вины виноватыми". Несчастные случаи вызывались преимущественно чрезмерной длительностью рабочего дня и низкой заработной платой. Несчастные случаи приходились на вторую половину рабочего дня, когда рабочий был более уставшим. Низкая же заработная плата тем влияла на рост несчастных случаев, что принуждала рабочего кочевать то с одного рудника на другой, то с рудника на сельскую работу и обратно, таким образом он не успевал привыкнуть к обстановке работы на данном руднике. Вот почему из указанных 315 несчастных случаев 222 приходится на группу рабочих, пробывших на руднике не более $^1/_2$ года; на рабочих со стажем от $^1/_2$ до 1 года приходилось всего 50 случаев, а на прочих, пробывших на руднике более года,—только 43 случая [1].

[1] *Л. Либерман.* Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне („Вестник фабричн. законодат.", 1905 г., кн. 1).

Из сказанного нельзя сделать иного заключения, как то, что самые разнообразные стороны рабочей жизни требовали серьезных улучшений, но горнопромышленники в лице двадцать пятого с'езда, как уже было сказано выше, предоставили этот вопрос на волю судьбы, уклонившись от каких бы то ни было практических постановлений. Однако, с целью превратить рабочих в более послушное орудие, с'езд возбудил ходатайство об издании закона, в силу которого рабочий, получивший расчет, обязан был покинуть помещение — семейный в течение одной недели, а холостой в течение двух дней под угрозой выдворения мерами полиции. Так как на рудниках не имелось каких-либо других помещений, то этот краткий срок мог послужить чувствительным средством во время волнений среди рабочих.

Далее с'езд с грустью констатировал, что на практике трудно применить к рабочим предусмотренный законом арест (не свыше месяца) за оставленние работы до срока, так как не всегда можно знать местожительство ушедшего рабочего. Поэтому, подчеркивая, что применение этого закона может оказывать „благотворное влияние на уменьшение своеволия и безнаказанности нарушений рабочими договоров", с'езд постановил рекомендовать горнопромышленникам при всякой возможности прибегать к указанной мере воздействия. Вместе с тем с'езд возбудил просьбу о том, чтобы право привлечения рабочих к уголовной ответственности за самовольный отказ от работы до срока, предоставленное только фабричной инспекции, было распространено также и на горную инспекцию, чтобы подобные дела разбирались судьями или земскими начальниками вне очереди, так как лишь при этих условиях „можно ожидать хороших результатов" [1]). Такими средствами на пороге двадцатого века горнопромышленники пытались урегулировать отношения между собою и рабочими, игнорируя жизненные интересы последних.

Рабочие же, со своей стороны, не знали иного средства в борьбе с промышленниками, как забастовка. Отличительной чертой большинства таких выступлений следует считать „почти полное отсутствие организованности и подготовленности к длительной и стойкой борьбе". Организованной связи и взаимной поддержки между рабочими соседних рудников не было. Естественно, что в условиях партизанской борьбы рабочие чаще всего терпели поражения. „И невольно выходило так, что, как только вспыхивало движение в той или иной части района, появлялись войска, казаки, жандармы и полиция, движение громили, наиболее сознательную часть рабочих арестовывали и изолировали, и временно все снова замирало. Тогда обозленные предприниматели начинали наступление, отнимая частичные завоевания, которых удалось добиться шахтеру в том или другом районе, и энергичнее и напряженнее выжимали из рабочего все, что выжать было возможно" [2]).

---

[1]) Труды XXV с'езда горнопромышленников юга России (ноябрь 1900 г.), т. (Харьков, 1901 г.). Отчет председателя: стр. 54 — 60; протоколы: стр. 87 — 91; XV доклад комиссии; свод постановлений, стр. 19.

[2]) *Л. Либерман*, назв. сочинение, стр. 69 — 70.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА КАВКАЗЕ

Горное дело. — Бурение и рост добычи. — Расширение эксплоатируемой нефтяной площади. — Колебания в размере производства. — Рабочая сила. — Жилищно-санитарная обстановка. — Рабочий день. — Заработная плата. — Несчастные случаи. — Состав нефтерабочих накануне XX века.

Из-за соседства воинственных горских племен, а также за отсутствием удобных путей сообщения, горное дело на Кавказе вплоть до семидесятых годов не развивалось. Алагирский свинцово-серебряный завод и рудники действовали под защитой пушек — завод представлял собою крепость. Остальные же горнозаводские предприятия в местах, безопасных от нападения горцев, ограничивались малым производством. В Елизаветпольской и Тифлисской губерниях многие мелкие заводы вырабатывали каждый от 25 до 300 пудов меди ежегодно. Незначительная разработка угля производилась в Кубанской области. Немного нефти добывалось в Бакинской и Тифлисской губерниях. Позже, с проведением железной дороги, благодаря притоку капиталов, выплавка меди увеличилась, а в середине восьмидесятых годов началась разработка также марганцовых руд.

Но то исключительное значение, которое Кавказ вскоре приобрел в горном деле, было вызвано мощным развитием нефтяной промышленности. И именно в нефтяной промышленности — на промыслах и нефтеперегонных заводах — сосредоточилась главная часть кавказских горнорабочих, как это видно из нижеприведенных округленных цифр, относящихся к 1900 году [1]):

Бакинский (Апшеронский) нефтяной район . . .	26.200
Терские нефтяные промыслы (Грозный)	2.500
Марганцовые копи	3.600
Медные рудники и заводы	2.400
Прочие горные промыслы	2.800
Всего . . .	37.500

[1]) Исторический очерк развития горного дела на Кавказе (1901 г.).

Первоначально нефтяное дело принадлежало казне. Но ни при эксплоатации нефтеносных земель самой казной, ни при передаче их в краткосрочное откупное содержание нефтяная промышленность не прогрессировала [1]). Поэтому правительство стало с 1872 года уступать участки нефтеносной земли частным лицам за определенную единовременную сумму и ежегодные подесятинные сборы. Новые нефтепромышленники в некоторых случаях вложили в дело большие средства. Например, Мирзоев за 40 десятин в Балаханах уплатил 1.220.000 рублей, а Козырев и Губонин — за 60 десятин 1.323.000 рублей. Они поспешили применить более усовершенствованный американский способ добычи, заключавшийся в бурении. После этого ручные колодцы стали заменяться буровыми также и на менее крупных предприятиях. Благодаря такому усовершенствованию добыча быстро возросла:

Годы	Млн. пуд.	Бур. скважин	Годы	Млн. пуд.	Бур. скважин
1870	1.482	—	1874	4.702	40
1871	1.165	—	1875	5.353	65
1872	1.395	—	1876	9.756	101
1873	3.903	17			

Возрастание добычи нефти оказалось первоначально чрезмерным в сравнении с потребностью в ней. Это привело к кризису. У промышленников нехватило средств, чтобы выдержать у себя на складах избыток товара. Ввиду изобилия продукта цена на нефть понизилась — с 45 коп. за пуд до 2 коп. Конечно, это расстроило баланс промышленников. Но с течением времени положение изменилось.

Оборудование перегонных заводов требовало значительных затрат, благодаря чему имевшиеся керосиновые заводы не смогли добывавшуюся нефть переработать в таком количестве, чтобы удовлетворить постепенно возросший спрос на керосин. Вследствие этого на русском рынке получил широкое распространение американский керосин. И вот, чтобы охранить русское производство от иностранной конкуренции, был отменен (1877 г.) акциз с керосина. Этот акциз был особенно тягостен для технически слабых предприятий, так как он взимался не с количества полученного продукта, а с емкости перегонных кубов. Одновременно была повышена пошлина на ввозной керосин. Эти меры настолько способствовали росту бакинских заводов, что наступил момент, когда предложение керосина вновь превысило спрос на русском рынке, и продажная цена керосина на месте производства стала падать: с 60—80 коп. за пуд до 20—30 коп., а затем до 7 коп. Так как при подобной цене русский ке-

[1]) См. том I настоящей книги, стр. 269—70.

росин мог не опасаться зарубежной конкуренции, то промышленники начали выпускать недоброкачественный продукт. Однако, в скором времени, с притоком крупных капиталов, а вместе с ними и технических знаний, керосин у некоторых фирм настолько поднялся в своем качестве, что мог появиться на заграничном рынке, что, конечно, должно было способствовать увеличению добычи нефти.

Своим успехом нефтяная промышленность во многом была обязана братьям Нобель (иностранцам), которые внесли в дело много организационных усовершенствований. Они, например, отказались от первобытной перевозки керосина на арбах, устроив нефтепроводы от промысла к заводу, каковое нововведение было сейчас же перенято другими промышленниками. Они устроили наливные суда и вагоны-цистерны. Благодаря улучшенным приемам обработки нефти их керосин по качеству мог вступить в соперничество с американским.

О росте нефтяной добычи в восьмидесятых годах, когда эта промышленность получила лихорадочный характер, говорят нижеприводимые цифры. Они относятся ко всему Кавказу, но за вычетом нескольких процентов вся добыча приходилась на Бакинское (Апшеронское) производство [1]).

Годы	млн. пудов	Годы	млн. пудов
1881	40	1886	120
1882	50	1887	166
1883	60	1888	194
1884	90	1889	202
1885	116	1890	242

В 1879 году насчитывалось уже 126 отдельных фирм и предпринимателей, располагавших следующим количеством нефтеносной земли в десятинах;

Нефтеносные площади	Казенные земли	Частновлад. земли
Балаханская	149	—
Сураханская	10	—
Биби-Эйбатская	20	—
Бинагадинская	80	—
Сабунчинская	—	152
Всего . . .	259	152

С прекращением в 1884 году отвода частным лицам казенной земли, промысловая площадь на Апшеронском полуострове стала расширяться за счет надельных земель государственных крестьян. Сельские общества и отдельные крестьяне сдавали свои земли в аренду промышленникам для добычи нефти на 24 года и 49 лет. Этим путем обогащались или

[1]) Исторический очерк развития горного дела на Кавказе. — Ср. Обзор нефтяной промышленности за два года 1920—22 (1922 г.).—Тридцать лет деятельности т-ва Нобель, 1879—1909 гг. — Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1890 г. (издание с'езда нефтепромышленников) — здесь цифры несколько меньше.

нефтепромышленники или владельцы земли. Поэтому правительство в казенных интересах отобрало такие крестьянские земли (за исключением усадебных участков). В одиннадцати селениях к казне перешли 5.325 десятин, взамен чего крестьянам дали другие земли и некоторые льготы.

К тому времени сказалась потребность в усиленном отводе новых земель для эксплоатации, вследствие чего всем желающим разрешили заняться добычей нефти по простым заявкам на тех участках, которые были об'явлены „открытыми для поисков". Что касается заведомо нефтеносных земель, то их сдавали с торгов. Таким путем с 1896 по 1900 г. в распоряжение промышленников поступили:

Годы:	1896	1898	1899	1900
Участки	21	17	23	24
Десятины	70,5	78,6	113	109

Фонд эксплоатируемых нефтеносных земель увеличился и благодаря тому, что некоторые высшие чины администрации получили их в дар от правительства (144 десятин).

Уже одно расширение территории разрабатываемых нефтеносных земель должно было повлечь за собою дальнейший рост добычи. Но к этому присоединилось и капиталистическое развитие промышленности. При участии иностранцев крупный капитал стал производить разработку нефтеносных земель более усовершенствованными приемами, с большей интенсивностью и организованностью. Так, из 88 фирм, добывших в 1894 году около 300 миллионов пудов нефти, 7 крупных фирм выработали почти половину этого количества: Каспийское товарищество, Манташев и Нобель по 24—25 миллионов, Каспийско-Черноморское общество, Тагиев, Бакинское общество и Арафелов по 18—15 миллионов [1]).

Однако, если масса добываемой нефти увеличивалась из года в год, то это не значит, чтобы все нефтяные площади, а тем более все промыслы, давали беспрерывно возрастающее количество нефти. Нет, в количестве получаемой нефти происходили постоянные колебания. Главной причиной подобной неустойчивости являлось неожиданно наступавшее уменьшение и даже прекращение действия тех или иных фонтанов, а также неравномерность в богатстве буровых скважин. В виде иллюстрации приведем данные о соотношении между тартанием и фонтанной добычей— в миллионах пудов — на Апшеронском полуострове.

Годы	Тартание	Фонтаны
1891	235	39
1892	210	65
1893	215	109

Из нижеприводимой таблицы [2]) мы, например, увидим, что если в 1891—1900 годах новая Романинская площадь, заявившая о себе обиль-

[1]) Обзор бакинской нефтепромышленности за 1894 г.

[2]) Здесь указывается „полезная добыча", т.-е. то количество нефти, которое предназначалось для рынка. Часть нефти пропадала при ее добывании, часть потреблялась промыслами для своих топливных нужд.

Добыча [1]) на Апшеронском полуострове (в округленных цифрах)

Годы	Миллионы пудов				Годы	Миллионы пудов			
	Балахано-Сабунчин.	Биби-Эйбатская	Романинская	Всего		Балахано-Сабунчин.	Биби-Эйбатская	Романинская	Всего
1891	238	24	13	275	1896	238	70	78	386
1892	212	33	41	286	1897	265	63	97	425
1893	204	49	73	326	1898	291	97	101	489
1894	202	33	61	296	1899	341	81	99	521
1895	218	47	111	376	1900	376	110	115	601

ными фонтанами, все увеличивала свою производительность, то Балахано-Сабунчинская площадь в этот период переживала упадочное состояние. Регресс в производстве Балахано-Сабунчинской площади об'ясняется тем, что общая добыча, продолжая к девяностым годам увеличиваться, достигла, наконец, цифры, превысившей потребительскую емкость: в 1889 г. 192 млн. пудов, в 1890 г. — 226 млн. п., в 1891 г. — 275 млн. п.

Своим успехом промышленность была обязана развитию буровой системы. Эта система, вообще, служила залогом более равномерного извлечения нефти, но в 1890—91 годах она приняла характер горячечной спешки. Нефть настолько обесценилась, что промышленники оказались в необходимости сократить закладывание новых скважин. А тут подоспела холера, в известной мере парализовавшая в 1892 году промысловую работу. И в результате добыча на Балахано-Сабунчинской площади в указанное десятилетие значительно сократилась. Вообще о лихорадочном состоянии нефтяной промышленности в те годы говорит кривая средних цен в копейках на пуд сырой нефти на промыслах: в 1891 г. — 2,7; в 1892 г. — 1,1; в 1893 г. — 1,4; в 1894 г. — 3,1. В дальнейшие годы цена непрерывно возрастала и в 1900 году она достигла 15,7, но уже в следующем году упала до 8,11.

Отметим, что девяностые годы обогатились новым многообещающим источником — в Грозном (Терской области). Рост производительности виден из нижеследующей таблицы, в которой добыча на Апшеронском полуострове и в Грозном — в миллионах пудов — сопоставлена с числом рабочих [2]). И на Грозненских промыслах в росте производства происхо-

---

[1]) Ср. Отчеты горного департамента и обзоры бакинской нефтяной промышленности.

[2]) По отчетам горного департамента. Добыча нефти в Кубанской области и Тифлисской губернии не достигла сколько-нибудь значительных размеров, а потому об этих местностях здесь не говорится.

дили, как мы видим, провалы. Уменьшение добычи в 1896 году об'ясняется прекращением одного грандиозного фонтана, который в 1895 году дал до 20 млн. пудов. В 1897 году промышленники надеялись добыть в Грозном до 120 млн. пудов и произвели соответствующие затраты, а получено было всего 18 млн. пудов. Эта неудача была вызвана, с одной стороны, незнанием геологического характера местной промысловой площади, а с другой — нерациональной эксплоатацией промыслов, вследствие чего скважины давали много воды, которая вместе с нефтью шла в амбары.

Годы	Апшеронский полуостров		Грозный	
	Добыча млн. пуд.	Рабочие	Добыча млн. пуд.	Рабочие
1893	324	6.688	8	77
1894	297	6.265	5	144
1895	377	6.278	29	809
1896	386	12.300	23	646
1897	421	12.295	18	755
1898	489	19.026	18	967
1899	521	23.624	25	1.795
1900	603	24 776	31	2.786

Перебои в добыче нефтяных продуктов вызывались не только условиями самого производства. Большую роль играли препятствия в правильном вывозе продуктов с промыслов по железной дороге. Течение промысловой работы прерывалось порою и грандиозными пожарами, уничтожавшими сооружения на ряде промыслов. Описанные обстоятельства сказывались, конечно, и на положении рабочих.

Установить с точностью рост рабочих кадров в нефтяной промышленности на Апшеронском полуострове вряд ли возможно. Имеющиеся данные не отличаются ни достоверностью, ни систематичностью, различные источники сообщают различные цифры. Это об'ясняется не только плохой организацией учета рабочих рук, но также характером производства, равным образом, — и характером самих рабочих масс, занятых в нефтяной промышленности. Вследствие упомянутых выше кризисов и перебоев в работе, на целых промысловых площадях, а тем более на отдельных промыслах, потребность в рабочей силе менялась от случая к случаю. В соответствии с этим рабочая масса то прибывала, то уносилась прочь. И ежечасно менявшаяся численность рабочих не могла быть точно фиксирована. Те данные, которые сообщались горному ведомству промышленниками, относились лишь к тому или иному моменту,

не суммируя действительного числа рабочих, прошедших в течение года чрез данное предприятие. В частности, учет рабочих, непосредственно занятых добычей нефти, осложняется тем, что в статистических материалах промысловые рабочие нередко об'единялись с рабочими нефтеперегонных (керосиновых) заводов, а также с промысловыми и заводскими служащими.

Рабочая масса была представлена пришлыми элементами — татарами, персами, русскими и др. Часть их постепенно превратилась в постоянную рабочую силу, но было много и временных рабочих. Только на Балаханской площади главными мастеровыми и работниками при рытье колодцев являлись в свое время одни только местные поселяне, которых во времена крепостного права приписали к Балаханскому нефтяному промыслу. Это они указывали откупщикам нефтеносные места, и их именами были обозначены почти все колодцы [1]).

Численность рабочих не находилась в пропорциональном соотношении с количеством пудов добытой нефти. Например, в 1882—83 гг. на Сабунчинской и Сураханской площадях около 3.000—3.200 рабочих добывали максимум 50—60 миллионов пудов в год [2]), т.-е. до 20 тысяч пудов каждый, а в 1893 г. (как это видно из приведенных в предыдущей таблице данных) каждый рабочий в общем вырабатывал до 50 тысяч. В 1894 году выработка рабочего поднялась до 60 тысяч пудов. В дальнейшем число рабочих увеличивается в большей степени, чем добыча, и в 1899 г. производительность рабочего падает до 20 тысяч пудов. В этих колебаниях играли роль технические усовершенствования, паровые приспособления, большая или меньшая деятельность фонтанов и др.

Переходя к описанию условий рабочего быта, надо ранее всего принять во внимание, что местность нефтяных богатств самой природой поставлена в крайне неблагоприятные условия. Почва на всем Апшеронском полуострове солончаковая и песчаная, растительностью весьма скудная. Только около селений встречались (в конце девяностых годов) с большим трудом выращенные фруктовые деревья, баштаны и пшеничные посевы. Вообще, это местность — бездождья и тропического зноя. Ветры, слишком сильные, чтобы дать освежение, приносят с собою пыль и песок. Отсутствие зелени и пресной воды делали местность похожей на пустыню [3]). Такая обстановка требовала исключительных мер к благоустройству жизни множества людей, скопившихся здесь из-за нефтяных богатств. В действительности же первобытные условия долгое время оставались нетронутыми. Достаточно сказать, что на некоторых промыслах воды едва хватало на приготовление пищи; рабочие, трудившиеся среди грязи, были лишены возможности мыться. Даже в 1893 году горный департамент, обозревая промысловую жизнь на Апшеронском по-

---

[1]) *Рагозин.* Нефть и нефтяная промышленность (СПБ, 1884 г.).

[2]) Труды первого с'езда нефтепромышленников в 1884 г. (доклад *Б. Башкирова*).

[3]) *Л. Бертенсон.* Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарном отношении (1897 г.).

луострове, отмечал, что, хотя в положении рабочих, в сопоставлении с прежним, заметно некоторое улучшение, все же „остается желать очень многого, чтобы считать его удовлетворительным".

В девяностых годах положение рабочих несколько улучшилось в сравнении с тем, что было даже в восьмидесятых годах, а тем более — ранее, но в основном все осталось попрежнему. Промышленники в большинстве случаев совершенно игнорировали элементарные потребности рабочих. Безудержной эксплоатации рабочей силы весьма способствовал первоначальный состав рабочих кадров на промыслах. В свое время в численном отношении играли видную роль совершенно беззащитные персы и армяне, гонимые нищетою.

„С наступлением весны — говорит очевидец в начале восьмидесятых годов — большие партии, человек в 40—50, с изнуренными и с истощенными лицами, из которых многие босые, без шапок, с всклоченными волосами, оборванные до последней возможности и едва прикрывающие разноцветным тряпьем свое черное и загорелое тело, медленно пробираются через русско-персидскую границу, направляясь из Персии в Закавказский край". Пройдя сотни верст по первобытным дорогам, перенеся множество невзгод, они приходят в Закавказский край как в обетованную землю, где надеются скопить много денег, чтобы вернуться с ними домой и здесь провести безбедно зиму. Они не имеют представления о нефтяном промысле, да от них и не ожидают никаких знаний: „они нужны только как физическая сила, как машина, не требующая за собою ухода и производящая при наименьших затратах наибольшую полезную работу". Как на керосиновых заводах, так и на нефтяных промыслах эти пришельцы не имели определенного времени для отдыха, не имели сносного жилья и получали ничтожный заработок. Кроме немногих крупных фирм, ни на одном промысле нельзя было встретить сколько-нибудь пригодного жилища для рабочих и какой-либо заботливости о них. Обыкновенно рабочие „живут под навесом над скважиной, называемым вышкой; здесь они спят, здесь готовят пищу, пекут хлеб, здесь же едят и отдыхают". В большинстве случаев этот азиатский рабочий являлся безответным рабом, его употребляли как животную силу, и он работал как животное, не внося в работу никакой самостоятельности. Думая только о том, чтобы прокормить свою семью, оставшуюся на родине, он работал весь год без отдыха: „поэтому в Баку можно вести работу круглый год, не разбирая дня и ночи, будни и праздника" [1]).

С течением времени, с ростом технических усовершенствований и с развитием паровой силы, на промыслах стали нужны рабочие с той или другой квалификацией. Они появились, и стали вытеснять зарубежных гостей. Все же последние не ушли с промыслов, и их готовность работать без отдыха за самую низкую плату накладывала долгое время свою печать на всю обстановку промысловой работы.

---

[1]) *Ст. Гулишамбаров.* Положение рабочих на Бакинских нефтяных промыслах. („Кавказ", 1883 г., № 67).

Остановимся на некоторых деталях рабочего быта. Подчеркнем, что даже в 1897 г., когда нефтяная промышленность достигла громадного развития, только на двух предприятиях имелись промысловые бани. Пользоваться же общественными банями, грязными и тесными, могла лишь незначительная часть рабочего населения. О медицинской помощи на первом с'езде нефтепромышленников в 1884 г. было заявлено, что только некоторые крупные фирмы оказывают ее в организованной форме: на промыслах Нобеля, Каспийского общества и Бенкендорфа имелись постоянные фельдшеры и приезжающий врач. На прочих же предприятиях рабочие на месте работы не находили никакой медицинской помощи. Хотя в 1894 г. был установлен особый попудный сбор, предназначенный в частности и на медико-санитарные улучшения, вопрос об упорядочении этой стороны рабочего быта еще долго спустя не сходил с очереди [1]).

Первоначально жилищем в лучшем случае служили землянки. Под влиянием холеры в 1892 году и ряда протоколов санитарных комиссий они сильно поредели к 1893 г. Однако, общие жилищные условия от этого не улучшились. Возникшие казармы мало удовлетворяли своему назначению. Вентиляции никакой, свету мало; помещение было заполнено нарами, на которых рабочие спали вповалку. К тому же некоторые фирмы строили казармы лишь для одной половины рабочих, т.-е. для одной из двух смен, которые, таким, образом, чередовались не только на работе, но и на нарах. В лучшей жилищной обстановке находились мусульмане, устраивавшиеся у своих единоверцев в соседних селениях.

По данным 1896 года из 2.040 рабочих, задолженных на Балаханской площади, 417 были лишены пристанища, при чем все почти они работали на одном предприятии, которое вовсе не имело помещений для рабочих. Кубическое содержание воздуха в семейных домах на Балаханских промыслах часто было ниже установленного наукой минимума; только на крупнейших промыслах помещения бывали более удовлетворительны.

На Сабунчинской площади из 2.824 задолженных рабочих на самих промыслах жили 1.994. Здесь встречались помещения со столь ничтожным содержанием воздуха, что наблюдатели поражались, как люди выживали в подобных условиях. Так как на мелких промыслах помещений вовсе не было, то рабочие жили в наемных углах и в соседних имениях. Только на более крупных предприятиях жилищная обстановка была удовлетворительна. Впрочем, и здесь не все рабочие пользовались помещением от хозяина, и даже в числе постоянных рабочих имелись приходящие.

В пределах Романинской площади из 1.163 человек на промыслах жили 723. И здесь количество воздуха не достигало минимальной нормы, и не на всех промыслах имелись жилища.

---

[1]) Ср. „Нефтяное дело", 1900 г., № 17, статья *Г. Старцева* о постановке врачебного дела на промыслах. Там же в №№ 6 и 20 статьи об упорядочении врачебной помощи у фирм, не платящих попудного сбора (напр., подрядные работы).— *В. Святловский.* Нефтяное производство в санитарном отношении (1893 г.).

На Биби-Эйбате (всего 673 рабочих) условия ничем не отличались от обстановки других площадей. Тесные и совершенно недостаточные помещения очень редко сменялись более благоустроенными на крупных промыслах.

Тяжелые жилищные условия вызывались не только хищническим характером производства. В некоторой мере влияла также топографическая обстановка. Вследствие общей тесноты на промыслах и противопожарных требований трудно было на имевшейся у нефтепромышленников земле поставить нужное число жилищ. Поэтому был поднят (1896 г.) вопрос об устройстве особых рабочих поселков на земле, отведенной казною. Когда в 1898 г. численность рабочих сильно возросла, и жилищный вопрос до крайности обострился, промышленники, чтобы не покупать земли для устройства жилищ, предоставили рабочим самим заботиться о приискании угла; с своей стороны они ограничились тем, что дали рабочим небольшие квартирные приплаты. Вследствие этого рабочим приходилось устраиваться в „номерах", сдаваемых частными лицами. В этих, по выражению горного департамента, „скверных подобиях жилищ" брали так дорого, что рабочие целыми артелями водворялись в одном номере, чтобы на долю каждого выпадало не более $1^1/_2$—2 рублей в месяц. На с'езде нефтепромышленников (1899 г.) видный нефтепромышленник Бенкендорф, сам принимавший меры для улучшения быта рабочих на своих промыслах, указал на то, что квартиры рабочих „представляют ту отвратительную картину, которую без содрогания нельзя вынести при проезде через с. Сабунчи". Однако, вплоть до революции 1917 г. жилища не были улучшены в сколько-нибудь ощутительной форме [1]).

Промысловые рабочие дурно питались. Устроенные на благотворительные средства (1893 г.) дешевая столовая и чайная скоро закрылись, так как нефтепромышленники не поддержали их. За единичными исключениями на промыслах не существовало каких-либо разумных развлечений. Только у Нобеля были введены воскресные чтения с туманными картинами. Не было места, где бы рабочие могли хранить свои сбережения [2]). Все это, при отсутствии мало-мальски сносного жилища, приводило к тому, что немногие свободные часы рабочий проводил в кабаках (духанах), которые, по выражению горного департамента, „немилосердно" обирали рабочих.

Согласно литературным источникам и заявлениям местных старожилов, в шестидесятых и в начале семидесятых годов на промыслах при тартании нефти преобладала работа (частью ручная, частью конная) в одну 12-часовую смену с часовым перерывом на обед, а позже та же работа производилась двумя 12-часовыми сменами.

---

[1]) *А. Попов.* К истории бакинского рабочего движения („Вестник труда", 1924 г., кн. 1-я).

[2]) На промыслах Бенкендорфа владелец уплачивал рабочим по сданным в контору сбережениям 6% годовых, и в 1897 г. взносы достигли 36.000 руб.

В дальнейшем увидим, что с ростом нефтяной промышленности и с усложнением ее технической организации рабочее время, за отдельными исключениями, не только не укорачивается, но даже удлиняется. Имеется указание, что в начале девяностых годов появляются четыре вахты по 6 часов каждая — при двух комплектах рабочих, из коих каждая, следовательно, работала по 12 часов в сутки. На ряду с этим в то время можно было встретить кое-где у крупных промышленников трехкомплектную работу с восьмичасовым рабочим днем [1]). Сами промышленники говорили, что в бурении и добыче нефти рабочие заняты двумя сменами по 12 часов, из коих два часа свободны для отдыха и приема пищи [2]). Но нельзя сомневаться, что не только 8-часовой рабочий день, но и 12-часовой были введены только на самом ограниченном числе крупнейших предприятий. В отчете горного департамента за 1894 год отмечается, что промышленники, стремясь сократить расходы, доводят штаты до „ненормального ограниченного числа, заставляя работать с крайним напряжением", и потому число часов работы доходит до 18 в сутки. А в отчете за 1897 год констатируется ухудшение условий труда. Вследствие того, что работа по бурению и эксплоатации скважин усилилась и стала более напряженной, промышленники удлинили рабочее время. Правда, вместе с тем была повышена заработная плата. Но так как из-за наплыва рабочих поднялись цены на квартиры и продукты питания, то увеличение заработной платы „почти полностью поглотилось" вздорожанием жизни.

Тягость непомерного рабочего дня усугублялась тем, что на промыслах не соблюдались воскресные и праздичные дни отдыха. Хотя самый характер промысловых работ отчасти не позволял прерывать их, все же этот порядок был установлен промышленниками, главным образом, в целях сокращения расходов. Работы останавливались для магометан только в дни их больших праздников, а для христиан — на Пасху и Рождество [3]). Таким образом, промысловый рабочий был совершенно лишен отдыха. Вследствие этого он не мог быть усидчивым: проработав напряженно при неблагоприятных условиях лето, год, два — сколько позволяли быстро иссякавшие силы, он спешил на родину, чтобы их восстановить. В связи с чрезвычайно продолжительным рабочим днем среди тартальщиков был распространен профессиональный недуг (слабость и нервное истощение), вызывавшийся беспрерывной однообразной работой. Поэтому значительная часть рабочего времени не только не являлась производительной, но была даже вредна, так как от усталости тартальщики портили механизмы.

Размер вознаграждения по отдельным высшим профессиям превосходил заработную плату на различных производствах других промышленных районов. Но это было превосходство только кажущееся, как мы

---

[1]) *А. Степани.* Бакинский нефтепромышленный рабочий (1924 г.), стр. 99.

[2]) Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1893 г. (То же в обзоре. за 1894 г.).

[3]) Отчет горного департамента за 1894 г.

увидим ниже. По сообщению самих промышленников в 1894 году на бакинских промыслах средний заработок по отдельным профессиям был представлен в следующих цифрах [1]).

Профессии	Число рабочих	Годовое жалование (в руб.)	Дневной заработок (360 рабочих дней в году) (в коп.)
Ключники	167	202	56
Тартальщики	865	229	63,5
Ведерщики	118	168	46,6
Рабочие при бурении	807	210	58,3
Постоянные чернорабочие . . .	698	209	58,3

Временные рабочие получали поденно от 40 коп. до 1 рубля в зависимости от сезона,— весною и летом плата повышалась ввиду конкуренции полевых работ. Плата находилась также в зависимости от национальности,— русским платили на 10—20 копеек больше, чем татарам.

Работы на промыслах были, конечно, сопряжены с разнообразными опасностями. Судя по далеко неполным сведениям об увечьях за 1887—94 годы, большинство несчастных случаев происходило у технических приспособлений. Число несчастных случаев в ту пору не возрастало в соответствии с расширением производства [2]). Но в дальнейшие годы несчастные случаи учащаются по мере увеличения добычи нефти и количества пробуренных саженей, как об этом говорит нижеприводимая таблица. Из означенного в ней числа пострадавших больше всего при-

Годы	Пробурено саженей	Добыча в млн. пудов	Несчастных случаев	Пострадавших	Умерло
1894	12.859	293,7	22	27	9
1895	20.762	382,5	38	49	14
1896	28.121	384,7	48	57	14
1897	39.481	421,7	91	98	25
1898	54.511	486,9	144	181	49
1899	81.823	520,1	302	311	54
1900	83.140	601,5	402	417	53

[1]) Там же.

[2]) *Л. Бертенсон*, названное сочинение. Здесь не воспроизводятся имеющиеся у него, а также в отчетах горного департамента, цифры о несчастных случаях, так как эти отрывочные неполные данные не соответствуют действительности.

ходилось на буровые работы и наименьше на тартание скважин, что объясняется сложностью буровых работ и их опасностью. Играли роль также неопытность и неосторожность рабочих, в массе отмеченных весьма малым развитием.

Только две-три фирмы страховали своих рабочих на случай утраты трудоспособности или жизни; на прочих совершенно не существовало никаких форм обеспечения рабочих. Лишь у самого порога двадцатого века вопросу об обеспечении пострадавших рабочих был придан срочный характер. И так как для его практического разрешения требовались статистические сведения о заработной плате, о продолжительности службы рабочих и т. д., то приступили (1899 г.) к систематическому обследованию разных сторон рабочего быта на Балахано-Сабунчинских промыслах [1]). Первоначально имелось в виду собрать сведения через посредство нефтепромышленников. Но от многих фирм не получилось ответа, или в ответах не было необходимых сведений. Тогда обратились к переписи и к непосредственному опрсоу самих рабочих. Ввиду разбросанности рабочих по множеству предприятий и малой культурности значительной части рабочей массы, статистики при переписи успели охватить только 18.875 рабочих и служащих, занятых в 117 фирмах. Остались незафиксированными не только рабочие тех промыслов, до которых очередь вообще не дошла, но и часть рабочих обследованных промыслов [2]).

По профессиям на промысловых работах было зафиксировано следующее количество рабочих:

Помощники мастеров	349	Ключники	809
Старшие рабочие . .	16	Ведерщики	367
Тормозовые	850	Чернорабочие	6.083
Тартальщики	2.294		

[1]) „Нефтяное Дело", 1900 г., № 5 „Материалы к статистике несчастных случаев на промыслах Балахано-Сабунчинского района". Доклад *Е. Канцеля* в комиссию по разработке вопроса об обеспечении пострадавших рабочих. —„Нефтяное Дело", 1900 г., №№ 5 и 6. *Г. Старцев*, Рабочие и служащие на нефтяных промыслах и заводах. Доклад в комиссию по разработке вопроса об обеспечении пострадавших рабочих. Балахано-Сабунчинские промыслы.—Ср. *В. Истомин.* К вопросу о безопасном ведении работ на Бакинских нефтяных промыслах. (Труды Бакинского отделения Русск. Техн. О-ва 1895 г., вып. 1—2).—*Д. Никольский.* О несчастных случаях с рабочими на нефтяных промыслах (Общественно-санитарное обозрение, 1897 г., №№ 4 и 5).

[2]) Это обнаружилось позже, когда итоги переписи были сравнены со сведениями, сообщенными нефтепромышленниками. Чтобы показать, насколько сложно было дело переписи, мы сопоставим число рабочих, занесенное статистиками на переписные карточки, с тем числом, которое было указано нефтепромышленниками.

Фирмы	По переписи	Число рабочих по заявлениям промышленников
Нобель	2.091	2.170
Питоев	222	387
Калантаров	44	66
Вартанов	25	26
Нагиев	195	226
Цовьянов	190	298
Мухтаров	410	458

На должностях, связанных с грубой физической силой, персы и татары были представлены в более высоком проценте, чем на работах, требующих известных технических знаний или навыка. Здесь главное место занимали русские. Из 3.463 персов и татар, зарегистрированных на промыслах, в группу чернорабочих входили 2.453 человек, т.-е. около 70%, а из числа рабочих других национальностей в группу чернорабочих вступили 3.630 человек, т.-е. только 48%.

При тяжелых условиях рабочего быта на нефтяных промыслах особенный интерес представляет вопрос о продолжительности пребывания рабочих на промысле. Статистики удостоверили, что, чем работа менее квалифицирована, тем меньше продолжался срок службы. Рабочие грубой силы вообще не являлись постоянным элементом. Из числа чернорабочих только 5,74% служили более пяти лет, а из ведерщиков 0,56%. Главная масса тех и других (до 50%) служила чаще всего не более года. Рабочие беспрерывно менялись, не будучи связаны с промыслом. Тем не менее даже среди них постепенно стали возникать постоянные группы. Впрочем, надо отметить, что ведерщики, прослужившие год, обычно становились буровыми рабочими и тартальщиками, чем в значительной мере об'ясняется малое число ведерщиков в категории рабочих, прослуживших более года. Те же рабочие, которые помимо физической силы должны были обладать известными знаниями, по мере повышения ква-

Профессия	До года	От года до трех лет	От трех до пяти лет	От пяти лет
Ведерщики	60,49	34,08	4,87	0,56
Чернорабочие	55,43	29,78	9,05	5,74
Конюхи	43,40	38,03	7,83	10,74
Молотобойцы	49,12	29,07	10,36	11,45
Кочегары	37,32	26,94	24.21	11,53
Тартальщики	31,75	37,32	15,95	14,98
Котельщики	35,79	32,63	13,69	17,89
Тормозовые	22,00	34,00	24,50	19,50
Плотники	28,62	34,72	13,33	23,33
Желонщики	14,97	26,20	25,67	33,16
Ключники	14,51	24,41	21,53	39,56
Помощн. машиниста	11,11	25,56	14,45	48,88
Помощн. буров. мастера	6,95	16,81	25,22	51,02
Машинисты	8,38	11,18	14,52	65,92
Буровые мастера	6,78	6,25	12,49	74,48

лификации давали все больше число лиц, остававшихся на промысле в течение более продолжительного срока. Это видно из вышеприведенной таблицы (в процентах к общему числу рабочих данной профессии).

В связи с тяжелыми условиями труда вставал также вопрос о возрастном уровне рабочих. Чтобы оттенить возрастной состав буровых рабочих, мы сопоставим его с данными о возрасте рабочих, занятых в мастерских. Из этих цифр видно, что в возрасте до 20 лет промысловые рабочие представлены в меньшей мере, чем рабочие в мастерских,

Возраст	Абсолютное число		В % к общему числу данной группы	
	Буровые рабочие	Рабоч. в мастерск.	Буровые рабочие	Рабоч. в мастерск.
До 15 лет	106	170	1,02	4,58
15—20 „	2.368	963	22,92	26,09
20—30 „	5.771	1.590	55,87	42,90
30—40 „	1.692	689	16,38	18,59
40—50 „	326	240	3,15	6,48
50 и выше	68	50	0,66	1,36
Всего . . .	10.331	3.706	100	100

так как силы подростков недостаточны для буровых работ. В возрасте от 20 до 30 лет буровые численно побеждают рабочих мастерских, потому что годы расцвета сил наиболее пригодны для буровой работы. Число буровых рабочих после 40 лет падает быстрее, чем среди рабочих из мастерских. Понятно, что расслабленный непомерным трудом, изнуренный обстановкой, промысловый рабочий, достигший сорокалетнего возраста, чувствует себя или признается промысловой администрацией уже неспособным вести работу, требующую большого напряжения физических сил и вообще здорового организма.

Для большей рельефности приведем возрастное распределение рабочих по профессиям. Из этих данных ясно видно, что хуже всего жилось промысловым рабочим — тормозовым, ключникам, тартальщикам и помощникам буровых мастеров (в большинстве случаев — тем же ключникам), так как они раньше других оказывались неспособными продолжать старую работу и вынуждались в более раннем возрасте покинуть промысел.

Профессии	Число рабочих в возрасте		Старше 40 лет приходится на сто
	20—40 лет	свыше 40 лет	
Бурение и эксплоатация			
Чернорабочие	4.123	291	7,0
Тормозовые	674	17	2,5
Ключники	724	18	2,4
Тартальщики	1.756	54	3,0
Ведерщики	86	14	16,2 [1]
Помощн. буров. мастеров	328	11	3,3
Мастерские			
Кузнецы	251	82	32,6
Молотобойцы	710	38	5,3
Токари	162	11	6,7
Слесари	470	83	17,4
Котельщики	268	17	6,4
Плотники	267	88	32,9
Желонщики	93	9	9,6

В круг условий, отягчавших жизнь промыслового рабочего, входила, конечно, и низкая заработная плата, данные о которой в 1894 году мы привели выше. Из трех видов заработной платы — месячной, поденной и сдельной — наиболее распространенным являлось месячное вознаграждение. Тартальщики, ведерщики, ключники, помощники буровых мастеров — они почти всегда получали месячное жалованье, и этим об'ясняется стремление многих промышленников возможно больше продлить рабочее время. Среди чернорабочих только 26% получали поденную плату, остальное громадное большинство работало на месячном жаловании. Что касается сдельной платы (отрядной), а также „футовых" вознаграждений, то сведения о них не могли быть собраны. Впрочем, этими видами вознаграждения пользовались лишь немногие фирмы, да и то не впродолжение всего года.

---

[1]) Эта чрезмерная цифра об'ясняется тем, что в ведерщики поступали преимущественно подростки, которые статистиками не были приняты во внимание, вследствие чего ведерщики оказались в соотношении с меньшим числом рабочих, чем это было фактически, раз рядом с ними в действительности работали также подростки.

Заработная плата промысловых рабочих выражалась в следующих цифрах.

Профессии	Поденная в коп.			Месячная в руб.		
	Средняя	Минимум	Максимум	Средняя	Минимум	Максимум
Помощн. буров. мастера	—	—	—	53	28	90
Тормозовые	—	—	—	22	16	28
Тартальщики	—	—	—	20,5	12	40
Ключники	110	80	140	37	18	75
Ведерщики	69	65	75	15	10	21
Старшие рабочие	—	—	—	38	30	50
Чернорабочие	77	30	150	17,6	10	30

С целью проверить правильность этих цифр, сопоставим их с теми данными, которые были получены при обследовании, произведенном в конце 1903 года [1]). Чтобы не переоценить статистических материалов 1903 года, отметим, что только 77% рабочих были обследованы. Значе-

1903 г.	Всего имелось	Обследовано	% обследования
Нефтяных фирм .	170	44 [2])	25
Рабочих	23.215	17.853	77
Добычи нефти .	598 млн.	435 млн.	72,5

ние полученных цифр умалялось еще и тем, что в числе 44 обследованных фирм вошли почти все крупные и довольно большая часть средних по размеру фирм. Из мелких были обследованы лишь немногие, между тем, именно на мелких предприятиях условия труда обычно наименее благоприятны. Поэтому те средние цифры, которые приводятся ниже в отношении 1903 года, рисуют, вероятно, положение в менее мрачных красках, чем было в действительности.

---

[1]). Обследование было вызвано стачечным движением летом 1903 года. Движение кончилось поражением рабочих. Только Нобель обещал некоторые улучшения, но именно у Нобеля положение рабочих было наиболее благоприятным (ср. *И. Бендер.* К стачечному движению на Кавказе. Архив истории труда в России, кн. V). В декабре 1904 г. забастовки возобновились, и когда они завершились уступками со стороны нефтепромышленников, была сделана на основании обследования 1903 г. оценка этих уступок: *Д. Давыдов.* Материальная ценность последних уступок нефтепромышленников рабочим („Нефтяное дело", 1905 г., №№ 3—5).

[2]) На предприятиях этих фирм были: 2.601 тартальщик и 585 ведерщиков.

Средние размеры месячной платы в рублях

Профессии	1899 г.	1903 г.	Профессии	1899 г.	1903 г.
Тартальщики . . .	20,5	19,65	Тормозовые	22,00	21,20
Ведерщики	15,00	18,05	Рабочие	17,6	17,76
Ключники	37,00	39,52	Чернорабочие . . .		19,56

Работа на промыслах продолжалась почти без всяких перерывов, без праздничного отдыха, что понижало высоту реальной месячной платы. Вместе с тем рабочий день длился не менее 12 часов, чем понижалась высота как месячной, так и поденной платы. Приняв это во внимание, промысловый статистик 1899 г. пришел к заключению, что, по сравнению с московским фабрично-заводским районом, чернорабочие на нефтяных промыслах получали меньшее вознаграждение; в общем рабочий день чернорабочего оплачивался в московском районе 60 коп., а на нефтяных промыслах — 56 коп., ведерщик (при жаловании) получал 50 коп. в день. Продукты же питания на промыслах были дороже, чем в московском районе.

Размер заработной платы отдельных рабочих находился в известном соответствии со степенью грамотности. Всего из числа рабочих и служащих было 23,7% грамотных [1]). Грамотность, конечно, не была пропорционально распределена по профессиям. Среди более квалифицированных рабочих процент грамотных поднимался, как это видно из приводимых ниже примерных данных:

	Абсолютное число	Число грамотных	% грамотных
Токари	266	234	87,96
Машинисты	186	138	74,19
Буровые мастера	195	112	57,43
Желонщики	187	80	52,34
Плотники	263	190	42,78
Помощники буровых мастеров . . .	346	125	36,12
Ключники	803	131	16,31
Чернорабочие	5.960	458	7,68
Тормозовые	837	54	6,45
Ведерщики	367	13	3,54
Тартальщики	2.284	60	2,62

Чтобы определить экономическую ценность грамотности, статистики разбили рабочих на несколько групп и по каждой проследили влияние грамотности на высоту заработной платы. При этом нельзя было упустить из виду продолжительность пребывания рабочего на промысле, так

[1]) По-русски и на зап.-европейских языках.

как и этот фактор в значительной мере отражался на уровне заработной платы. По отношению к чернорабочим (на основании 3.853 карточек) получились следующие цифры.

Срок службы	Число рабочих	% грамотных	Средняя заработная плата	
			поденная в копейках	месячная в рублях
I. до года	1.744	9,75	69,56	17,42
II. 1—3 года	1.388	8,28	70,35	17,49
III. 3—5 лет	419	6,00	73,01	17,74
IV. 5—7 „	133	6,76	71,33	17,95
V. 7—10 „	86	8,14	74,00	17,88
VI. 10 и выше	83	3,16	85,26	18,25

Из приведенных данных видно, что при продолжительности службы размер заработной платы возрастал даже тогда, когда понижалась грамотность. Хотя, например, процент грамотности среди рабочих последней (VI) группы падает до 3,16, плата именно в этой группе достигает наивысшего уровня.

На размер заработной платы влияла и национальность рабочего, конкурируя с ролью грамотности. Русские, как было отмечено, получали более других. Наименьшая плата выпадала на долю персов, а между этими флангами шли от большой платы к меньшей—казанские татары, другие татары, армяне, лезгины; особо была выделена группа „прочие народности“, охватывавшая немногих немцев, поляков и др., которая несколько уступала русским.

Учтя влияние национальности и грамотности рабочих на заработную плату, статистики установили, что, если и не в каждом случае, то в общей массе, грамотность повышала заработную плату.

Чтобы несколько точнее уяснить себе реальное значение заработной платы промысловых рабочих, укажем, что среди 7.000 рабочих имелось 3.209 женатых, которые, помимо жен, содержали около 4.000 неработоспособных сыновей и дочерей. Кроме того, означенные 7.000 рабочих имели на своем иждивении более 4.000 братьев и сестер.

Что касается рабочего дня, то его длительность, как и продолжительность, отдыха сочетались[1]) в различных формах, что видно из нижеприводимой таблицы (на стр. 174). При двенадцатичасовом дне работа протекала или с утра беспрерывно в течение двенадцати часов, или же в два приема по шесть часов. В первом случае, т.-е. при беспрерывной

[1]) Эти данные извлечены из обследования 1903 г., но они применимы и к интересующему нас концу XIX века, так как до забастовки 1904 г. положение рабочих в течение длинного периода не изменялось.

двенадцатичасовой работе, когда рабочие принимали пищу (на месте работы или же дома), их заменяли товарищи из отдыхающей смены.

Труд и отдых по сменам:	Число обследованных: фирм	тартальщ.	ведерщ.
8 час. работы и 16 час. отдыха . . .	6	163	—
6 „ „ „ 12 „ „ . . .	9	1.206	290
4 „ „ „ 8 „ „ . . .	2	34	—
Тремя сменами (без указаний длительности смены)	6	60	—
Двумя сменами каждая в 12 часов . .	4	69	13
Всего обследовано . . .	27	1.532	303

Сказанное относилось, главным образом, к крупным предприятиям. В основу приведенной таблицы легло обследование всего 27 фирм (из 170). Остались в стороне многие мелкие предприятия, на которых продолжительность рабочего дня, вследствие общей системы интенсивной эксплоатации, была более значительной, чем на крупных предприятиях. Однако, если восьмичасовой рабочий день и представлялся редким исключением на нефтяных промыслах, то все же один факт, что были такие промыслы, на которых работа продолжалась всего восемь часов, должен был служить лишним стимулом к тому, чтобы и рабочие других промыслов в дни волнений выставляли требование восьми часов. Естественно, что восьмичасовой рабочий день стал особенно излюбленным лозунгом рабочих бакинских нефтяных промыслов, когда с 1903 года началось забастовочное движение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УРАЛ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Общее состояние горнозаводской промышленности и положение рабочих.— Ввоз железа из-за границы.— Появление иностранного капитала.— Рудничное дело и его связь с заводским.— Условия разработки рудников.— Рабочий день.—Труд женщин и детей.—Экономическое положение рабочих.—Оплата труда.— Земельное обеспечение населения казенных, поссессионных и частных горных предприятий.— Условия труда на рудниках и золотых промыслах.— Законодательная охрана труда детей и женщин.— Законы 1892 и 1897 гг.— Вопрос о „попечительных приказах".— Горнозаводские товарищества.

Когда началась подготовка к крестьянской реформе, создалось опасение, что при новой обстановке горнозаводские предприятия могут остаться без нужной им рабочей силы. Поэтому была сделана попытка искусственно ввести следующий порядок. Одна часть населения, не получив земли, достаточной хотя бы для самого скромного существования, поставлена в необходимость искать средства к жизни на горнозаводских предприятиях. Другой же части населения, излишней для горнозаводских надобностей в качестве постоянной рабочей силы, предстояло кормиться от сельского хозяйства, но не насколько сытно, чтобы совершенно отказаться от временных подсобных горнозаводских работ. Этот план не мог быть проведен достаточно широко при тогдашней кон'юнктуре уральской горнозаводской промышленности. Встречались предприятия, которые после отмены принудительного труда испытали недостаток в рабочих руках и вследствие этого не могли в должной мере развиваться. Но одновременно было немало предприятий, которые будучи по разным обстоятельствам вынуждены сократить и даже прекратить действие, не могли занять всех своих прежних рабочих. Вследствие этого множество рабочих, не обеспеченных землею, живших горнозаводским трудом, лишилось средств к существованию. Меры, которые были предприняты с целью облегчить положение рабочих[1]), оказались совершенно недостаточными.

[1]) См. выше, стр. 61 и 66.

Картина судорог в горнозаводском деле на Урале, которая столь четко вырисовалась в период кризиса [1]), наблюдалась и в дальнейшем. Даже в самом конце девятнадцатого века не установилось соответствия между наличием рабочих в данной местности и потребностью в них на горных предприятиях. В одних случаях заводы располагали рабочей силою в избытке. Не для всех хватало работы, и приходилось делить рабочих на партии, которые поочередно работали по две недели в месяц. На других же заводах недоставало людей, и их призывали с соседних заводов. При этом коренное население неохотно уходило с мест на работу, и для добычи руды почти все заводы принуждены были привлекать пришлых рабочих. В Уфимской и Оренбургской губерниях пришлый элемент состоял преимущественно из башкир, в Пермской же губернии и в других местах контингент вспомогательных рабочих пополнялся зырянами из Вологодской губернии, татарами и русскими крестьянами из земледельческих уездов Пермской, Вятской и Казанской губерний [2]).

При обязательном труде казенные заводы действовали на собственный оборотный капитал и приносили барыш. С уничтожением же крепостного права доходность казенных заводов на несколько лет сменилась убытком [3]). Он, впрочем, происходил не столько от изменившихся условий горнозаводского хозяйства, сколько от нового порядка казенных заказов. Раньше изделия сдавались заводами в казну по их действительной стоимости. Но изменения в военной технике заставили артиллерийское и морское ведомства прибегнуть к заказам за-границей или у частных заводчиков. К казенным заводам они стали обращаться лишь в экстренных случаях и при том на началах конкуренции цен. Конечно, ввиду вздорожания рабочих рук и т. д., производство сделалось невыгодным (или стало казаться таковым). Вследствие этого было предписано (18 октября 1871 г.) отчуждать заводы, становящиеся ненужными для казенных надобностей. На ряду с ними прекратили свои операции и другие казенные заводы и рудники. С 1871 года в течение двадцати лет были проданы Кирсинский и Песковский заводы (Вятской губ.), Богословский горный округ (1875 г.), а также закрытые Николае-Павдинский и Петровский заводы. Вместе с тем были переданы в аренду Березовские и Миасские золотые промыслы, и проданы в частные руки находившиеся в казенном управлении Суксунские и Мосоловские заводы [4]).

---

[1]) См. главу вторую.

[2]) *Е. Рагозин.* Железо и уголь на Урале (1902 г.).

[3]) Убыток по металлическим заводам покрывался доходом от казенных золотых промыслов.

[4]) Отчет горного департамента за 1892 г. Из заводов, намеченных к продаже законом 18 октября 1871 г., остались неотданными Серебрянский железоделательный, Каменский чугуноплавильный, Нижне-Исетский и Артинский железоделательные. Богословские и Вятские были проданы частным лицам дешевле их стоимости. Богословские после небольших затрат на разведки были перепроданы за $5^1/_2$ млн. рублей, а куплены всего за 2.178 тыс. рублей с рассрочкой на 37 лет, и потому министерство получило 28 июня 1882 г. разрешение приостановить продажу и испытать сдачу в аренду.

Оставшиеся в ведении казны заводы продолжали приносить убытки. С этим мирились, так как считалось необходимым, в интересах государственной безопасности, поддерживать казенные заводы, несмотря на более выгодное исполнение заказов частными предприятиями. Убытки об'яснились главным образом географическим положением казенных заводов, удорожавшим перевозку [1]).

К концу шестидесятых годов некоторые из частных горнозаводских имений поступили в опекунское или казенное управление ввиду накопившихся на них значительных казенных долгов. За неимением оборотных средств эти заводы действовали в самых ограниченных размерах, и если их не закрывали, то только потому, чтобы население не потеряло заработка. Между тем, долги казне, вследствие неплатежа прежних ссуд и текущих податей и повинностей, с каждым годом увеличивались. В 1891 году частные заводы должны были государственному банку под залог металла около 8 млн. рублей; кроме того, Богословские заводы имели долг двум государственным учреждениям в сумме около $3^1/_2$ млн. рублей; заводы кн. Белосельских-Белозерских должны были казне почти 3 млн. рублей. Кнауфские заводы (Юго-Кнауфские, Бизярский, Мурашинский, Нижне-Иргинский, Верхне-Иргинский и Саранинский в Пермской губ.) были взяты за долги сохранною казною и, ввиду предположенной продажи, их действие приостановилось (кроме Саранинского, владельческого, прочие были поссессионные). Ревдинские заводы находились с 1890 года в конкурсном управлении, Атигский завод в Сергинско-Уфалейском округе закрылся.

Особеннно неблагополучно было на медноплавильных заводах. С отменой крепостного права вздорожание транспорта оказалось столь значительным, что производство меди стало невыгодным. Оно было прекращено почти всеми частными заводчиками; исключение составляли только более богатые рудники Каргалинской степи. Еще в 1871 году было решено остановить Юговский завод. Но затем пришлось отказаться от этого намерения, чтобы не лишить населения заработка. К тому же тлела надежда найти более богатое месторождение. Однако, такого не нашлось, и в 1891 году действие Юговского завода было прекращено [2]). В течение нескольких лет (до 1881 г.) бездействовали и Богословские рудники. Они были куплены частным лицом у казны (1875 г.), чтобы разрабатывать их вместо истощившихся Турьинских рудников [3]).

Само собою разумеется, что колебанием заводской работы нарушались жизненные интересы рабочих, чаще всего не имевших других источников существования. Например, население Ревдинского завода, как это обнаружилось при обследовании его в 1870 г., жило почти исключительно с заводского действия. Было занято около 1.000 чело-

---

[1]) Архив мин. вн. дел, 6-е делопр. земск. отдела 1889 г., дело № 173; журнал комиссии (1889 г.) по вопросу об убыточности каз. заводов.

[2]) Отчет горного департамента за 1891 г.

[3]) Ср. *А. Ауэрбах.* О развитии горнозав. дела в Богословском горном округе с 1881 по 1888 г. (СПБ. 1888 г.).

век, преимущественно при добыче и доставке Синарской и Макаровской руды и при выжиге угля. Жители Ревдинского завода (2.200 чел.) и Мариинского (800) при введении грамот отказались от надела земли, но они пользовались ею самовольно, не платя оброка. И с этим приходилось мириться за отсутствием достаточного заработка на заводе. Верхние Сергинские и Кочинский заводы также не обеспечивали занятием всего своего рабочего населения, и часть его шла или к рудяным подрядчикам или на соседние заводы [1]). Подобных примеров было немало. В начале восьмидесятых годов три округа с 20 заводами вовсе прекратили действие, и, таким образом, „оказался недостаток в работе в то самое время, когда предоставленные самими себе мастеровые в ней более всего нуждались“ [2]).

Несмотря, однако, на то, что целые заводские районы переживали период упадка, общая производительность Урала не регрессировала. Нижеприводимая таблица свидетельствует о росте производства уральских горных заводов за последние двадцать пять лет девятнадцатого века. Этот рост представлялся слишком ничтожным в сравнении со все возраставшей потребностью в металле, но последняя частично удовлетворялась молодым Донецким бассейном, опередившим Урал [3]), а также Домбровским районом и привозом из-за границы.

Производство уральских заводов в тысячах пудов

(Цифры округлены)

Годы	Казенные заводы		Частные заводы		В с е г о	
	Железо	Сталь	Железо	Сталь	Железо	Сталь
1875	778	236	10.404	104	11.182	340
1880	503	360	10.395	3.269	10.898	3.629
1885	898	220	11.144	1.916	12.042	2.136
1890	1.062	372	13.654	2.344	14.716	2.716
1895	1.392	597	12.643	5.505	14.035	6.102
1900	1.689	416	15.343	10.871	17.032	11.287

Уже в 1857 году правительство отказалось от покровительственной системы нашего чугуно-железного производства. С того времени ввоз заграничного металла играл большую роль [4]), как это видно из ниже приводимых данных (стр. 179). Ввоз зарубежного железа был вызван преиму-

[1]) *И. Котляревский.* Описание частных горнозаводских округов, назначенных к продаже за казенные долги (Горн. журн., 1870 г., кн. V—VIII).

[2]) *В. Белов.* Исторический очерк уральских горн. заводов (1896 г. Издание постоянной совещательной конторы железозаводчиков).

[3]) См. таблицы на стр. 110 (цифры, приведенные там, не совпадают с теми, которые отмечены здесь по Рагозину, но различие по существу незначительно).

[4]) *Белов,* назв. сочинение, стр. 115.

щественно потребностью железных дорог, усиленная постройка которых началась с конца 60-х годов. Они в ту пору поглощали почти исключительно заграничный материал. В 1884 году всех рельсовых путей в стране было 32 тысячи верст, из коих с железными рельсами — 9 тысяч верст, а со стальными — 23 тысячи. Из 23 тысяч верст стальных рельсов 15 тысяч были покрыты рельсами, привезенными из-за границы, а из остальных 8 тысяч верст менее 2 тысяч были покрыты рельсами самостоятельного изготовления, на прочие же пошли рельсы передельного производства, т.-е. хотя и выделанные в России, но из чугуна и стального лома иностранного происхождения. Таким образом, действительно русских стальных рельсов на протяжении этих 8.000 верст оказалось всего около 24% . И это несмотря на то, что за изготовление стальных рельсов из русского материала заводчики получали особую премию [1]).

Привоз из-за границы металла и металлических изделий
(Цифры округлены)

Годы	Чугун, железо и сталь не в деле		Вместе с изделиями на тысячи рублей.
	тысячи пудов	цена в тысяч рублей	
1857	273	745	3.450
1860	1.700	3.000	6.830
1865	3.500	5.000	9.050
1870	21.000	24.000	51.250
1875	23.000	41.000	66.090
1880	31.000	51.000	67.221
1885	18.000	20.000	33.656
1890	16.000	24.000	33.785
1893	19.000	31.000	43.267

Вообще торговля заграничными металлами была так высоко поставлена в смысле удовлетворения нужд потребителя, что русские заводы совершенно не могли конкурировать с агентами, продававшими ввозной металл. Ввиду того, что была установлена низкая пошлина на чугун и высокая пошлина на железо и сталь, в России на границе с Германией возникли передельные заводы, служившие отделениями громадных германских предприятий. Получая дешевый чугун из-за границы (а также кокс и каменный уголь), они выделывали железо на русской территории.

Вследствие описанных и других обстоятельств, уральская продукция не находила достаточного сбыта. На одной Нижегородской ярмарке остались непроданными: в 1883 г. около миллиона пудов, в 1884 г.—более

[1]) *Б. Брандт.* Иностранные капиталы, ч. 2-я (1899 г.), стр. 27.

миллиона, в 1885 г.—1.800 тысяч пудов, а в 1886 г.— около двух миллионов. Кроме того запасы оставались на самих заводах.

Общее мнение было таково, что Урал не выдерживает конкуренции другого железа, главным образом, потому, что приходится пользоваться древесным, а не каменным углем. Правда, некоторые исследователи (ссылаясь, между прочим, на пример Северо-Американских Соединенных Штатов, где и при древесном горючем материале производительность прогрессировала) утверждали, что при известной предприимчивости, а также затрате труда и капиталов, древесное топливо не представляет препятствий к увеличению выплавки. Если южно-русская железная промышленность так быстро опередила уральскую, то известную долю вины за отсталость Урала следует прописать не древесному углю, а рутине, существовавшей на уральских заводах, отсутствию предприимчивости, игнорированию новых технических приемов и усовершенствований [1]). Сыграл известную роль также личный характер уральских заводовладельцев. Уральские заводовладельцы, рекрутируемые преимущественно из знати, не соответствовали, в общем, требованиям деловой подвижности и настойчивости, которыми обладали заводовладельцы новой формации. Однако, следует иметь в виду, что эта пассивность об'яснялась в значительной мере именно той сложностью уральского горнозаводского хозяйства, неведомой другим горным районам, которая вызывалась древесным топливом, и другими обстоятельствами местного характера. Развитие производительности задерживалось чрезвычайным обезлесением Урала, несовпадением местностей, богатых рудою, с местами, имеющими большие запасы леса. Благодаря разобщенности рудников от лесных площадей, например, Демидовские заводы не могли сосредоточивать производство и вынуждены были искусственно создавать центры в местонахождении руд или леса и подвозить сюда из дальних мест материалы.

По словам одного исследователя, у самого порога двадцатого века уральскому горнозаводскому хозяйству были присущи следующие характерные черты: применение в чугуно-плавильном деле исключительно древесного угля; патриархальность приема заготовки металлов, обусловливаемая отсутствием рынка их, и вытекающая отсюда слабая интенсивность развития производства и малый масштаб деятельности отдельных заводов. Далее, леса были размежеваны между казною и старейшими заводчиками, и для новых заводов не находилось топлива. Так как отсутствие удобных путей сообщения препятствовало правильной организации снабжения заводов материалами и топливом из-за дальних расстояний, то приходилось приобретать обширные земельные площади с лесом. А они придавали производству громоздкость, открывали простор для земельных конфликтов с местным населением, влекли за собой крупные поземельные налоги, требовали охраны лесов от пожаров и расхищения и вообще создавали тяготы, неизвестные другим районам. Сверх того, поссессионные заводы были стеснены казенным вмешательством в их хозяйственные дела, а также тем, что поземельное устройство крестьян

[1]) Там же.

с 1861 года еще не было завершено, в связи с чем возникали распри между заводовладельцами и населением [1]). Затрудняло поссессионных владельцев, в частности, и то, что они не могли отчуждать те из заводов, которые, утратив свое прежнее значение, как горнозаводские предприятия, подлежали переходу в разряд лесных или земледельческих имений [2]).

В результате создалось следующее положение. Казенные заводы были в тягость казне, и потому существовало стремление передать их в частные руки. А многие частные заводы впадали в такое состояние, что только казенная ссуда давала им возможность действовать. Но и это не спасало дела, и заводы скоро поступали в казенное управление, которое, в свою очередь, при первом же случае возвращало их назад владельцу с рассрочкой долга. В связи с этим нередко действие заводов поддерживалось хотя бы в наименьших размерах, неминуемо влекших за собою убытки, только бы население не лишилось источников существования. Все это привело к тому, что в 1895 году был остро поставлен вопрос об оказании помощи железной промышленности. Правительство вернулось к покровительственной таможенной политике, что способствовало расширению русского производства. Проложение сибирской железной дороги, давшей громадные заказы русским железным заводам, также значительно содействовало развитию русского железного дела — в частности, на Урале [3]). Так, в 1893 году казенные и частные уральские заводы получили для сибирской дороги заказ на $12^1/_2$ миллионов рублей. В это-то время многие частные заводы почувствовали нужду в рабочих руках [4]).

Быть может, в связи со сказанным, усилился приток иностранных капиталов. Уже проведение по Уралу железной дороги в 1878 году, благодаря которой на рынке появилось минеральное топливо, создало почву для прилива иностранных капиталов. Пионером выступило французское Камское акционерное общество, получившее имение кн. Голицына по рекам Чусовой и Каме (Чусовский завод работал на каменном угле из Кизеловского рудника). Оно же взяло старый Нытвенский завод, который пользовался нефтяными остатками, доставляемыми водным путем. А Урало-Волжское акционерное общество (1895 г.) приобрело Авзяно-Петровские заводы Бенардаки, Волжско-Вишерское (1897 г.)—Кутимский завод, Южно-Уральское общество арендовало заводы Белосельских-Белозерских [5]).

Общие условия уральской горнозаводской промышленности, отражаясь на ходе заводского дела, сказывались и на рудничном. Отсутствие путей сообщения заставляло заводы игнорировать далеко лежащие рудники, пользоваться худшими, но близлежащими. Поэтому, кроме ряда крупных рудоносных центров, весь Урал был испещрен сотнями железных рудников малого размера, разработка которых в хозяйственном

---

1) *Рагозин.*

2) *Белов.*

3) Там же.

4) Архив министр. вн. дел, 6-е делопр. земск. отдела, 1893 г., дело № 20 „По ходатайству рабочих казенного В.-Туринского завода об увеличении производства работ".

5) *Рагозин,* название сочинение. — *Б. Брандт,* названное сочинение, ч. 2.

отношении была менее благоприятна, чем эксплоатация богатых месторождений. С другой стороны, все казенные заводы, а затем Тагильские, Алапаевские, Невьянские, Богословские, Вишерские и все заводы Оренбургской и Уфимской губерний, имея руду в избытке, чаще всего не могли, из-за отсутствия удобных путей сообщения, пускать ее в оборот. Вообще, условия получения руды должны были непосредственно сказываться на хозяйственных расчетах завода. Обстановка рудничной работы была столь разнообразна, а на ряду с этим отдаленность рудникового завода столь различна, что стоимость добычи чрезвычайно резко колебалась по отдельным рудникам.

Тем не менее, неразрывная связь, издавна существовавшая между заводами и рудниками, была за последние десятилетия в ряде случаев ослаблена, а порою даже совершенно порвана, что, конечно, вызывало разрыв между горными и заводскими рабочими.

В первоначальный период горнозаводской промышленности рудничная и заводская деятельность представляли собою в хозяйственном отношении нечто неделимое. Заводы возникали там, где была руда, и горнозаводские крестьяне в общей массе делили свой труд между рудником и заводом. Рудничная работа обычно носила временный характер, часто она не требовала специальных знаний и навыков. Рабочая сила, занятая на рудниках, направлялась в свободное время к заводам, которые так же нуждались в простой мускульной силе. С течением времени, по мере технического усовершенствования и осложнения горнозаводского дела, расширялась потребность в квалифицированных заводских рабочих, благодаря чему кадры заводских мастеровых возрастали, отмежевываясь от прочих рабочих. Только те крестьяне, которые были заняты на заводах одними лишь подсобными работами (рубка дров, жжение угля, перевозка материалов и др.), обслуживали вместе с тем и рудники. С другой стороны, исподволь возникли группы рабочих, занятых одной только рудничной работой, так как рудничное дело иногда превращалось в самостоятельную отрасль промышленности, которая в процессе производства не была связана с дальнейшей выплавкой металла.

Имелись заводы, которые или вовсе не обладали рудниками, или же в незначительном размере. В одних случаях это происходило вследствие истощения рудника или дурного качества руды; в других случаях—из-за обезлесения местности заводы ставились там, где не было руды. Иногда производительность рудника оказывалась недостаточной вследствие чрезмерно быстрого развития завода. В таких обстоятельствах заводам приходилось приобретать руду как сырьевой товар на стороне.

Уже в двадцатых годах восемнадцатого века казенные заводы порою получали руду у частных рудопродавцов или сдавали рудники в аренду частным лицам. В таких условиях рабочие, занятые на рудниках, утрачивали всякую связь с заводскими рабочими. В девятнадцатом веке это явление на некоторых заводах приобрело постоянный характер, чему способствовало устройство железной дороги, облегчившей доставку руды из далеких мест. Например, Суксунские заводы, работавшие в небольшом

размере, были лишены почти собственной руды и покупали ее у крестьян, которые вели кустарную разработку собственных рудников; Кизеловский завод получал руду частью сплавом из собственных рудников, а частью из Синарских рудников за 520 верст по железной дороге. Существовали исключительно богатые рудники, которые предоставляли свою добычу различным заводам. Например, рудник Высокогорский эксплоатировали в его отдельных участках одновременно для надобностей шести заводских округов [1]).

Заводы, не обеспеченные собственными рудниками, были расположены, главным образом, по западному склону Урала: Чермозский, Лысвенский, Строгановские, Ревдинский, Верх-Исетский, Шайтанский, Сергинско-Уфалейский, Кыштымский, а на восточном склоне — Сысертский. Эти заводы частью пользовались покупными рудами, частью подвозимыми из принадлежащих им или арендуемых рудников в других местностях. Кыновский завод пользовался рудниками, отстоявшими от него в расстоянии от $1^1/_2$ до 18 верст, а один рудник был расположен за 87 верст. К Кыштымскому заводу руда доставлялась за 100 верст. На Сысертском заводе руда получалась из рудников, находившихся в расстоянии от 5 до 40 верст, и для добычи руды (как для всех, вообще, вспомогательных работ), кроме местных жителей, привлекались бывшие государственные и заводские крестьяне из поселений в расстоянии от 15 до 55 верст. Ревдинский горнозаводский округ часто пользовался добычей Раскуихинского рудника, расположенного от него в 40 верстах в дачах Полевского и Северского заводов Сысертского округа, а также добычей Высокой горы, находившейся на значительно большем расстоянии, в дачах Нижне-Тагильского завода. Казна торговала рудою из Благодатского и Бакальского рудников. К концу девятнадцатого века в Нижнеисетской казенной даче частные лица стали добывать руду и продавали ее в среднем около 5 миллионов пудов в год, преимущественно Лысвенским и Чермозским заводам. В казенном Гороблагодатском округе (заводы: Кушвинский, Туринский, Баранчинский, Н.-Туринский, Серебрянский) неистощимые запасы заключал рудник Благодать. Малая Благодать была сдана в аренду гр. Строганову (1881 г.) и Уральскому горнозав. товариществу по $^1/_4$ коп. с пуда, с сохранением за казною права пользоваться для себя из свободных участков. Рудники Качканар и Гусевы горы находились в 60—70 верстах от действующих заводов. Не было смысла обрабатывать руду при руднике, так как на месте было мало рабочих рук, и поэтому пришлось поставить домны в другом месте. В Каменской даче Екатеринбургского округа наиболее богатыми рудниками были Синарские, спорные между казною

---

[1]) Он дал до миллиарда пудов магнитного железняка и, несмотря на это, размеры добычи с каждым годом увеличивались. К концу XIX века имелась группа железных рудников, разрабатываемых без видимого истощения в течение стольких же лет, сколько лет насчитывала уральская горнозаводская промышленность. На Магнитной горе, рудоносность которой была открыта в 1740 годах, добыча до конца XIX века бралась с поверхности в количестве 2 млн. пудов в год, и тем не менее профиль горы почти не изменился. Ср. *Рагозин*, названное сочинение.

и башкирской волостью, которая и сдавала их в аренду: заводы Ревдинские, Шайтанские и Сергинско-Уфалейские везли оттуда руду к себе.

Из нижеприводимой таблицы [1]), заключающей в себе данные о росте добычи железа на частных предприятиях за последние годы девятнадцатого века, мы видим, что между годовой добычей руды и количеством выплавленного металла не было взаимной пропорциональности — увеличение добычи не всегда влекло за собою соответствующее развитие выплавки.

Годовая добыча руды и выплавка металла

Годы	Железо				Медь	
	Добыто руды	Выплавлено	Выделано		Добыто руды	Выплавлено
			Железа	Стали		
	Миллионы пудов		В млн. рублей		Тысячи пудов	
1893	56	27	16	4	6.500	173
1894	62	28	15	3,3	5.700	152
1895	64	29	14,5	2,6	4.700	160
1896	69	31,8	15	3,8	6.370	166
1897	81,9	36	16	6,8	4.630	192
1898	75,8	38,5	17	8	5.350	195
1899	85,7	40	20	6,9	3.300	254

О различном соотношении по округам между количеством добытой руды и выделкой товара говорят нижеприводимые цифры, относящиеся к 1891 г. (в тысячах пуд).

Округа	Руды добыто	Получено		
		Чугуна	Железа	Стали
Вятский	6.699	2.390	1.164	1
Пермский	9.585	4.859	3.185	437
Зап.-Екатеринбург.	1.186	4.454	2.679	669
Верхоторский . . .	13.124	4.828	2.159	63
Вост.-Екатеринбург.	8.052	3.525	2.130	—

Естественно, что при этом не могло быть равномерного соотношения между числом рабочих, занятых на горнозаводских предприятиях, и числом рабочих, обслуживающих рудники, как это видно из нижеприведенных данных о числе рабочих на частных горнозаводских предприятиях.

---

[1]) Таблица составлена по отчетам горного департамента за соответствующие годы. Цифры округлены.

Горные округа	Взрослых рабочих на заводах и рудниках	Из них		Вспомогат. рабочие на копях и рудниках
		На рудниках	На копях	
1896 год				
Вятский	21.707	6.367	—	—
Пермский	20.849	1.978	1.880	1.672
Зап.-Екатеринб.	28.424	1.609	—	(а)
Уфимский	36.906	2.908	—	343
Вост.-Екатеринб.	20.290	1.723 (б)	—	—
Оренбургский (в)	—	1.450	—	—
Южно-Оренбургский (в)	—	356	—	—
1897 год				
Вятский	15.280	4.042	—	—
Пермский	22.306	1.913	1.727	1.910
Зап.-Екатеринбургский	27.678	1.885	—	(г)
Уфимский	37.383	5.192	—	(д)
Вост.-Екатеринбургский	20.688	2.437 (е)	—	—
Оренбургский	—	2.015	—	—
Южно-Оренбургский	—	956	—	—
1898 год				
Вятский	16.139	6.101	—	—
Пермский	24.701	2.294	1.985	2.174 (ж)
Зап.-Екатеринбургский	32.272	1.937	—	(з)
Уфимский	36.836	3.861	—	(и)
Вост.-Екатеринбургский	21.060 (к)	2.198 (л)	—	—
Оренбургский	—	280	—	—
Южно-Оренбургский	—	964	—	—
1899 год				
Вятский	15.804	3.368	—	—
Пермский	24.810	1.801	2.265	1.739 (м)
Зап.-Екатеринбургский	33.536	1.998	—	(н)
Уфимский	38.714	4.540	—	(о)
Вост.-Екатеринбургский	23.015	3.257 (п)	—	—
Оренбургский	—	2.559	—	—
Южно-Оренбургский	—	662	—	—

а) Была занята лишь небольшая часть из числа 17.022 вспомогательных рабочих, обслуживавших все предприятие.
б) 1.500 на частных рудниках и 223 на казенной даче Алапаевских заводов.
в) Включая рабочих каменоломень — в 1896 г. и в последующие годы.
г) Часть 16.292 вспомогательных рабочих предприятия.
д) То же — часть 24.640 рабочих.
е) 1.676 на частных рудниках и 761 на казен. даче.
ж) Из них 123 женщины и 4 детей.
з) Часть из числа 20.383 вспомогательных рабочих предприятия.
и) „ 25.722 „ „ „
к) Сюда входят и рабочие казенных рудников.
л) Рабочие рудников, не принадлежащих заводам.
м) В том числе 87 женщин и 11 детей.
н) Часть из числа 20.568 вспомогательных рабочих предприятия.
о) „ 24.505 „ „ „
п) Из них 250 на казенной даче.

Указанные выше цифры вряд ли точно соответствуют действительному размеру рабочей силы на частных рудниках, так как при непостоянстве работы и распыленности рудников учет рабочих представлялся весьма сложным делом. Что касается казенных заводов, то в имеющихся статистических обследованиях рудничные работы не всегда выделялись из общей горнозаводской рабочей массы — так было по Златоустовскому округу, а потому мы ограничимся здесь лишь следующими сведениями:

Гороблагодатский округ	Годы 1896	1897	1898	1899
Всех рабочих вместе со вспомогательными	6.430	6.425	6.899	7.253
Из них на рудниках	756	876	968	807
Только горнозаводских рабочих	2.152	2.167	2.450	2.457
Из них на рудниках	605	626	721	684
Каменский завод				
Всего рабочих	1.509	1.699	2.044	1.672
Из них на рудниках:				
постоянных	116	139	149	218
вспомогательных	111	37	252	57

Итак, имелась группа рабочих, занятых исключительно на рудниках. Эта категория рабочих росла сравнительно медленно. Замедление в образовании кадров рудокопов вызывалось тем, что рудничные работы проходили с периодическими остановками в страдное время и обычно не служили единственным источником существования рабочих. Вместе с тем случалось, что рудники иссякали, и надо было дожидаться, пока будут обнаружены новые запасы руды. Например, когда в 1875 году оказались выработанными медные Турьинские рудники, обслуживавшие Богословский завод, обратились к старым рудникам, уже давно не работавшим и после технической подготовки здесь началась усиленная деятельность. К тому же самый способ добычи железной руды, господствовавший на Урале, протекал в нередко примитивных условиях, при которых не было надобности в массовой квалифицированной рабочей силе. Даже в самом конце девятнадцатого века, по словам одного исследователя, преобладающим способом разработки оставались открытые разносы. Мускульная сила человека и лошади в малой мере заменялась на рудниках механизмами. Рельсовыми путями были снабжены только казенные рудники: Благодатские и Бакальский, из частных: Кутимский, Высокогорский и Ауэрбаховский. Все же сотни остальных рудников были почти совершенно лишены механических приспособлений, исключая незатейливых водоотливных и грузоподъемных устройств. Это об'яснялось, помимо дешевизны рабочих рук, также децентрализацией рудничного дела. Нередко для одной доменной печи работала целая группа небольших рудников, разбросанных на более или менее значительной площади. Ничтожность годовой выработки каждого такого рудника не дала бы выгод от замены ручного труда дорого стоющими механизмами [1]). Нижеследующая табличка дает представле-

[1]) *А. Ауэрбах.* Историч. очерк развития горного дела в Богословском округе (СПБ, 1882 г.).

ние о том, как слабо шла механизация уральского горного дела в сравнении с донецким [1]).

Годы	Паровые машины и силы в горном деле						Число рабочих (кроме соляной добычи)		
	Всего в России		На Урале		На Юге		Всего в России	Урал	Юг
	пар. маш.	сил	пар. маш.	сил	пар. маш.	сил			
1877	895	27.880	268	8.070	161	5.129	256.919	145.455	13.865
1893	2.853	115.429	550	21.330	585	30.759	444.646	238.630	54.670

Можно сказать, что нередко рудничное дело бывало как бы в загоне, внимание обращалось промышленником исключительно на завод. Вследствие этого случалось, что из-за неправильной разработки рудник приходил в негодное состояние, обесценивался. Это сказывалось особенно тогда, когда промышленники разрабатывали рудники не хозяйственным порядком, не своей рабочей силой, а обращались к посредничеству рядчиков, которые обычно хищнически вели дело, чаще всего не имея специальных знаний.

Посмотрим теперь на отдельных примерах, как происходила добыча руды. В начале семидесятых годов рисуется следующая картина.

В Ревдинском округе разработка производилась разносом: несколькими горизонтальными уступами (около 1 саж. вышиною и 2 саж. шириною), количество которых увеличивалось с разработкою рудника в глубину. Для добычи почвенной руды или в самых нижних уступах пользовались порохострельной работой; в средних — несколько выветрившаяся и разрушенная руда добывалась кайлой, а в верхних частях — выбирали руду из глины прямо лопатой. Таким же способом, т.-е. разносом, разрабатывалась и Высокая Гора, а между тем было бы выгоднее вести внутренние работы (шахты). Раскуихинский рудник разрабатывался „дудками". Заметив по некоторым особенностям возможность найти руду, рабочие закладывали „дудку", т.-е. пробивали вертикальный шурф диаметром лишь немного шире человеческого туловища, доводили его до встречи с рудою, которую вынимали при помощи боковых ходов. Это признавалось вредным, так как „дудками" могла быть вынута лишь малая часть руды, большая же часть, оставаясь невынутою, погибала навсегда. Такой нерациональный способ встречался и на других рудниках. В результате образовался ряд рудников, испорченных неправильным ведением дела, восстановление которых обошлось бы слишком дорого в сравнении с возможной в будущем добычей [2]). Подобные же сообщения встречаются и пятнадцать лет спустя, в середине восьмидесятых годов, и позже.

---

[1]) *Вл. Ильин (Ленин).* Развитие капитализма в России (1899 г-), стр. 390.

[2]) *И. Котляровский.* Описание частных горных заводов и т. д.

За добычу руды из „дудки" платили с кубической сажени: 9 руб. на Исетском заводе, 7 р. на Закаменном и Разгуляевском и по 5 р. на Сипавском и Новиковском (вес куб. сажени—от 700 пуд. на Разгуляевском и Новиковском, и 833—на Исетском). За пробивку шурфов платили с погонной сажени шурфа: за первую сажень 40 коп., а за следующие—по 60 коп.; на Исетском за третью сажень—80 коп., а за четвертую—90 коп.

На казенных заводах Златоустовском, Саткинском и Кусинском не вводили подземных работ, между тем открытая разработка этих рудников обходилась дорого из-за наличия пустых пород. В Златоустовском округе труд по добыче тысячи пудов руды оплачивался: на Таганайском руднике суммою в 21 р. 33 к., на Орловском—24 р. 28 к., на Бакальском—8 р. 10 к., на Ахтенском—10 р. 43 к. В связи с условиями работы были различны расходы на взрывчатые вещества.

В Гороблагодатском округе происходили открытые работы с употреблением взрывчатых веществ. Пробитые в течение дня шпуры после ухода рабочих взрывались запальщиками, а в следующий день порода откатывалась в тачках к ящикам, где происходила разборка руды, подрудка и пустой породы. Откатка лежала на обязанности артели, добывавшей руду, дальнейшая работа возлагалась на других рабочих. Платили с ящика в $^1/_9$ куб. саж.—особо за руду и особо за пустую породу; вес руды принимался в 165 пудов, а пустой породы—в $2^1/_2$ раза меньше; подрудок шел в счет пустой породы. На валунчатой руде счет пустой породы не велся, и плата производилась за руду с отвозкой на пожоги. В зависимости от трудности работы и дальности ее плата с ящика колебалась: за добычу руды от 70 до 90 коп.; пустой породы от 30 до 50 коп.; за отвозку руды и пустой породы от 15 до 25 к. Инструменты и взрывчатые материалы выдавались бесплатно. В 1884 году было добыто руды 1.791 куб. саж. (2.659 тыс. пудов) и получено 3.812 куб. саж. пустой породы (добыто было из 4 рудников, но отмечена пустая порода только в трех). Плата за добычу 1.000 пуд. руды и соответствующего количества пустой породы составляла 9 р. 41 коп., а так как стоимость поденщины нужно считать в 50 коп., то на 1000 пудов задолжались 19 человек. При этом получались 6 ящиков руды (по 165 пудов) и 12 ящиков пустой породы—всего 2 куб. саж. в штабели. Следовательно, производительность рабочего в смену—менее $^1/_9$ куб. сажени [1]).

На всех заводах, осмотренных комиссией, посетившей в 1871 году ряд частных заводов, назначенных в продажу за долги казне [2]), рудничное дело находилось в весьма плохом положении. Заводовладельцы, не зная истинного состояния рудников, не понимая, какое значение имела правильная разработка рудников, смотрели на них как на дело совершенно неважное и отдавали их подрядчикам. Рабочие же в этих случаях поощряли из своих соображений работу хищническими дудками, а не разносом.

---

[1]) Отчет уральской экспедиции для исследования хозяйства казен. горн. заводов ч. I, 1888 г.

[2]) *И. Котляревский*, названное сочинение.

Условия работы через подрядчиков были разнообразны. Подрядчики, бравшие небольшие участки, вернее, небольшое количество пудов, работали силами своих семей, более же крупные подрядчики нанимали рабочих. На Н.-Сергинском заводе добыча руд отдавалась подрядчикам из местных жителей. На рудниках Верхне-Сергинского завода за добычу подрядчикам платили по 50 р. за 1.000 пудов на месте, а между тем хозяйственным способом 1.000 пудов обошлись бы в 30 руб. На Верхне-Цыбихинском руднике добывали руду, оставшуюся между дудками, и добыча была так легка, что подрядчик платил рабочим за тысячу пудов только 8 руб. На Тункинском руднике подрядчики запрашивали цены, учитывая, что заводоуправление незнакомо с рудниками. В свою очередь, в большинстве случаев и подрядчики не знали рудников, из которых брали руду. Они пользовались исключительно услугами рабочих, уже ранее постоянно работавших на данном руднике, и старались всяческими способами держать таких лучших рабочих в материальной зависимости. Иногда подрядчик, не умевший обращаться с рабочими, разорялся, и тогда распространялся слух о мнимой неблагонадежности рудника [1]). Экспедиция, отправившаяся на Урал для исследования хозяйства казенных горных заводов, сообщает в своем отчете (1888 г.), что до недавнего времени Златоустовский, Саткинский и Кусинский заводы добывали руду подрядным способом, благодаря чему вынимались только наиболее доступные места, и добытая руда плохо сортировалась. Но позже таким подрядным способом через мелкие артели добывались лишь руды: тесьминская, васильевская и сыростантская для Златоустовского завода в размере всего $^1/_8$ его годовой потребности. Разработка прочих рудников заводоуправлением обходилась дороже, но зато рудники не обесценивались.

Как видим, рудничное дело вообще не стояло на высоте. Технический прогресс слабо распространялся. Рудничное хозяйство, взятое в целом, велось без системы. Преследовались интересы дня без учета тех последствий, которые должны были в будущем гибельно отразиться на состоянии рудников. Тем не менее добыча руды возрастала, и постепенно, как мы уже сказали, создавались группы рудокопов, которые из года в год, в течение десятилетий, работали на рудниках, иногда без всяких перерывов. И вызывавшееся этим обособление части рудокопов от общей массы горнозаводских рабочих с течением времени возросло.

Присмотримся теперь к тому, в каких бытовых и матерьяльных условиях находились горнозаводские рабочие [2]).

[1]) *Е. Рагозин*, названное сочинение.

[2]) *И. Котляревский.* Описание частных горнозаводских органов, назначенных к продаже за казенные долги (Горн. журн. 1870 г., кн. V—VIII; 1871 г., кн. VIII—X и XII). *Р. Попов.* Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале (Сборн. пермск. земства, 1873 г., кн. сентябрь — октябрь; 1874 г, кн. январь — апрель). — *М. Я. Попов.* Материалы и т. д. (Сборник пермск. земства, 1876 г. апрель — июнь). — *В. Португалов.* Работа в рудниках. (Архив суд. медицины, 1870 г., кн. 4. Описывается преимущественно Меднорудянский рудник при Н.-Тагиле в В.-Турском уезде). — *Р. Н. Рума.* К гигиене рудокопов (Пермь, 1882 г. Изучение Рудянского или Меднорудянского рудника в 1880—81 г.).— Отчет уральской экспедиции для исследования хозяйства казенных горных заводов, ч. I, 1888 г. (Златоустовский, быв. Екатеринбургский и Гороблагодатский округа).

Как уже указывалось выше, работа на рудниках не продолжалась в течение целого года с одинаковой интенсивностью. На иных рудниках действие в страдную пору совершенно останавливалось, на других только значительно сокращалось. Ввиду этого условия найма были различны. С рудничными и приисковыми рабочими, предназначенными для более длительной работы, заключались договоры — сроком от полугода, но не более трех лет. Прочие же работали без всяких договоров [1]). Даже у порога двадцатого века, по свидетельству одного исследователя, на всем Урале с наступлением лета горнозаводское население устремлялось на покосы, „на страду". С трудом удавалось удержать хоть часть постоянного контингента рабочих; деятельность завода или сокращалась или совсем приостанавливалась, и операционный год был меньше гражданского [2]). На Турьинских рудниках в страдное время работы не производились. На Кушвинском заводе у добычи и у доставки руд было всего около ста постоянных рабочих, а число временных доходило до двухсот. На Благодатском железном руднике в среднем было в день около 210 рабочих. Большая часть работы происходила в октябре — марте, и тогда число рабочих достигало 350; в летние же месяцы производилась лишь вскрышка пустой породы — число рабочих понижалось до 40. В Ревдинском округе добыча руды обычно начиналась в апреле и кончалась в октябре. На медном Рудянском руднике, добывшем в 1878 году до полутора миллионов пудов руды, составившей до 90% уральской медной добычи (почти все медные заводы закрылись), число рабочих месяцев, считая по 29 рабочих дней в каждом, колебалось в следующих пределах:

	Рабочих месяцев	
	1877 г.	1878 г.
Январь	390	350
Февраль	390	400
Март	400	420
Апрель	350	250
Май	300	150
Июнь	300	150
Июль	200	160
Август	250	200
Сентябрь	300	250
Октябрь	340	400
Ноябрь	350	450
Декабрь	350	450
Всего	3.920	3.690

Встречаются указания, что рабочее время на рудниках продолжалось 12 часов, за вычетом 2 часов на обед, отдых и на приход к работе, т.-е.

[1]) *Р. Попов.* Сборник пермского земства, 1874 г., январь — апрель.

[2]) *Раговин.*

надо полагать, время, потребное на спуск в шахту и на проход к месту работы. Но бывали и отступления от такого порядка. Работа на Рудянском руднике начиналась не в одно время для всех рабочих и не одинаковое время продолжалась. Все зависело от трудности работы. При более твердой породе день был короче. Работал рудник безостановочно целые сутки в две смены (по 12 часов) или в три (по 8 часов). При двух сменах работа продолжалась от 5 до 5 ч. При трех сменах, бывавших на Рудянском руднике лишь при особенно трудных или спешных работах (а в Турьинских рудниках чаще всего применявшихся), рабочие распределялись следующим образом: 1 группа—от 4 ч. утра до 12 ч. дня; 2 группа—от 12 ч. дня до 8 ч. вечера; 3 группа от 8 ч. вечера до 4 ч. утра. Смены чередовались понедельно, чтобы каждая группа работала в различные часы.

На Рудянском руднике рабочий брал с собой в шахту кусок черного хлеба, а администрация доставляла в герметических сосудах бесплатно в скоромные дни—щи с мясом, а в постные—уху. Мы подчеркиваем „герметических", так как более ранний обозреватель рудника свидетельствовал, что при нем рабочие отказались есть похлебку, так как во время спуска в нее попала грязь и вода из рудника [1]). Бесплатные обеды Рудянского рудника представляли собою редкое исключение. Быть может таким образом выгадывалось количество рабочих часов. Обычно при 12-часовом рабочем дне число действительных рабочих часов не превышало десяти, а два часа давались на прием пищи и отдых. Так было, например, на Благодатском руднике. Но и эти два часа рудокопы, как надо полагать, проводили чаще всего в руднике, потому что выход из шахты был затруднителен. Шахтовладельцы предоставляли бадьи для поднятия рабочих только по завершении смены; а подниматься по лестнице было крайне утомительно при значительных глубинах. По одному подсчету под'ем на Рудянском руднике в зимнее время равнялся по затраченной энергии прохождению пяти верст.

В рудничной работе принимали участие женщины и дети. Согласно положению 8 марта 1861 года о казенных заводах запрещалось брать на работу детей моложе 12 лет. Малолетние и подростки в возрасте от 12 до 18 лет могли быть привлекаемы (только с согласия их родителей) к работам, соответствующим их силам и возрасту, при чем малолетние моложе 15 лет могли работать только на поверхности земли и не более 8 часов в сутки. Поэтому, как общее правило, дети работали только на поверхности, занятые, главным образом, разбивкой и сортировкой руды. Например, в Гороблагодатском округе дети допускались к разбивке руды и флюсов, к поторжным работам, не требующим большого физического напряжения, к выемке земли, к откатке и относке ее, к откачиванию воды. Но вопреки закону их привлекали порою и к подземным работам, продолжавшимся по 12 часов сряду, при чем встречались на работе и десятилетние. На Рудянском руднике под навесом работали даже „маленькие дети" [2]), а подростки 14—15 лет закладывали пустые

[1]) Ср. показания *Португалова* и *Рума*.

[2]) *В. Португалов*, стр. 70.

штреки в шахтах. На Турьинском руднике дети трудились под открытым небом в любую погоду. На Благодатском руднике рабочая сила была представлена следующим образом: мужчин 145, женщин 35 и 35 подростков (не моложе 14 лет). При Кушвинском заводе на разборке руды работали дети начиная с 12 лет.

Размер заработной платы, как мы видели выше, колебался в каждом отдельном случае в зависимости от разнообразных причин. И так как вместе с тем подвергались порою резким и значительным колебаниям цены на продукты питания, то на основании подобных данных нельзя составить себе представление о положении хотя бы части горнорабочих. Более красноречивым в данном случае является общее впечатление, которое производили горнорабочие условиями своей жизни на сторонних наблюдателей, а это впечатление было обычно весьма тягостное. Например, мы находим указание, что рудокопы как в Тагиле, так и в Турьинских рудниках составляли самое бедное население: подать в 7 р. 20 к. (с души) была для них тяжела. Рудокопы Рудянского рудника не имели понятия о чае, но на Флоровском руднике, по уверениям инженеров, рудокопы имели иногда самовары. На Благодати в лучших условиях жили те рабочие, которые, имея землю, находили подспорье в горнозаводской работе, а не те, которые были заняты только на заводах или только на пашне. Многие, лишенные пашни, работали на заводах целыми семьями и зарабатывали в неделю всего 1 р., а пуд хлеба стоил 65 коп. „Положение их в высшей степени бедственное“ — так сообщает очевидец [1]). Он при этом указывает, что вообще плата за смену колебалась между 25 и 50 коп. Проистекающее отсюда кажущееся противоречие надо об'яснить, вероятно, тем, что не все члены упомянутых семей получали вознаграждение от заводоуправления, иные из них помогали по семейной связи.

В конце девятнадцатого века мы узнаем, что на горных заводах рабочая сила дешева. Потребности постоянного рабочего удовлетворялись „при весьма незначительной оплате труда“, и заводы руководствовались этим критерием, определяя размер заработной платы. Пользуясь экономической прикрепленностью рабочего к заводу, избытком в данном районе рабочей силы, промышленники понижали заработок настолько, чтобы им удовлетворялись лишь насущные нужды рабочего. Весьма характерно, что заводчики противились принятию правительством мер к развитию кустарных промыслов, дабы не уменьшилось количество безработных [2]). Между тем, число свободных рабочих было так велико, что в целях предоставления заработка всему населению данного завода нередко на пороге двадцатого века вводились четырехчасовые смены, обслуживаемые очередными партиями. И все же не все нуждавшиеся находили заработок. Производительность же страдала от коротких смен [3]). Что касается вспомогательных рабочих, то они комплектовались преимущественно из

---

[1]) *Его же*, названное сочинение (1870 г.).

[2]) *Сигов.* Старая песня (Русское богатство, 1898 г., кн. 2).

[3]) Цитируемая ниже записка мин. вн. дел от 5 апреля 1916 г.

„нетребовательных инородцев, экономическое положение которых крайне жалкое, и которые поэтому довольствуются самыми ограниченными платами". А русские крестьяне, работая в свободное от земледелия время, еще более способствовали удешевлению труда [1]). Однако, некоторые заводы, особенно, возникшие за последние десятилетия девятнадцатого века, строившиеся преимущественно в малонаселенных местах, испытывали недостаток в рабочих руках. Именно поэтому управляющий заводами и каменноугольными копями (Александровскими) Уральского горнозаводского товарищества возбудил в 1882 году вопрос об облегчении переселения рабочих, так как „расширение горнозаводской промышленности без увеличения местного населения вообще затруднительно" [2]).

По отмене принудительного труда за заводовладельцами, как мы знаем, была сохранена давняя обязанность снабжать заводское население хлебом. Во времена крепостной зависимости заводовладельцы сами назначали заработную плату и способ ее выплаты, вследствие чего хлеб мог быть зачтен в заработную плату. При вольнонаемном же труде заводовладелец не мог принудить рабочего брать хлеб из заводского склада. Помимо угрозы, что хлеб сгниет, заводовладелец нес убытки от того, что держал в хлебе значительную сумму денег без оборота. Многие заводовладельцы поэтому перестали делать запасы хлеба. Оренбургские власти сообщали, что почти всюду рабочие сами покупали для себя хлеб, и потому достаточно иметь в запасе одну четверть того, что потреблялось рабочими, за исключением Белорецкого, Тирлянского, Преображенского и Каноникольского заводов, которые вовсе не нуждались в запасах. Поэтому комиссия для пересмотра системы податей и сборов [3]), имея в виду, что по закону 3 декабря 1862 года с мастеровых горных заводов взимался пятикопеечный сбор в продовольственный капитал, предложила (1868 г.) освободить заводовладельцев от обязанности снабжать население хлебом, а заботу о продовольствии в голодные дни возложить на министерство внутренних дел. В результате, законом 21 марта 1878 г. заводовладельцы были избавлены от продовольственной функции. Любопытно, что начальство Гороблагодатского и Камско-Воткинских казенных заводов не пожелало снять с себя обязанность по снабжению рабочих хлебом, об'ясняя, что иначе частные торговцы поднимут цену на хлеб, и тогда вздорожает рабочая сила. При выдаче же хлеба в счет платы заводоуправление могло сохранить в течение года нормальные цены на работы, не допуская повышения цен на хлеб

---

[1]) *Е. Рагозин*, названное сочинение (1902 г.).

[2]) Московское древлехранилище, горный департамент, 1-е делопроизводство I разр., № 15 (о созыве 2 с'езда уральских горнопромышленников).

[3]) Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. XIII, ч. IV, журнал общего собрания комиссии, № 61 (заседания с 4 июля 1866 года по 26 апреля 1868 г.). — Второе собрание законов, № 58316. — Архив главного комитета по устройству сельского состояния, 1876 г., дело № 149 „О мерах к обеспечению продовольствия мастеровым казенных и частных заводов".

в зависимости от времени года, порчи дорог и пр., каковые обстоятельства повышали цену на хлеб у торговцев [1]).

Чтобы по мере возможности иллюстрировать цифрами условия оплаты труда, приведем дополнительно — сверх ранее указанных—некоторые разрозненно сохранившиеся сведения.

На Сысертском заводе плата отдельным рабочим (1873 г.) за добычу, обжиг и разбивку руд достигала около 12 р. за 1.000 пуд., в зависимости от свойства пород. Бывал расчет за добычу вместе с доставкой; напр., при расстоянии 7 верст за пуд платили 2 к., при расстоянии 25 верст — 4 коп. В большинстве случаев работа шла через подрядчика, который платил за поденщину 50 — 60 коп. полному работнику, женщинам 25 — 30 коп. и подросткам — 20 коп. [2]). При этом цены на продукты за последние годы сильно изменились. Средняя цена за пять лет была такова: пуд ржаной муки — от 35 до 40 коп.; пшеничной — от 50 до 55 коп.; пуд мяса зимой от 2 $^1/_2$ до 4 руб., а летом от 3 до 6 руб. Сравнительно с ценами пятидесятых годов стоимость продуктов питания увеличилась вдвое, а в сравнении с ценами шестидесятых годов — уменьшалась более чем вдвое.

На Турьинских железных рудниках (в те же 70-е годы) добычей руды занимались ежегодно от 400 до 600 рабочих из местного населения, при чем в страдное время работа прекращалась. На тамошних золотых приисках находилось от 1.500 до 2.000 рабочих, среди коих от 500 до 800 пришлых. Плата колебалась в пределах от 40 до 80 рублей за кубическую сажень, по свойству породы железной руды; на золотых приисках — за вскрышку торфа платили от 1 р. 80 к. до 2 р., за добычу песков — от 2 $^1/_2$ до 3 р. с куб. сажени. Плата за поденщину колебалась между 30 и 90 коп., что зависело от трудности работы и искусства работника. Цена на хлеб за последние 5 лет колебалась от 60 коп. до 1 р. 50 коп. за пуд, дешевея зимой и делаясь дороже летом; на мясо: между 1 р. 50 к. и 3 р. за пуд. По отношению к ценам пятидесятых годов стоимость увеличилась в два и три раза, а по отношению к ценам шестидесятых годов — упала в размере от половины до одной четверти. Часть хлеба выдавалась заводоуправлением в счет заработка по себестоимости с прибавлением операционных расходов. Иные рабочие предпочитали своевременно закупать хлеб на рынке при низких ценах. Случались также закупки продуктов у частных торговцев под рабочую книжку.

---

[1]) Отчет горного департамента за 1891 г. — Так как забота о продовольствии неимущего горнозаводского населения перешла к земствам, то пермское земство возбудило ходатайство об увеличении продовольственного капитала ввиду того, что на большинстве заводов постоянные заработки не покрывали нужд рабочих (вследствие увеличения народонаселения, технических усовершенствований и приостановки некоторых заводов), что вообще необеспеченность в продовольственном отношении увеличилась. Однако, домогательства земства остались без удовлетворения. (Архив мин. вн. дел, 6-е делопроизводство земского отдела, 1890 г. № 317).

[2]) В источнике (*Р. Попов.* Сборник пермского земства, 1873 г., кн. сентябрь—октябрь) вкралась типографская путаница, которую я пытался здесь устранить.

На железных рудниках Кушвинского завода (в начале 70-х годов), получавшего руду за 3 версты и только отчасти за 12—14 верст, добыча руды оплачивалась частью поденщинами, частью с пуда. Поденщина: от 25 до 35 коп. для полуработников и женщин; 40—50 коп. для полных работников; по обжигу — от 30 до 50 коп. Задельная: 150 пудов — 45 коп., 55 коп., 80 коп., 2 р. и даже 3 р., смотря по качеству пород, в которых руда залегает, и по трудности добычи. Цены за последние пять лет были таковы: пуд ржаной муки от 42 до 75 коп., пшеничной — от 75 до 90 коп; лучшее мясо от 1 р. 80 к. до 3 р. 60 коп., а низшее — от 1 р. 60 к. до 3 р. По сравнению с ценами пятидесятых годов — вдвое выше, а по ценам конца 60-х годов — наполовину ниже [1]).

На рудниках Кыновского завода две трети получаемой руды добывались подрядчиками, которые платили за поденщину 35—50 коп. полному работнику, 15—25 коп. женщинами и подросткам [2]).

На Рудянском руднике заработная плата $^1/_4$ (1880—81 гг.) была выше, чем на других горнозаводских предприятиях: в среднем рабочий зарабатывал 70 коп. в день. Здесь применялась и твердая поденная плата — при машине 60 коп. за 8-часовой рабочий день, за наполнение пустых штреков — 40 коп. Последнюю работу выполняли преимущественно подростки 14—15 лет [3]).

К концу девятнадцатого века средняя расценка рабочих рук была такова: при рабочем дне в 10—11 часов рудокопы довольствовались поденщиною (на собственных харчах) в сумме от 40 до 60 коп., углекопы — от 50 до 60 коп.; женская и детская поденщина — на 15 коп. меньше [4]).

Наконец, чтобы сопоставить оплату труда рудокопов с заработком заводского рабочего, отметим, что по данным совета с'ездов горнопромышленников Урала средняя годовая заработная плата достигала в 1900 г. на заводах 209 р., на горных работах — 172, на приисках — 166 р. [5]).

Даже в том случае, если бы по ценам на основные продукты питания можно было точно установить покупательную способность хотя бы определенной группы рабочих, приведенные выше сведения не дают представления о фактическом положении рудокопа, так как неизвестно его семейное положение: из скольких членов состояла семья, сколько в ней платных работников (на работе многие дети помогали своим родителям, не получая платы от управления). К тому же разрешение вопроса о благосостоянии рудокопов осложнялось тем, что бюджет известной части их был связан с земельным обеспечением.

Размер земельных наделов и повинностей за эти земли был определен для сельских работников частновладельческих заводов теми местными Положениями 19 февраля 1861 года, которые распространялись

---

1) *Р Попов.* Сборник пермского земства, 1870 г., кн. январь — апрель.

2) Там же.

3) *Рума,* названное обследование.

4) *Е. Рагозин,* названное сочинение.

5) *М. Балабанов.* Очерки по истории рабоч. класса в России, ч. III (1926 г.), стр. 126.

вообще на бывших помещичьих крестьян. Но при этом — во вред горнозаводским рабочим — были допущены отступления от общих правил. С одной стороны, не была в полном об'еме сохранена за горнозаводскими крестьянами земля, имевшаяся у них до отмены крепостного права, с другой же стороны — были понижены минимальные нормы наделов, установленные в отношении помещичьих крестьян. А для заводского населения казенных горных заводов и размеры наделов, и платеж оброка были определенны по нормам, установленным для государственных крестьян. Иначе говоря, сельским рабочим казенных заводов были предоставлены, в общем, несколько более крупные наделы за относительно более легкие платежи, чем на частных предприятиях.

В ином положении оказались мастеровые. На казенных заводах усадьбы с принадлежащей к ним землею получили в собственность безвозмездно (без выкупа) все мастеровые, а на частных заводах только те, которые были отданы на данный частный завод казною. Прочие мастеровые на частных заводах получили усадьбы в пользование с правом выкупа без содействия правительства. Вообще населению частных предприятий, а также тех поссессионных заводов, которые не пользовались казенными землями, усадьбы с усадебной землей, а иногда с небольшим количеством покосов и выгонов, были предоставлены на обычных правах выкупа. При этом, впрочем, был определен максимум денежного оброка, какой мог быть взимаем заводовладельцем за пользование усадьбой. Покосами горнозаводские мастеровые могли пользоваться за повинность в размере не более одной десятины или только в прежнем меньшем размере. Имевшие до 1861 года пахотную землю сохранили ее за повинность, без права выкупа и не свыше местного душевого надела. Новое наделение пахотной землей, как общее правило, не было предусмотрено.

Впрочем, несколько позже почти все население частных заводов (за исключением Холуницкого и Кажимского округов) получило безвозмездно усадьбы по доброй волез аводовладельцев, а мастеровых казенных заводов освободили от повинностей за покосы, что вместе с несколько более крупными размерами надела поставило население казенных заводов в немного лучшее положение сравнительно с населением частных заводов.

После осуществления крестьянской реформы горнозаводское население не переставало ждать нового надела, достаточного для обеспечения жизненных потребностей земледельческим трудом. И эта потребность в земле сказывалась все острее вследствие того, что с течением времени горнозаводская деятельность в разных местностях сокращалась и даже прекращалась. На-ряду с этим, вследствие технических усовершенствований, уменьшалось требование на рабочие руки. Между тем, к началу семидесятых годов, как мы видели [1]), из общего числа горнозаводских рабочих — 10 тысяч вовсе не имели земли, а около 80 тысяч чел. имели менее одной десятины; более 37 тысяч получили всего от одной до полутора десятин (покосной земли) и поэтому могли содержать только одну-две

[1]) См. стр. 28 и след.

коровы; 27 тысяч, владея землей в размере от двух до трех десятин, могли вести маленькое хозяйство и содержать корову с лошадью; наконец, около 12 тысяч чел., обладая от трех до четырех десятин, и 5.700 чел., имея более четырех десятин, хотя и не „были поставлены в прямую необходимость искать подспорья помимо земледелья", все же не могли покрыть все свои нужды одним земледельческим трудом [1]). Таким образом, имелось: 90 тысяч чел., необеспеченных землею; 64 тысячи, для которых сельское хозяйство могло служить лишь некоторым подспорьем, и менее 18 тысяч человек, находивших в нем источник существования.

Такое земельное наделение горнозаводского населения не было окончательным. Землеустройство на горных заводах Урала далеко еще не было завершено. Например, в Богословском округе в начале семидесятых годов продолжалась подготовка к составлению и к исправлению уставных грамот, при чем не все могли получить надел. В селении Рудники, насчитывавшем 1.906 человек, 609 чел., находившиеся в отсутствии, не получили усадьбы и потому не имели права на надел. И на Кушвинском заводе и его рудниках уставные грамоты, как непригодные, составлялись наново, при чем опять таки до 1.000 чел. не имели усадьбы, вследствие чего не могли получить надела [2]). На некоторых заводах было заключено полюбовное соглашение,так как население, боясь поземельных налогов, не взяло полных наделов,а потом, с ростом числа душ, стало добиваться увеличения наделов. Крестьяне, работавшие на заводах Расторгуева (Кыштымский, Теченский, Каслинский, Назепетровский, Шемахинский), в свое время отказались от наделов из-за высокой выкупной цены и непривычки вплотную заниматься земледелием. Когда же заводская работа перестала кормить их, пришлось предоставить им бесплатно пользование землею — каждому в размере пяти десятин.

По закону 3 декабря 1862 года в тех случаях, когда заводы закрывались или сокращали свое действие, мастеровые получали право на земельный надел наравне с крестьянами. Подобные дела неоднократно возникали, но они далеко не всегда могли завершиться в пользу мастеровых. Когда заводчик, бывало, отказывался в личных интересах признать, что на его предприятии сократилась работа, дела эти тянулись десятки лет, несколько раз доходя до сената. Даже тогда, когда уменьшение производства было совершенно очевидно, искуственно возбуждались различные вопросы, якобы, вызывавшие сомнения, и каждый раз дело опять доходило до сената, что поглощало много времени [3]). Однако, при отсутствии иной возможности обеспечить мастеровых само правительство было склонно добиваться наделения мастеровых землей путем признания, что работа на заводе сократилась. Вот пример. Мастеровые Очерского завода (гр. Строганова), при введении уставных грамот отка-

---

1) *Р. Попов.* Горнозаводский Урал („Отечественные записки", 1874 г., т. 6).

2) *Р. Попов.* Сборник пермского земства, 1874 г., книга январь — апрель.

3) Записка министерства вн. дел. от 5 апр. 1916 г. (Московское древлехранилище, горный департамент, отдел частных заводов, № 4970, за 1916/17 г. „Об отводе наделов горнозав. населению частных горных заводов".

завшиеся от наделов пахотной и сенокосной земли, безуспешно хлопотали (1890 г.) о наделении каждого из них шестью десятинами. Им отказали, потому что для этого требовалось согласие владельца, последний же не хотел предоставить крестьянам права выкупить землю. Но 531 мастеровой остались в ту пору без работы на заводе. И вот министерство внутренних дел, имея в виду, что в случае сокращения действия завода они могут получить надел без согласия владельца, задумало (в 1896 г.) с этой целью удостовериться, не уменьшилась ли в действительности производительность завода. И сенат с этим согласился [1]).

Ввиду созывавшегося в 1882 году второго с'езда уральских горнопромышленников, управляющий Омутнинскими заводами (Вятской губ.) возбудил вопрос о земельном и лесном наделах горнозаводского населения (и государственных крестьян, проживающих в заводских дачах), так как по Омутнинской и Пудемской дачам отграничение земельных наделов рабочих не было произведено, вследствие чего возникало множество недоразумений. На повестку с'езда был поставлен не только вопрос о вымежевании земель, но также о выкупе крестьянами угодий в горнозаводских дачах Урала. Эти вопросы, однако, не подверглись обсуждению на с'езде, так как министерство заявило, что правительство уже занято ими [2]). Действительно, в ту пору разрабатывались соответствующие законопроекты, но дело, как мы увидим, двигалось медленно. Например, на Нижне-Тагильском заводе в самом конце девятнадцатого века наделы не были вымежеваны из площади заводских земель, вследствие чего бывшие крепостные владели тем количеством земли, какое было у них до установления грамот [3]).

Завершение поземельного устройства горнозаводского населения затруднялось тем, что затрогивались хозяйственные интересы и владельцев горнозаводских предприятий. Более свободным чувствовало себя правительство на казенных заводах. Здесь в отношении землепользования последовали некоторые улучшения. Однако, и на казенных заводах возникли затруднения при окончательном разрешении земельного вопроса. Так, согласно инструкции 12 марта 1877 года [4]) росчисти казенных заводов, раньше находившиеся только в пожизненном бесплатном владении хозяина, расчистившего землю, должны были впредь включаться в состав надела этого хозяина как потомственная собственность, со взносом оброчной подати и выкупных платежей. Однако, этот порядок не всегда соблюдался. Когда 150 крестьян с Кушвинского завода возвратились на Бемышевский поссессионный медный завод, из заводской дачи им были даны 109 десятин. Имея, кроме того, 595 десятин росчистей, крестьяне хотели платить по 2 рубля за каждую из упомянутых 109 десятин, как полагалось за последнюю часть надела. Но с них потребовали

---

[1]) Архив мин. вн. дел, 6-е делопроизводство зем. отдела, 1894 г., дело № 221.

[2]) Архив горного департамента, 1-е делопроизводство I разряда, 1882 г., № 15 (О созыве второго с'езда ур. горнопромышленников).

[3]) Отчет горного департамента за 1898 г., стр. 257.

[4]) Второе собрание законов, № 57054.

по 4 рубля как за первую часть надела, потому что означенные 595 десятин, согласно закону (22 января 1879 г.), были предоставлены им попрежнему в качестве росчистей лишь в пожизненное бесплатное пользование, а не в надел [1]).

Правила 12 марта 1877 года вообще стремились сохранить за казенным горнозаводским населением все предоставленные ему законом 1861 года земли и угодья за оброчную подать, уплачиваемую в течение 20 лет в размере, установленном для государственных крестьян. В частности, эти правила ограничили предоставленное законом 1861 года заводам право отбирать у крестьян нужные для завода земли и отводить им другие. Благодаря правилам 1877 года в распоряжение заводского населения могли отойти в собственность и в пользование значительные пространства земель, богатых недрами. Но возникшие из-за этого замешательства и недовольство заводоуправлений привели к тому, что законом 28 мая 1886 года были введены особые правила об отводе крестьянам новых земель взамен рудоносных.

Вообще отвод крестьянам заводских земель крайне запутал земельные отношения. В некоторых округах (Кыштымский) участки, находившиеся в пользовании населения, представляли собой тысячи клочков, разбросанных среди лесов и заводских земель. Не прекращались препирательства между заводами и крестьянами также из-за рудоносных земель. Наконец, горное ведомство заявило, что инструкция 1877 года угрожает сокращением и даже остановкой действия заводов, так как горнозаводские предприятия лишатся возможности эксплоатировать обширные рудничные площади и месторождения. Ввиду этого действие инструкции было (1891 г.) приостановлено [2]), а затем ее переработали в таком направлении, чтобы заводоуправление могло, в интересах предприятия, обменивать крестьянские угодья. Государственный совет признавал необходимым поддерживать уральские заводы, в особенности ввиду проведения Сибирского железнодорожного пути, и соглашался с тем, что закрытие заводов или сокращение действия их бедственно для самого населения. Но при всем том он не счел возможным нарушить земельные права крестьян, тем более, что одна треть их уже устроилась в соответствии с инструкцией 1877 года, да и не было уверенности, что изменение инструкции приведет к цели. Поэтому следовало проверить, действительно ли осуществление в некоторых местах инструкции 1877 г. повлекло за собою закрытие заводов или уменьшение их производительности. Оказалось, что правила 1877 года успели провести лишь там, где не было ископаемых богатств, или же там, где кончилась разработка рудников, вследствие чего население перешло к земледельческому труду. Тогда переработка инструкции была отложена [3]).

---

[1]) Архив мин. вн. дел, 6-е делопроизв. зем. отдела, 1887 г., дело № 179/771.

[2]) Положение комитета министров 4 июня 1891 г. (утв. 14 июня). См. архив мин. вн. дел, 6-е делопр. зем. отдела, 1891 г., дело № 164 „Об отграничении населению Мотовилихинских волостей наделов". — Отчет горного департамента за 1891 г.

[3]) Соединенные департаменты госуд. совета, 21 дек. 1896 г., № 139.

Но вскоре вопрос об изменении инструкции 1877 года был вновь выдвинут [1]). Указывалось, что из числа казенных заводов только некоторые не испытали последствий вымежевания земель для крестьян, что на больших заводах наделение населения землей (и отпуск ему лесных материалов) затруднило заводскую работу. Если, мол, еще ни один завод не закрылся из-за применения правил 1877 года, то они в дальнейшем угрожали росту заводов. В результате закон 8 июня 1901 года ограничил права горнозаводского населения в отношении землепользования, уменьшил категорию крестьянских угодий, которые при их отобрании надо было обязательно обменивать на другие земли. Вместе с тем заводоуправления получили право вымежевывать из крестьянской земли не только заявленные и разрабатываемые рудники, но и земли, необходимые для складов, железных дорог и т. д.

Правила 1877 года были в свое время распространены также на население 22 поссессионных заводов (Мосоловского, Суксунского и Кнауфского округов), принятых казною из частных рук за бездоходностью, вызывавшейся в некоторой мере неурегулированными земельными отношениями. Но уже вскоре применением этих правил об'яснили последовавшую остановку одних заводов и уменьшение действия других [2]).

Особо шло дело о ликвидации земельного неустройства населения прочих поссессионных заводов. Мастеровые и сельские работники при освобождении получили, кроме усадеб, только покосы. Лишь тогда, когда появился закон (1881 г.) об обязательном выкупе земель всех вообще бывших помещичьих крестьян, был поднят вопрос о применении этого закона к поссессионным горным заводам. Законопроект министерства государственных имуществ, имея в виду распространить на поссессионные заводы инструкцию 1877 года, понизил размер надела их крестьян сравнительно с наделами мастеровых казенных заводов (8—15 десятин) и, таким образом, уже не грозил лишить заводовладельцев от 2 до 4 млн. десятин земных недр. Все же законопроект встретил протест со стороны поссессионеров, которые (в 1883 г.) направили свои возражения, главным образом, против дополнительного наделения землей до высших норм, предусмотренных актом 19 февраля 1861 года, и лесом. Население поссессионных

---

[1]) Проект записки минист. земледелия и госуд. имуществ в гос. совет от 30 июня 1898 г. и записка от 14 апр. 1901 г., № 55. См. архив мин. вн. дел, 6-е делопроизв. земского отдела, 1893 г., № 53/345 „Об изменении и дополнении инструкции 12 марта 1877 г".

[2]) *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная земельная устроительная политика, ч. I (1913 г.), стр. 432—33.

Возник вопрос, применить ли правила 1877 г. к населению Шаквинского завода, уже перешедшему на выкуп (по уставной грамоте) 6-десятинного надела; по правилам 1877 г. население получало право не только на всю прежнюю свою землю, но и на новую прирезку земли, всего до 15 десятин. Населению было предоставлено решить: воспользоваться ли этим правом, которое влекло за собою и некоторые отрицательные последствия. Оно выразило согласие, и новый порядок был осуществлен, так как завод состоял причисленным к малоземельным предприятиям лишь в отношении леса, а не пахотных угодий (Архив мин. вн. дел., 6-е делопроизводство земского отдела, 1888 г., № 192/907).

заводов не было обеспечено землей. Только в Невьянском округе и на одном заводе Кажимского округа пашни были предоставлены в собственность. В Сысертском и Нижне-Тагильском округах население пользовалось пашней частью безвозмездно, частью за оброк с сохранением за владельцем права на недра. В Верхне-Исетском округе пашни были предоставлены в постоянное пользование на особых условиях. В остальных округах население вовсе не имело постоянных полевых угодий и пользовалось ими лишь в качестве росчистей, а два округа и их не имели. Но так как, вообще, в распоряжении заводов оказалось бы мало земель в случае выдела земель мастеровым (и бывшим государственным крестьянам, жившим на территории поссессионных заводов), а при том земледельческий труд не мог служить, по заявлению горного ведомства, самостоятельным источником существования, то было решено довести надел не до высшей нормы, предусмотренной актом 19 февраля 1861 г., а лишь до низшей нормы.

По закону 19 мая 1893 года через пятнадцать лет горнозаводское население становилось, даже без выкупа, собственником своих наделов, а до истечения этих лет заводоуправления могли производить разведку и разработку ископаемых в этих землях и требовать обмена. Мастеровым и сельским работникам поссессионных горных заводов в Алапаевском, Верх-Исетском, Невьянском, Нижне-Тагильском, Ревдинском, Сысертском, Шайтанском, Омутнинском, Холуницком и Кажимском округах были предоставлены безвозмездно: покосы в размере, определенном уставными грамотами; росчисти, признанные установленным порядком; полевые и луговые угодья, коими пользовались по 1 января 1893 года не по найму от владельцев; выгоны от 600 кв. саж. на душу. Если все это в совокупности оказалось бы (на все общество), в среднем, ниже размера душевого надела, назначенного в великороссийских губерниях, тогда крестьяне могли просить об увеличении надела. Впрочем, закон 1893 года, благодаря происками заводовладельцев, на практике был сильно урезан. Заводовладельцы всячески притесняли крестьян в отношении росчистей, которые уставными грамотами были переданы крестьянам в пожизненное владение, а по закону 19 мая 1894 года должны были быть отведены в постоянный надел. Заводовладельцы находили при таких конфликтах поддержку у местных судей [1]).

Необходимость завершения земельного устройства частного горнозаводского населения была очевидна. Нельзя было дожидаться, пока закрытие завода или значительное сокращение его действия даст возможность наделить мастеровых землею. Но правительство считало, что никаких законов о новом или дополнительном наделении горнозаводского населения землей быть не может, так как отвод земли крестьянам зависит от согласия заводовладельцев, которые „в качестве помещиков“ „не обязаны ни в каком случае наделять мастеровых снова землей“. Поэтому в особом

---

[1]) *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. I, стр. 434—440.—*И. Сигов.* Народ и поссессионные владения на Урале (Русское богатство, 1899 г., кн. 4).—*Вс. Удинцев.* Поссессионное право (Киев, 1896 г.), стр. 222 и сл.

циркуляре (13 мая 1888 года) правительство заявило, что оно готово помочь выкупными ссудами приобретать, с согласия заводовладельца, полные наделы [1]). Но заводовладельцы и на это не шли. Только закрытие завода приводило к наделению мастеровых землею. Так, мастеровые Оханского завода, имевшие по уставной грамоте 1863 года только 14 десятин усадебной земли, получили по дополнительному акту 1879 года усадебной и выгонной земли 54 десятины, а в 1889 году, уже по закрытии завода, был составлен договор с владельцем на 3.066 десятин (438 наличных душ) за оброк [2]). Мастеровые обратились в земледельцев.

Большое значение представлял вопрос о размере повинности, которою население расплачивалось за пользование землею, а также и самая форма, в которую выливалось юридическое положение горнозаводского крестьянина в отношении к земле. Меры, направленные к облегчению положения горнозаводского населения, разрабатывались крайне медленно, так как затрагивали интересы владельческого класса. Законом 28 декабря 1881 года, после резких споров в правительственных сферах, было постановлено понизить выкупные платежи там, где существовало несоответствие между размером выкупного платежа и ценностью (доходностью) земли.

По издании закона 28 декабря 1881 года об обязательном выкупе наделов бывшими помещичьими крестьянами, некоторые губернские присутствия применили его и к горнорабочему населению. Но министерства финансов и внутренних дел воспротивились этому, считая, что мастеровые и сельские работники могут оставаться в обязанных отношениях, так как им предоставлено право выкупа, без согласия владельца, не надела, а лишь усадебной оседлости. По отношению же к населению казенных горных заводов было велено оброчную подать переобразовать в выкупные платежи без изменения размера впредь до устройства его по правилам 12 марта 1877 года [3]). Только в силу раз'яснения сената в 1901 году горнозаводскому населению было предоставлено право требовать ликвидации обязательных отношений к заводовладельцам. После этого считались на выкупе: население частных заводов с 1881 года, казенных — с 1886 г. и поссессионных — с 1893 г. (с 15-летним сроком для окончания). В 1905 г. выкупные платежи были отменены.

Подводя итог земельной политике после реформы 1861 года, один исследователь делает следующее заключение. Земельное устройство заводского населения „оказалось в неблагоприятном положении как в смысле недостаточности наделения, так и в крайней неустойчивости и опутанности всего землеустроительного дела и в законодательном и в административном отношении. Если некоторые группы, получившие одну лишь

---

[1]) Вышеупомянутая записка мин. вн. дел от 5 апреля 1916 г.

[2]) Архив мин. вн. дел, 6-е делопроизводство зем. отдела, 1890 г., № 267/1328.

[3]) Циркуляр департамента окладных сборов, 30 июня 1886 г., № 789. Копия в деле мин. вн. дел, 6-е делопроизводство зем. отдела, 1895 г., дело № 249 „Об участии представителей горного ведомства в учреждениях, заменивших губернские по крестьянским делам присутствия".

усадебную оседлость в крупных промышленных центрах, нашли себе обеспечение из других источников; если другие группы, более связанные с землей, получив несколько более крупные размеры наделения, ликвидировали свои обязательные и оброчные отношения одновременно с остальным сельским населением, перейдя в разряд крестьян-собственников, то громадная масса горнозаводского поссессионного и казенного населения не только унаследовала от реформы крайнюю недостаточность наделения, но и надолго удержала неурегулированность и неупорядоченность своего землевладения" [1]). И любопытной, хотя и частичной, иллюстрацией к этому заявлению служат официальные данные, относящиеся к двадцатому веку. Наделение мастеровых землею по закону 1862 года, в случае закрытия завода или сокращения его действия, находилось в следующем положении: всех частных заводов в империи, имевших до 1861 года приписных крестьян, было 93 (ревизских душ 126.721); на 34 заводах население было окончательно устроено; на 31 заводе вопрос о применении закона 1862 года был решен, и уже производился отвод наделов; на 9 заводах вопрос о применении закона 1862 года рассматривался в подлежащих учреждениях, а на 19 заводах этот вопрос и не возбуждался [2]).

Общие условия рудничной работы мало изменились в последние десятилетия девятнадцатого века. Конечно, углубление шахт и вообще осложнение рудничных работ вызывало несколько более усовершенствованную технику, без которой было невозможно использование недр. Но гигиена труда отнюдь не улучшалась. Можно даже сказать, что по мере проникновения рабочего в глубь земли обстановка труда ухудшалась. Один спуск зимою по обледенелым лестницам, тянувшимся порою на 90 сажень, представлял собою исключительно тяжелый труд. Лампы, освещаемые маслом, которое управление выдавало рабочим в счет заработка, вызывали головные боли и стесняли дыхание. Вечная сырость в руднике служила источником разнообразных заболеваний. Не имея где высушить одежду, рабочие, выйдя из рудника, были вынуждены итти домой (иногда на большом расстоянии) в мокрой одежде. Все это и многое другое, не говоря о недостаточном питании, рано разрушало здоровье горнорабочих. Один наблюдатель, вовсе не склонный сгущать краски [3]), сообщает, что общий вид Н.-Тагильского рудокопа (Рудянского) таков: телосложение вялое и слабое; покровы крайне бледны; лицо одутловатое; подкожная жировая ткань мало развита; губы несколько цианотичны; шея кажется короткой; лопатки выдаются вперед; об ем грудной клетки вообще увеличен; у рабочих,— давно занятых в рудниках и начавших эту работу в очень молодых годах, замечается киловидное выпячивание грудной кости.

---

[1]) *П. Лященко*, названное сочинение, стр. 454, 460—68, 653—54, 658, 665, 672—73, 674, 691—92, 703—09.

[2]) Упомянутая записка минист. вн. дел от 5 апр. 1916 г.

[3]) *Рума*, названное сочинение.

Несмотря, однако, на крайне тяжелые условия труда, нужда заставляла рабочих держаться рудника до последней возможности. При обследовании (1870 г.) Рудянского рудника, на котором работало (с детьми и женщинами) 800 человек, в смене из 200 человек до 40 человек работало под землей около 20 лет, а 5 человек работали свыше 20 лет. Многие начали подземную работу в 18 лет, а до того работали на поверхности. Несколько более позднее обследование, охватившее на том же руднике 87 человек (составлявших, вероятно, около 10% всего числа рабочих), установило следующие данные о продолжительности пребывания на рудничной работе в отношении 77 лиц:

Менее года	4	От двадцати до двадцати пяти лет	8
От года до пяти лет	11	От двадцати пяти до тридцати „	5
От пяти до десяти лет	9	От тридцати до тридцати пяти „	4
От десяти до пятнадцати лет . .	18	Более тридцати пяти „	2
От пятнадцати до двадцати лет .	16		

Указанные 87 рабочих поступили на рудники в следующем возрасте:

13 лет	4	18 лет	12	22 лет	4
14 „	2	19 „	18	23 „	8
15 „	2	20 „	9	24 „	10
16 „	4	21 „	никто	25 „	6
17 „	8				

На Кушвинский завод и его рудники рабочие поступали в возрасте 18—20 лет и уходили 45—55 лет (на поверхности работали от 12 лет), не старше.

Исключительно тяжелым было, как и раньше, положение рабочих на золотых приисках. В 1892 году на золотых промыслах [1]) насчитывалось более 60 тысяч рабочих (в том числе в Оренбургском округе 19.000, в Верхотурском — 21.000 и т. д.). Хищнический способ разработки промыслов, подвижной и непостоянный характер работ, а также порою самый состав рабочих приводили к тому, что промышленник менее, чем где бы то ни было, проявлял заботливость о нуждах рабочих. Так, в начале семидесятых годов на приисках вблизи Кушвинского завода работа происходила под открытым небом в болотистых местах; во временных казармах рабочие лежали „буквально, как сельди в бочках“. Вследствие дурного питания (от хозяев) в болотистой местности среди рабочих царили цынга и перемежающаяся лихорадка [2]). Подобная обстановка не изменилась и в дальнейшие годы. Яркой иллюстрацией может послужить нижеследующее описание золотых приисков Нижне-Турьинской дачи Гороблагодатского округа [3]).

Зимой, когда разрабатывались более глубокие россыпи, „труд часто бывал обставлен условиями, в высшей степени разрушительными для

---

[1]) Департ. законов госуд. совета, 1894 года., дело 111.

[2]) *Португалов*, названное сочинение.

[3]) Из записки лесничего этой дачи *Дергента*, использованной *Л. Бертенсоном* в исследовании „Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала“ (Горный журнал, 1892 г., февраль).

здоровья". Большая часть золотых и платиновых россыпей, особенно, по реке Ис, залегали на глубине 2—10 саженей ниже русла реки. Вполне естественно, что вода в таких местах падала на рабочего в виде дождя. На дне шахты, особенно в забоях, земля превращалась в жидкую грязь, в которой забойщик тонул, обыкновенно, вершка на 3—4. Если же откачивание замедлялось или прерывалось, то вода затопляла рабочих еще выше. В среднем рабочий обязан был добывать от $^1/_3$ до $^1/_2$ куб. саж. песку. Издельные рабочие оканчивали положенный урок с 6 час. утра до 2—3 часов дня; повременные же, несмотря на усердие, сидели в шахтах, не считая обеденного времени, до 10 час. Насквозь промокший рабочий выходил на 30° мороз. Быстро покрываясь ледяной корой, он бежал к соседнему балаганчику, где выпивал рюмку „хозяйской водки от смертельной простуды". Еще более тяжелым было положение старателей — они не получали ни готовой пищи, ни крова, ни топлива. Отчасти путем мелких сделок с лесной стражей, отчасти самовольным хищением, старатель скоплял большею частью худшего качества лесной материал и, вырыв под горою небольшое углубление, устраивал для себя жалкую лачужку, в которой и ютился всю зиму, часто с женой и малыми ребятишками. Такое жилье, и снаружи и внутри „представляло скорее звериное логовище, нежели местожительство человека; достаточно прибавить, что в таких обиталищах часто сидели в согнутом положении, как в шахтах"!

Помещения вообще были неудовлетворительны, тесны. В летнее время приисковый люд мало пользовался крытыми помещениями, в которых скоплялись поражающие массы паразитов, он предпочитал шалаши и полунавесы. Зимой же казармы переполнялись до невероятной степени. Это об'ясняется отчасти условиями самого золотопромышленного дела, но, главным образом, конечно, „инстинктами эксплоататорской бережливости золотопромышленников". Так, при начале работ на новом прииске (большею частью поздней осенью и зимой) наскоро заводились жилые постройки, по возможности, минимальных размеров. С расширением работ и возрастанием числа рабочих строились новые казармы тогда, когда уже почти физически невозможно было вместить в прежних лачужках всех рабочих. Строились помещения преимущественно из тонкомерных бревен. При 30 град. и более холода такая стена не доставляла много защиты. При зимней постройке под полом часто не только оставалась мерзлая земля, но оставался даже слой снега. Потолок, обыкновенно, отсутствовал. Дверь открывалась прямо на двор. Ввиду страшных холодов беспрестанно нагревались докрасна железные печи. Вдоль длинных стен шли сплошные нары; в промежутке тянулся такой же длинный стол. На нарах, в ширину, человеку полагался 1 аршин, вследствие чего получалось $^1/_2$ куб. саж. пространства на человека. Вечером казарма наполнялась прозябшими и промокшими рабочими. В печках усиливался огонь. На гвоздях, жердях и веревках вокруг печек развешивалась мокрая одежда, сапоги, онучи. Вследствие высокой температуры верхних слоев воздуха (разница с температурой на полу достигала до 20°) от сохнущих вещей

поднимался густой пар и вместе с тем нестерпимый запах прелого пота. К этому присоединялись дым от махорки, запах керосина от коптящих лампочек и гари от раскаленных железных печей. Непривычный человек с трудом переносил эту атмосферу в течение лишь нескольких минут.

Жилищные условия золотых приисков не были в полной мере присущи всей уральской горнозаводской промышленности. На других предприятиях они были менее тяжелыми. Но все же рабочие казармы за небольшими исключениями являлись рассадниками всяких болезней [1]).

Вредность и опасности, сопутствовавшие работе в рудниках и на золотых приисках, в соединении с жилищной обстановкой, со всех сторон угрожали здоровью и жизни рабочих. Однако, далеко не все рабочие пользовались медицинской помощью при заболевании и в момент несчастного случая. Даже в начале девяностых годов больницы имелись, обычно, только на крупных заводах, где подавалась помощь также прибывавшим с других заводов. На рудниках, как видно, никакой организованной медицинской помощи не имелось. Напр., на медных рудниках и на Быйском заводе, которые отстояли от врача и госпиталя на довольно большом расстоянии, не было ни приемного покоя, ни фельдшера, ни первых пособий для несчастных случаев. У кн. Белосельского-Белозерского на трех заводах и на рудниках при одной всего больнице имелись два приемных покоя, и на все эти учреждения — один только врач. Приемные покои вверены были фельдшерам. Рудники врач посещал два раза в месяц, живя в расстоянии 16—32 верст от них на Катав-Ивановском заводе. Для четырех приисков Миасских золотых промыслов имелись больница и два приемных покоя в Миассе, но на приисках: Андреевском— в 45 в., Молдакаевском—35 в., Александровском—12 в. и на Атландском— в 12 в. не было ни приемного покоя, ни фельдшера. Здесь ограничивались наличием „летучих аптечек", а больные отправлялись в Миас. На Березовских золотых промыслах больные были предоставлены заботам фельдшеров, так как врач являлся лишь раз в неделю, а то и реже. Тем не менее положение Березовских и Миасских приисков казалось блестящим при сопоставлении с тем, что делалось на других. Вообще прииски находились в весьма плачевном санитарно-врачебном состоянии. При 10.000 рабочих на золотых приисках Верхотурского округа почти не было больниц, а если и были где больницы, то на попечении фельдшера.

Золотопромышленники не только не заботились о санитарных нуждах рабочих, но „даже заболевающих бросали на произвол судьбы". На многих самых богатых приисках за неимением фельдшера заболевших „сплавляли". Золотопромышленники, обыкновенно, увольняли заболевшего рабочего; только в редких случаях, напр., при увечьи, его сдавали в казенный госпиталь. На золотых приисках Н.-Турьинской дачи рабочий в случае легкой болезни валялся в той же казарме. При больших конторах имелись запасы хинина, касторового масла, глауберовой соли и соды. „В случае болезни рабочего, доверенный или управляющий,

[1]) *Л. Бертенсон.* Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала.

взятый большей частью за сметливость или грамотность из среды тех же рабочих, чинит диагноз и отпускает ту или другую дозу того или другого лекарство". Серьезно занемогшего или свозили в Нижне-Турьинскую больницу или, чаще всего, просто выписывали [1]).

При всем своеобразии условий горнозаводского быта, отличного во многих отношениях от фабричного, законодательная охрана труда горнозаводского населения возникала не самостоятельно, а как бы следуя по стопам фабричного законодательства. Распространенные на уральское горнозаводское население законы 1882 и 1884 годов о работе и обучении малолетних, а также закон 1890 года, предоставивший местным властям разрешение вопроса о ночной работе женщин и подростков, были изданы для фабричной промышленности и лишь механически применены к горнозаводской [2]).

Уменьшение числа часов работы малолетних, установленное упомянутыми законами, не могло, по сообщению главного начальника горных заводов Урала, оказать заметное влияние на „экономическое положение заводов". Наибольшая часть работ и при том наивысше оплачиваемая, производилась взрослыми, и потому детский труд не имел решающего значения для всего производства данного предприятия. Но возможно было удорожание некоторых отраслей вспомогательных работ, на которых применялся преимущественно труд малолетних. Так, на казенных заводах дети были заняты сортировкой и дроблением руды. На частных рудниках детский труд занимал более видное место.

Ночная работа детей и женщин на казенных предприятиях редко встречалась. На частных же заводах ночная работа женщин допускалась в округах Верх-Исетском, Нижне-Тагильском, Холуницком, Алапаевском, Суксунском, Ревдинском, а также на Оренбургских золотых приисках. На рудниках поименованных заводов женщины относили и откидывали руды и пустые породы от устья шахты, работали при обжиге и промывке и сортировке руды, служили погонщиками при конных воротах. На Оренбургских промыслах они занимались — преимущественно зимою — промывкой песков в теплых промывальных.

Подростки от 15 до 17 лет принимались в округах: Верх-Исетском, Нижне-Тагильском, Сысертском, Холуницком, Омутнинском, Белорецком, Богословском, Сосьвинском, на заводах Всеволожских и Лазаревых, а также на Оренбургских золотых промыслах, где занимались промывкою песков. Подростки принимались на работу преимущественно по просьбе родителей многочисленных семейств или сироты.

Обязательное посещение школ, установленное законом, не могло быть осуществлено на казенных рудниках, так как редкие школы имелись лишь в немногих крупных селениях и при самых заводах; устраивать же школы на рудниках, сотнями разбросанных по обширной территории,

---

[1]) Записка *Дергента*.

[2]) См. выше, стр. 116—117.

было невозможно. То же наблюдалось и на частных горных предприятиях. Исправник Симских и других заводов (Уфимской губ.) сообщал, что Каргалинские медные рудники, занимающие обширную территорию, не имели не только в своем районе, но и поблизости каких-либо школ. Если же в центре местности устроить школу, то более отдаленные рудники окажутся от них в расстоянии 15—20 верст.

Следует отметить, что дети, помогавшие на горных заводах своим родителям, не будучи наняты заводоуправлением, не пользовались защитой упомянутых законов, так как они считались состоящими на попечении родителей, власть которых признавалась неограниченной и неприкосновенной [1]).

С отменой крепостного труда на Урале, как и в других горных районах, должен был резко встать вопрос о правовых взаимоотношениях промышленников и рабочих. Ввиду предстоявшего в 1882 году созыва второго с'езда уральских горнопромышленников, заводоуправления были запрошены, следует ли поставить на очередь этот вопрос. Обнаружилось, что его рассмотрение заинтересовало заводоуправления лишь с точки зрения непосредственных нужд предприятия, а не с точки зрения взаимных интересов.

Признавая необходимым „более правильную постановку вопроса о найме рабочих и исполнении ими договора", управляющий Омутнинским поссессионным заводом сослался на следующее обстоятельство. Крестьяне 28 волостей трех уездов Вятской губернии, занимавшиеся подсобными временными работами, в том числе и добычею руды, не всегда выполняли принятые на себя обязательства. Они или вовсе не являлись, или не оставались на работе нужное время. В большинстве случаев наем производился в местах жительства рабочих перед самым сроком уплаты податей. В этот критический для рабочих момент нанявшимся выдавали треть и даже половину договоренной суммы. Договоры свидетельствовались волостными правлениями. Сами волостные правления могли побуждать крестьян к заключению кабальных договоров, дабы избегнуть упрека в накоплении податных недоимок. И не следует удивляться тому, что при этих условиях правления, по словам управляющего Омутнинским заводом, сквозь пальцы смотрели на то, что крестьяне даже задатков не отрабатывали и заключали договоры с другими заводами. Пред'явление иска у мировых судей не приводило к цели, так как у крестьян, обычно, не было имущества, которое можно было бы продать без расстройства их хозяйств, а если и было имущество, то из вырученной суммы предварительно покрывались недоимки по податям, выкупным платежам и т. д., и для завода ничего не оставалось. Заводы, таким образом, не только теряли задаточные суммы, но и несли убытки из-за невыработки. Напр., в 1881—82 гг. недобыча руды на омутнинских заводах выразилась в 600 т. пудов. Управляющий заводами и каменноугольными

[1]) Московское древлехранилище. Горный департамент, 1884 г., № 313. Дело I стола Отдела частных заводов № 33 „О применении к горным заводам и промыслам закона о малолетних работниках".

копями Уральского горнозаводского товарищества также считал целесообразным пересмотр правил о найме рабочих, так как существовавший порядок позволял рабочим не выполнять договорных обязательств.

На с'езде был поставлен вопрос „о пересмотре существующих правил о найме горнорабочих в смысле уравнения прав обеих договаривающихся сторон" [1]). Однако, это не привело к практическим результатам. И только законом 9 марта 1892 года на частные горные заводы и промыслы были распространены правила 3 июня 1886 года с известными отступлениями. А затем 2 июня 1897 года был издан закон об ограничении и распределении рабочего времени, за которым последовал циркуляр министерства внутренних дел 12 августа 1897 года, пытавшийся предотвратить возобновление стачечного движения, способствовавшего появлению закона 1897 года [2]).

Разрешая отдельные вопросы рабочего быта, законодательство не регулировало взаимоотношений заводоуправлений и рабочих на казенных заводах. Между тем, именно этим были недовольны как рабочие, так и заводоуправления. В 1896 году произошли волнения на казенном Златоустовском заводе [3]), ввиду введения „некоторых новых порядков, полезных для правильного течения заводских дел". Главный начальник уральских заводов взвалил всю вину на подстрекателей. Но выяснилось, что действовавшее Положение 1861 года в отдельных своих частях устарело и нуждалось в согласовании с новыми законоположениями о рабочих на частных горных заводах. Пересмотр старого закона был признан горным ведомством (в июне 1899 г.) тем желательнее, что закон 9 марта 1892 года требовал, чтобы к частным горным заводам и промыслам были применены правила о найме рабочих и о надзоре за заведениями фабричной промышленности. В период принудительного труда горнорабочие казенных заводов пользовались большими льготами и большей защитой закона, чем на частных предприятиях, а при отмене крепостного права на казенных заводах была ограничена эксплоатация детского труда, введены кассы помощи и др. Отрицательная же, по мнению горного ведомства, сторона Положения 1861 года о казенных заводах заключалась в том, что оно предоставило постоянным рабочим, организованным в горнозаводские товарищества, выделявшие из своей среды особые попечительные приказы [4]), „вмешиваться в дела внутреннего заводского распорядка, ограничивая в то же время свободу действий заводоуправлений даже в тех случаях, когда необходимостью вызывается принятие быстрых и решительных мер для обеспечения спокойствия на заводах".

---

[1]) Московское древлехранилище, горный департамент, I-е делопроизводство, 1 разр., № 15, 1882 г. „О созыве второго с'езда уральских горнопромышленников".

[2]) См. выше, стр. 129, 138 и след.

[3]) Архив минист. вн. дел 6-е делопроизводство зем. отдела, 1893 г., дело № 53/345 „Об изменении и дополнении инструкции 12 марта 1877 г." (дело обрывается на 1899 г.). Записка минист. госуд. имуществ, составленная в конце 1899 г.

[4]) Члены приказа избирались рабочими, а председатель приказа назначался по усмотрению заводоуправления.

Каковы же были те права и функции попечительного приказа, которые давали ему возможность стеснять свободу действий заводской администрации? Попечительным приказам было предоставлено устанавливать неспособность данного мастерового к дальнейшей работе, обсуждать споры между заводоуправлением и рабочими относительно доброкачественного исполнения работы, надлежащей оплаты труда (жалованием или сдельно), правильности вычетов или штрафов. Повидимому, в течение первых десятилетий после отмены крепостного труда не происходило конфликтов из-за предоставленных попечительству приказом прав. В девяностых же годах, как можно полагать, рабочие казенных заводов в лице попечительных приказов стали решительнее охранять свои интересы, что и повело к мысли об умалении прав этой организации.

Горнозаводские товарищества были призваны заведывать вспомогательными кассами. Средства кассы составляли: вычеты 2% (во всяком случае не более 3%) из заработной платы; соответствующие взносы заводоуправления; штрафы. Выдачи из касс производились: больным, инвалидам, при известных несчастных случаях и т. д. Нижеследующие цифры дают представления об этой стороне деятельности товариществ в 1893 и 1905 годах [1]).

Товарищества	В 1893 году					В 1905 году	
	Число членов		Наличность кассы к концу года (в рублях)	Число пенсионеров	Выдано пенсии (в рублях)	Число членов	Состояние кассы в рублях
	к началу года	к концу года					
Воткинское	964	1.158	49.900	14	136	2.417	222.000
Пермское	735	781	47 100	—	—	4.851	—
Кушвинское	350	369	52.300	56	1.177	710	72.800
Нижне-Турьинское .	422	410	51.700	90	2.049	1293	56.800
Верхне-Турьинское .	518	509	62.900	77	1.427	816	117.800
Баранчинское	551	567	60.300	48	844	730	100.100
Серебрянское	473	465	41.800	97	2.473	596	48.100
Илимское	95	84	17.900	31	155	135	24.500
Нижне-Исетское . . .	417	348	58.700	148	1.34	389	56.000
Каменское	216	226	31.500	33	448	418	45.600
Златоустовское . . .	1117	1.204	164.000	183	5.069	2.886	301.900
Саткинское	876	848	106.100	125	2.073	839	166.100
Кусинское	909	883	71.400	84	1.305	1.067	142.600

[1]) Отчет горного департамента за 1893 г.— *Пажитнов*, Положение рабочего класса в России, т. II (изд. III), стр. 270.

Вспомогательные кассы горнозаводских товариществ, сперва придерживавшиеся Положения 8 марта 1861 года, стали потом действовать по составленному в 1881 году в виде опыта временному Положению, а в 1893 году было издано постоянное Положение, главнейшие изменения которого заключались, между прочим, в следующем: 1) сверх лиц, обязанных участвовать в товариществах, разрешено также некоторым лицам (поставщикам угля, руды и флюсов, лесникам и пр.) вступать в члены; 2) установлен низший предельный возраст для членов товариществ — не менее 18 лет; 3) в случае увечья или смерти члена кассы от заводских работ ему или его семейству может быть дана сверх пенсии от казны также половина той пенсии, которая причиталась бы из кассы в случае, если бы увечье или смерть произошли не от казенной заводской работы; кроме того, если казенная пенсия и означенная половина менее всей пенсии, которая следовала бы из кассы, то можно назначать дополнительную до размера последней; 4) при определении размера пенсии за средний годовой оклад содержания постановлено принимать не среднюю сумму заработка в последние 10 лет, как было прежде, а среднюю сумму заработка за все рабочие годы; 5) наименьший размер вклада в один раз был понижен с 1 рубля до 25 копеек, а наивысший размер вклада одного лица повышен с 300 р. до 1.000 р.

По правилам 4 июня 1862 года и по закону 9 марта 1892 года горнозаводские товарищества могли устраиваться также на частных предприятиях с согласия самих рабочих и владельцев. Но в действительности на частных заводах подобные товарищества не образовались [1]).

---

[1]) *В. Святловский.* Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих (Архив истории труда в России, кн. IV). — *В. Белов.* Исторический очерк уральских горных заводов, стр. 148. — *К. Пажитнов*, названное сочинен. — *Г. Тиранов.* Кассы горнорабочих (СПБ, 1896 г.).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В СИБИРИ

НЕРЧИНСКИЕ РУДНИКИ И ПРОМЫСЛЫ

Материальное положение горнозаводского населения. — Нужда рудников в рабочих руках. — Условия труда — Каторжные на золотых приисках и в рудниках. — Политические каторжане.

о времени отмены крепостного права горнозаводское население Нерчинского округа, принадлежавшего кабинету, состояло приблизительно из 9.000 чел. мужского пола.

Положение горнозаводских людей, только-что освобожденных от принудительного труда, было исключительно тяжелое. Получая ничтожное вознаграждение, они находились в период обязательного труда в худших условиях, чем ссыльно-каторжные. Наибольший срок принудительного труда был установлен для каторжных не более 20 лет. Сыновья их до 17 лет не платили подати. Горнозаводские же рабочие, работая наравне с каторжными, служили 35, 40 и даже более лет. Дети их поступали на работу с 12 лет. Это привело горнорабочих в такое материальное убожество, что они оказались не в силах платить государственные подати. Поэтому в 1862 г. был возбужден вопрос об отмене таких стеснений. Но когда в конце того года был издан закон о льготах для населения частных и посессионных заводов, высшая сибирская власть признала необходимым принять более решительные меры, и облегчительный закон 12 марта 1868 года был применен к рабочим Нерчинского округа [1]).

После отмены принудительного труда местная горная промышленность тотчас испытала весьма чувствительную недостачу в рабочих руках. Еще при крепостном праве серебряно-свинцовые рудники слабо работали вследствие того, что лучшие силы направлялись на далекие казенные золотые прииски [2]). Приисковые рабочие оказались оторванными от земли и ввиду этого им пришлось после отмены принудительного труда навсе-

---

[1]) См. выше, стр. 66 Архив мин. вн. дел, 6-е делопроизводство земского отдела, 1863 г., дело № 13. „О казенных горных заводах в В. Сибири".

[2]) Приписные крестьяне в количестве 29.000 душ были переведены в состав Забайкальского пешего казачьего войска.

гда остаться при золотом промысле. Здесь их труд оплачивался лучше, чем на рудниках. В среднем за время с января по октябрь полносильный рабочий получал на прииске от 200 до 240 рублей при бесплатном пищевом довольствии, а на руднике—всего 55—90 рублей, хотя на заводах плата повысилась в шесть и более раз, чем при крепостном праве.

Те мастеровые, которые при обязательном труде находились при рудниках, вообще отказывались от этой работы. Местные жители весною уходили на золотые промыслы вблизи Нерчинска. Пожилые и многосемейные шли на летние полевые работы. Ввиду сказанного, рудничная деятельность крайне сокращалась в течение четырех-пяти месяцев, и в это время рудники наполнялись просачивающейся дождевой водой. Нигде не образовалось горнозаводских товариществ. Отвлекла от рудников и частная золотопромышленность, появившаяся в конце шестидесятых годов в Нерчинском округе и в Приамурской области.

Во всех рудниках работа производилась по забоям артелями. Каждая из них подряжалась на выработку известного кубического пространства. В забоях опытом было определено, во сколько поденщин (при отдаче каждым бурильщиком в смену, средним числом, трех скважин шестивершковой глубины) могло быть выработано данное кубическое пространство. По окончании выработки артель тотчас же получала расчет, а затем, в случае желания, она подряжалась на выработку нового пространства. Близкий расчет способствовал ускорению работы. Работа на Алгачинском руднике шла в две смены круглые сутки, за исключением праздничных дней. Полный оклад бурильщика доходил до 72 р., работавшего по креплению—108 р., по откатке руд и пород и под'ему их ручным воротом—66 р., по отливу воды—72 р. Подростки от 12 до 16 лет, занятые ручным разбором руды и отсевкой, смотря по уроку, получали от 2 до 4 р. в месяц. На промывку руд шлемграбенами ставились полносильные рабочие — им платили 6 р. в месяц[1]). На Средне-Зерентуйском руднике работа производилась вяло. Местное население питало столь глубокое отвращение к горным работам, что в течение восьмичасовой смены фактически работа шла всего четыре часа, и даже сдельная плата не могла заставить рабочих увеличить количество пробуриваемых шпуров.

При отсутствии необходимого числа рабочих рудничное управление, вынужденное совершенно приостановить разведочные работы, начатые в 1858 г., старалось обеспечить себя принудительной рабочей силой в лице ссыльно-каторжных, работавших на золотых промыслах. Оно неоднократно просило об этом, но безуспешно. И неудивительно. Труд каторжных был сопряжен с убытками. Хотя еще в 1858 году состоялось распоряжение, чтобы расходы по содержанию каторжных падали на счет Кабинета только в соответствии с фактической пользой от их труда (остальные

---

[1]) *Павлуцкий.* Краткое описание серебро-свинцовых рудников в Нерчинском округе (Горный журнал, 1870 г., ч. 2-я, кн. 6-я, стр. 357, 390 и др.) — *И. Боголюбский.* Историко-статистический очерк производительности Нерчинского округа с 1703 г. по 1871 (СПБ, 1872).

доплачивала казна), все же за время с 1858 г. по 1863 г. Кабинет перерасходовал на золотых промыслах около 250 тысяч рублей.

Тем временем Нерчинский горный совет, чтобы уменьшить расходы, стал добиваться присылки ссыльно-каторжных на рудники. Особый иркутский комитет тоже признал (1868 г.), что рудники не могут обойтись без труда каторжных. Вследствие этого было решено восстановить каторжные работы на Нерчинских серебро-свинцовых рудниках с тем, чтобы расходы и убытки шли за счет казначейства. В целях правильной организации труда каторжных их перевели из горного ведомства в гражданское. За их труд горное ведомство должно было платить в размере, установленном для вольнонаемных. Деньги поступали в кассу министерства внутренних дел. Из этой суммы ежегодно отчислялась некоторая часть „в пользу самих преступников для поощрения их к труду и воспособления к устройству быта увольняемых на жительство вне острога“ [1]). На первое время для этой цели были назначены 15%. Гражданское ведомство было обязано следить за тем, чтобы каторжных не обременяли излишними уроками.

Помимо того, что труд каторжных, как подневольный и весьма мало дававший заработка каторжным, был непроизводительным, самые условия содержания каторжных (окарауливание) удорожали их труд.

Содержание каторжных		Управление каторжных	
Питание	Р. 123.000	Штаты	Р. 18.000
Одежда	„ 57.000	Расходы . . .	„ 4.000
Богадельня	„ 23.000	Конвой	„ 50.000
Лазарет	„ 32.000		Р. 72.000
	Р. 235.000		

Питание каторжных не было всегда одинаковым. В период с 1 марта по 1 ноября, в пору более усиленной работы, каждому выдавалось по 2,8 фунта хлеба и по 1 ф. мяса, а с 1 ноября по 1 марта — лишь по 2,08 ф. хлеба и всего по $^1/_2$ фунта мяса; соответственно этому выдавалась и крупа, достигая в год на человека $2^1/_2$ пуда; капуста входила в меню только на протяжении семи зимних месяцев по $^1/_4$ фунта в день; чай давали лишь в шесть летних месяцев по $^1/_4$ ф.; для борьбы с цынгой служила черемша (один фунт в год).

Расходы по содержанию каторжных могли лишь в части быть покрыты их заработками. По смете на 1869 г. предполагалось, что 600 человек „исправляющихся“, надзор за которыми был ослаблен, заработают на Карийских золотых промыслах 52 тысячи р., т.-е. столько, сколько стоит их продовольствие и одежда, а 489 „исправляющихся“ на других промыслах — 43.000 р., также достаточные для покрытия их содержания. „Испытуемые“ же, которых, как видно, отпускали только на работу, не мешающую окарауливанию, могли заработать, несмотря на свое большое

[1]) Архив мин. вн. дел, 2 отд. деп-та полиции исп., 1869 г., дело № 15 «Возмещение убытков» и т. д.— Второе собр. зак., № 46811 (4 марта 1869 г.) — Арх. госуд. сов., деп. экономии, 1892 г., дело № 72.

число, всего 30.000 рублей. Впрочем, на эту статью дохода вообще нельзя было твердо рассчитывать. Отметим еще некоторые данные о заработках каторжных в 1870 г.

Исправляющиеся на Каре, в среднем числе 202, в течение 8 месяцев и 22 дней	Р. 18.246
Тоже на Урюмских и Желтугинских промыслах в среднем 288 муж. и 9 женщ., 8 месяцев и 22 дня	„ 20.535
Испытуемые	„ 35.553
Богадельщики на Казановском промысле	„ 61
Всего . . .	„ 74.395

Из этого заработка каторжным выдали до 11.200 рублей на руки. Кроме того, упомянутые 490 мужчин получили на промыслах содержание, благодаря чему осталось неизрасходованным 19.600 рублей [1]).

Труд каторжных, как видно, вообще не представлялся привлекательным для горнозаводских предприятий. Да и не всегда их труд мог быть применен, так как самое управление ими было связано с известными затруднениями. В 1871 г. департамент государственной экономии жаловался, что в Сибири решительно уменьшились работы, на которые прежде ставили каторжных. Вследствие этого при обсуждении вопроса о передаче некоторых уральских казенных заводов в частные руки было обращено внимание на Богословские заводы, которые „по отдаленному положению их на севере и по способу разработки медных рудников представляют сравнительно с другими заводами наиболее удобств для употребления в работу ссыльно-каторжных“ [2]).

Наибольшее применение каторжный труд находил на кабинетских золотых приисках в Нерчинском округе, из-за которых, как мы видели выше, серебряные рудники лишались рабочей силы. Тут были, конечно, и свободные рабочие, но нигде в другом месте процент каторжных не был так высок, как здесь. Каторжные сосредоточивались, главным образом, на Карийских промыслах, где в середине шестидесятых годов их было около 1.200. А на Шахтаминских (1862 г.) — около 1.300. К восьмидесятым годам они наибольшей своей массой оказываются на Карийских промыслах — в 1885 г. работало около 1.800 человек, всего же с их семьями насчитывалось более 2.500 душ.

Вольнонаемные рабочие для золотых промыслов вербовались особыми уполномоченными, которые нанимали их в Читинском, Нерчинском, Нерчинско-заводском и Верхнеудинском округах, а частью и в Иркутске. Договоры кабинетских приисков в семидесятых годах были более благоприятными для рабочих, чем контракты частных промышленников [3]). В слу-

[1]) Архив мин. внутр. дел, 2-е отд. деп. полиции, 1869 г., дело № 35 „О расходах на содержание в 1869 г. ссыльно-каторжных Нерчинских заводов“.

[2]) Государств. совет, департамент государств. экономии, 1871 г., дело № 320 „О передаче некоторых казенных заводов и золотых приисков в частные руки“ (мнение департамента 3 апр. — 20 мая 1871 г.).

[3]) Очистка промыслов, см. ниже, стр. 224 и след.

чае досрочного увольнения рабочего, незамеченного в предосудительных поступках, что свидетельствовалось артельной расправой, Кабинет выплачивал ему за оставшееся время, но не более, чем за три месяца. Несколько лет спустя добронравное поведение рабочего свидетельствовалось уже промысловым управлением. Задатки при найме рабочих не должны были превышать в семидесятых годах следующих сумм: рабочим „честного звания" — 80 р. на „таежных промыслах", на прочих — 60 рублей, а ссыльно-поселенцам выдавалось по 30 р. и лишь в крайнем случае — 50 р. Как видно, иногда приходилось выплачивать и больше. В следующее десятилетие задатки утвердились на более высоком уровне: для свободных рабочих — до 100 р., а для поселенцев — до 60 р.

Рабочий день по договорам восьмидесятых годов начинался в 5 час. утра и кончался в 8 часов вечера с перерывом для еды и отдыха в совокупности не более 2 часов. Следовательно — фактическая работа продолжалась 13 часов. Если же случались ночные работы, то с 7 часов вечера до 5 час. утра с перерывом в один час, т. е. всего работа продолжалась 9 часов. Можно, впрочем думать, что в действительности работа не была столь длительной, так как по „рабочему положению нерчинских золотых приисков", составленному в 1876 году, полагалось следующее число рабочих часов: с 1 апреля по 1 мая — 8; с 1 мая по 1 октября — 10; с 1 октября по 16 ноября — 8; с 16 ноября по 1 апреля — 6. По выполнении урока рабочие могли уходить с прииска и ранее назначенного времени. Для каторжных на Каре рабочий день продолжался зимою с 7 час. утра до 5 часов вечера, а летом на четыре часа больше — с 5 час. утра до 7 час. вечера; впрочем, значительная часть этого времени тратилась на переход от тюрьмы к месту работы. Помимо двух льготных дней в месяц, рабочие пользовались отдыхом еще в течение различных праздничных дней, чего не знали рабочие на частных приисках. За год насчитывалось всего 35 дней отдыха.

Как и на частных промыслах, поурочная система оплаты труда, допускавшая в определенных отраслях работы удлинение рабочего дня, сочеталась со старательской, которая оценивалась, конечно, по более высокой норме. Случалось, что когда хозяйский урок оказывался недоработанным, вычет производился из старательской платы. Таким образом, если рабочий не доработал полсажени урока, за которую полагался бы пропорциональный вычет в 36 коп., с него удерживали один рубль по расценке старательской работы. Средний годовой заработок здорового рабочего (1881 г.) равнялся 182 р. (не отработанных долгов приходилось в среднем на каждого 7 — 8 рублей). При возвращении рабочих домой большая часть заработка оставлялась в кабаках.

Продовольствие, обходившееся в 86 р. на каждого рабочего в год (в середине восьмидесятых годов), почти ничем не разнилось ни в количественном, ни в качественном отношении от режима, установившегося на частных промыслах, характеризуясь тем же однообразием.

Каторжные вообще хуже выносили промысловую работу, чем вольные. Число больных среди них было громадно, что об'яснялось усло-

виями каторжных тюрем [1]). Тюрьмы для каторжных на Каре были расположены [2]) на пространстве около 30 верст с большими промежутками между ними. Первые тюрьмы, женская и цехи, находившиеся при самом впадении Кары в Шилу, назывались Усть-Кара. Далее вверх по Каре, в девяти верстах, в бесплодной местности, находилась „Новая тюрьма". Еще выше расположился „Нижний промысел" („Нижняя Кара"), где содержались политические. За ним следовала „Средняя Кара" и „Верхний промысел", после чего этот скорбный путь венчала тюрьма новой постройки „Амур". Особенно тяжело было положение каторжных в „Новой тюрьме" и в „Амуре", где не было поселков бывших каторжных, выпущенных в вольную команду, и их семейств. К 1890 г. было прекращено, из-за невыгодности, привлечение вообще каторжных к работам на Карийских золотых промыслах.

В семидесятых годах в разрезах на промыслах трудились, среди прочих каторжных, и политические ссыльные из „Нижней Кары". Но в следующее десятилетие они уже не направлялись на земляные работы. В докладе за 1880—81 гг. генерал губернатор Восточной Сибири сообщал, что отправка политических на прииски вместе с уголовными невозможна. Так как политические не способны к тяжелому труду, а непроизводительных работ для каторжных работ в России не существует, то надо ограничиться содержанием политических в тюрьмах и употреблением их изредка для местных работ. Однако, и при этих условиях их положение, по словам генерал-губернатора, не могло быть названо легким, напротив, их жизнь представлялась „невыносимою" [3]). К 1882 г. на каторжных золотых приисках находилось 123 государственных „преступника" [4]). Но уже несколько лет спустя политические каторжные не принимали более участия в приисковых работах. Когда же в 1890 г. карийская политическая тюрьма была упразднена, находившихся в ней 13 человек перевели в Акатуй, с тем, чтобы они наравне с уголовными работали на серебряных рудниках [5]).

---

[1]) В конце 1868 г. на Карийских золотых приисках и в Усть-Карийской богадельне находились 3.108 каторжных:

Полносильных:	испытуемых	1.080
„	исправляющихся . .	978
„	женщин	200
Слабосильных:	мужчин	800
„	женщин	50

[2]) В 70-х и 80-х годах.

[3]) В 1884 г. на Нерчинских золотых промыслах была обнаружена растрата 1.900 рублей, присланных для государственных „преступников".

[4]) *Семевский.* Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. II, глава VIII.— Ср. *В. Я. Кокосов.* Рассказы о Карийской каторге (СПБ, 1907 г.). — В книге „Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги (Москва, 1927 г.) приведен библиографический справочник по истории Нерчинской каторги.

[5]) *Л. Дейч,* 16 лет в Сибири (3-е изд., 1924 г.), стр. 234, 241. В 1898 г. в Акатуй были переведены политические, оставшиеся вблизи Карийской тюрьмы, в вольной команде.

Было задумано передать Акатуйскую тюрьму, в связи с переводом туда политических каторжных, в ведение тюремного управления. Но при новых условиях опасались слить политических с уголовными. Из осторожности рекомендовалось сосредоточить политических каторжных в Акатуйской тюрьме. В ней могло поместиться до 100 заключенных. Именно такое количество имелось в виду направить к работе в Акатуйском руднике ввиду восстановления деятельности нерчинских серебро-свинцовых рудников. Но так как в Карийской тюрьме не имелось столько политических, то недостающее число надо было пополнить такими уголовными, „которые не могли внушить опасения подпасть влиянию учений политических каторжан". Женщины политические были первоначально оставлены на Каре, чтобы устранить то умственное влияние на обитателей мужской тюрьмы, которое все время сказывалось на Каре, несмотря на то, что мужская тюрьма находилась от женской в расстоянии 15 верст. Но через несколько лет и женщин перевели в Акатуй. Каторжные должны были работать не более 11 часов в сутки летом и 10 часов зимою; если давали урок, работа прекращалась по выполнении его [1]).

НА АЛТАЕ

Уход мастеровых с горных предприятий. — Упадок горной промышленности. — План образования земледельческого населения как источника рабочей силы для горных предприятий. — Заработная плата. — Условия труда. — Работа на золотых приисках.

В 1863 г. была освобождена от принудительного труда последняя партия горнозаводских мастеровых [2]). А 8 марта 1864 г. была снята с приписных крестьян последняя часть обязательного труда, и они с издельной горнозаводской повинности перешли на денежный оброк.

Стремление уйти с предприятия было настолько интенсивно среди мастеровых, что из них не хотели остаться даже те, которые за один еще месяц крепостной службы во время освобождения могли получить преимущество полной отставки. Многие рекруты-рабочие сейчас же ушли в родные села, продавая за бесценок свои дома и хозяйство. Лишь спустя некоторое время они вернулись на заводы, убедившись, что отвыкли от земли. Из 23.708 мастеровых и урочников на Алтае остались лишь 11.346, прочие приписались к прежним крестьянским обществам. Между тем, с упразднением принудительного труда положение урочников стало более благоприятным в сравнении с мастеровыми. Мастеровые и особенно рекруты охотно поступали в урочники, представляя ручательство крестьян в исправном выполнении уроков. На рудники и заводы

---

[1]) „Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги", стр. 16—25.—Ср. архив госуд. совета, департ. экономии, 1892 г., № 72 „Об отделе 50.000 руб. на приспособление Нерчинских рудников к разработке трудом ссыльно-каторжан".

[2]) См. том I настоящей книги, стр. 210—225.

поступали те из них, которые не могли представить указанное ручательство. После отмены принудительного труда урочники остались на прежнем положении, при чем, конечно, освободились от обязательной работы, а мастеровые лишились прежних льгот, среди коих важнейшей являлось даровое довольствие хлебом как самих мастеровых, так и их семей [1]). В Салаирском крае из 1.600 домов, имевшихся до 1861 г., осталось всего 1.000. На каждом шагу встречались следы заброшенных огородов и усадеб.

Замена дешевого принудительного труда вольнонаемным уже быстро отразилась на хозяйстве предприятий. Как бы предсказанием, что алтайская горнозаводская промышленность вступила в полосу потрясений, явилось уменьшение деятельности Томского завода. Из приводимой здесь таблички [2]) мы видим, как в 1862 г. упала добыча руды, и вместе с тем уменьшилось количество занятых рабочих. А два года спустя завод пришлось совершенно закрыть, при чем около 700 мастеровых остались со своими семьями без всяких средств к существованию.

	1860 г.	1861 г.	1862 г.
Добыто жел. руды	125 т. п.	138 т. п.	98½ т. п.
Задолжено рабочих	688	473	275
Приписных крестьян	6.659	5.128	—

Удорожание производства привело к тому, что алтайские заводы утратили возможность заготовлять, как прежде, двойные и тройные запасы руды и горючих материалов, и систематически производить разведки. Ввиду этого выплавка основного материала — серебра — стала постепенно сокращаться (см. таблицу на стр. 220), в связи с чем (отчасти также вследствие злоупотреблений) предприятия в семидесятых годах дали убытки. С 1887 г. по 1891 г. были закрыты один за другим медные рудники. Тогда же приступили к ликвидации серебро-плавильного дела, а затем задумали ликвидацию и других заводов.

Удержание производства шло, так сказать, двумя путями. С одной стороны, рудники углублялись и истощались, качество руды ухудшалось, и леса все более удалялись от места выплавки. С другой стороны, сильно вздорожали рабочие руки, главным образом, благодаря общему экономическому оживлению края, открывшему новые занятия. Вообще, при новых условиях сельское хозяйство и скотоводство стали более выгодными. Ускорившийся темп хозяйственной жизни в крае привел к поднятию цен на хлеб, а, следовательно, и на рабочие руки. Последнее обстоятельство обострилось еще тем, что по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири из крестьянских селений были выдворены киргизы, представлявшие собою для крестьян дешевую рабочую силу и дававшие им возможность итти на другие работы.

---

[1]) Главный комитет об устройстве сельского состояния, 1873 г., дело № 4 (записка министра внутр. дел).

[2]) Географ.-статист. словарь Семенова, т. V, стр. 182.

Выплавка в пудах (золото в пудах и фунтах)

Годы	Золото	Серебро	Свинец	Медь	Чугун
1859	42,19	1.085	4.145	31.000	90.376
1860	33,10	1.060	53.637	32.000	97.789
1861	26,01	964	49.316	30.000	74.800
1862	19,39	1.029	53.491	38.120	79.794
1863	21,15	1.044	64.903	33.000	24.156
1864	25,25	1.061	79.682	30.000	34.451
1868	17,14	1.082	97.021	33.197	21.220
1870	19,26	802	70.613	34.786	29.190
1880	11,39	506	50.390	28.678	6.000
1885	9,07	538	3.173	24.605	106.997
1889	—	652	6.728	33.747	112.021

Сопоставляя заработную плату в пореформенный период с той, какая существовала при крепостном праве, надо иметь в виду, что оплата крепостного труда мастеровых была вдвое, втрое и даже вчетверо ниже действительной его стоимости. Согласно одному подсчету, взрослые мастеровые (15.235 чел.) недополучали ежегодно 500—600 тысяч рублей, а подростки (1.600 чел.) — 56—88 тысяч рублей. В таком же положении находились и приписные крестьяне. Вследствие этого заводоуправления с отменой принудительного труда лишались в год более миллиона рублей [1]). Вместо прежней горнозаводской повинности крестьяне уплачивали с 1861 г. оброк, который причислялся к земельным доходам, а не к заводским поступлениям, вследствие чего доходность горного дела понизилась. В поисках дешевых рабочих рук Барнаульская заводская контора согласилась (1864 г.) взять крестьян, посылаемых начальством для заработка недоимок по подушной подати, но с тем, чтобы содержать их в арестантских ротах, иначе нет гарантии, что они во-время будут являться на работу. И алтайское горное правление, ссылаясь на давние узаконения, разрешило заводской конторе содержать в ротах „развратных из крестьян".

Независимо от общих причин, постепенно приведших к вздорожанию труда в крае, на горнозаводских предприятиях первое время вслед за отменой крепостного права заработная плата была значительно поднята мастеровыми, полагавшими, что при „свободном труде" всякое требование будет удовлетворено. Но уже вскоре, с сокращением деятельности заводов, появился избыток рабочих рук, и требования мастеровых понизились.

Конечно, вольнонаемный труд оплачивался выше производительного. Но и повышенная плата не удовлетворяла насущных потребностей рабочих в виду вздорожания жизни. Вскоре после отмены принудительного труда возник вопрос о необходимости распространить на горнозаводское население льготы, предоставленные законом 3 декабря

---

[1]) Ср. выше, стр. 3.

1862 года [1]) мастеровым на Урале, и прежде всего — освобождение на шесть лет от казенных податей и земских денежных повинностей, а также от рекрутской повинности. Что касается вопроса об обеспечении мастеровых средствами к жизни в случае закрытия предприятий, то при разрешении его надо было принять во внимание следующее обстоятельство. В хозяйственном отношении рабочие делились на три разряда: 1) имеющие оседлость и занимающиеся хлебопашеством, т.-е. обладающие пахотной и покосной землей; 2) имеющие оседлость и не занимающиеся хлебопашеством, т.-е. обладающие только покосной землей, 3) не имеющие оседлости и не занимающиеся хлебопашеством, т.-е. вовсе лишенные земли. Две последние группы рабочих находились всецело в зависимости от неустойчивой заводской работы. Чтобы устранить это, надо было дать им за оброк в пользу завода имевшуюся в изобилии пахотную и сенокосную землю. На случай же, если эти новые земледельцы откажутся от горной работы, следовало, по совету генерал-губернатора, дозволить посторонним землепашцам водворяться на заводских землях. Тогда прибудут новые люди, среди которых найдутся и рабочие.

Этот план образования многочисленного земледельческого населения, которое в силу естественных экономических условий поставляло бы рабочих на заводы, вызвал опасение, что при столь широком наделении мастеровых землею горные предприятия останутся без людей. Поэтому было предложено добавить на душу от 8 до 15 десятин за оброк в пользу Кабинета, с тем, чтобы земли, лежащие вблизи горнозаводского предприятия, отдавались преимущественно тем, которые поступали на рудничные и заводские работы по договору. Опыт использования вольнонаемного труда был слишком короток, а потому нельзя было твердо рассчитывать, что на заводы, так сказать, самотеком, без принятия надлежащих мер, будут являться рабочие в достаточном количестве. В соответствии со сказанным были введены уставные грамоты. Но когда Томский завод был закрыт, на очередь встал вопрос о тяжелом положении рабочих на алтайских (и нерчинских) заводах. И вскоре было постановлено (12 марта 1868 г.) применить к некоторым горнозаводским обществам Алтая (и ко всему населению нерчинских заводов) закон 3 декабря 1862 г. об освобождении от податей, земской повинности и рекрутчины [2]).

С отменой принудительного труда была введена сдельная оплата добычи руды. И поэтому, в зависимости от естественных условий данного разрабатываемого места, за кубическую сажень руды назначались разнообразные цены. Так, в 1889 г. на Салаирском руднике платили от

---

[1]) См. выше, стр. 61.

[2]) См. выше стр. 66. Мастеровым Томского завода, по его закрытии в конце 1864 г., были предоставлены льготы по закону 3 декабря 1862 г.

Архив минист. внутрен. дел, 6-е делопр. земского отдела, 1862 г., дело № 6 „Об устройстве быта населения горных заводов и мерах к обеспечению заводского населения“, ч. II, стр. 135 и след.— Второе собрание законов, № 45599 (12 марта 1868 г.). Об освобождении от рекрутчины — см. Второе собрание законов: 2 ноября 1863 г., 15 ноября и 9 декабря 1865 г., 2 марта 1866 г., 23 декабря 1866 г. и др.

25 до 45 руб., при большей глубине и трудной породе — 60 р., а иногда даже 100 руб. На Зырянском руднике существовали такие цены — 25 р. 55 коп., 38 р. 48½ коп. и 51 р. 87½ к. Рудокопам приходилось в день от 30 коп. до 2 р., в среднем от 60 коп. до 1 р. При этом из заработной платы вычиталась стоимость выдаваемых рабочим свечей, динамита и пр. Поденщики, работавшие на поверхности и в горе, зарабатывали от 50 до 80 к. в день; бурщики — 1 р., отвальщики — 40 к. Расчет с рабочими производился раз в две недели.

Нижеследующие цифры годовой заработной платы (в рублях) могут дать представление об изменившемся ее уровне. При этом нужно иметь в виду вздорожание жизни и то, что при крепостном праве рабочие получали хлеб натурой — до 30 р. на рабочего в год.

	1795 г.	1849 г.	1864 г.	1889 г.
Кайловщики и бурщики	24	10	Сдельно	
Горные работники	18	6—7½	80—150	100—200
Рудоразборщики	12—15	3½—5	50—70	60—100

Как видим, за последние двадцать пять лет (1864—1889 гг.) заработная плата мало поднялась. Повышение не угналось, конечно, за ростом в ту пору цен на предметы первой необходимости. Это произошло потому, что с течением времени население, осевшее около рудников и заводов, поневоле обратилось к горнозаводской работе, вследствие чего недостатка в рабочей силе не ощущалось.

Рабочий день продолжался вообще 12 часов, но для подземных работ на рудниках — 8 часов. При непрерывных работах назначались три смены — дневная, ночная и гульная неделя. За опоздание (и выход на работу в пьяном виде) делался вычет — за первые два часа по 10 коп. за каждый, далее — по 20 коп., а за всю смену — 1 р. 50 коп., каковые взыскания поступали в пользу заменяющего рабочего. Штрафы налагались и по другим поводам [1]).

Заработки на кабинетских золотых промыслах, более высокие, чем на рудниках, могли бы привлечь рабочих в достаточном количестве, если бы не соседство частных золотых приисков, на которых аппарат управления был более гибкий, чем на кабинетских, и на которых вольнонаемные уже привыкли работать. Эта конкуренция представлялась столь угрожающей, что кабинетское правление оказалось вынужденным прибегнуть к выдаче задатков в сумме от 20 до 40 рублей на человека, как к мере привлечения рабочих. Впрочем и раньше имелись кабинетские промыслы, для которых нехватало крепостных людей, и где поэтому пользовались вольнонаемным трудом при содействии задатков. Наем происходил в октябре и в ноябре, а сбор рабочих назначался к 1 февраля, но не все приходили к сроку: одни скрывались, другие по

---

[1]) Статьи *П. Голубева* и *Н. Зобнина* в сборнике „Алтай" (Томск, 1890), статья *Н. Зобнина* в „Алтайском сборнике" (1894 г.). — *П. Голубев.* Ликвидация горного дела на Алтае („Русское богатство", 1892 г. кн. XI).

фальшивым свидетельствам нанимались на чужие прииски, третьи, пропив задатки, являлись на сборные пункты в таком виде, что приходилось на счет предприятия одеть их „с ног до головы", потом, по пути на прииск, иные пропивали и эту одежду, вследствие чего на прииске их вторично одевали. Такие рабочие, приступая к работе, уже должны были промысловому управлению 60 рублей и больше.

Промысловым управлениям в это время разрешили пользоваться также трудом ссыльно-поселенцев с тем, чтобы они работали подальше от населенных пунктов, во избежание вредного влияния на рабочих. И подобно частным промышленникам, Кабинету пришлось превысить размер задатков, установленный законом для поселенцев (7 р. 50 к.), доведя его до того уровня, которого придерживались частные промышленники.

Согласно старому закону работа на золотых приисках начиналась не ранее 5 час. утра и кончалась не позже 8 час. вечера. В течение рабочего дня давался отдых и время на еду, — так что работа фактически производилась 12 часов. Старательские работы (после выполнения урока) были обязательны и в будни и в праздники. Месячное жалованье выдавалось с ноября до апреля в размере 4 рублей, а в остальное время — по 3 р. 15 коп. (мастера, ремесленные рабочие, конюхи и т. п. получали более высокое вознаграждение, как всюду на промыслах), а плата за старательские (сверхурочные) работы была назначена в будни по 10 к. за каждую таратайку, в праздники — по 3 р. за одну куб. сажень песков и пр. Кроме того, особо оплачивалось по весу найденное золото.

Бесплатное продовольствие, тягостное по своему однообразию и отсутствию овощей, мало чем отличалось от нормы нерчинских промыслов. По смете 1870 г. продовольствие одного рабочего в месяц—кроме винных порций — обходилось в 4 р. 29 коп. Вообще, в своих хозяйственных отношениях к рабочим управление кабинетских промыслов следовало по стопам частных золотопромышленников, и в соответствии с этим быт рабочих на кабинетских промыслах был схож с тем, который установился на частных промыслах. Между прочим, и на кабинетских промыслах накопился значительный долг за рабочими.

Ввиду уменьшения добычи золота в 1873 г. на ряде приисков работа была совершенно приостановлена. На некоторых ее продолжали только посредством старателей (золотничников), так как, получая вознаграждение лишь с каждого золотника добытого золота, они низвели расходы по эксплоатации приисков до минимума [1]). Одновременно в Алтайском округе была расширена территория, открытая для частной золотопромышленности.

---

[1]) Подробнее см. *Семевский*, т. I, гл. X.

ЧАСТНАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Положение приискателей в шестидесятых годах, — задатки, заборы из приисковых лавок, кабальные договоры, оплата труда, карательные меры.—Соотношение между количеством добытого золота и числом занятых рабочих.— Разработка нового законодательства о золотой промышленности. — Закон 1870 г. о найме. — Использование труда каторжных. — Вопрос о водке.— Промысловая жизнь в 80-х и 90-х годах. — Пересмотр закона 1870 г.—Закон 1895 г.: рабочий день, труд подростков и женщин, договоры, задатки, штрафы, судебная защита рабочих. — Закон 1897 г. о рабочем дне. — Упадок золотой промышленности и численность рабочих. — Китайские рабочие. — Движение среди промысловых рабочих.

Отмена принудительного труда не могла непосредственно отразиться на положении рабочих, занятых в частной золотой промышленности, так как эта отрасль горной промышленности и раньше не пользовалась крепостными людьми. Но вызванный упразднением крепостного права общий дух свободы и преувеличенное на первых порах представление о новых трудовых условиях осложнили старые отношения рабочих к хозяевам. Судя по тому, что писалось и говорилось в шестидесятых годах, условия труда на частных енисейских золотых промыслах представляются в следующих очертаниях [1]).

Вербовка рабочих для приисков в большинстве случаев производилась при помощи спаивания и огромных задатков. Добровольно, так сказать, приходивших на прииски было мало. Обстановка работы и жизни была такова, что однажды беглый каторжник, сумевший попасть на прииск в качестве поселенца, сам об'явил о своем прошлом, чтобы вернуться на каторгу. Этим об'ясняется, что на прииски шли преимущественно деклассированные элементы. По Енисейскому округу можно было насчитать всего около 100 местных жителей на ряду с 18.000 выходцев из внутренних губерний, а также ссыльными, которые нередко высылались при содействии волостных писарей, получавших за это вознаграждение.

Чтобы закабалить рабочих, сделать их неоплатными должниками, золотопромышленники выдавали задатки, превышавшие их годовой заработок. Взяв задаток, нанявшийся не имел права отлучиться из дома в ожидании призыва его на работу, но жалование он получал лишь со дня прибытия на прииск. На этом рабочий терял иногда до трех месяцев, не имея возможности в течение всего времени подыскать себе работу на стороне. Конечно, рабочий не смел уйти с прииска раньше обусловленного срока, но хозяин мог его отослать в любое время. Когда же рабочие убегали, особые казачьи отряды ловили их.

Роль задатков была тем значительнее, что золотопромышленник обязывал рабочего брать из приисковых лавок предметы первой необходимости по высоким ценам, особенно возраставшим на мелких про-

---

[1]) *Н. Латкин.* „Очерк северной и южной системы золотых промыслов Енисейского округа". Рецензия на этот очерк в журнале „Дело", 1869 г., кн. XI (рецензент обрушивается на автора, пытавшегося обелить положение рабочих).—Статья золотопр-ка *А. Лопатина* в „Известиях Сиб. отделения Русского Геогр. Общества", 1872 г., т. II. № 4. Помещая статью, редакция отметила, что она не присоединяется к словам автора.

мыслах. Среди предметов „первой необходимости“ видное место занимала водка. Хозяева содержали кабаки, в которых стаканчик водки отпускался по 1 рублю, бутылка—по 5 рублей. Эта отрасль торговли становилась особенно прибыльной для золотопромышленника, когда он одновременно являлся также винокуром. Один такой хозяин, выплатив рабочим десять тысяч рублей, об'явил, что остальные девяносто тысяч они могут получить во всех его кабаках, расположенных на путях, которые вели домой. И там были пропиты все сто тысяч. Рабочему было крайне трудно покрыть заработком и задаток и долг по заборам из лавки, тем более, что и жалование то нередко выдавалось вещами. Поэтому задолженность и новые задатки заставляли рабочего из года в год итти к тому же хозяину. Конечно, выдача больших задатков была в известной мере рискованна для золопромышленника. Однако, по заявлению некоторых наблюдателей, теряемые суммы представлялись для хозяев совершенно ничтожными в виду интенсивной эксплоатации рабочих. Нередко золотопромышленник включал в договоры пункт, по которому он мог переуступить своих рабочих до окончания срока договора другому хозяину. И этот новый хозяин выплачивал старому хозяину долги рабочих. Выходило, что рабочие запродавали себя на срок договора. Действительно, рабочие, переходившие при указанных условиях от одного хозяина к другому, назывались „запроданными“. В некоторых контрактах оговаривалось, что при передаче рабочих другому хозяину они должны „рассчитываться по тем же условиям, какими будут обязаны там другие работники“. Иначе говоря, нанятые первым хозяином по более высокому вознаграждению обязывались работать у второго хозяина и в том случае, если там существовала низшая оценка труда.

Рабочий день продолжался от 5 час. утра до 8 час. вечера, но иные контракты предусматривали возможность в случае нужды удлинить этот срок. Иногда работа начиналась уже в 4 часа утра, а заканчивалась только после девяти и даже позже. По словам золотопромышленника Латкина, на одном прииске работали с 4 час. утра до 12 час. ночи,— люди засыпали на сырой земле, не поев. По его уверениям, это происходило только в давние времена, но подобные явления не были чужды описываемой нами эпохе шестидесятых годов. Порой работали дневная и ночная смены, и при том даже в праздники, хотя по закону разрешались по праздничным дням только старательские работы. Если заданный урок не был выполнен — рабочего штрафовали.

Заработок мастеровых колебался в пределах 120—250 рублей, а рядовых рабочих — от 35 до 150 руб. в год. Обычно, из этих денег ничего не приносилось домой, так как задатки, заборы из лавки и кабацкий разгул поглощали всю сумму заработка. За время болезни жалованье не выдавалось, а иногда даже взималось за лечение. Если же болезнь угрожала стать затяжной, рабочего рассчитывали и старались удалить с прииска. Медицинская помощь на местах почти отсутствовала вплоть до конца шестидесятых годов, когда она стала проникать весьма медленно.

Вся эта картина, нарисованная по наблюдениям современников, приобретает еще более мрачный колорит в позднейшем исследовании, составленном на основании архивных материалов, открывших множество ярких деталей [1]). В виду измельчания золотого промысла в большинстве золотоносных систем положение рабочих могло только ухудшиться. На таких промыслах задаток мог обезопасить рабочего в случае краха, но хозяева стали сокращать размеры задатков. Была даже сделана безуспешная попытка склонить всех золотопромышленников взаимно согласиться на определенный размер задатка.

На ряду с прежними общими контрактами на все работы и особым контрактом на вскрытие торфа (турфа) в шестидесятых годах начинают появляться контракты с „золотничными". Условия найма для этих групп рабочих были различны, но общее в них было то, что в подавляющем большинстве случаев договоры служили не к охране интересов рабочего, а к порабощению его. Случалось, что контракты удлиняли рабочий день свыше всякой меры — например, с 3 час. утра до 9 час. вечера. На некоторых промыслах работы продолжались в течение 16—17 часов. Подобная длительная работа допускалась преимущественно на крупных промыслах, что могло об'ясняться и введением машинной промывки золота и угодливостью горного исправника перед богатым промышленником. Если же рабочий день в отдельных местностях ограничивался $12^1/_2$—$13^1/_2$ часами, то в иных случаях делалась оговорка, что для „собственной пользы" рабочие могут трудиться, „не стесняясь временем, поурочно". Впрочем, работа в будни сверх обычного урока, а также в праздничные дни была введена в шестидесятых годах на многих промыслах в качестве обязательной, при чем такое старание было общим на торфах или песках. А на ряду с этим дозволялась еще и так называемая частно-старательская работа артелями, которая в отдельных случаях опять-таки делалась обязательной. Напряженность труда, следовательно, становилась все более интенсивной. К тому же в шестидесятых годах наметилось увеличение уроков вообще. В случае недоработки урока рабочие должны были бесплатно отработать его на другой день, или делался определенный вычет из заработка.

Первоначально на старательских работах вознаграждение состояло из ничтожного жалования и более значительной платы за старание. С переходом же старательского труда в обязательное продолжение урочной работы заработная плата приняла более разнообразные формы. Месячное жалование для рабочих, непосредственно занятых в горном деле, применялось преимущественно в те месяцы, когда не происходила промывка золота. Три рубля в месяц нередко составляли норму жалованья. При промывке же золота рабочие переходили на поденную плату в 25, 30 и 40 копеек. Впрочем, не только на разных промыслах, но и на одном и том же прииске заработная плата встречалась в разнообразных формах и размерах. Больше прочих получали рабочие, нанимавшиеся артелями

---

[1]) *В. Семевский*, т. I, гл. IX.

искючительно на выработку торфа, так называемые, отрядные, или подрядные, являвшиеся из внутренних губерний. Материально более обеспеченные, чем поселенцы, и в нравственном отношении более воздержанные, они чувствовали себя сравнительно независимыми и потому добивались лучших условий труда, чем одиночки по общим контрактам.

Брали их охотно, так как отрядные довольствовались небольшим задатком и даже совсем обходились без него; никто из них не убегал, не симулировал болезней и т. д.

Жилища на новых промыслах, в виде избушек, строились рабочими бесплатно, но на более богатых приисках сооружались казармы, далекие, конечно, от удовлетворения самым элементарным требованиям, гигиены и санитарии. Пища, как и раньше, по составу весьма однообразная, лишенная овощей, вообще способствовала развитию цынги и не соответствовала тяжелой работе и неблагоприятным атмосферическим условиям. Но количество и качество довольствия было различно — каждый прииск имел свое „меню".

Говоря о сибирской золотопромышленности в крепостную эпоху, мы обошли молчанием физическую расправу с рабочими, как обычную в условиях той эпохи по отношению к ссыльно-поселенцам, составлявшим главнейшую часть рабочих масс на приисках. Но и после отмены крепостной зависимости, несмотря на изменившийся состав рабочей массы, в которой уже было много крестьян из Европейской России, телесное наказание представлялось промышленникам лучшим средством воздействия на рабочих, и оно, хотя несомненно в смягченной форме, продолжало оставаться бытовым явлением. Нередко в договорах предусматривалось телесное наказание под наименованием — „полицейское исправление при артели". За уклонение от работы, за отлучку, за дурное поведение, пьянство, грубость и прочее управление имело право подвергать виновных „законным исправительным наказаниям". Когда в договорах не упоминалось об артельной расправе, имелось, вероятно, в виду обращение к содействию горного исправника. Эти „исправительные наказания" и „домашнее исправление" по приговору артельной расправы или „полицейское исправление", под которым иногда разумелось наказание по усмотрению горного исправника, встречались на протяжении всех шестидесятых годов.

Численность рабочих на золотых приисках далеко не была устойчивой. Различные обстоятельства влияли в каждом отдельном месте на число рабочих, привлеченных к работе, и на оставшихся на ней до конца текущей операции. Этим затруднялся самый учет рабочей силы. К тому же и разбросанность промыслов препятствовала точному учету количества рабочих. Вообще сохранившиеся отрывочные цифры дают слабое представление о среднем числе рабочих за данный период. В 1861 г. имелось: в Восточной Сибири 27.794 рабочих, в Западной — 3.045, в следующем году эти цифры возросли до 28.912 и 3.240. В Енисейском округе число рабочих в шестидесятых годах уменьшилось, так как золотая промышленность стала менее прибыльной, золотоносные

пески обеднели. В 1860 г. насчитывалось 16.350 человек, а 1868 году их осталось всего 5.500 [1]).

Местности	Число приисков	Промыто песков в тысяч. пудов (цифры округл.)	Добыто золота в пудах и фунтах		Число рабочих
			П.	Ф.	
Восточная Сибирь.					
Енисейский округ: северн. часть.	107	189.527	324	25	7.872
„ „ южная часть .	85	75.147	119	02	5.151
Канский и Нижнеудинск. округа	19	22.533	26	17	946
Олекминский округ	34	70.611	267	01	5.686
Ачинский и Минусинский округа	68	63.620	52	28	2.623
Верхнеудинский и Баргузинский округа	42	37.470	107	16	3.200
Нерчинский округ	8	37.880	105	33	2.311
Иркутский и Верхоленск. округа	2	124	—	01	52
Итого . . .	365	496.912	1.003	03	27.841
Западная Сибирь.					
Мариинский округ	60	34.148	31	24	2.004
Алтайский округ	23	21.656	46	05	1.126
Кокбектинский округ и Семипалатинская область	11	17.780	9	00	1.435
Итого . . .	94	73.584	86	29	4.565
Урал		233.637	302	17	20.149

Приведенная таблица [2]) рисует размеры золотой промышленности во всей Сибири и численность рабочих, при чем для сравнения сообщаются данные об Урале. Из нее видно, какую роль играла Восточная Сибирь в золотой промышленности, а в частности — Енисейский округ, дававший больше одной четверти всей добычи в России. При этом в Восточной Сибири, и особенно в Енисейском округе, среди более трехсот пятидесяти приисков имелось несколько десятков таких, которые отличались исключительной производительностью.

Не следует, однако, предполагать, что и рабочие распределялись по областям и промыслам в полном соответствии с количеством добывае-

[1]) „Дело“, 1869 г., кн. 11-я (цитированная рецензия). — Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. VIII, ч. 2-я (СПБ, 1865), доклад 28.

[2]) Архив госуд. совета, департамент экономии, 1869 г., дело № 248. „По проекту правил о частной золотопромышленности“.

мого золото или с количеством поднятого золотого песку. Прежде всего, не было, так сказать, равномерного соответствия между количеством поднятого песку и количеством полученного золота, так как процентное содержание золота в песке было до крайности различно. Например, на Вознесенском прииске Олекминского округа на сто пудов песку приходилось в среднем 2 золотника и 7 долей золота, а на Преображенском руднике Канского округа—всего 5 долей. В Кокбектинском округе Семипалатинской области для получения одного золотника золота надо было поднять около 2.000 пудов песку, тогда как в Алтайском округе — менее 500 пуд., в северной части Енисейского округа — немногим менее 600 пудов, в Олекминском — около 300 пудов. Естественно, что степень золотоносности песков влияла на соотношение между количеством добытого золота и занятых рабочих, но были и другие факторы, отражавшиеся на этом соотношении. В виде иллюстрации сопоставим число рабочих на нескольких приисках Восточной Сибири, годовая добыча которых равнялась трем-четырем пудам, но на которых процентное содержание золота в песках было различно.

Прииски	Добыто золота		Среднее содержание золота в 100 п. песку		Число рабочих
	Пуды	Фун.	Зол.	Долей	
Святодуховский	3	05	—	52	85
Борисоглебский	3	10	—	82	97
Золотое Устье	3	13	1	08	47
Трех святителей	3	17	—	31	109
Митрофано-Федоровский . .	3	21	1	38	80
Золотой Яр	4	09	1	—	113
Воскресенский	4	27	—	64	93

В наибольшей своей части промысловые рабочие (крестьяне и мещане), вербовавшиеся преимущественно среди ссыльно-поселенцев, проживали в Сибири. В 1867 г. они распределялись следующим образом:

	Из Сибирских губерний	Из Великорусских губерний	Всего
Восточная Сибирь	26.838	1.003	27.841
Западная	4.460	105	4.565
Итого . . .	31.298	1.108	32.406

Описанные выше условия найма и труда рабочих приводили к последствиям, которых золотопромышленники никак не могли искоренить. Многие из нанятых рабочих вовсе не приходили на прииск, а другие

убегали, не дождавшись срока договора, т.-е. окончания промысловой операции. Промышленники желали, чтобы договор дал им возможность с большим успехом подчинить рабочую массу их воле. Когда правительство подняло в газетах вопрос о мерах к развитию золотой промышленности, золотопромышленники, среди других своих домогательств, потребовали, чтобы в договоры могли быть вносимы такие пункты, которые предоставили бы большой простор для использования рабочей силы, несколько ограниченный законодательством. Эти пункты касались найма рабочих, явки их, управления ими на приисках, расчета с ними, предотвращения побега рабочих и поимки их.

Домогательства золотопромышленников не были оставлены без внимания комиссией для пересмотра системы податей и сборов при выработке нового закона [1]).

В свое время рабочие давали обязательство оставаться на промыслах до 1 октября, но наступавшие холода, а также чрезвычайные трудности и даже опасность, сопряженные с возвращением домой зимою, заставляли рабочих бросать работу до срока договора. На этой почве происходили порою столкновения с хозяевами. В виду всего этого законом 1838 года был назначен предельный срок для промысловых работ — 10 сентября [2]), если на промыслах нет зимних промывален. По прошествии же почти тридцати лет, после неоднократных безуспешных попыток, золотопромышленники, ссылаясь на улучшившийся климат и хорошие дороги, вновь возбудили ходатайство о разрешении удерживать рабочих долее указанного срока, если погода будет этому благоприятствовать, так как оттаявшие в течение лета пески более всего пригодны для работы в октябре. Указывая, что рабочие, покидая прииски, крайне утомлены старательскими и хозяйскими работами, сибирские власти заявили, что нельзя удлинять срок пребывания на промысле накануне ухода в дальний путь. Однако, совет главного управления Восточной Сибири, ссылаясь на то, будто за последнее время в расстоянии каждых 25 верст устроены удобные и теплые зимовья, и что по климатическим условиям даже часть октября, особенно на юге Енисейского округа, благоприятна для работы, высказался против ограничения промысловых работ сроком до 10 сентября. И это мнение одержало верх.

Весьма сложным представлялся вопрос о задатках. Благодаря задатку промышленники обеспечивали себя дешевой рабочей силой; с другой стороны, задаток, превращавшийся вместе с другими выдачами в долг, побуждал рабочего уйти с прииска тайком. Что касается рабочих, то именно задаток, частично обращавшийся на пропитание семьи, гнал их в тайгу; вместе с тем он являлся орудием защиты против хозяина; он также избавлял их от услуг ростовщика. В выдаче задатков была заинтересована, в сущности, и казна, так как благодаря задаткам волостная

---

[1]) Труды комиссии для пересмотра податей и сборов, т. VIII, ч. 2 (СПБ., 1865 г.). Доклад III отделения комиссии, № 28; журнал общего собрания комиссии, № 21.— Ср. *В. Семевский*, т. I. XI.

[2]) См. т. I. настоящей книги, стр. 226 и 233.

власть, выступавшая посредником при найме неимущих крестьян на прииск, имела возможность удержать с них подать. Среди самих промышленников существовало разное мнение относительно размера задатков. Одни из них просили не стеснять их в этом отношении, другие же утверждали, что большие задатки ведут к пьянству, вредно отражающемуся на работе промыслов. По закону задаток ссыльно-поселенцу не мог превышать 7 р. 50 к., но так как заработная плата с течением времени возросла, то промышленники довели задаток до 70 р. на человека (в Западной Сибири), чтобы этим соблазнить рабочего. Вопрос о задатках не был разрешен новым законом под предлогом, что договоры должны совершаться по взаимному соглашению сторон.

Хотя среди ссыльно-поселенцев, да отчасти и среди местных крестьян и мещан, имелось достаточно людей, готовых обслуживать прииски, все же золотопромышленники, добиваясь иметь под рукою более дешевых и покорных рабочих, задумывались над тем, чтобы найти новый источник рабочей силы. Они обращали свои взоры на Китай и Японию, некоторые заходили мысленно даже на Тихоокеанские острова. Более прямолинейные замышляли чуть ли не закрепостить ссыльно-поселенцев, сделать для них труд обязательным на известное время. Иные считали наилучшим раздобыть рабочих из крестьян внутренних губерний.

Вопрос о привлечении на золотые прииски рабочих из Европейской России был не нов. Еще в 1852 году указывалось, что эта мера нежелательна, так как соприкосновение с ссыльной-поселенцами дурно отразится на нравственности крестьян. Вместе с тем, вследствие притока крестьян, ссыльно-поселенцы лишатся работы на приисках и станут бродяжничать. Однако, с другой стороны, масса новых рабочих должна была к выгоде промышленников понизить плату. Поэтому краткосрочный наем крестьян из внутренних губерний, фактически уже раньше встречавшийся [1]), был санкционирован законом 1853 г. Но впоследствии обнаружилось, что ввиду усилившейся потребности в рабочих, вызванной обединением приисков, одного дозволения нанимать во внутренних губерниях на короткие сроки недостаточно. Сверх того, необходимо разрешить, не в пример прочим, увольнять крестьян с родины для работы на золотых приисках в Сибири сроком на семь лет.

И вопрос об урегулировании правительством размера жалования рабочих на приисках был не нов. Еще в 1852 г. власти констатировали низкий уровень платы, давно не изменявшейся вследствие того, что параллельно существовала сдельная оплата за старательские работы. Поэтому предлагалось принудить промышленников платить рабочим не менее пяти рублей в месяц. Но в Петербурге тогда решили, что размер заработка должен быть предоставлен „свободному“ соглашению сторон. Такой же взгляд был высказан десять лет спустя при разработке нового законодательства. Хотя было известно, что ради лихорадочно ожидаемой счастливой находки при старательских работах и ради больших задатков крестьяне соглашались на всякую плату, совершенно не соответствующую

[1]) См. т. I, стр. 236.

вознаграждению за другие работы, все же было признано, что правительство не должно вторгаться в этот вопрос.

Как видим, при разработке нового закона победа оставалась на стороне золотопромышленников, с благом которых связывалось представление о развитии самой золотой промышленности. Но когда речь заходила о мерах, которые обеспечили бы своевременную явку здоровых рабочих и предотвратили бы побеги их с промыслов, правительственная власть чувствовала себя бессильной помочь золотопромышленникам. Невыполнение рабочими договора, посылка волостными правлениями на прииски больных и увечных (задатками покрывались их недоимки), уход с прииска до срока — все это, охватывая массу людей, приняло весьма устойчивую форму бытового явления. Проектируемые золотопромышленниками меры надзора и репрессий не могли привести к сколько-нибудь заметному результату. К тому же все то, что предлагали промышленники к предотвращению побегов, носило такую окраску, словно уход с работы являлся проступком не гражданского, а уголовного характера. И потому при разработке нового положения о золотопромышленности в этом отношении не только не было введено никаких новых репрессивных правил, но, наоборот, обязанность сельских властей возвращать убежавших рабочих была теперь ограничена ссыльно-поселенцами. Поимка прочих рабочих была исключена из обязанности полиции, так как их отношение к хозяевам носило лишь гражданский характер[1]).

Преднамеренно производя всякие выдачи в счет заработной платы, золотопромышленники хотели придать твердую основу этому закабалению рабочего. Они ходатайствовали, чтобы им разрешили удерживать должников даже по окончании летних работ долее срока, обусловленного договором. Золотопромышленники хотели, чтобы рабочий, нанявшийся на промысел, не мог получить нового билета на отлучку без пред'явления старого, свидетельствующего, что рабочий не остался должен золотопромышленнику. Они добивались, чтобы волостные правления подвергали

---

[1]) Для охранения порядка и для поимок беглых, как было выше сказано, имелись особые казачьи отряды. Приводим сведения о числе убежавших и пойманных.

Годы	Восточная Сибирь				Западная Сибирь			
	Всего рабочих	Бежало		Поймано	Всего рабочих	Бежало		Поймано
		Всего	Соотнош.			Всего	Соотнош.	
1861 а)	27.794	1.361	1 из 20	1 из 29	3.045	110	1 из 27	1 из 36
1862 а)	28.912	1.115	1 из 25	1 из 36	3.240	113	1 из 28	1 из 42
1867 б)	—	976	—	211	—	90	—	48

а) Труды комиссии для пересмотра системы податей и сборов, т. VIII, ч. II, доклад № 28.

б) Государств. совет, департамент. экономии, 1869 г., дело № 248.

штрафу явившихся без билетов и взыскивали с них долг золотопромышленнику. Некоторые золотопромышленники сами усматривали кабальный характер подобных правил. Тем не менее такой порядок, установленный властями Восточной Сибири, был утвержден: если рабочий не отработал всего своего долга, не вышедшего за пределы годового заработка, он не мог быть нанят никаким другим хозяином, пока не покончит расчеты со старым.

Для ограждения же рабочих от произвольных цен на забираемые вещи, которые более всего содействовали чрезмерному нарастанию долгов, было сочтено достаточным привлечь горного исправника к контролю над этими ценами.

Добиваясь запрещения волостным правлениям отпускать на прииски тех крестьян, которые уже бежали оттуда, золотопромышленники изыскивали также меры к тому, чтобы не терпеть убытков от побега рабочих, не отработавших долга. Они хотели возложить материальную ответственность на волостные правления. И это было одобрено.

Приведенные выше решения, включенные в проект устава о частной золотой промышленности, перешли (в сентябре 1867 г.) на рассмотрение государственного совета. А вслед затем от генерал-губернатора Восточной Сибири поступила на имя царя особая записка (27 ноября 1867 г.), посвященная вопросу о золотопромышленности, переживавшей критический момент в связи с неурожаем. Вообще снабжение сибирского населения хлебом представляло трудности. Особенно была сложна доставка хлеба в северную часть Енисея. После неурожая 1867 г. хлеб настолько вздорожал, что промышленники признали более выгодным если и не прекратить совсем работу на промыслах, то сократить ее. В северной части Енисея вместо обычных 10—11 тысяч рабочих на 1868 год было нанято всего 2.000, а в южной части предполагалось уменьшить число рабочих на 4.000—5.000. Таким образом, до 15.000 человек, среди которых преобладали ссыльно-поселенцы, оказывались излишними. Вся эта масса, лишенная обычных занятий, должна была представить особую опасность для общественного спокойствия, так как, по мнению генерал-губернатора,—„политические ссыльные польского происхождения“ (т.-е. деятели польского восстания) могли использовать это затруднение, агитируя среди безработных. В виду сказанного он предложил оказать содействие золотой промышленности, служащей источником обогащения всего края.

Эта записка в связи с появившимися в ту пору некоторыми законодательными актами более либерального характера, побудила государственный совет подвергнуть проект устава о золотопромышленности исправлению. Некоторые из приведенных выше постановлений оказались смягченными. Ссыльно-поселенцы были несколько выделены из общей рабочей массы, чтобы вводимые для них стеснения не распространялись на остальных. В соответствии с новыми судебными уставами было предложено отменить военно-судные комиссии, которым подлежали дела по утайке золота. На ряду с этим было точнее фиксировано право арте-

лей подвергать своих членов наказанию — в этом отношении артели были приравнены к волостным судам. По новому проекту закона великороссийским крестьянам, приходившим в Сибирь на работу, разрешалось, не в пример прочим, не только получать билет на семилетнюю отлучку, но и заключать с золотопромышленниками договоры на срок до семи лет, хотя сибирские крестьяне, на общем основании, во избежание закабаления, могли заключать договоры сроком не более одного года. Это отступление было об'яснено дальностью и трудностью пути из внутренних губерний на золотые сибирские промыслы [1]).

В результате — законом 24 мая (5 июля) 1870 г. были установлены следующие важнейшие правила [2]) о найме рабочих, не состоявших ссыльно-поселенцами:

срок найма крестьян и мещан из Великороссийских губерний не долее семи лет;

в условиях о найме означаются: приск, число рабочих часов в сутки, род работ, размер особого вознаграждения за старательские работы, в какие праздничные дни нет работ, условия о помещении и пищевом довольствии, вычеты за уклонение от работ и за неявку на приск в срок, размеры платы и задатков (деньгами и вещами);

рабочие могут наниматься артелями; исправное выполнение артелью договора может быть обеспечено или круговою порукою артели, или ручательством того общества, к которому рабочие данной артели приписаны;

рабочий отдает свой паспорт золотопромышленнику и получает от него расчетный лист, в каковой вносятся все выдачи, а равно вычеты;

для сохранения порядка и удобнейшего производства работ промышленнику дозволяется разделять рабочих на партии; в каждую партию промышленник назначает от себя старосту, а рабочие — двух выборных, которые вместе со старостою составляют партионную расправу; расправе предоставляется подвергать рабочих за маловажные проступки денежным взысканиям до трех рублей, или аресту до семи дней, или наказанию розгами до двадцати ударов;

если рабочий подвергнется по вине золотопромышленника смерти или тяжкому увечью, сделавшему его нетрудоспособным, золотопромышленник обязан выдать тройную за весь наемный срок плату, при легком же увечьи больной помещается в лазарет без вычета из платы;

окончательный расчет производится ежегодно по окончании промысловой операции; если рабочие остаются работать в позднее осеннее время, золотопромышленник обязан доставить их до тех пунктов, откуда дальнейший путь становится безопасным;

удовлетворение рабочих заработной платой производится предпочтительно перед всякими другими взысканиями с золотопромышленника за добытое золото; лицо, заведующее полицейской частью на прииске, до отправления золота обязано удостовериться, имеется ли у золотопромышленника достаточно денег для расчета с рабочими; если недостаточно, то в ближайшее отделение государственного банка отправляется количество золота, необходимое для получения ссуды с целью заплатить рабочим; до окончания расчета золотопромышленники обязаны содержать рабочих на свой счет и платить им за каждые сутки, со дня окончания срока договора по день расплаты, по 30 коп. каждому.

---

[1]) Госуд. совет, департамент экономии, 1869 г., дело № 248.

[2]) Второе собрание законов, № 48400.

Одновременно были изданы особые правила [1]) о найме ссыльно-поселенцев:

ссыльно-поселенцу, оставшемуся должным хозяину прииска, паспорт не выдается до отдачи им долга, и наняться к другому золотопромышленнику дозволяется лишь тогда, если последний примет на себя долг прежнему хозяину; в случае нарушения этого постановления волостное правление или смотритель поселения уплачивает числящиеся на ссыльно-поселенцев долги;

при отправлении ссыльно-поселенцев на прииск им выдаются путевые виды, каковые заносятся в особые книги;

не явившиеся на прииск рабочие, а также бежавшие с промыслов, препровождаются местным сельским полицейским начальством к золотопромышленникам для выполнения своих обязанностей до истечения срока договора; о неявке ссыльно-поселенца промышленник дает знать в поселение, где был выдан паспорт;

во время следования на прииск партиями ссыльно-поселенцы подвергаются за неповиновение старосте наказаниям розгами до двадцати ударов по приговору большинства членов партии;

золотопромышленник удерживает из заработной платы ссыльно-поселенца недоимки, указанные в паспорте.

В остальном ссыльно-поселенцы подчинялись приведенным выше правилам о найме прочих рабочих.

Уже вскоре правила 1870 г. были официально признаны неудовлетворительными. Но так как не имелось лучших, их распространили законом 17 марта 1887 г. и на прочие, не-сибирские частные золотые промыслы [2]). Однако, уже тогда были сделаны два отступления [3]) от правил 1870 г., именно: договоры о найме великороссийских рабочих могли быть заключаемы на срок не более пяти лет; партионной расправе предоставлялось право подвергать рабочих за маловажные проступки денежным взысканиям до трех рублей или аресту до семи дней, но не телесному наказанию, иначе, в местностях, где была введена судебная реформа, маловажные проступки, караемые по приговору судов только штрафом или кратковременным арестом, наказывались бы артелями более строго (розгами).

В начале семидесятых годов возникла мысль об использовании силы каторжных на частных золотых приисках. Было решено направлять „безнадежных к исправлению“ на Сахалин, на карийские золотые промыслы или на самые тяжелые из частных золотых приисков. Имелось в виду, что иные работы на частных приисках отнюдь не более легки, чем рудничные, как, напр., в Олекминской системе, где работы проникали на глубину свыше десяти сажен. Для опыта на прииски Базанова в Олекминском округе назначили в 1871 г. 200 каторжных, в числе которых были и политические (участники польского восстания). Затем отправили по желанию промысловых управлений на прииски Переяслав-

---

[1]) Второе собрание законов, № 48401.

[2]) Третье собрание законов, № 4291.

[3]) Госуд. совет, департамент экономии, 1887 г., дело № 36 „О распространении действия на прочие местности империи „Правил о найме рабочих на сибирские золотые промыслы“.

цевой в Нерчинском округе 75 чел. В 1873—74 гг. среди 234 каторжных на промыслах насчитывалось 35 политических. Работали каторжные еще кое-где. В 1875 г. каторжные находились в Нерчинском округе: на Дарасунских приисках Бутиных — до 460 чел., Маломальском прииске Переяславцевой — 85 и Елизаветинском купца Голдобина — 60. Пищевое довольствие каторжных шло за счет промышленника. Многие из каторжных не выносили работы, и их отправляли назад. Каторжные получали вознаграждение наравне с вольными, но на их счет падали расходы по содержанию конвоя, постройке и содержанию одиночных камер и проч. Сохранились следующие данные о заработках каторжных: на приисках Верхне-Амурской кампании 47 человек заработали за семь месяцев 1.754 рубля, т.-е. в среднем по 37 рублей [1]). Труд каторжных не привился, как мало производительный и сопряженный с затруднениями. Он мог иметь значение лишь в отдельных случаях в силу особых местных условий.

Правила 1870 г., как мы уже раньше указали [2]), хуже ограждали интересы рабочих, чем старый закон 1838 года. Закон 1870 г. не только не ввел каких-либо новых ограничений в отношении продолжительности рабочего дня, но даже не воспроизвел требования закона 1838 г. о том, чтобы рабочий день не продолжался долее, чем от 5 часов утра до 8 часов вечера. Между тем, в этих условиях, приводивших рабочего к крайней усталости, разрасталось пьянство, которое окончательно подрывало физические силы рабочего и содействовало его закабалению. Чтобы уменьшить пьянство, предлагалось расплачиваться с рабочими не в Енисейске, где было много соблазнов, а на промыслах. Но и тут находилось достаточно водки и притонов. Всюду—и на промыслах, и в Енисейске и в других местах—тайная (помимо открытой) продажа водки стерегла рабочего на всех путях возвращения домой. В Витиме, например, к приезду рабочих для расчета дома украшались флагами, и село иллюминовалось. В этом не было ничего удивительного, так как почти все дома были приспособлены к противозаконной торговле водкой и к разгулу. Ходатайство местной администрации об удалении винных складов с промысловых районов не удовлетворялось в виду противодействия со стороны министерства финансов. Это, впрочем, как надо полагать, вызывалось отчасти опасением, что вместо закрытых „законных“ лавок немедленно появилось бы множество тайных.

Тем временем, с постепенным обеднением енисейских россыпей, у промышленников развилось стремление возможно больше выжать из рабочего, чего не замечалось в столь открытой форме в ту пору, когда при богатстве россыпей промышленники легче наживались. Поэтому старательские работы, которые еще в пятидесятых годах сократились или фактически стали обязательными, к восьмидесятым годам, по сло-

---

[1]) *Семевский*, т. II, стр. 19—22 и гл. 6-я.

[2]) Том I настоящей книги, стр. 234.

вам очевидца, исчезли, будучи заменены обязательными урочными [1]). О прошлом существовании старательских работ говорила лишь разница в оплате труда в будни и в праздничные дни, встречавшаяся лишь на некоторых промыслах, хотя она отмечалась во всех договорах. Одновременно с пятидесятых годов возросло число золотничников, получавших за золотник добытого ими золота. В данном случае „старателями" именуются одиночные рабочие, получавшие вознаграждение за каждый золотник добытого ими золота, а „золотничниками" — те же рабочие, появляющиеся с шестидесятых годов, получавшие плату в зависимости от количества промытого ими золота, но выходившие на работу артелями [2]). Артели составлялись или самими золотничниками, или подрядчиками, бравшими на себя разработку определенного участка прииска. Вообще же наименование „старателей" сохранилось, являясь равнозначущим „золотничникам" [3]).

Артельная старательская работа существовала почти на всех приисках, а на многих являлась единственной формой эксплоатации. Часть старателей заключала условия еще в Енисейске, частью же артели формировались уже на месте, в тайге. Требование закона, чтобы артель состояла не менее, чем из десяти человек, не выполнялось, так как на маленьких старательских станках для стольких людей нет работы. В артель входило обычно от четырех до восьми рабочих, а порою всего только двое.

Эксплоатация рабочих достигла в восьмидесятых годах исключительной интенсивности, благодаря, в частности, выдаче больших задатков и снабжению рабочих предметами первой необходимости из промысловых лавок. К этому времени задатки, по сравнению с прошлым, уменьшились, но все же они достигали сравнительно высокого уровня в 40—50 рублей. Попытки понизить размер задатков были малоуспешны. Что касается обязательного для рабочих забора из лавок, то хотя вещи из складов могли отпускаться рабочим лишь по ценам, утвержденным приисковой полицией, все же золотопромышленники нередко оговаривали в условиях с рабочими, что вещи будут выдаваться по вольным ценам, более дорогим. Это об'ясняется отчасти тем, что мелкие арендаторы платили своим поставщикам столь высокий процент за кредит, что не могли сами торговать по более дешевым ценам. Сопоставим некоторые цены на крупных и мелких приисках:

	Крупные прииски:	Мелкие прииски:
Сахар . . .	48 коп.	50 коп.
Чай	1 р. 30 „	1 р. 60 „
Пачка спичек	10 „	15 „
Махорка . .	27 „	50 „
Масло . . .	30 „	50 „
Мыло . . .	21 „	60 „
Рубаха ситц.	1 р. 80 „	2 р. 15 „

[1]) *А. Уманьский.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге (1888 г.). См. том I настоящей книги, стр. 235 и след.

[2]) *Семевский,* т. I, стр. 458 и след.

[3]) *Л. Ячевский.* Очерк современного состояния, причин упадка и условий для возрождения енисейской золотопромышленности (1892 г.).

О том, какова была прибыль промышленника от приисковых лавок, говорят следующие цифры: [1])

	1880 г. Алтайский округ:			Енисейская тайга 1882 г.:		
	Пшенич. мука	Сахар	Рубаха	Пшенич. мука	Чай	Масло
Стоим. с дост. . .	70 к.	31 к.	1 р. 20 к.	4 р.	1 р.	25 к.
Продажная цена	1 р. 20 к.	50 к.	2 р. 50 к.	6 р. 50 к.	1 р. 40 к.	70 к.
Барыш	71%	61%	108%	63%	40%	180%

К чему приводили высокие цены на товары и большие задатки, видно, например, из того, что в 1881 году на богатейших промыслах Базанова и Сибирякова из 1.200 рабочих только 300 получили часть заработной платы по окончании промысловой операции, при чем одному пришлось всего 1 р. $^1/_4$ коп. [2]). Естественно, рабочие, предвидя подобные расчеты, убегали с промысла до срока. Желая предотвратить побеги, промышленники порой уменьшали выдачи из лавок. По одному подсчету, забойщик, получая в год 140 рублей, делал забор на 100—120 рублей. Таким образом, он уходил с работы, имея в кошельке около 30 рублей, а поселенец еще меньше, так как у него вычитали подати и повинности.

Наихудшее положение выпадало на общеконтрактных рабочих, нанимавшихся по общему шаблонному договору, возлагавшему на рабочих не одну определенную, а вообще всякую приисковую работу. Их нанимали осенью в тайге и весною в городе и волостях. Они составляли в восьмидесятых годах главный контингент приисковых рабочих. В более благоприятных условиях оказывались отрядные, нанимаемые для вскрыши торфа (турфа) с определенной платой за сажень вскрыши, а также окладные, работавшие за месячное жалованье. Они приходили в тайгу в начале мая на собственный счет, когда на приисках ощущался недостаток в рабочих руках, не предусмотренный при начале работы. Пользуясь этим, они повышали свои требования и поэтому работали преимущественно на крупных приисках.

Зимою часть рабочих рассчитывали, и эти безработные понижали зимнюю заработную плату. В эту пору больше других получали забойщики и подкатчики — от 8 до 10 рублей в месяц, остальные — всего по 6 рублей. Летом же заработок у первых доходил до 22 рублей, на крупных приисках—до 24 рублей („вольные“ доводили свой заработок даже до 28 рублей), а у прочих — до 15 и 18 рублей. В апреле также повышалась плата, для первой категории — 12 рублей, а для второй — 8 рублей. Помимо того шло обычное довольствие: $2^1/_2$ пуда ржаной муки в месяц, $1^1/_4$ ф. мяса в день, некоторое количество крупы и сала. Чай, сахар и масло отпукались в забор. Пища была однообразна, так как о ней никто не заботился, а привоз на прииск торговыми людьми овощей был запрещен, чтобы они не скупали золота, не торговали спиртом.

---

[1]) *П. Соловой.* Госуд. защита приисковых рабочих („Юридический Вестник“, 1887 г., кн. 11-я).

[2]) Там же.

Старатель получал до 2 р. 50 коп. и более за золотник в зависимости от богатства золота, от степени удобства работы. Но старатель сдавал только часть добытого им золота. Остальное он утаивал для сбыта на стороне, и хозяин с этим мирился, если поступившее золото покрывало забор рабочего из магазина. Ему отпускались не только вещи, но и продукты питания, так как старатель кормился за собственный счет. В случае неуспешности работы—его рассчитывали. Старатель после обязательного труда работал на прежних отвалах, заброшенных ортах и даже на чужих приисках. На Енисейских промыслах не было задельной платы. На горных работах, при вскрыше турфов, при добыче и подвозке песков давался урок, и не малый.

Мы сравнительно бегло остановились на данных о заработной плате, так как, вследствие разбросанности приисков по обширной территории, различные районы которой отличались один от другого и климатическими условиями, и отдаленностью от городских центров, и степенью населенности, и свойством грунта и т. д., заработная плата по районам, как и в прежние годы, была весьма разнообразна. В пределах самих этих широко раскинувшихся районов существовали новые местные различия, отражавшиеся на заработной плате. Наконец, уже на самом прииске на высоте платы сказывались и разнообразная обстановка труда и ряд других условий данного момента, между прочим—длина рабочего дня. Учесть все эти разрозненные данные[1]), чтобы сделать средний вывод для всей промысловой рабочей массы, невозможно.

Случалось, что у промышленников по окончании промысловой операции не оказывалось наличных денег для расплаты с рабочими. По закону заведующий промысловой полицией был обязан в подобных случаях привести в известность количество добытого золота (обязательно шедшего целиком на монетный двор) и предписать промышленнику отправить в ближайшее отделение государственного банка такое количество золота, какое необходимо для получения ссуды, достаточной к покрытию долга рабочим. Банк выдавал ссуду всего по 2 рубля за золотник и высылал деньги на имя заведующего промысловой полицией (небольшой размер ссуды об'яснялся тем, что золото не могло быть оценено до пробы его в лаборатории). Этой ссуды нехватало для расплаты с рабочими, а потому горные исправники стали направлять золото непосредственно в лабораторию. В связи с этим были изданы следующие правила. Золото, предназначенное для расплаты с рабочими, отправляется приисковой полицией в золотосплавочную лабораторию; одновременно горное управление пишет ассигновку на государственный банк в сумме, необходимой для расчета с рабочими, и высылает ассигновку отделению банка для отправки денег заведующему приисковой полицией. В экстренных случаях золото, минуя лабораторию, направлялось прямо в банк для получения под него ссуды, а затем с суммою, какая причиталась по сплаве и опробовании золота, горное управление поступало, как выше

[1]) Ср. данные о заработной плате в 60—80 годах у *Семевского*, а для 90-х годов—в отчетах горного департамента, где приводятся сведения и о рабочем дне.

сказано. Таким путем промышленник был устранен от получения денег за золото и от расплаты с рабочими [1]).

Продолжительность рабочего дня в восьмидесятых годах по прежнему оставалась чрезмерной. Становой „выгонял" на работу в три-четыре часа утра. Не поев, рабочие шли на работу. В семь-восемь пили чай; в двенадцать — обед, продолжавшийся $1^1/_2$ часа; около пяти — второй чай — $^1/_2$ часа. По окончании работ, около девяти часов вечера, ужин. В летнее время рабочий имел для отдыха не более шести часов: с девяти часов вечера до трех часов утра; во всяком случае, за вычетом всяких перерывов, рабочий был занят до 14—15 часов. С апреля по октябрь работа шла безостановочно. Только один или два раза в месяц рабочим давалась передышка.

При столь интенсивной работе, при отвратительной казарменной обстановке, единственным отвлечением служила водка. Учитывая это обстоятельство, промышленники при всяком случае дарили рабочим порцию водки, смягчая таким путем их вражду к себе. Угощение водкой сложилось под влиянием господствовавшего в свое время мнения, что тяжелый физический труд требует потребления водки. В день расчета по окончании операции — первого октября — вся масса рабочих предавалась крайнему разгулу. Пропив весь заработок, рабочие вновь закабаляли себя тому же хозяину.

На всю Енисейскую тайгу имелся один врач, но на приисках встречались фельдшера, больницы и аптеки. И церкви строились. Но только не школы [2]).

Жизнь на золотых промыслах не знала тайн. Здесь все делалось на виду. Утвердившиеся условия труда и быта рабочих, состоявших в большей своей части из ссыльных поселенцев, представлялись золотопромышленнику естественным явлением. Он ничего не скрывал в своих действиях, тем более, что низшие представители власти редко вглядывались в промысловую жизнь и игнорировали открытые нарушения промышленниками закона. Местные чины горного надзора пользовались щедротами промышленников. Поэтому любому постороннему наблюдателю было легко проникнуть взором в это „темное царство" золота. Среди прочих и начальнику главного тюремного управления при обозрении в 1882 г. тюремной части в Сибири было не трудно убедиться, что побеги с золотых приисков вызывались причинами, кроющимися в условиях найма и расчета с рабочими, в обстановке промысловой жизни. По его словам, особенно прибыльной промысловую работу нельзя было считать, так как рабочие наличными деньгами в сущности получали только задаток. Остальная часть заработка доходила до них лишь товарами, отпускаемыми из промысловых лавок по высоким ценам. Быстро возраставшая задолженность часто побуждала рабочего убегать на другой

---

[1]) Архив госуд. совета, департамент экономии, 1887 г., дело № 51.— Третье собрание законов, № 4309 (23 марта 1887 г.).

[2]) Цитированные книги *Уманьского* и *Ячевского*. Неисчерпаемые подробности имеются у *В. Семевского*.

прииск (порой находящийся в самом близком соседстве), где он полностью получал вознаграждение за свой труд. Положение рабочих осложнялось тем, что „ни больниц, ни богаделен для приисковых рабочих в большинстве промыслов нет", что чины надзора, призванные охранять интересы рабочих, вследствие своего неудовлетворительного материального положения, находились в зависимости от промышленников, дающих им пособия.

Этот доклад начальника тюремного управления послужил поводом для пересмотра правил, изданных в 1870 году [1]). Горное отделение главного управления Восточной Сибири в Иркутске занялось составлением новых правил о приисковых рабочих, учитывая изданный около этого времени закон о найме на сельскохозяйственные работы. Некоторыми должностными лицами были выдвинуты различные меры к фактическому улучшению быта рабочих. Указывалось и на необходимость преобразовать горную полицию, находившуюся в услужении у промышленников. Но так как интересы рабочих поддерживались в данном случае только представителями администрации, уступавшими промышленникам в знании дела, то влияние последних со всей силой сказалось на проекте новых правил [2]). Когда, наконец, в конце 1888 года законопроект прибыл в Петербург, то оказалось, что здесь горное ведомство было уже занято пересмотром законов о найме рабочих на золотых приисках не только в Сибири, но и на Урале, где золотая промышленность сильно развилась [3]). Поэтому иркутский проект был подвергнут многократным изменениям, конечно, не вызывавшимся нуждами рабочих, и, пройдя через государственный совет, получил 20 февраля 1895 г. силу закона [4]).

Разработка нового закона продолжалась, как видим, более десяти лет. К этому времени успел выйти закон 9 марта 1892 г. „о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы", которым к частным горным предприятиям — кроме золотых приисков — были применены законы 1886 и 1890 гг., установившие новые порядки на фабричных предприятиях [5]). Тем не менее составление новых правил о найме рабочих на прииски протекало под сильным давлением промышленников и отдельных представителей власти, не учитывавших прогрессивных перемен, происшедших в общественной мысли и в государственной жизни. Это об'яснялось, повидимому, специфической атмосферой, создавшейся вокруг золотой промышленности. Ежегодная добыча золота оценивалась в 45 миллионов рублей, которые составляли 16% всей мировой добычи.

[1]) Здесь и в дальнейшем изложении использованы следующ. источники: архив госуд. совета, департам. законов, 1894., дело № 111 „О найме рабочих на частные золотые и платиновые прииски"; *Семевский*, назв. сочинение, т. II, глава XI.

[2]) Первоначальный проект, напечатанный в Иркутске, в 1887 г. (ср. *П. Соловой*, „Юридич. Вестник", 1887 г., кн. 11-я), был сильно изменен золотопромышленниками.

[3]) См. выше стр. 204—207.

[4]) Третье собрание законов, № 11391.

[5]) См. выше, стр. 129.

Можно ли было после этого не опекать золотопромышленников? Если иркутский генерал-губернатор и некоторые другие лица[1]) говорили, что рабочие находятся в кабале у промышленников, то томский губернатор и военный губернатор Амурской области, в ту пору дававшей четверть всей русской добычи, утверждали, что необходимо оградить интересы не рабочих, а промышленников, которые вследствие недостатка рабочих рук находятся, будто бы, большей частью в зависимости от рабочих. В доказательство указывалось на то, что промышленники вынуждены давать рабочим вперед одежду, довольствие и крупные задатки. Томский губернатор говорил, что падение золотой промышленности вызывалось отсутствием капиталов, слабыми техническими познаниями, а главное — условиями найма, благодаря которым, мол, рабочие, а не хозяева, господствуют на промыслах. Группа же енисейских золотопромышленников жаловалась, что рабочие всегда находили поддержку у власти, и поэтому промышленники ничего не могли поделать с ними.

Однако, томский губернатор отметил, что хозяева не указывали в договорах с необходимой точностью обязанности рабочих. Этим порождались пререкания. Далее, вскрытие торфов и добыча золотоносных песков производились по урокам, при определении которых промышленники упускали из виду, что в ненастную погоду работа идет менее успешно. Это тоже служило поводом к столкновениям, вследствие чего было даже предложено заменить поденную плату сдельной.

Но все же, несмотря на неправильные действия хозяев, побеги рабочих приписывались не дурным условиям труда, а безнравственности рабочего, в связи с чем рекомендовалось усилить надзор за рабочими и улучшить положение не рабочих, а персонала надзора. Ухудшение же положения рабочих, вернее, ухудшение питания их об'яснялось наплывом неработающих женщин (составивших до 50% приискового населения), лишавших мужчин части питания и побуждавших их к большим заборам в промысловых лавках.

В своеобразной форме был представлен быт промысловых рабочих на Амуре главным местным администратором. Так как из-за разбросанности приисков и отсутствия надлежащих чиновников правительственного надзора почти не существовало, то жизнь выработала „обычное право", сводившееся к следующему: 1) промышленник мог в любое время рассчитать рабочего; 2) рабочий был обязан оставаться на прииске до конца операционного периода; 3) существовал один общий контракт, согласно которому каждый рабочий должен был исполнять всякую работу, на него возлагавшуюся; чтобы уравнять заработки, рабочие артелями переходили еженедельно с одной работы на другую; 4) для отдыха давалось всего два дня в месяц. И такое положение, по мнению амурского администратора, должно было остаться неприкосновенным, как соответствовавшее „местным условиям", хотя в других местах юридическое положение рабочих было иное.

---

[1]) В том числе и *В. Семевский*, на исследования которого о рабочих сибирских промыслов мы неоднократно ссылались.

Эта крайняя форма защиты интересов золотопромышленников не была воспринята в оголенном виде составителями нового закона. Но самая идея, что в целях развития золотой промышленности интересы рабочих должны быть, по возможности, принесены в жертву интересам промышленников, легла густой тенью на закон 1895 года. Все же он оказался прогрессивнее закона 1870 г.

В отличие от закона 1870 г. теперь было устранено резкое разграничение между ссыльно-поселенцами и прочими рабочими. Лишь в отдельных случаях для ссыльно-поселенцев были установлены особые правила.

Продолжительность рабочего дня являлась основным вопросом рабочей жизни, но закон 1895 года обошел его молчанием. Первоначально с согласия промышленников было предположено установить следующее правило: так как условия труда, однообразное питание, суровость климата и без того разрушают организм рабочего, то рабочий день не должен превышать 12 часов. Из этого времени уделяется три часа на еду и отдых. Но затем восторжествовала новая формулировка: рабочий день, включая сюда время для отдыха и еды, продолжается 16 часов, т. е. фактическая работа, при отсутствии указания на продолжительность отдыха, могла быть доведена до 14 часов. Однако, даже эта безудержная эксплоатация встретила со стороны министра финансов весьма сдержанную оценку, хотя в ту пору в министерстве финансов уже подготовлялась законодательная нормировка рабочего дня на фабрично-заводских предприятиях. Именно, отсутствием в России законодательной регламентации рабочего дня было об'яснено умолчание в законе 1895 года о рабочем дне на золотых промыслах. В оправдание этого было также сказано, что условия труда на золотых промыслах менее всего пригодны для первого опыта законодательной регламентации рабочего дня.

Новый закон санкционировал издавна установившееся пользование всего двумя днями отдыха в месяц в тяжелое летнее время (с апреля до октября). Лишь в зимнюю пору, когда вообще работы сокращались, каждое воскресенье стало днем отдыха. Кроме того — опять таки только в зимнее время — работы прекращались в табельные дни и в определенные (пятнадцать) церковные праздники.

С особым подходом был рассмотрен вопрос о труде подростков. Их работа вообще на горнозаводских предприятиях была уже ранее регламентирована рядом ограничительных постановлений[1]). В виду специфической обстановки на промыслах было предположено совершенно запретить работу мальчиков и девочек до 17 лет. Но этому намерению были противопоставлены соображения о выгоде промышленников, нуждавшихся в дешевом труде. В оправдание привлечения детей к промысловым работам указывалось, что работы на поверхности (к каковым дети только и могли быть допущены) производятся лишь в летние месяцы. Сле-

[1]) См. выше, стр. 116—117, 128.

довательно, труд детей на промыслах не может почитаться более изнурительным, чем их работа на фабриках, где она продолжается в течение всего года. При этом в виду краткосрочности промысловых работ и отдаленности тайги к золотым промыслам не были применены правила, существовавшие на других предприятиях: запрещение беспрерывного труда в течение более четырех часов и обязательное обучение. В результате труд детей был регламентирован следующим образом: разрешается нанимать детей, начиная с 12 лет; малолетним до 15 лет и женщинам запрещается работать под землею и ночью [1]); их работа не должна продолжаться более восьми часов в сутки. Законом было оговорено, что подрядчики, нанимающие целую семью, обязаны соблюдать правила о детском труде. Но фактически дети, попадавшие на предприятие вместе с семьей, ставились на работу независимо от возраста.

В обстановке золотых промыслов представлялось необходимым, чтобы договоры найма не только заключались в письменной форме, но чтобы они свидетельствовались властями (явочные договоры). Это в известной мере гарантировало рабочих от внесения промышленниками в договор невыгодных для рабочих условий. В соответствии с этим закон 1895 г. запретил домашние контракты, а тем более — словесные договоры. Было сделано исключение для золотничников (старателей) и для рабочих из ближайшей местности, нанимавшихся не на всю промысловую операцию. Учитывая же, что иные рабочие по незнанию закона могли бы наняться без явочного договора, закон—в целях ограждения их от произвола промышленника—признал их имеющими одинаковые права с рабочими, которые обеспечили себя явочными договорами.

Условия, выговоренные контрактом, нередко нарушались золотопромышленником, так сказать, в законной форме. Пользуясь соответствующим пунктом контракта, он передавал своих рабочих на чужой прииск или на свой же другой прииск, где могли существовать менее благоприятные условия труда. Это право, носившее характер „рыночного торга чужим трудом", было законом 1895 г. запрещено.

Попрежнему сложным представлялся вопрос о задатках. Местная администрация вообще высказывалась против задатков, так как именно из-за долгов возникали на промыслах различные замешательства. Указывалось даже, будто крупные должники преднамеренно вызывали беспорядки, чтобы быть уволенными. По новому закону промышленник с согласия нанимавшегося крестьянина мог давать сельской власти обязательство уплатить подати, повинности и недоимки, причитавшиеся с нанявшегося, когда последний уже заработает соответствующую сумму денег. В отношении же ссыльно-поселенцев было установлено правило: при выдаче паспорта для ухода на прииск подать взыскивается за весь срок, а недоимки удерживаются промышленником из заработка. При новом порядке задаток мог сразу понизиться в своем размере, так как

---

[1]) Ночное время: весною и летом — между 9 час. веч. и 5 час. утра; в зимние осенние месяцы — между 6 час. веч. и 6 час. утра.

не шел на покрытие подати. Но существовало, как видно, опасение, что золотопромышленник будет попрежнему давать большие задатки, чтобы закабалить рабочего, а потому закон установил для задатка следующие пределы: 100 рублей при найме с задельной платой, а в остальных случаях — $^1/_3$ годовой наемной платы.

По старым постановлениям, сибирские жители могли заключать договор сроком не более одного года, а великороссийские крестьяне в виду отдаленности — на срок до семи лет. Новый закон сократил в последнем случае срок до пяти лет, т.-е. не долее того, что допускалось общими гражданскими законами [1]).

Нарушения рабочими договоров подлежали впредь рассмотрению мировых судебных учреждений. Но золотопромышленники могли налагать на рабочих штрафы за неисправную работу, за прогул (не менее половины рабочего дня, иначе это только несвоевременная явка), за неотработанный урок и за нарушение порядка. Особенное смущение вызывали штрафы за неотработанный урок, так как размер урока устанавливался самим хозяином, и, следовательно, пред ним открывался простор для крайней эксплоатации. Все взыскания с хозяев и рабочих поступали в капитал для выдачи пособий больным и увечным горным рабочим, а взыскания с поселенцев шли в особый их капитал. В связи с предоставлением промышленникам права штрафования была упразднена партионная расправа, разбиравшая и каравшая маловажные проступки своих членов.

Промышленник мог в известных случаях уволить рабочего, например, при неявке в течение трех дней на работу без уважительной причины, за ленность, дерзость и т. д. Характерно, что при установлении этого правила возник вопрос о праве рабочего обжаловать увольнение. Раздался голос, что этого права никоим образом нельзя предоставить рабочим, так как оно даст повод к развитию кляуз. Но горное ведомство все же вооружило рабочего правом обжалования „для обуздания произвола промышленников относительно мало развитой массы рабочих".

Не останавливаясь на других сторонах рабочей жизни, поскольку она регламентировалась законом 1895 г., укажем, что вообще охрана наиболее существенных интересов рабочих была возложена на присутствия по горнозаводским делам. Они могли: издавать постановления о пищевом довольствии рабочего, о размере вычетов из заработка рабочих для содержания пришедших на прииски их жен (не работающих), о выдаче винных порций, о местах выдачи платы рабочим, утверждать списки предметов, допускаемых к продаже в промысловых лавках, и таксы на них.

Закон 1895 года вызвал протесты во влиятельной реакционной прессе. Указывалось, что новый закон „устанавливает лишь призрачные гарантии выполнения рабочими принятых на себя обязательств". Хотя нарушения рабочим договора караются, этого недостаточно для обеспе-

---

[1]) В виде исключения, в Амурской и Приморской областях, а также в Олекминской системе был разрешен 2-летний срок.

чения интересов промышленника, так как арест — не большое наказание, а взыскать задаток невозможно с неимущего рабочего. Реакционные общественные круги не довольствовались тем, что за нарушение обязательств гражданского характера (явка с опозданием, уход с работы) рабочий подвергался уголовному взысканию; они хотели, чтобы краткосрочный арест был заменен долгосрочным тюремным заключением, чтобы нарушители договоров подлежали телесным наказаниям, а долг — отработан принудительным путем [1]).

Мы видели выше, что составители закона 1895 года отказались от урегулирования рабочего времени. Между тем, уже вскоре — 2 июня 1897 г. — появился закон об ограничении и распределении рабочего дня [2]), согласно которому рабочее время, как общее правило, не должно было превышать на фабрично-заводских предприятиях и промыслах, не исключая золотых, $11^1/_2$ часов в сутки, а в ночное время—по субботам и накануне дней отдыха — 10 часов. Этим законом было установлено большее число дней отдыха, чем то, которое вошло в обычай на золотых промыслах. Тем не менее на сибирских приисках все было оставлено по-старому. Впрочем есть указание, что еще до того на золотых промыслах число нерабочих дней стало увеличиваться [3]). Значение нового закона парализовалось в известной мере сверхурочными работами, прочно укоренившимися на золотых промыслах. Но так как введение сверхурочных работ было обставлено определенными условиями, и число часов ограничено, то закон 1897 г. все же положил некоторый предел продолжительности рабочего времени на приисках.

Уступки, сделанные правительством золопромышленникам при разработке закона 1895 г., были вызваны стремлением создать обстановку, благоприятную для дальнейшего развития золотой промышленности. Но надежды на увеличение добычи золота не оправдались. Из приводимой таблицы (стр. 247), составленной по отчетам горного департамента, видно, что, достигнув в 1895 году своего высшего предела, добыча стала падать в виду обеднения золотоносных песков во многих местностях. Эта таблица, между прочим, лишний раз показывает, что между количеством добытого золота и количеством занятых рабочих не было прямого, непосредственного соотношения. Напр., в 1891 г. для добычи 420 пудов в Томском управлении понадобилось около 21 тыс. рабочих (50 рабочих на пуд золота), а в Восточной Сибири на 1.142 пуда — почти 16 тыс. рабочих (около 14 рабочих на пуд). Богатые Амурские и Ленские прииски понизили для всей Сибири среднее соотношение между рабочей силой и добычей. Вообще обращает на себя внимание то обстоятельство, что в девяностых годах число рабочих возрастало непропорционально добыче. Если для сравнения взять 1891 и 1899 годы, то увидим, что число рабочих на каждый пуд добычи возросло с 23 до 30 и 31. Вряд ли

---

[1]) „Вестник Европы", 1895 г., кн. 9-я, стр. 382—83.

[2]) См. выше, стр. 138—139. — Третье собрание законов, № 14231.

[3]) Отчет горного департамента за 1893 г.

Добыча золота (в пудах и фунтах) и число рабочих

	1891 г.		1895 г.		1899 г.	
	Добыча	Рабочие	Добыча	Рабочие	Добыча	Рабочие
Томское управление.						
Округа:						
Тобольско-Акмолинский.	2.37	2.539	1.35	1.583	—.24	1.054
Семипалатинско-Семиреч.	16.34	2.409	30.32	4.610	30.38	5.139
Томский	137.26	5.089	110.38	4.511	115.19	4.818
Северо-Енисейский . . .	78.04	3.905	67.34	3.917	51.20	3.569
Южно-Енисейский . . .	124.38	4.950	120.16	6.556	87.06	5.845
Ачинско-Минусинский .	60.05	2.080	59.18	4.985	50.11	4.266
Итого . . .	420.24	20.972	391.13	26.162	335.38	24.691
Восточная Сибирь [1].						
Округа:						
Приморский	16.35	551	82.38	1.007	179.—	3.552
Амурский	428.06	3.400	434.10	6.000	370.35	10.000
Восточно-Забайкальский.	94.09	2.975	80.22	3.598	22.27	1.405
Западно-Забайкальский .	33.—	1.300	43.35	940	77.30	1.752
Ленский	549.12	6.500	722.29	7.500	562.04	7.379
Бирюсинский	20.27	1.200	21.35	1.398	14.17	649
Итого . . .	1.142.09	15.926	1.386.09	20.443	1.226.33	24.737
ВСЕГО . . .	1.562.331	36.898	1.777.22	46.605	1.562.31	49.428
	на пуд золота 23 [2]		на пуд золота 26 [2]		на пуд золота 31 [2]	

в данном случае сыграло роль уменьшение рабочего дня на основании закона 1897 г. Процентное отношение числа рабочих к добыче золота возрастало из года в год с известной планомерностью еще тогда, когда о сокращении рабочего дня не было речи. Следует поэтому предположить, что главная причина указанного явления заключалась в обеднении золотоносных песков. При этом надо обратить внимание, что при подсчете рабочих, обслуживавших промыслы Амурской области (и других),

[1] С 1892 г.— Иркутское управление.

[2] Цифры округлены.

дававшей столь обильную добычу, не была принята в расчет многолюдная группа китайцев и корейцев, не легко поддававшаяся учету.

Движение китайцев на золотые промыслы началось в 1883 г., когда на речке Желтуге, протекающей в пределах Китая у русской границы, были открыты богатые золотые россыпи. Здесь собралось до 6.000 золотоискателей (русских и китайцев). Они устроили у себя своего рода республику, собственное управление и суд. В 1886 г. китайские войска разогнали их. После этого началась чрезвычайно хищническая разработка россыпей, розданных китайским правительством по своему усмотрению. Положение китайских рабочих на промыслах стало невыносимо, и они начали переходить на русскую сторону, где незначительный заработок выкупался большей, сравнительно, безопасностью от произвола. При своих минимальных жизненных потребностях китайцы соглашались на самую низкую плату и шли на беднейшие прииски. „Если русскому рабочему необходимо заработать 1 руб. в день, чтобы не сидеть голодным, то китаец при тех же условиях довольствуется 20—30 к., ибо ни мяса, ни масла, ни вина ему ни нужно, да и работает он оборванцем, иногда почти нагим". Поэтому промышленники охотно обращались к их труду, и вскоре китайцы наводнили некоторые прииски.

Ознакомившись с окружающей обстановкой, китайцы, по свидетельству горного надзора, быстро превращались в хищников. Два года спустя, по сообщению горного департамента, китайцы составляли 50% общего числа рабочих, занятых на Амурских промыслах. Их было бы больше, если бы в 1894 г. не состоялось распоряжение местной высшей администрации — не допускать нарушения указанной 50% нормы. Китайцы попрежнему шли на беднейшие и выработанные прииски, где русские отказывались работать. Хотя подобные прииски не могли обойтись без китайцев, тем не менее официальное мнение было таково, что китайцы представляют собою вредное явление: они массами переходят к хищничеству, обилием дешевых рук они способствуют увеличению числа мелких предпринимателей, которые, пользуясь старателями-золотничниками, только портят золотоносную площадь, в особенности, на приисках мало выработанных.

Хищничеством занимались, конечно, не одни китайцы. Это явление приняло громадные размеры. В конце 90-х годов насчитывалось свыше шести тысяч хищников. По утверждению горного департамента, понижение производительности Амурских промыслов в 1896 г. было вызвано (на ряду с вздорожанием всех предметов потребления) развитием хищничества, которое побудило многих рабочих уйти с приисков. В тот год некоторые промыслы совершенно остались без рабочих рук, а те прииски, которые работали, обслуживались китайцами. Добытое золото было получено только китайцами. Можно допустить, что русские рабочие массами уходили с приисков на хищническую работу именно в виду понижения заработной платы, вызванного наплывом дешевых китайских рабочих рук и вздорожанием жизни.

Промышленники не вступали в сношение непосредственно с китайскими и корейскими рабочими, часто даже не знали, сколько их на работе. Они сносились и расплачивались только с теми маньчжурскими подрядчиками, которые доставляли им рабочих. Положение рабочих-китайцев было самое тяжелое. Золотопромышленники безудержно эксплоатировали их, как людей, лишенных защиты как со стороны закона, так и власти. В 1899 году произошли даже беспорядки на Петро-Павловском промысле (в Приморской области), где рабочие-китайцы подвергались различным злоупотреблениям со стороны рядчиков и владельцев прииска. Общее убеждение было таково, что иностранцы не подлежат действию охранительных законов о найме рабочих.

Необходимость в китайских рабочих на промыслах Амурской и Приморской областей была столь очевидна, что известный нам закон 1895 года разрешил из числа иностранцев одним только китайцам беспрепятственно наниматься на прииски. Когда же в 1897 г. железная дорога стала брать их на работу, а вместе с тем их привлекли и вновь открытые на китайской стороне Амура россыпи, золотопромышленники почувствовали недохватку в рабочей силе [1]).

Наибольший наплыв китайцев на золотые промыслы наблюдался в Амурской области, где до начала военных событий 1900 г. (появление международных войск на китайской территории) число приисковых китайцев далеко превышало 15 тысяч человек. Второе место заняла Приморская область — до 2.000 чел., и, наконец, Забайкалье, где на приисках Восточно-Забайкальского округа китайцы появились во второй половине 90-х годов. В Западно-Забайкальский округ они стали направляться лишь в самом конце этих годов небольшими партиями, нанимаясь даже на прииски глухой и отдаленной Баргузинской тайги [2]). После погрома китайцев в 1900 г. число их на золотых промыслах Амура уменьшилось в значительной степени.

Нижеследующая таблица говорит о количестве золота, добытого в 1900 году китайцами, и о приблизительном числе их на приисках Амурского и Приморского округов.

---

[1]) Отчеты горного департамента за 1893, 96, 97 и 99 годы. — Московское древнехранилище. Департамент горных дел, отделение частных золотых промыслов, 1901 г., № 458 „О значении для золотопромышленности рабочих-китайцев".

[2]) Исключительный случай широко организованного хищничества русских мы встречаем именно в Баргузинской тайге, в местности по среднему течению р. Витима. Здесь, на ключе Королан, или Средняя Орловка, хищники нашли богатые россыпи. Они скопились в небывалом числе. Вдоль по ключу, на расстоянии 4 верст, стояло 89 палаток и балаганов, в которых хранились с'естные припасы, горные орудия, лодки и. т. д. Работало до 500 чел. артелями; для порядка завели самоуправление; на общей сходке были выбраны староста и двое десятских, получавшие хорошее вознаграждение. На уплату им жалованья, на помощь больным и на другие нужды они обложили хищников-торговцев специальным сбором в размере от 2 до 4 золотников золота. С'естные припасы доставлялись сюда из разных, порою весьма отдаленных, мест и продавались по крайне высоким ценам. Золота было много, и некотрые артели добывали ежедневно до 300 золотников и платили за пуд ржаной муки 4 и более золотника. (Отчет горного департамента за 1898 г.)

Горные округа и золотоносные системы	Общее число разрабатывавшихся в округе приисков	Число приисков, разрабатывавш. китайцами	Общее число добытого в округе золота (в пудах)	Количество золота, добытого китайцами (в пудах)	Число поденщин. вообще	Число поденщин. Китайцев	Число поденщин. Корейцев
Амурский округ:							
Верховья Амура		28		33		340.168	12.539
Зейская система		79		85		651.325	56.516
Урюинская „		8		18		73.513	55.312
Система рч. Бома	204	5	493	8		49.956	30.164
Система р. Селемджи		10		76		191.052	72.650
Ниманская система		6		8		31.374	38.241
Хинганская „		4		12		196,389	9.955
Итого	204	140	493	240 [1]	2.123.111	1.533.777	275.377
Приморский округ:					Общее число рабочих	Корейцев и китайцев	
Южноуссурийский		4		10		400	
Верховья рч. Уды		1		34		600	
Среднее течение р. Амгуни		8		5 3/4		300	
Озеро Джагдаха		2		5 1/2		140	
„ Чилиха	25	1	168	3 3/4		110	
„ Орель		1		3 1/2		200	
„ Чля		1		1 1/4		40	
„ Удиль		1		1 1/2		25	
Правый берег Амура		2		1 1/2		60	
Итого	25	21	168	66	3.000	1.875	

В виду сильного наплыва китайских рабочих на Амурские промыслы, вызвавшего против них организованное движение, комиссия по пересмотру постановлений о золотой промышленности предложила совершенно запретить наем китайцев. А так как в этом случае на прииски вернутся русские рабочие, занявшиеся почти исключительно хищничеством, китайцы же в свою очередь перейдут к хищничеству, то нужно вообще ограничить доступ китайцев в Россию. Запрет мотивировался тем, что на Амуре господствовал старательский (золотничный) способ. Не только мелкие

[1]) Часть этого золота была добыта корейцами, из которых многие состояли в русском подданстве.

золотопромышленники, но и крупные компании переходили с хозяйских работ на старательские. Именно, развитие золотничных работ, в связи с ограниченными потребностями китайцев, и привлекло большое число их на прииски. Русские удерживались лишь на таких приисках, где можно было рассчитывать на хороший заработок. На неразведанном прииске после двух-трех бесплатно пробитых шурфов с ненадежными показаниями золота русские уходили, китайцы же сами устраивали себе помещение, приносили собственную провизию, разведывали площадь и даже при очень скромном содержании золота они за свой счет вскрывали торфа, проводили канавы, строили бутарки и проч. Владелец начинал им платить деньги лишь тогда, когда они сдавали ему намытое золото.

При крайней разбросанности приисков, обслуживаемых, к тому же, за немногими исключениями, сравнительно малолюдными группами рабочих, при наличии сверх того ссыльно-поселенцев, находившихся в особых юридических и бытовых условиях, на золотых промыслах не могло возникнуть в ту пору сколько-нибудь планомерное движение рабочих. Стихийно вспыхивавшая потребность высказать свое недовольство, нередко разряжавшаяся даже убийством кого-либо из администрации, замирала, не успев вылиться в организованный протест с целью добиться улучшения экономического положения.

В виду отдаленности золотых приисков от административных центров не обо всех случаях рабочих волнений могли сохраниться достоверные сведения. Но, с другой стороны, слухи о беспорядках должны были бы распространяться при широком передвижении золотопромышленных рабочих. Таким образом, можно допустить, что число тех случаев волнений, которые или зафиксированы документами, или известны по наслышке, соответствует в некоторой мере действительности. В шестидесятых годах известен лишь один случай коллективного протеста. В семидесятых годах произошло, по сохранившимся данным, всего десять таких случаев, в восьмидесятых годах — двадцать три, а в 1890—95 годах—двенадцать.

Причины волнений известны в 31 случае. Чаще всего недовольство рабочих вызывалось непосильной величиной уроков, дурным качеством пищи, недостаточным размером винной порции, низкой заработной платой, жестокостью промышленника и его служащих; далее рабочие приходили в движение, требуя большего числа дней отдыха, выдачи свежих припасов из приисковых лавок и др.[1]).

---

[1]) *Семевский*, т. II, глава X.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [1])

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

оль добывают трояким способом: **в ы в а р о ч н у ю** извлекают из соляного раствора, так называемого, рассола, находящегося на поверхности земли или высасываемого особыми трубами из-под почвы; **о з е р н у ю** — ломают и выволакивают со дна некоторых озер, где она оседает из густого соляного раствора (рапы), составляющего поверхность озера; **к а м е н н у ю** — выламывают из громадных пластов, то лежащих открыто, то скрытых под землею.

Выгодность разработки соли того или иного вида в отдельных районах в значительной мере зависела от разнообразных изменяющихся обстоятельств, вследствие чего центры добычи соли неоднократно перемещались. Играла роль также правительственная соляная политика. А эта последняя определялась порою не столько желанием извлечь доход, сколько необходимостью обеспечить солью население [2]). Правительственная политика приводила то к передаче соляного дела в частные руки, то к возвращению его в распоряжение казны, то к закрытию таких промыслов, которые по своей выгодности могли бы существовать, то к разработке источников, которые были убыточны.

---

[1]) По техническим условиям мы отступили от порядка, принятого в настоящей книге (в первом томе — период крепостного труда, во втором — вольнонаемного), и не разбили очерка на два периода, а даем его здесь целиком.

Помимо источников, отмеченных в своем месте, при составлении очерка использованы книги: *Л. Першке.* Обзор соляного промысла (1871).— *С. Коломинский.* Торговля солью на Руси в XVI—XVII веках и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени (Университетские известия. Киев. 1912 г., книга 12-я.— Географическо-статистический словарь Российской империи, составленный *П. Семеновым,* тт. I—V (1863—1885 гг.).— *И. Кириллов.* Цветущее состояние Всероссийского государства, ч. 1-я (данные относятся к 1727 г., изд. 1831 г.).— *Н. Лавров.* Элтонское соляное озеро (брошюра без обозначения года издания, вышла около 1871 г.).— *С. Вознесенский.* Элтонская солепромышленность в историко-статистическом отношении (Записки казанского экономического общества, 1857 г., ч. 3-я.— Отчеты горного департамента за 1890-е годы.— *В. Берх.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск (1821 г.).

[2]) *Н. Бунге.* Исследование по вопросу о восстановлении налога на соль (1893 г.).— О законодательных мероприятиях см. *С. Вознесенский* (указ. сочин., стр. 50—59).

До начала восемнадцатого века в разных местах существовали и вольный промысел, и откупная система, и казенная монополия. В 1705 г. была отменена частная продажа соли. Частные солезаводчики обязывались поставлять казне соль по назначенной правительством цене, а казенные источники разрабатывались подрядным способом. Впоследствии монопольная продажа несколько раз отменялась. В сороковых годах восемнадцатого века казна стала скупать частные солеваренные заводы и открывать собственные промыслы. Частные лица не допускались к разработке казенных промыслов. Первое отступление от этого правила было сделано в 1858 г. для казенных озер в Крыму. А в 1862 г. состоялось распоряжение о скорейшей передаче соляной промышленности в частные руки [1]). В 1865 году прекратилась казенная разработка Эльтонского озера, в 1868 — илецкой соли, в 1872—303 гг.— сибирских промыслов.

ВЫВАРОЧНАЯ СОЛЬ

Солеварение на севере. — Рабочие на Соловецких усольях. — Соляное дело в Балахне, Старой Руссе и Вологодском крае. — Соляная промышленность в Пермской области.— Состав и положение рабочих на Дедюхинском промысле.—Зырянские варницы и их рабочая сила. — Старинная техника солеварения. — Рабочие пермских промыслов в период отмены крепостного права. — Южно-русские варницы и затруднения в снабжении их рабочими руками. — Сибирские солеваренные заводы; обслуживание их ссыльными; материальное положение ссыльно-рабочих; частичное пополнение рабочих кадров вольнонаемными.

Организованная эксплоатация соляных богатств России возникла ранее всего в Архангельском крае. Морская вода и соляные источники, с одной стороны, а с другой — наличие лесов открывали простор для солеварения. Конечно, техника была примитивна; рассол наливали в котлы или цырены (железные сковороды), и посредством кипячения вода выпаривалась, оставались кристаллы соли. На далеком севере издавна существовали варницы. Например, Ненокский промысел был известен в пятнадцатом веке, когда местностью владели новгородцы. Позже соляным делом стали усердно заниматься монастыри, скупая старые и устраивая новые промыслы. В начале шестнадцатого века в Поморье имелись варницы, пользовавшиеся наемным трудом. Документы Соловецкого монастыря свидетельствуют, что его хозяйство концентрировалось главным образом в соляной промышленности. Нередко монастырь участвовал лишь в определенной доле в данном промысле вместе с частными лицами или другим монастырем. Таков был упомянутый выше Ненокский промысел. В приморских варницах работа шла преимущественно в зимнее время, когда замерзшие реки не приносили с собою пресной воды, и когда волны не мутили рассола в морской губе. На соляных же источниках варение не зависело от времени года.

---

1) Второе собрание законов, № 38280. — *Л. Першке* (указ. сочин.)— Памятная книжка для русских горных людей за 1862 г. — *Бунге*, цитир. сочин.

Кроме монастырских слуг, в течение долгого времени связанных с Соловецким монастырем, а также „служебников“, нанимавшихся для определенной работы, на усольях находились работные люди, делившиеся на две группы. „Полетние“ жили с семьями в особых казенных дворах, а „пришлые“, поденные, нанимались на короткий срок. Соловецкий монастырь старался обеспечить себя кадрами постоянных и дешевых рабочих из среды усольских „казачков“, выдавая им денежные ссуды, которыми рабочие фактически закабалялись. На усольях в 1669 году, когда монастырское хозяйство находилось в состоянии некоторого упадка, насчитывалось: постоянных работников — 817; членов их семей — 1.485; „прихожих“ — около 270.

Рабочие жили на „монастырском хлебе“, а постоянные работники получали от монастыря также обмундирование. Монастырю приходилось вести широкое хозяйство, чтобы кормить и одевать значительное число людей [1]).

В окрестностях гор. Балахны (Нижегородской губ.), богатых соляными ключами, солеварение возникло в 1532 г. Технически эти промыслы равнялись с прославленными Строгановскими, и долгое время Балахнинское усолье служило школой для трубных мастеров и солеваров. Согласно писцовой книге г. Балахны за 1674—76 гг. имелись 86 варниц и 33 рассольные трубы с 24 632 бадьями рассола. Не все владельцы варниц имели свой рассол, а потому нередко рассольная труба принадлежала нескольким солеварам, из коих каждый имел право на определенное количество бадей рассола.

Бадьи рассола продавались как всякое имущество по купчим крепостям. Трубы и варницы носили каждая свое особое имя: трубы — Толстуха, Золотуха, Попадья, варницы — Соболь, Шуба, Красава, Дворянка, Кострома и мн. др. [2]). В конце семнадцатого и в начале восемнадцатого веков промыслы переживали пору расцвета. В тридцатых годах начался их упадок, и в 1753 г., ради сбережения лесов, в течение более двух столетий сжигавшихся на варницах, добыча соли была здесь запрещена [3]).

В пятнадцатом веке пользовалась известностью соль, которую новгородцы добывали из озера у Старой Руссы. Но потом наступил длительный период бездействия местных промыслов. Они ожили при Петре, но ненадолго. Как гласит сообщение, относящееся к 1727 году, „прежде бывало до 200 варниц, когда свободный торг был, а ныне 75 варниц“. Вскоре наступило худшее положение: в 1731 году добыча соли, по распоряжению правительства, была ограничена 31.2000 пудов в год для снабжения ею определенной местности, а в 1753 г. промыслы были

---

1) *А. Савич.* Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. (Пермь, 1927).

2) Действия Нижегородской губернской ученой комиссии. Том XV, выпуск I, (1913 г.).

3) Первое собрание законов, № 10157. — Ср. также № 16736 (доклад сената от 1788 г.)

совершенно закрыты ради сохранения лесов [1]). Позже казна возобновила их деятельность [2]), пользуясь трудом частью приписных крестьян, частью вольнонаемных рабочих.

И Вологодский край рано узнал солеваренное дело. У реки Вычегды новгородцы осели подле соляного озера и назвали город по главному промыслу „Соль Вычегодская". В конце пятнадцатого века он был известен под именем Усольска. Среди поселенцев, занявшихся выварокой соли у местных ключей, мы встречаем в 1517 г. новгородца Иоаникия Строганова. Одно время процветало соляное дело у старого города Тотьмы — в 1687 г. имелось до ста заброшенных рассольных труб. Поблизости издавна существовал Леденгский завод. В Яренском уезде уже в 1637 был построен Сереговский завод.

Вологодские промыслы имели в свое время большое местное значение, но постепенно их промышленная роль умалилась до крайности хотя рассол выбрасывался из-под земли на $2^1/_2$ сажени и прямо проходил по желобам в варницы, не требуя усилий на его извлечение. Леденгский, например, промысел стал в шестидесятых годах девятнадцатого века, давать все меньше продукта. В девяностых годах Вологодские промыслы окончательно выродились. И Архангельские промыслы, еще раньше Вологодских начав падать, дошли до выработки не более 80 тыс. пудов в год. Ненокский промысел разрабатывали местные мещане на паевых началах [3]).

В пермских землях солеварение, как организованный промысел, существовало уже в пятнадцатом веке. Под 1505 годом летописец упоминает соляные промыслы у реки Камы под названием Каменного Усолья. Вообще область у реки Камы между притоками Вишерой и Чусовой, судя по сохранившимся географическим названиям, издавна была известна своими соляными богатствами. Город Соликамск, расположенный по берегам речки Усолки, впадающей в Каму, является старинным памятником зародившейся в том крае соляной промышленности. По некоторым сведениям начало городу положили в 1430 г. солепромышленники Калинниковы, имевшие раньше варницы на речке Боровой, ушедшие отсюда вследствие слабости рассола. Новый город получил название Соли Камской, а жители — усольцев, и это наименование сохранилось еще в восемнадцатом веке. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что город образовался во второй половине шестнадцатого века, когда Григорий Строганов получил (1558 г.) землю ниже Великой Перми, в Прикамской стороне, от Чердыни до Чусовой, с правом „варницы заводить, соль варить".

К этому времени, в середине шестнадцатого века, солеварение вступает в новый фазис своего развития. Московское правительство на-

---

[1]) Там же, № 10069, указ 3/II—1753 г. Этим же указом была приостановлена разработка источника в Солигаличе Костромской губернии, из которого соль выварилась уже в XIV веке.

[2]) Там же, № 16736.

[3]) *Стемпневский.* Описание Вологодских и Архангельских соляных промыслов, (Горный журнал, 1884 г., кн. 5-я).

чинает сознавать важность соляной промышленности как источника государственных доходов. Оно поощряет к солеварению и частных лиц, и монастыри. Благодаря этому „соляная территория", по словам одного исследователя, значительно увеличивается. При этом, если в пятнадцатом веке солеварение сосредоточивалось преимущественно в северо-западной окраине Руси, то в шестнадцатом веке оно захватывает Волжско-Камский район, к которому и переходит главенствующая роль в соляной промышленности.

Среди крупных солепромышленников Пермского края особенно выделяется семья Строгановых, которая чуть ли не в течение пяти веков не прерывала солеварения. В 1568 г. Яков Строганов получил грамоту, в которой было сказано, что царь велит ему по его челобитью на реке Чусовой у соляного промысла „крепости поделать и городок поставить для сбережения от нагайских людей и около городка у соляного промысла варницы и дворы ставить".

Капитан Рычков, посетивший эту местность в 1770 г., сообщает, что село Новое Усолье (в 34 верстах от Соликамска) „есть знатнейшее из всех селений, находящихся в области Соликамской, в рассуждении соляных промыслов", принадлежавших Строгановым. Источник был открыт в земле и рассол доставали машинами, действовавшими силою двух лошадей. Любопытно, что одна машина работала в нагорной стороне Камы, другая — в луговой, у села Усть-Зырянки. Когда одна из них была в действии, другая ничего не извлекала, так как случайно обе рассольные трубы оказались опущенными в один и тот же подземный источник. При каждой варнице находилось по 4 работника, среди них — один повар; на трубу работали 2—3 варницы [1]).

В Прикамской же области мы встречаем Ленвенские варницы, у речки Ленвы, устроенные в 1610 г. балахнинским купцом. Когда в 1697 г. Ленвенские промыслы были отданы Строгановым, на промыслах имелись 44 варницы и 23 трубы. Там же действовали Дедюхинские промыслы, основанные в последней четверти семнадцатого века на земле, подаренной Строгановыми в 1721 году вместе с крестьянами Пыскорскому монастырю. При дарении Строгановы не ожидали, что монастырь разовьет соляное дело в подрыв им самим. Поэтому, когда это случилось, они добились того, что монастырь не мог извлекать соли более определенного количества [2]).

Дедюхинские, Зырянские (о которых ниже скажем) и Новоусольские соляные промыслы концентрировались вблизи медноплавильного Пыскорского завода.

Так как последний уничтожал много леса, необходимого для солеварения, то возникла тревога, „чтобы в соли не учинилось убытка, нежели от меди прибыли быть может". Поэтому было велено

---

[1]) Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова, ч. 2-я (1772 г.), стр. 82 и след.

[2]) Горный департамент, 2 стол, I отд., 1826 г., дело № 221/317 „О переводе излишних для Дедюхинских соляных промыслов рабочих на Пермские заводы".

наблюдать, чтобы от горных заводов соляным промыслам „обид и утеснения не было“ [1]).

Состав рабочих на частных соляных промыслах был, повидимому, столь же разнообразным, как вообще на частных горных заводах. Благодаря переходам промыслов от казны в частные руки, на ряду с крестьянами, принадлежавшими самим солезаводчикам, могли находиться и „вечно отданные“ казною, составлявшие собственность данного предприятия. Не имея своей запашки, крестьяне получали от владельцев промыслов хлеб бесплатно, что принималось во внимание при назначении им платы за работу. В Пермском районе (1788 г.) большая часть промышленников имела крепостных, которым платили „сколько хотят“ [2]).

Обеспечение рабочей силой казенных соляных промыслов встречалось с такими же затруднениями, вызывавшимися безлюдием соленосных местностей, как вообще на казенных горных заводах. Для обслуживания Дедюхинских промыслов в свое время были переведены и поселены при них 427 душ мужского пола из крепостных вотчины Пыскорского монастыря. Кроме того, были приписаны к Пыскорскому монастырю беспаспортные крестьяне из разных мест и прочие „праздношатающиеся“, уклонявшиеся от уплаты податей, в числе 171. В 1760-х годах от крестьян поступило прошение об облегчении их тяжелого положения. Сенат тогда предписал брать в работу крестьян только в возрасте от 15 до 60 лет, прочих же наряжать по их собственному желанию, а также повысить заработную плату из следующих хозяйственных соображений, связанных с дальнейшим расширением промыслов. На имевшихся 22 варницах фактически работали 365 человек. Ими в 1770 г. было выварено и отправлено в Н.-Новгород более 800.000 пудов, жалованья же выдано 4.690 р. 35 коп. В будущем ожидалась на 24 варницах выварка в 1.200.000 пудов, для чего нужны были 399 „действительно работных людей“. Вознаграждение их, в виду увеличения платы, должно было выразиться в сумме 8.970 р. в год. Сверх того соляной конторе предстояло за счет промысла уплатить подушную подать и оброк за упомянутых переведенных и беспаспортных 598 рабочих—1.622 р. 97 коп. Таким образом, труд промысловых рабочих должен был обойтись всего в 10.592 р. 97 коп., т.-е. на 5.902 р. 62 коп. более, чем раньше. Хотя этот перерасход представлялся и очень большим, все же, по утверждению сената, он был необходим потому, что эта сумма „по примечанию трудов каждому так посредственно (т.-е. скупо) распределена, без чего уж, по крайней мере, тех знаний человек в пропитании и одежде содержать себя не может“. К тому же 800.000 пудов соли обходились в $3^1/_4$ коп. пуд на промысле, при новом же вознаграждении прибавка на цену не превысит $^3/_4$ коп., а при 1.200.000 пуд. еще меньше. Если же привлечь вольных людей, из коих никто „по состоянию тех промысловых работ“ менее трех рублей

---

[1]) Инструкция начальнику уральских горных заводов Татищеву 1734 г. (§ 8). *Герман.* Историческое начертание горного производства в России, стр. 140.

[2]) Первое собрание законов, № 16736. Доклад сената 22 дек. 1788 г.

в месяц не согласится брать, то придется прибавить к указанным расходам еще 4.000 р.[1])

Так как среди упомянутых выше 598 приписных крестьян насчитывалось до 150 нетрудоспособных (стариков, увечных), то для их материального обеспечения из заработной платы рабочих удерживалось по 4 коп. с каждого рубля.

Размер заработной платы, введенной в действие в 1771 г., мы встречаем и в начале девятнадцатого века, когда за промыслами числились уже 719 душ, при чем завод давал за свой счет хлеб рабочим. Завод к тому же откупал за 125 р. каждого рабочего, для которого наступала рекрутская очередь. Когда же такса за освобождение от рекрутчины была (1783 г.) повышена до 500 руб., завод отделил из общей массы приписных крестьян 400 годных, из среды которых рекруты и в дальнейшем выкупались заводом, прочие должны были отбывать рекрутчину натурою. Но вскоре эта последняя группа истощилась — в ней остались лишь старики и дети. Генерал-губернатор сообщил в Петербург, что на промыслах 440 годных рабочих не могли справиться с работой, а потому приходилось брать на работу за особую плату не только престарелых, но также детей и женщин, и все же недостача рабочих рук продолжала ощущаться.

Помимо чрезмерного обременения работою, рабочие страдали из-за низкой заработной платы. По словам генерал-губернатора, „рабочие, получая весьма малое жалованье, находятся в самом бедном и жалком состоянии". Поэтому было постановлено освободить их всех от рекрутчины и от государственных податей[2]).

В 1814 году, вследствие упадка вблизи лежащего Пыскорского завода, прикрепленные к нему работники были переведены на Дедюхинские промыслы. Когда вскоре деятельность Дедюхинских промыслов сократилась в виду запрещения производить на них более 800 тысяч пудов соли в год, оказалось, что 1.602 души (с детьми) делаются излишними. Было решено отправить их на Пыскорский завод, а также на Златоустовский и Богословский. Предполагалось, что крестьяне будут довольны такой переменой из-за тяжелых условий труда на соляных промыслах. Но крестьяне, подлежавшие переселению на последние заводы, стали просить об оставлении их на месте, где они живут уже двести лет. Против их домогательства выставлялись те соображения, что они занимались лишь подсобной работой на промысле, рубили дрова; между тем, чердынские крестьяне охотно нанимались на эту работу добровольно. Впрочем, обнаружилось, что Златоустовские заводы не нуждаются в дедюхинских крестьянах, а потому только 300 человек были сняты со своих мест, прочие же перешли в число казенных крестьян, свободных от промысловой работы[3]).

---

[1]) Первое собрание законов, № 13492, указ 4/VIII, 1770 г.
[2]) Первое собрание законов, № 21809, указ. 27/VI, 1805 г.
[3]) Горный департамент, упомянутое выше дело № 221/317.

В четырех верстах от Ленвенских промыслов находились, на реке Зырянке, Зырянские источники. Здесь имелись варницы, принадлежавшие Пыскорскому монастырю, а также частновладельческие. В 1652 году Зырянские варницы были взяты казною, как видно, для сдачи их в аренду. В 1660 и 1663 годах к промыслу был приписан погост Зырянка с 75 дворами и 297 душами, которые до того времени добровольно работали на Зырянских промыслах. Они и стали нести различные обязанности на промысле: мосты мостили через речки, действовали в качестве поваров и подварков, водоливов и дрововозов.

В 1681 г. в Зырянке было уже 37 казенных варниц, и все они в 1697 г. были отданы Петром I Строганову, с тем, чтобы он сдавал в казну по 100 тысяч пудов в год бесплатно, а прочее оплачивал пошлиною. Вместе с промыслами к Строганову перешли принадлежавшие им крестьяне и угодья, при чем указ предписывал Строганову „крестьян не разогнать и за работы и тяглы сверх прежнего ничего не прибавливать", т.-е. и при частном хозяине рабочие обязаны были выполнять лишь прежде установленный урок[1]). Вслед затем было раз'яснено, что все подати с людей покрываются упомянутыми 100 тыс. пуд. соли. Поэтому было велено не брать ни податей, ни рекрут с приписного населения. Однако, в том же году староста зырянских усолий и все мирские люди принесли в сенат жалобу, что в 1710 г. приказчики Строганова записали их не особо, как находящихся в исключительном положении, а в общей массе крестьян, принадлежавших Строганову. С 1711 г. с них стали требовать подати и повинности. В следующем году они были взяты в казну. Когда же в 1714 году их вновь отдали Строганову, то было повторено распоряжение об освобождении их от податей и повинностей. Тем не менее приказчики их понуждали к уплате податей при содействии военной силы. Это их разорило, многие разбежались; в конце-концов на работе осталось всего 198 дворов. Между тем было велено увеличить добычу соли на миллион пудов в год[2]). Все же сенат постановил: взимать с них подушные деньги наравне с помещичьими крестьянами[3]).

Пользуясь своими капиталами и влиянием, Строгановы сумели почти монополизировать соляное дело в Пермской губернии, приобретя лучшие варницы и убив другие своей конкуренцией. Строгановская соль „пермянка" была столь ходка, что уже в семнадцатом веке она положила преграду развитию соляной промышленности на севере Руси. Соликамская соль реками отпускалась в Н.-Новгород, откуда шла в верховые города, при чем со строгановских варниц в год отпускалось до трех миллионов пудов, а с прочих по миллиону и более. Во второй половине восемнадцатого века почти одни Строгановы отправляли отсюда соль в Н.-Новгород, откуда она растекалась по всей стране: в шестидесятых годах

---

[1]) Первое собрание законов, № 1584, указ 14/V, 1697 г.

[2]) Горный журнал, 1828 г., книга 8-я (Исторические акты о Зырянских соляных промыслах).

[3]) Первое собрание законов, № 4629, указ 13/I, 1725 г.

немногим более полутора миллиона пудов в год, а в семидесятых — более трех миллионов пудов.

Благодаря архивным материалам и сообщениям современников, можно восстановить картину трудовых процессов солеварения, которые в своих основных чертах на протяжении веков оставались одинаковыми. В виде примера остановимся на солеварнях Строгановых [1]).

Солеваренный промысел обслуживали: „трубочные мастера", отыскивавшие „рассольные места" и устанавливавшие на них „рассольные трубы"; повара и подварки, варившие соль в варницах; кузнецы-цыренники, плотники и варничные ярыжки, т.-е. чернорабочие, производившие рубку и сплав дров, погрузку соляных мехов на суда вешних караванов, подкидку и сушку соли на „полатях" и т. д. У мастеров была специальность, требовавшая больших практических знаний. Нужно было сначала выбрать соляное место для закладки труб. Опытный мастер останавливал свое внимание на местности, покрытой низким ельником или березником, или, чаще всего, на болотистых и сырых местах. Он производил опрос туземного населения, присматривался к скоту, по поведению которого во время пастьбы можно было узнать о наличии подпочвенной соли.

Самой трудной и ответственной работой была установка рассольных труб. Бурение земли затягивалось до 2 и 5 лет, как это свидетельствовали видные пермские солепромышленники. На избранном месте копали яму глубиною в $1^1/_2$ — 2 сажени „до воды". Затем опускалась первая деревянная труба, называемая „матицей", которая „заганивалась" в землю до 10 саженей — до твердого грунта. Над матицей на крепких плахах строилась деревянная избушка, которая наполнялась вынимаемой землей и своей тяжестью вгоняла матицу все больше в землю. В избушке работали над посадкой матицы и других труб мастер и его помощники — ярыжки, зимой и летом без перерыва, при помощи целого набора инструментов-буравов, „свердл с ременьом", железных долот „кривых" и „прямых", „строжниц, чем в трубе камень секут, шеломов железных, чем в трубе землю роют", и др., которые вставлялись на конец тонкого шеста и опускались в отверстие пола избушки, служащее и отверстием матицы. Эти шесты, с насаженными буравами и долотами, опущенные в матицу, беспрестанно вращались 2—4 ярыжками при помощи ворота-колеса с насаженной тяжестью в 20—60 пудов. Порода, раздробленная таким путем буравами, строжницами и свердлами, вынималась тюриками и др. инструментами, надеваемыми на те же шесты, с которых снимались для этого бурава. Когда матичная труба доходила до каменного грунта, приступали к загонке более тонкой „обсадной трубы", которая спускалась в матичную трубу и описанным выше способом вдавливалась в грунт на дальнейшие 10—12 саж. Обсадная труба состояла из трех-четырех колен, по 2—3 сажени каждое, крепко соединяемых железными обручами.

---

[1]) *Андрей Введенский.* Служащие и работные люди у Строгановых в 16—17 вв. (Труд в России. Историч. сборник I, стр. 64 и след.).—Для сравнения с другими описаниями солеварения, см.: *Савич.* Соловецкая вотчина 15—17 вв. (Пермь, 1927 г.).—*С. Коломенский.* Торговля солью на Руси в 16—17 вв. (Университет. известия, Киев, 1912 г., кн. 12-я).

Для определения крепости рассола из вынутой пробы делалась варя. Если рассол оказывался жидким, проходили почву еще вглубь „веселыми трубками", устроенными точно так же, как и обсадные, только с более узким отверстием, и загонявшимися на последние 10 саж. Далее 30 саж. в глубину солеваренная техника семнадцатого века не доходила. Эта утомительная буровая работа требовала больших затрат. Рассольная труба являлась самой дорогой частью в варничном строении.

Из трубы рассол тянулся поршневым насосом, который приводился день и ночь в действие силою ярыжек, позже — при помощи конской тяги (рассололивные машины на Пермских промыслах у Строгановых были поставлены только в 1720 г.).

Варилась соль в варнице, т.-е. в избе с одною только дверью и с отверстием в кровле вместо трубы. Внутри ее выкапывалась яма — „печь" — с отлогими краями; на ней устанавливался цырен — железная жаровня, где выпаривался соляной рассол. После „соляной вари" цыренщики обмазывали цыренное гвоздье тестом из ржаной муки. Это тесто требовалось, „разжевывая оное в рот (т.-е. во рту), перемазать со слюною, а не с водою, ибо от слюны делается некоторая против воды способность".

Варил соль повар, который владел искусством высматривать во время „кипежу" рассола, когда в нем начинает „родиться соль". Ему помогали подварок и несколько подручных ярыжек. Когда повар затапливал печь, подварок наверху у цырена „напущал" рассол, который ведрами носили ярыжки из ларя. Когда же в цырене „пойдет шум", т.-е. рассол закипал, повар и подварок менялись местами: повар, стоя у цырена, зорко наблюдал, чтобы кипеж шел равномерно по всей площади цырена, для чего подварок регулировал железными заслонками и железной кочергой равномерный и тихий жар в печи. Каждая варя совершалась в 24—30 часов. Таких варь беспрерывно бывало 20—25, после чего производилась чистка варницы. В семнадцатом веке каждая суточная варя давала 50—70 мехов соли, 150—210 пуд., при чем на каждую сажень дров приходилось 10—15 пудов соли. В первой четверти девятнадцатого века вываривалось уже 250—300 пудов соли и на сажень дров приходилось соли 25—30 пудов.

Насколько первоначальное устройство солеваренного завода, когда рассол приходилось извлекать трубами, оставалось вплоть до девятнадцатого века попрежнему сложным и дорого стоящим, видно из описания пермских соляных промыслов, относящегося к 1802—03 годам [1]) Из него мы узнаем, что при всем усердии 8 человек, работавших в две смены в сутки, при 4 трубных мастерах, рассололивная труба не могла быть устроена менее, чем в три-четыре года, а иногда — пять лет.

Рабочий состав промыслов был в ту пору представлен следующими мастеровыми. При варнице: повар, подварок, два дрововоза, четыре унимальщика, два солоноса, мешкодержатель (при ссыпке соли), высчет и и приемщик; кроме того, имелись работники для разных дел. При рассололивной трубе, обслуживавшей две варницы: смотритель из престa-

[1]) Хозяйственное описание Пермской губ., ч. 1-я (составлено в 1802—03 гг., изд. 1811 г.), стр. 253—277.

релых промысловых работников и по четыре ездока в возрасте от 12 до 17 лет. Ездоки работали по одной из четырех смен в сутки.

Из нижеследующей таблицы можно вывести некоторое заключение о том соотношении, какое существовало на пермских промыслах между количеством варниц и рассололивных труб, с одной стороны, а с другой — их производительностью и числом рабочих.

Владельцы промыслов	Новое Усолье		Ленва		Пудов соли в варе	Число рабочих
	Варн.	Расс. труб.	Варн.	Росс. труб.		
Граф Строганов	13	6	7	4	165—180	533
Княгиня Голицына	10	5	6	3	135—165	376
Княгиня Шаховская	12	5	4	2	150—180	243
	общ. для всех 1					
Барон Строганов	10	5	6	3	168—186	225
Лазарев	10	3	7	3	144—180	311
Всеволожский	8	4	4	2	127—146	325
Итого . .	63	29	34	17		2.013

Общая производительность всех пермских промыслов на пороге 19-го века доходила в год (22 варничные недели) до $5^1/_2$ миллионов пудов.

Для 1860 г. мы располагаем следующими данными о пермских заводах:

Частновладельческие заводы:

Новоусолье . . . . 39 варниц, давших 2.884.000 п. } 1.817 рабочих
Ленвенские . . . . 36 „ „ 2.984.000 п. }
Соликамск. . . . . 6 „ „ 164.000 п.; 50 рабочих из вольнонаемных.

Казенные заводы:

Дедюхинские — 20 варниц с паровой машиной при 13 рассольных под'емных трубах с конными воротами. Промыслы обслуживались приписными казенными мастеровыми и рабочими, как на прочих казенных горных предприятиях. В 1860 г. их насчитывалось 51 человек. К выкладке на берегу дров, приплавленных для варниц, привлекались те же мастеровые и рабочие, но за вольную плату [1]).

Ко времени отмены в 1861 г. принудительного труда на пермских частных соляных промыслах насчитывалось до 3.600 человек, состоявших в крепостной зависимости. Эти крестьяне имели усадьбы, но из-за дурного качества земли, пригодной лишь для сенокосов, они не занимались хлебопашеством, а потому получали хлеб бесплатно. При разработке реформы их быта был выдвинут вопрос о принятии таких мер, чтобы с отменою обязательного труда промыслы не остались без рабочих.

[1]) Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния (составил *Х. Мозель*), ч. II (1864 г.), стр. 334—35.

Пермский дворянский комитет предложил предоставить им, как и прочим помещичьим крестьянам, усадебную оседлость с правом выкупа ее в собственность, и удержать их в обязательных отношениях к владельцу только при пользовании владельческой землей. Некоторые солепромышленники решительно высказывались против дозволения крестьянам выкупать усадебную землю, дабы именно усадебною землею солепромышленники могли удерживать крестьян при соляном деле. Но главный комитет по крестьянскому делу настоял на том, чтобы крестьяне соляных промыслов были обеспечены усадебной оседлостью и наделом земли там, где они до того времени пользовались ею [1]). Изданными 19 февраля 1861 г. „дополнительными правилами о крестьянах и работниках, отбывающих работы при пермских частных горных заводах и соляных промыслах", рабочие соляных промыслов получили одинаковое устройство с горнорабочими пермских частных предприятий [2]).

Как и на частных горных заводах Урала, с введением вольнонаемного труда на соляных промыслах, понизился спрос на рабочие руки. Поэтому закон 3 декабря 1862 г. о льготах рабочим, которые не имели своего хлебопашества, был распространен и на рабочих Усольских (Новоусольских) и Ленвенских промыслов [3]).

На казенных соляных промыслах рабочие должны были по закону 8 марта 1861 г. разделить судьбу рабочих казенных горных заводов [4]). Но по указу 14 мая 1862 г. казенная добыча соли была прекращена. Пришлось подумать об обеспечении рабочих средствами существования. Их числилось на Дедюхинском заводе, а также на Леденгском и Илецком (о последнем говорится ниже) всего 2.619 чел. Земельное обеспечение их было крайне неравномерно. Согласно правилам 19 марта 1863 г. те из них, которые не получили надела, были освобождены на шесть лет от податей и повинностей. Им было также предоставлено домогаться земельного надела, а при отсутствии на месте удобной земли, они могли переселиться при казенном пособии на казенные земли для хлебопашества [5]). Отметим, что Леденгский завод приостановил в 1862 г. свое действие. Но так как приписанные к нему мастеровые в числе 150 лишились почти всяких средств к существованию, то в 1865 г. работа завода была возобновлена, а в следующем году он был приобретен частным лицом.

К шестидесятым годам техника позволила добывать рассолы на больших глубинах. Рассольные трубы на Соликамских промыслах достигли 40—60 саж., а в Новоусолье, Ленве и Дедюхине —108 саж., при чем рассол выкачивался паровыми машинами или конными приводами.

---

1) Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу, т. II (Петроград, 1915 г.), стр. 366—67.

2) См. выше, стр. 16—17.

3) Второе собрание законов, № 39569. Закон 1 мая 1863 г. См. выше, стр. 61—62.

4) Там же, № 36719. См. выше, стр. 19—21.

5) Там же, № 39394.— *П. Лященко.* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. 1-я (СПБ. 1913 г.), стр. 460.

Пермская выварочная соль заняла видное место в общей русской соляной добыче. Отметим ее рост в последние годы девятнадцатого века и число рабочих, занятых ею.

Годы	Тысячи пудов	Число рабочих
1895	17.200	2.883
1897	15.819	2.938
1899	19.570	муж. 2.825 женщ. 371 } 3.196

Позже, чем в Пермской области, возникла добыча выварочной соли на юге России. В конце шестнадцатого века промышленники посещали соляные источники вблизи р. Торопцы. Вследствие набегов крымцев, разработка соли стала уменьшаться. Этому способствовало также развитие соляного промысла у речки Бахмутки, где „соляные воды" были открыты в конце семнадцатого века [1]). Для обслуживания Бахмутских промыслов в 1712 г. были приписаны „слободы новопоселенных обывателей" Они работали погодно, в порядке очереди. Но набеги крымцев и эпидемии вызвали среди них громадную убыль. Тогда (в 1732 г.) по договору с промышленниками казна обязалась [2]) доставлять им на Бахмутские и Торские промыслы ежегодно по 200 слободских казаков, с оплатою их труда. Но последние не являлись в полном составе. Между тем, по словам компанейщиков, приписные малороссияне не соглашались добровольно итти на работу, а при принуждении они разбегутся [3]). К тому же казаки вообще хлопотали об освобождении их от промысловой работы в силу предоставленных им привилегий. В виду этого, в 1743 г. состоялось повеление оставить казаков при их вольностях, а на помощь обывателям присоединить к ним живших в Бахмуте и его уезде малороссиян, ни за кем не закрепленных, платя им в установленном размере [4]). Затруднение в снабжении промыслов рабочей силой не было этим устранено, и мы вслед затем встречаемся с приказанием посылать на промыслы ежегодно по шестьсот „черкас" из Белгородской и Воронежской губерний [5]).

Около середины восемнадцатого века в Бахмуте выварилось до 300 тысяч пудов соли в год, в Славянске — менее 70 тысяч. Но в 1782 г. и тут и там была совершенно запрещена добыча соли, чтобы не уничтожать без пользы леса, так как бахмутская соль обходилась в 50—60 коп. пуд, а привозная крымская — всего только в 30 коп. Несколько лет спустя было разрешено возобновить солеварение на

---

[1]) *Кириллов.* Цветущее состояние Всеросс. государстве, кн. I-я, стр. 40 и след.
[2]) Первое собрание законов, № 5932, указ 14/I, 1732 г.
[3]) Там же, № 6699, указ 27/II, 1735 г.
[4]) Там же, № 8796, указ 4/X, 1743 г. Там же, № 8874, указ. 20/II, 1744 г.
[5]) Там же, № 9042 (5/X, 1744 г.), № 9354 (26/XI, 1746 г.)

каменном угле[1]). Но производство не развивалось. Даже в лучшие годы не получалось более 200 тысяч пудов. Новая эпоха наступила тогда, когда в семидесятых годах девятнадцатого века вместе с каменной солью были обнаружены почти насыщенные подпочвенные растворы.

В 1884 г. здесь действовали два солеваренных завода, годовая производительность которых выражалась в количестве около 1.300.000 пудов.

На одном из них (Скороманга) в летнее время, когда рабочий день продолжался с 5 час. утра до 7 час. вечера, платили по 1 р. 10 к. в день. И все же, из-за полевых работ, нехватало рабочих рук. Приходилось даже нанимать арестантов из местной тюрьмы, последним платили по 60 коп. в день; по условиям тюремного режима их рабочий день продолжался менее 12 часов; таких рабочих в летнюю пору бывало от 10 до 30. В зимние же месяцы, когда работа начиналась в 8 часов утра и заканчивалась к 4 час. дня, плата понижалась до 50 коп. в день. В числе 130—180 рабочих насчитывалось до 20 женщин, занимавшихся починкой мешков; им платили от 25 коп. до 50 коп. поденно. Расчет с рабочими производился каждую субботу. На другом заводе (Онуфриева) работа шла в две смены. Солевары получали 60 р. в месяц, их помощники — 30 р., 6 рабочих — по 25 р. [2]).

В течение девяностых годов солеваренные промыслы в Бахмуте и Славянске развились, как это можно заключить из приводимых ниже цифр:

Годы	Число завод.		Тысячи пудов	Число рабочих
1895	17		4.500	342
1897	18	(16 в Славянске)	4.800	425
1899	16		4.500	336

Скажем еще о солеваренных заводах Сибири, сведения о которых восходят до первой половины семнадцатого века. Ими обслуживались северные сибирские поселения. На казенном Иркутском заводе в 1786 г. рабочие получали по плакату от 4 до 13 копеек в день. Но два года спустя промысловые рабочие в отношении платы были уравнены с рабочими винокуренных заводов, и тогда им назначили от 36 до 50 рублей в год. Подобную же плату ввели на Селенгинском промысле, перешедшем в казну в 1803 г. Так продолжалось до 1807 г., когда в виду вздорожания жизни плата была повышена до 48—62 рублей в год. Однако, уже вскоре мы узнаем, что рабочий не получал более 3 рублей в месяц. В это время рабочие кадры состояли только из ссыльных.

В виду отсутствия хлебопашества, заводоуправление снабжало сибирских промысловых рабочих хлебом по удешевленным ценам. На Иркутском и Селенгинском заводах холостой получал по 2 пуда муки в месяц, женатый —3 пуда да на каждого ребенка по пуду. Пока хлеб был де-

---

[1]) *А. Скальковский.* Соляная промышленность в Новороссийском крае 1715—1847 гг. (из Журнала министерства внутренних дел, т. XXV, кн. 1—2, 1849 г.)— Первое собрание законов, № 18348, указ 27/I, 1798 г.

[2]) Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, т. II.

шев, рабочий сводил концы с концами,—у него оставалось от 1 р. 50 к. до 2 р. 25 коп. Но когда хлеб стал повышаться в цене, положение рабочих крайне ухудшилось. В 1811 г. хлеб выдавали сперва по 30 коп. пуд, но в том же году промысловое управление стало выдавать хлеб по 80 коп., когда же цена пуда хлеба с 1 р. 25 коп. поднялась до 2 р. 50 коп., пришлось брать по рублю за пуд. При такой цене у рабочего оставалось на удовлетворение других потребностей всего 50 коп. в месяц, а у семейного ничего не оставалось. Промысловая рабочая масса, состоя из ссыльных, исполняла работу в одинаковой мере с другими казенными мастеровыми. К тому же без ссыльных на промыслах вовсе не было бы рабочих. Поэтому было признано нужным сравнять их с рабочими Дедюхинских заводов.

По закону 14 мая 1799 года хлеб выдавался на казенных заводах мастеровым и их семьям безденежно или по дешевой цене в зависимости от размера их заработка и рыночной цены хлеба [1]), вследствие чего значительная часть рабочих получала на уральских горных заводах и на Дедюхинских промыслах хлеб бесплатно. В таких же условиях должны были впредь находиться и рабочие сибирских соляных промыслов. Но ссылаясь якобы на „леность и распутство, замеченное в женском поле" на Дедюхинских промыслах и на горных заводах Уральского хребта со времени бесплатной выдачи хлеба, власти постановили: женам и дочерям старше 12 лет безденежно и по низшей цене не давать хлеба, дабы приохотить их к заводскому труду, оплачиваемому по добровольному соглашению.

В виду предстоявшей выдачи рабочим хлеба бесплатно или по удешевленной цене, был возбужден вопрос: не следует ли понизить жалованье, которое в свое время было повышено из-за вздорожания хлеба? Но ответ с места гласил, что обычное жалованье в 3—4 рубля в месяц не может быть признано высоким даже при удешевленном хлебе; исключение составляли цыренный мастер на Троицком заводе, получавший в месяц 10 р., солевары: на Троицком — 8 р. 33 коп., на Иркутском — 4 р. $16^1/_2$ коп., на Селенгинском — 5 р. $16^1/_2$ коп. [2]).

К 1823 году на Иркутском солеваренном заводе [3]) находилось 476 ссыльно-рабочих. Несколько лет спустя осталось всего 270. Прочих, как излишних, удалили с промысла. Положение оставшихся было улучшено. Указанные выше 476 рабочих помещались в 187 домах, имели 200 лошадей, $40^1/_2$ десятин пахотной земли, а 270 ссыльно-рабочих получили в распоряжение 198 домов, 308 лошадей и $44^1/_2$ десятины [4]). Декабрист Е. П. Оболенский, прибывший на Иркутский завод (который он называл Усоль-

---

[1]) См. том 1 настоящей книги, стр. 141.

[2]) Архив государственного совета, департамент экономии, 1817 г. дело № 78, „От министра финансов о продовольствии рабочих сибирских солев. заводов хлебом."

[3]) В это время были устроены госпитали на Иркутском и Селенгинском заводах. Архив мин. финансов, общая канцелярия, 2 ст., 1 отд., 1819 г., дело № 7 (I разряд); архив госуд. совета, деп. экономии, 1820 г., дело № 43.

[4]) Горный журнал, 1828 г., кн. 12-я, Иркутский солевар. завод.

ским каторжным заводом) в 1826 г., сообщает: „Я видел, как они (ссыльно-каторжные) возвращались с работы, покрытые с головы до ног соляными кристаллами, которые высыхали в волосах, на одежде, на бороде — они работают без рубашки, и каждая пара работников должна была вылить из соляного источника в варницу известное число ушатов соляной воды“ [1]).

В шестидесятых годах ослабела деятельность Иркутского завода. Обслуживался завод ссыльно-каторжными и небольшим числом вольнонаемных; 97 человек на технической работе, 541 — на надворных и вспомогательных (по слабости 150 не работали, а 572 бежали). И при таком числе людей выварка в период 1865—1868 гг. не превышала 275 тысяч пудов в год. А работа Усть-Кутского завода характеризовалась тем, что соляная вода накачивалась в лари не помощью конного привода, как это было на прочих сибирских заводах, а посменно рабочими из числа ссыльно-каторжных, и его добыча в год не превосходила 40.000 пудов. Повидимому, техническое несовершенство, а также малопродуктивность каторжного труда приводили к тому, что Троицкий завод, при котором состояло около 500 каторжных, производил не более 100.000 пудов соли в год.

Сибирские промыслы — Иркутский и Усть-Кутский — и в дальнейшем пользовались преимущественно трудом ссыльно-каторжных, так как в крае было мало рабочих рук, и вообще труд ссыльно-каторжных был дешевле вольнонаемного. Промыслы с течением времени пришли в упадок, как это видно из сопоставления размеров добычи в 70-х годах (в среднем) и в 1897 году: на Троицком заводе добыча упала с миллиона пудов до 115 тыс., на Иркутском — с 2 млн. до 343 тыс. пуд., а Усть-Кутский давал лишь несколько десятков тыс. пудов [2]). Но несмотря на это, горный департамент добивался сохранения принудительного труда ссыльно-каторжных. В 1897 г. департамент печалился, что прежде Иркутский и Усть-Кутский заводы пользовались трудом ссыльно-каторжных, и вольнонаемных ставили только на ту работу, на которую нельзя было отпускать каторжных, в последние же два года Александровская центральная тюрьма чинит затруднения в снабжении заводов каторжными, так как лучшие из них направлены к постройке железной дороги. Вообще вследствие бегства каторжных и обилия больных Усть-Кутский завод стал работать почти одними вольнонаемными, что сказалось на цене соли. Иркутский завод, благодаря наградным деньгам за перевар соли, несмотря на общий недостаток рабочих рук в Восточной Сибири, пользовался на ряду с трудом ссыльно-каторжных также трудом вольнонаемных, из которых даже образовался контингент постоянных рабочих преимущественно на специальных должностях.

Ссыльно-каторжным выдавалось в месяц по два пуда хлеба на холостого, по три пуда на женатого и по пуду на каждого ребенка до

[1]) Каторга и ссылка, книга № 8 (Москва, 1925 г.), стр. 130.

[2]) Цифры 70-х годов — см. *Боголюбский.* Опыт горной статистики Русской империи. — Цифры 1897 г. взяты из отчета горного департамента.

12 лет. Вольнонаемные получали деньги на одежду, а ссыльно-каторжных снабжала одеждой тюрьма. Семейные каторжные помещались на вольных квартирах, холостые — в общей казарме. В 1897 году на Иркутском заводе насчитывалось 148 рабочих, а на Усть-Кутском — только 46 [1]).

ОЗЕРНАЯ СОЛЬ

Элтонское озеро; экономический антагонизм между солеломщиками и солевозчиками; превращение труда возчиков в принудительный; стремление образовать кадры ломщиков из числа казенных возчиков; новый порядок с 1827 года: „хозяева" и рабочие.— Баскунчакское озеро.— Крымская соль; положение рабочих в начале 19-го века.—Роль астраханских и крымских озер.— Численность рабочих на южно-русских промыслах.

Одним из богатейших соляных озер является Элтонское, в Астраханской губернии, занимающее около 200 кв. верст. Дно озера почти сплошь покрыто ежегодно оседающей солью, поверх которой стоит рассол. За 122 года из озера было извлечено 500 миллионов пудов соли, но это осталось невидимым для глаза. Некогда озеро принадлежало кочевавшим здесь калмыкам, которые называли его Алтан-Нор (Золотое озеро), а русские переделали в Элтон. Полагают, что название „Алтан" было дано озеру не из-за его богатства солью, а в виду красноватого цвета новосадочной соли, от переломления лучей солнца получавшей золотистый цвет (рапа приобретает красноватый цвет от примесей некоторых солянок). Академик Лепехин сообщает, что когда он приблизился (1769 г.) к озеру, на небе представилось „великое зарево," словно во время пожара в темную ночь. Это происходило от озера, в котором тузлук (рапа) имел красный цвет.

С середины семнадцатого века начались торговые сношения между калмыками и русскими, и тогда последние узнали об Элтонском озере. Желающим было дозволено брать с озера соль с уплатой пошлины, а в 1705 г. промышленники построили при озере земляной городок [2]).

С запрещением в 1731 г. вольной продажи соли прекратилась разработка Элтонского озера. В 1747 г. озеро поступило в казенное управление; в следующем году началась его разработка [3]), и Элтонский промысел вплоть до двадцатых годов девятнадцатого века служил одним из главных источников снабжения народа солью. Только с 1767 по 1777 г. вывоз Элтонской соли сократился (с 4.400.000 пудов до 2.200.000 ежегодно) из-за обилия крымской соли. Академик Лепехин сообщает, что на берегу имелись „бедные шалаши и землянки", в которых жили ломщики соли. Казаки и другие военные отряды охраняли рабочих.

---

[1]) Отчет горного департамента.

[2]) *Кириллов.* Цитированное сочинение. „В Луговой стороне (Волги) против Царицына — гласит сообщение 1727 г.— есть озеро соляное Великое, называемое Элтон, в расстоянии за Волгою верстах 30, в котором соль ломают и привозят к Волге; между Царицина и Черного Яру та соль всякого Астраханского бузуна превосходит, и зело бела и чиста, и дух от нее малиновый".

[3]) Первое собрание законов, № 16731, цитированный доклад сената.

Ломщики были все вольнонаемные, приходившие на промыслы преимущественно из Пензенской, Тамбовской, Ярославской, Нижегородской губерний. Условия работы были весьма тяжелые: в дождливые годы рапа доходила по грудь, и людям было трудно держаться на ногах, так как рапа, будучи тяжела, поднимала их как пузырь [1]). Они получали плату не от казны, а от приписанных к промыслу возчиков (для отвоза соли на склады в Саратов и Камышин), которым продавали соль на берегу озера. Лепехин сообщает, что размер платы зависел от времени года — не менее 50 коп. за воз, а в период более трудной добычи — иногда и по рублю. Это, как видно, не совсем верно. Дело в том, что отвозкой соли занимались поселенные в Камышинском и Саратовском округах малороссияне. Занятие это, вероятно, не было достаточным, вместе с тем оно было тяжелым, а потому возчики порою приезжали в небольшом числе. С другой стороны, бывало, что и ломщики являлись в малом числе. Обычно, ломщики брали по 30 коп. за фуру, вмещавшую 64 пуда соли, но когда их число было невелико, они поднимали цену иногда до рубля, зная, что возчики вынуждены согласиться на всякое условие, лишь бы не вернуться домой порожнем. Зато, когда скоплялось слишком много ломщиков, возчики обесценивали их труд, пользуясь создававшейся конкуренцией. В год приезда Лепехина сила, как надо полагать, оказалась на стороне ломщиков.

Так как из-за подобных замешательств страдало нередко самое соляное дело, то в 1792 г. местной администрации было велено заботиться о том, чтобы к прибытию возчиков находились на озере ломщики, причем с ними следовало договориться о цене, которую они поставят возчикам [2]). Чтобы увеличить добычу, а вместе с тем „предоставить возчикам выгоды, соразмерные пользе, от того ожидаемой“, в 1797 году упомянутых малороссиян навсегда приписали к заготовлению и вывозу соли, освободив их от уплаты казенных податей и рекрутчины и снабдив их землею и пастьбою для скота [3]).

Это распоряжение не только не ослабило экономической борьбы на берегу озера между солеломщиками и возчиками, но еще больше усилило антагонизм, так как возчики уже не могли теперь, как раньше, отказываться от прибытия к озеру. Между тем, получая точно установленное вознаграждение за добычу соли из озера и за доставку ее в Саратов и Камышин, они терпели убыток, когда солеломщики чрезмерно повышали цену на соль, что, как надо полагать, стало обыденным явлением. Тогда было решено пользоваться трудом вольнонаемных ломщиков, набираемых заблаговременно и снабжаемых средствами для покупки орудий [4]).

---

[1]) *И. Лепехин.* Дневные записки путешествия, ч. 1-я (изд. 2-е 1795 г.), стр. 404—407. — Ср. *Рычков.* Описание Илецкой соли (Труды Вольного Эконом. Общества, ч. 20-я, стр. 49 и след.).

[2]) Первое собрание законов, № 17015, указ 19/I, 1792 года.

[3]) Там же, № 17944, указ 30/IV, 1797 года.

[4]) Там же, № 21636, указ 24/II, 1805 года. Тогда же велено было учредить больницу для солеломщиков, пострадавших от рапы.

Но столкновения между солеломщиками и возчиками продолжались. Для ознакомления с вопросом в Петербург были вызваны представители от возчиков.

Оказалось, что цена на ломку соли поднялась, возчики же получали старое вознаграждение. Тогда было велено отделить возку соли от ломки. Впредь расплачиваться с ломщиками должны были местные власти из казенных средств, вопрос же о вознаграждении возчиков был решен отдельно [1]).

С этого времени, действительно, сами власти нанимали ломщиков и платили им менее 1 копейки за пуд добытой соли. В 1811 г. за 11.298.000 пудов соли было уплачено ломщикам 94.442 руб. Эта плата оказалась слишком низкой. В тот год едва удалось удержать ломщиков на работе. Так как они заявили, что в будущем году явятся на озеро, но не станут работать по старой цене, то было дозволено платить ломщикам в 1812 году $1^1/_2$ коп. с пуда [2]). Впрочем, это повышение платы запоздало, оно не соответствовало темпу вздорожания жизни.

Три года спустя ломщики заявили, что не соглашаются работать по установленной плате.

То обстоятельство, что ломщики за последние годы уже вторично выставили требования о повышении платы, встревожило власть. Задумали обеспечить промысел такими ломщиками, которые были бы обязаны работать за плату, назначенную правительством. Поэтому разрешили (1815 г.) увеличить с 1816 г. ломщикам плату до 2 коп. с пуда соли, лишь бы они не прервали работы, а тем временем научить этому делу нужное число приписных возчиков. Для последних плата была установлена в размере 2 коп. Из этой суммы удерживалось по одной денежке для выдачи лучшим работникам награды, не более, впрочем, $^1/_2$ коп. на пуд [3]). Возможно, что часть возчиков действительно перешла в сословие солеломщиков, как позволяет заключить последовавшее вскоре распоряжение, чтобы казенным ломщикам задаток выдавался в размере не более 15 руб. [4]). Впрочем, это положение вскоре изменилось. В 1827 г. выяснилось, что требование на элтонскую соль сократилось. Ломщики и возчики из приписных крестьян были освобождены от обязательной работы [5]).

С этого времени правительство стало заключать договоры не с отдельными рабочими, а с подрядчиками. В качестве „хозяев“ эти

---

[1]) Первое собрание законов, № 22058, указ 13/III, 1806 года. — Об ахтубинских крестьянах, причисленных к Элтонскому озеру в качестве солевозцев. Ср первое собрание законов. № 25152-а, указ 17/VI, 1812 г.; архив госуд. совета, департамент госуд. экономии, 1812 г., дело № 41.

[2]) Архив госуд. совета, департамент госуд. экономии, 1812 г., дело № 67 „О прибавке элтонским солеломцам платы за выломку и выволочку соли“.

[3]) Архив госуд. совета, департамент законов и экономии, 1815 г., дело № 59 „От министра финансов о прибавке платы за выволочку элтонской соли“. — Первое собрание законов, № 26011, указ 25/XI, 1815 г.

[4]) Первое собрание законов, № 27634, указ 13/I, 1819 г. (речь идет, главным образом, о солевозцах).

[5]) Второе собрание законов, № 1557, указ 23/XI, 1827 г.

арендаторы уже от себя нанимали рабочих, которые и группировались вокруг них отдельными артелями.

Работа начиналась в мае и продолжалась до сентября, а иногда и позже в зависимости от состояния погоды и количества рапы. Соле-ломщики приходили в конце апреля. Каждая артель работала на отведенном ей участке. Прибыв на место, рабочие выходили из досчаников (лодок) и становились на соляное дно, образуя квадрат или кружки. Каждый ломал пешнею соль, отступая от центра и образуя, таким образом, яму. Наломанную соль разбивали на мелкие куски лопатами и мешали в рапе (гуртяли), пока она не очищалась от ила. Наполнив лодку, отправлялись к берегу, где соль сбрасывали на точок, а потом отплывали к месту добычи. В высокую рапу и при среднем расстоянии в две версты от берега досчаник поднимал 110—115 пудов, и рабочий наполнял ее 5—6 раз за день; в неглубокую рапу перевозилось сразу не более 35—60 пудов, иначе досчаник задевал дно. Хороший ломщик мог добыть в смену до 200 пудов. По другому источнику, при нормальных условиях делали 4 оборота по 150 пудов. Рабочий день начинался с зарею; в полдень отдыхали в виду жары, усиливавшейся от отражения солнечных лучей над поверхностью озера. После отдыха рабочие занимались перевалкой соли с края точка в середину, чтобы очистить место для нового привоза. Подсохнувшую соль перевозили затем в бугры в расстоянии полуверсты от озера; рабочие размещались рядами на нижнем уступе, где сваливалась соль, привезенная с озера, и отсюда лопатами перебрасывали ее с уступа на уступ доверху. Для приведения бугра в правильный вид имелись особые бугорщики.

Арендаторы-крестьяне за отсутствием средств не могли поставить дело на твердую почву. Поэтому они дешево уступали соль арендаторам из купечества и, разорившись, сокращали добычу. От этого страдали и рабочие. В 1856 г. было 200 хозяев, имевших 1.520 рабочих. Хозяин получал за пуд добытой соли 6—7 коп. да за перевозку в бугры — $^1/_2$ коп. сер., рабочим же платили за все лето от 18 до 45 руб. сер.[1]) В конце шестидесятых годов арендаторам платили по 13 руб.—13 руб. 50 коп. за тысячу пудов, а рабочие получали за лето 20 — 30 руб.

Размер годовой добычи сильно колебался [2]), в связи с чем изменялось и число рабочих. В среднем для получения миллиона пудов соли нужно было не менее 175 ломщиков.

Годы	Тысячи пудов	Число рабоч.
1865	1.774	300
1867	7.348	1.250
1869	1.905	320

[1]) *Першке*, цитированное сочинение.— *К. Лавров.* Элтонское озеро.— *С. Вознесенский.* Цитированное сочинение.

[2]) *Першке*, цитированное сочинение.

В это время Элтонское озеро встречает сильного конкурента со стороны Баскунчакского озера и множества мелких озер в той же Астраханской губернии. И так как они в дальнейшем, благодаря железной дороге, оказываются в лучших условиях в отношении перевозки соли на рынки, то разработка Элтонского озера в конце девятнадцатого века совершенно не производится. Великое Элтонское озеро превратилось в мертвое.

С присоединением Астрахани к России (1557 г.) русские стали добывать соль из Баскунчакского озера и отправлять ее во внутренние губернии. Но сто лет спустя из-за увеличения размера пошлины вывоз соли уменьшился, а с 1705 г. совершенно прекратился в виду перехода продажи соли в казенное ведение. Баскунчакская соль должна была ограничиться местным рынком. А еще веком позже была вообще прекращена добыча соли из него. Лишь в 1861 г. вновь началась казенная разработка озера. В 1865 г. за добычу соли на астраханских озерах взялись арендаторы. В конце девятнадцатого века они давали до 20 миллионов пудов в год.

В последние шестидесятые годы рабочие — калмыки и татары — получали за выволочку соли из астраханских озер и за складку ее в бугры от 23 до 30 руб. с тысячи мешков по $3^1/_2$ пуда каждый, а за перевозку к пристаням — по расстоянию; на Баскунчакском озере киргизы и немногие русские из Пензенской губернии получали от 1,8 до 2 коп. с пуда.

В конце девятнадцатого века положение рабочих на Астраханских промыслах было, по заявлению горного департамента, „довольно тяжелое“ не только в силу неблагоприятных условий труда, но и вследствие того, что промышленники, пользуясь обилием свободных рук, понижали плату до минимума. Например, на Баскунчакском озере за выломку соли платили от 0,5 до 0,6 коп. с пуда, на прочих с выволочкой — от 0,75 до 2 коп.

Соперником Элтона выступала и крымская озерная соль, к которой должна быть также присоединена соль, извлекавшаяся из несамосадочных лиманов и сивашей, солончаков, засух и отмелей, разработка которых требовала искусственных мер. Крымская соль издавна шла в русские земли. С присоединением Крыма к России соляное дело находилось то в управлении казны, то в руках откупщиков, которые сильно повышали размер добычи; казна вырабатывала в год соли на 32 тыс. руб., а откупщики — на 250 и 280 тыс. руб. Все же в виду неисправности откупщиков, вследствие которой во многих губерниях оказалась недостача соли, в 1803 г. казна вновь взяла в свое ведение промыслы. Постепенно они развились. В период 1804—23 гг. добывалось до $5^1/_2$ миллионов пудов в год, с 1824 г. по 1843 г. — по $7^1/_2$ миллионов, а потом по 9 миллионов пудов. В 1858 г. началась частная разработка (два года спустя казна прекратила промысловую деятельность). Добыча частных промышленников достигла в 1869 г. $13^1/_2$ миллионов пудов.

Добыча соли из крымских озер производилась в начале девятнадцатого века двумя способами — или в челноках, „по древнему обычаю“,

или в тачках с одной лошадью, или волом, через подвижные мостки, устраиваемые на озерах. В шуляди (челноке) посредством каната, при помощи 3 и 4 пар волов, вытаскивалось соли столько же, сколько по мосткам одной тачкой. Последний способ, как более удобный, стал в ту пору распространяться — многие ломщики за свой счет устроили такие мостки, других же удерживало от этого отсутствие средств.

В конце восемнадцатого века ломщики получали по 2 коп. с пуда соли при доставке ее в казенные магазины. В 1801 г. плата была увеличена до 3 коп. Эта цена, однако, не соответствовала уровню потребностей. К тому же, как видно, значительная часть заработка растрачивалась на водку [1]). В виду вздорожания жизни, а также слабой садке в течение нескольких лет ломщикам не удалось отработать выданные им казною задатки, а иные из них понесли даже убытки. Поэтому в 1810 г. было постановлено давать ломщикам безденежно все необходимое для промысловой работы, построив нужное количество мостков (частные промышленники давали даром материалы ломщикам, и если все же многие из них шли на казенные промыслы, то „по привычке, по древнему обычаю"). К тому времени, в виду приближения садки, набралось 908 заподряженных артелей в составе 7.857 человек. Договорившись еще в 1808 г. и 1809 г., они обязались в 1810 г. отработать выданные им задатки [2]). В следующем году в целях „поощрения" ломщиков и для уравнения с ценами, существовавшими на прочих работах, было велено повысить заработную плату с 3 коп. до 5 коп. за пуд соли [3]).

С течением времени челнок, как видно, совершенно вышел из употребления, и к шестидесятым годам остались лишь тачки, при чем их вывозили вручную.

Соль отделялась от дна озера или руками или продырявленными лопатами (челнами), ополаскивалась в рапе и, порою складываемая предварительно на озере в небольшие кучи, отвозилась затем на бугры. Выволочка вообще шла медленно. Для доставки на берег пяти пудов соли, представлявших вместимость обыкновенной солевозной тачки, рабочий должен был пройти расстояние до двух верст. Дороговизна указанного способа добычи соли заставила некоторых солепромышленников уже в пятидесятых годах обратиться к устройству бассейнов большею частью на засухах и отмелях при самосадочных озерах.

Из нижеприводимой таблицы [4]) (на стр 274), охватывающей важнейшие промыслы самосадочной соли в Европейской России за период 1861—75 годов, мы видим, что всюду размер добычи подвергался значительным колебаниям. Но вместе с тем в последние годы этого периода намечается нарастание производительности астраханских озер, среди которых главная роль принадлежала Баскунчаку.

---

[1]) Первое собрание законов, № 23314, указ об урегулировании продажи водки 27/I, 1808 г.

[2]) Архив госуд. совета, департамент экономии, 1810 г., дело № 161.

[3]) Высочайше утвержденное мнение госуд. совета 5/XI, 1811 г.

[4]) *Боголюбский.* Опыт горной статистики и т. д.

Годы	Элтон	Астрах.	Крымск	Херсонск.	Годы	Элтон.	Астрах.	Крымск	Херсонск.
	Тысячи пудов					Тысячи пудов			
1861	4.000	5.523	6.498	—	1870	1.015	5.733	5.098	653
1865	1.774	2.423	8.616	2.835	1875	186	7.356	5.778	2.163

Вместе с дальнейшим ростом добычи самосадочной соли в озерах роль этих источников выдвигается в русской соляной промышленности. В связи с этим количество рабочих, занятых на озерах, составляет значительный процент общей массы рабочих на соляных промыслах вообще.

Нижеприводимые цифры дают представление о соотношении между количеством добытой соли и числом рабочих на указанных озерах:

Районы самосадочной соли	1895 год		1897 год		1899 год	
	Тысячи пудов	Рабоч.	Тысячи пудов	Рабоч.	Тысячи пудов	Рабоч.
Крым, Херс. и Бесс. губернии	29.500	12.024	22.660	8.000	21.170	6.356
Астраханская губ. . . .	16.800	2.836	19.600	2.279	20.700	3.089

Если искать в этих цифрах какой-либо закономерности, то можно усмотреть, что астраханские озера нуждались в меньшей рабочей силе, чем крымские. Но при всем том в озерной добыче большое значение имела стихийность, вследствие которой нельзя было учесть заранее возможную добычу и потребное число рабочих. Отчасти этим об'яснялось отсутствие хотя бы более или менее сносных жилищ. Даже в конце века на южно-русских озерах рабочие, частью из местного населения, частью из орловских и курских крестьян, жили в примитивных деревянных балаганах [1]).

КАМЕННАЯ СОЛЬ

Илецкие копи; труд ссыльно-каторжных; перевод (1849) всех ссыльно рабочих в разряд обычных мастеровых. — Бахмутские копи; условия труда. — Кульпинская и Нахичеванская соль.

Первое место среди месторождений каменной соли принадлежит Илецким копям в Оренбургской губернии. Киргизы знали о них еще до занятия русскими в первой половине восемнадцатого века азиатской линии по Уралу. Об этом свидетельствуют многочисленные хищнические разработки, которыми занимались селившиеся здесь яицкие казаки и разные выходцы. Книга Большого Чертежа, представляющая собою текст к утраченной географической карте Московского государства, составлен-

[1]) О соляных озерах в земле Войска Донского — *А. Беляевский*, Манычские сол. озера (Горный журнал, 1867 г., кн. 4-я).— *Першке*. Обзор соляного дела.

ная на пороге пятнадцатого и шестнадцатого веков, говорит о горе Тузтюбе (туз — соль, тюбе — гора), по-русски называемой Соляной, в которой ломают соль.

С 1753 г. Илецкие копи стала разрабатывать казна, но еще долгое время добыча производилась беспорядочно [1]).

Соляной рудник обслуживался ссыльно-каторжными вплоть до 1849 г., когда они были обращены в горнозаводских приписных. Паллас, посетивший в 1769 г. Илецкую крепость, построенную у соляного месторождения, сообщает, что там жили „130 невольников, присыльные называемые, которые ломают каменную соль на казенный счет". Им платили по одной деньге с пуда. Трудом каторжных пользовались потому, что на месте не было вольнонаемных. В 1773 г. было доставлено 300 колодников. Из них к 1801 г. осталось всего 57, прочие умерли, одряхлели или были увечены. Так как кроме непосредственной добычи соли были еще побочные работы, то было велено прислать дополнительно 120 каторжных [2]).

Добывали соль преимущественно летом. Вырубая глубоко узкие желоба секирами и ломами, отделяли от опоки каменной соли плиту толщиною более аршина и до двух сажен длиною. Ее отламывали от подошвы висевшим на веревке бревном, при помощи ломов и клиньев, затем разбивали на части, чтобы легче вынести из ямы в амбар. Во время разработки тех ям, где некогда уже происходила ломка соли, находили не только клинья, рычаги и другие предметы, но и уголье в середине крепкой соли. Это могло происходить благодаря тому, что рождавшаяся из собиравшегося в таких ямах рассола новая соль постепенно садилась на уголье и орудия добычи и покрывала их собою. Старые ямы рыли в свое время казаки и башкиры [3]).

Приняв, как видно, во внимание неудовлетворительность подневольного труда, а вместе с тем потребность промысла в „собственных мастеровых", которых можно было там создать только из ссыльных, правительство поставило их на Илецком руднике в особые условия. С одной стороны, было установлено, что они навсегда остаются на руднике вместе с детьми, хотя по закону ссыльные после определенного числа лет могли записаться в свободные сословия. С другой же стороны, промысловому начальству было предоставлено увеличивать заработную плату ссыльным, переводить их в число мастеровых и производить их даже в мастера с уравнением в правах с обычными казенными мастерами, а детей их определять в промысловую школу. Эти правила были распространены на все заводы и рудники [4]).

К 1835 г. число илецких ссыльных, способных к работе, настолько уменьшилось, что для выработки $1^1/_2$ млн. пудов в год потребовалась

---

[1]) Ср. *Рычков.* Описание Илецкой соли (Труды Вольн. эконом. общества ч. 20-я).— *В. Витевский.* И. Неплюев и Оренбургский край, ч. 3-я.

[2]) Первое собрание законов, № 19928, указ. 25/VI, 1801 г.

[3]) *Паллас.* Путешествие по разным провинциям Росс. империи, ч. 1-я (2-е тиснение 1809 г.), стр. 356 и след.

[4]) Первое собрание законов, № 28773, указ. 10/X, 1821 г.

присылка новых 200 ссыльных. Для этого чиновнику Илецкого рудника было дозволено выбрать в Казани нужное число ссыльных, по своему физическому состоянию пригодных к работе. Но тут возник вопрос, каких именно колодников взять? Если взять тех, кто был сослан за маловажный проступок, то вечная и вместе с тем тяжелая работа на руднике чрезмерно отяготит судьбу этих людей. Оставалось выбрать из числа присужденных к каторжным работам. Но промысловое начальство издавна пользовалось трудом ссыльных, а не каторжных. Оно опасалось присутствия подобных элементов, требовавших окарауливания. А ссыльные, участь которых таким образом противозаконно отягощалась, нередко убегали и даже совершали новое преступление, чтобы быть сосланными в Сибирь. В пользу привлечения каторжных, а не ссыльных на Илецкий рудник приводили и то обстоятельство, что число каторжных на прочих предприятиях весьма велико—вместо определенного комплекта набиралось в три раза более, вследствие чего их работа значительно сокращалась, т.-е. они „не в полной мере несли заслуженное наказание". В виду сказанного горное ведомство вынуждено было согласиться на привлечение к Илецкому руднику не ссыльных, а каторжных, приговоренных, впрочем, за не весьма тяжкие преступления.

Все же вскоре, как видно, состоялось соглашение [1]) между илецким управлением и местной администрацией о снабжении рудника ссыльными. Это можно заключить из того, что к 1840 г. на руднике имелось всего 19 каторжных, да и то прибывших еще в период между 1801 г. и 1820 г., в большинстве уже одряхлевших. Что касается ссыльных, то, хотя значительная часть их (ранее прибывшие) была уже переведена в сословие мастеровых с общими правами, все же еще оставалось до 360 человек на положении ссыльных. Мало кто из них требовал особого надзора, так как за ними водились только две склонности „к праздношатательству" и к пьянству. Впрочем, каторжные также вели себя исправно, и одряхлевшие преступники мирно жили со своими семьями или в богадельне.

Илецкий рудник не был включен во вновь составленный (закон 1845 г.) список ссыльных мест. И так как дети местных ссыльных должны были вступить в ряды мастеровых, то, чтобы не разлучить с ними родителей, которые подлежали высылке в Сибирь, ссыльные, как хорошие рабочие, были переведены в мастеровые (указ 12 декабря 1849 года). С этого момента выражение „ссыльные" было исключено из рудничного обихода [2]). Рудник стал, таким образом, обслуживаться, подобно прочим казенным горным заводам, принудительным трудом приписных. С отменой же крепостного права промысловые работы стали выполняться одними вольнонаемными рабочими. В 1868 г. казна передала разработку рудника в частные руки, но это не привело к развитию промысла. В ту пору ежегодная добыча

---

[1]) Департ. полиции исполнительной, 1836 г., дело № 301 „О ссыльно-рабочих на Илецком соляном промысле".

[2]) Госуд. совет, департамент законов, 1849 г., дело № 62 „О ссыльных и ссыльно-каторжных, находящихся на Илецком соляном промысле".

рудника, в среднем, не превышала одного миллиона пудов. Но и при этой цифре Илецкий рудник занимал видное место в промышленности каменной соли. В дальнейшем рудник был так хорошо оборудован, что мог бы давать ежегодно 8—10 миллионов пудов, но из-за соляных озер в Уральской и Тургайской областях, где население пользовалось дешевой и даровой солью, потребность в илецкой соли не превышала $1^1/_2$ миллиона пудов в год вплоть до конца девятнадцатого века.

Мы уже знаем, что бахмутский солеваренный промысел крайне слабо работал в первой половине девятнадцатого века. Его рассолы были бедны. Но уже в пятидесятых годах один геолог предсказал, что в этой местности будет найдена каменная соль[1]). Действительно, в 1871—73 годах было обнаружено наличие подпочвенной каменной соли (вместе с тем, как было указано выше, и насыщенных растворов). В 1879 г. началась разработка Брянцевской копи, способной дать несколько миллионов пудов соли в год.

На Брянцевской копи выработка велась галлереями при помощи пороха. Условия труда были более благоприятны, чем в каменноугольных шахтах. Рабочие дифференцировались по специальностям на бурильщиков, грузчиков соли в вагонетки, откатчиков их к стволу, стволовых и верховых. Работа шла в две смены по 12 часов каждая (с 6 час. до 6 час.), из коих один час на обед и полчаса на полдник, так что работа фактически продолжалась $10^1/_2$ часов. Рабочие нанимались поодиночке за месячную и сдельную плату. Выдача заработной платы происходила с таким расчетом, чтобы в кассе управления всегда оставалась плата за полмесяца. Конопляное масло для ламп рабочие покупали на собственный счет (они искали подешевле, и плохое масло давало копоть). Бурильщики получали за четверть просверленного ими шпура или бура: в колодезе — по $3^1/_2$ коп., в уступах, т.-е. в нижних частях выемки — $2^1/_2$ коп. Двое рабочих могли в день выбурить не более 16 буров по 8 четвертей. Следовательно, заработок каждого, в среднем, не превышал 1 р. 92 коп., а в 24 дня (месяц) — 46 р. 08 коп., в среднем — не менее 40 р. (больше, чем забойщики на каменноугольных копях). Штрафы почти не встречались; за прогул вычитали суточную заработную плату. На Деконовской копи (1884 г.) установились почти такие же порядки, как на Брянцевской, но без получаса на полдник, взамен чего смена продолжалась не 12, а только 11 часов, в результате чего работа продолжалась лишь 10 часов.

На Брянцевской и Деконовской копях и на разведках в 1884 году находилось 129 бурильщиков, из коих каждый в среднем зарабатывал до 379 р. в год, 39 вагонщиков, стволовых и верховых, получавших до 228 р.; прочие рабочие зарабатывали до 196 р. (штейгера — по 405 р.) Одиноким питание (на компанейских началах) обходилось в восьмидесятых годах в 7 — 7 р. 50 коп. в месяц, а семейным в 3 р. 50 коп. — 4 руб. на челов.,

---

[1]) Сборник статистических материалов по Екатеринославской губернии, т. II (1886 г.), Бахмутский уезд, стр. 334—353.—*С. Иванов.* Условия труда и жизни рабочих на соляных рудниках Бахмутского уезда (Труды первого всеросс. с'езда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, т. II, 1910 г.).

при чем сюда входили уже сахар, чай, говядина в скоромные дни. Одинокие рабочие жили в ту пору в казармах, семейные — на квартирах, в рудничных домах и хатах; землянок, некогда обычных на каменноугольных шахтах, было всего две. Иные жили в соседних деревнях. Всего насчитывалось к 1884 г. на Брянцевской копи рабочих и мастеровых 156; это были преимущественно местные крестьяне, особенно из села Покровского; некоторые совсем переселялись к руднику.

В девяностых годах разработка каменной соли усилилась. К этому времени иностранцы успели образовать две компании: Голландскую и Французскую. Скупив четыре копи — Брянцевскую, Деконовскую, Деконовско-Петровскую и Новую Величку, — Французское общество вошло в соглашение с Голландским, и таким образом создалось как бы монопольное положение. Размер добычи и число рабочих в конце девяностых годов видны из следующих цифр:

	Число действовавших копей	Тысячи пудов	Число рабочих
1895 г.	3	15.500	674
1897 г.	4	19.000	805
1899 г.	5	23.000	945

Заработная плата представлялась в следующих размерах:

	Поденно	Выходило за год (288 дней)
Бурильщик	1 р. 60 к.	460 р.
Стволовой	1 „ 25 „	360 „
Отвальщик	1 „ 25 „	360 „
Вагонщик	1 „ 20 „ — 1 р. 50 к.	345—432 р.
Откатчик	90 „	239 р.
Мельничная работа:		
Взрослые	85 к. — 1 р. 10 к.	244—316 р.
Подростки	65 к.	187 р.

Праздничные и сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере. Жилищный вопрос не был благоприятно разрешен для всех рабочих. Многим приходилось жить на большом расстоянии от рудников, в деревнях. Но, с другой стороны, жилища рабочих были улучшены, появились дома новой конструкции.

Каменная соль добывалась также в Нахичеванском и Кульпинском месторождениях (Эриванская губ.). Здесь соль выламывалась в подземных галлереях при помощи пороха плитами весом не более трех пудов каждая. По субботам рабочие выносили плиты в промысловые магазины, и тогда производился расчет. В конце шестидесятых годов рабочий вырабатывал в день по 12 плит, т.-е., 30—36 пудов, получая за пуд комовой соли по 2 коп., а за мелкую соль — по 1 коп. с доставкой в магазин. По сообщению горного департамента, рудники дали следущее количество соли.

	1897 год	1899 год
Кульпинский	480 тыс. пуд.	915 тыс. пуд.
Нахичеванский	192 „ „	307 „ „

В КОНЦЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Неустойчивость производства. — Соотношение между добычей выварочной, озерной и каменной соли во второй половине XIX века. — Размер добычи и численность рабочих. — Концентрация рабочих по районам и по видам соли. — Законодательная охрана труда.

Ознакомившись, хотя и в самых беглых чертах, с историей важнейших источников выварочной, озерной и каменной соли, мы видим, что господствующая роль в соляной промышленности переходила от одного вида соли к другому. Отдельные соляные районы, пережив эпоху расцвета, приходили в упадок, в связи с чем перемещалась и рабочая сила.

Эта неустойчивость вызывалась самыми разнообразными причинами. Обеднение рассола, размыв его дождевой водой, истощение лесов, конкуренция соли, добыча которой не требовала значительных расходов, недостаток в рабочих руках, затруднительность транспорта, отдаленность горючего материала, — все это в различных сочетаниях гибельно отражалось на соляном производстве целых районов. Так, некогда видное место в промышленности занимала выварочная соль, широко раскинувшаяся на севере. Но вздорожание топлива, необходимость сохранить остатки лесов, постепенное обеднение рассолов заставили свернуть местное производство до крайних пределов.

Длительный период застоя пережила выварочная соль и на юге России, пока каменный уголь, устранив надобность в дровяном горючем не позволил ей вновь вступить в свои права.

В шестидесятых годах девятнадцатого века, когда все соляные промыслы уже перешли на вольнонаемный труд (лишь в редких исключениях действовал труд ссыльных), соляная добыча представлялась в следующих цифрах [1]).

Виды соли	За 1865—69 гг.	
	Вся страна	Европ. Россия
	(тысячи пудов)	
Выварочная	57.707	54.442
Каменная	13.740	7.107
Озерная и лиманная	118.920	103.745
Всего . . .	190.367	165.294

Почти такое же соотношение между озерной и выварочной солью сохранилось в дальнейшие годы и при повысившейся соляной производительности, как об этом свидетельствует нижеследующая таблица (стр. 280), относящаяся к Европейской России. Только каменная соль достигла в это время большего успеха [2]).

---

[1]) *Першке*, названное сочинение.

[2]) *Боголюбский*, названное сочинение.

Годы	Выварочная	Озерная	Каменная
	(тысячи пудов)		
1872	11.980	23.084	4.648
1874	13.481	30.130	3.335

Прошло тридцать лет. За это время ежегодная соляная добыча возросла почти в три раза, и опять, как свидетельствуют статистические данные, озерной соли добывалось вдвое больше, чем выварочной, а каменная соль, благодаря вновь открытым Бахмутским копям, заняла равное место с выварочной [1]).

Годы.	Выварочная	Озерная	Каменная	Всего	Число рабочих
	Тысячи пудов				
1895	23.000	50.800	19.500	93.300	22.000
1897	22.000	47.000	23.000	92.000	17.000
1899	25.200	48.400	27.700	101.300	20.000

Если признать, что имеющиеся в нашем распоряжении официальные данные более или менее соответствуют действительности, то надо считать, что твердо установленного соотношения между количеством рабочих и размером продукции не было в конце девятнадцатого века, как и не было в более раннее время. Как видно из приведенной выше таблицы при добыче в 1895 году 93 млн. пудов находилось 22 тысячи рабочих, а для 101 млн. пудов в 1899 году понадобилось только 20 тыс. Для добычи же 92 млн. пудов в 1897 году, т.-е. на миллион пудов меньше, чем в 1895 г., потребовалось лишь 17 тысяч рабочих.

По вопросу о том, какой вид соли требует большей рабочей силы, говорят цифры, относящиеся к 1899 г. [2])

Озерная соль:

Южная Россия	21.179 тыс. пуд.	6.356 раб.	
Астрахань	20.700 „ „	3.089 „	
Оренбургск.	490 „ „	150 „	
Всего . . .	42.369 тыс. пуд.	9.595 раб.,	т.-е. 1 рабочий дал около 4.300 пуд.

Выварочная соль:

Южная Россия	4.500 тыс. пуд.	336 раб.	
Пермь	19.600 „ „	3.196 „	
Всего . . .	24.100 тыс. пуд.	3.532 раб.,	т.-е. 1 рабочий дал около 7.000 пуд.

[1]) Эти цифры относятся ко всей стране, но сибирские промыслы попрежнему, не представляли собою значительной величины. Цифры нами округлены, будучи взяты из отчетов горного департамента.

[2]) Цифры взяты из отчетов горного департамента.

Каменная соль:

Южная Россия	23.300 тыс. пуд.	945 раб.
Оренбург (Илецк)	1.640 „ „	163 „
Всего . . .	24.940 тыс. пуд.	1.108 раб., т.-е. 1 рабочий дал около 22.500 пуд.

Как видим, наименьшая мускульная сила применялась при добыче каменной соли, а наибольшая — при разработке соляных озер.

Закон 9 марта 1892 года [1]), имевший целью охранить в известных пределах труд на горных заводах и промыслах, был распространен, в частности, на рабочих солеваренных заводов и копей каменной соли. Что касается добычи самосадочной соли на озерах и лиманах, то в 1895 г. был образован при горном департаменте комитет для выработки специальных дополнений к закону 1892 г. Вследствие этого, впредь до появления новых правил, приходилось ограничиваться старыми постановлениями, слабо отвечавшими интересам рабочих. Так, существовало правило, чтобы арендаторы казенных соляных источников устраивали для рабочих, производящих выволочку соли, временные помещения из сырцевого кирпича, крытые землею, или деревянные балаганы. Между тем деревянные жилища представлялись неудовлетворительными, потому что на некоторых промыслах работа заканчивалась в ноябре, когда было холодно. Впрочем арендаторов обязали устраивать теплые помещения и заканчивать работы не позже октября. Но это не привело к практическим результатам, и рабочие южно-русских озер встретили, как уже было выше отмечено, двадцатый век в холодных балаганах [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 129.

[2]) Московское древлехранилище. Горный деп., отделение сол. и нефт. промыслов, стол I, дело 1902 г., № 3276 „Об упорядочении быта рабочих на соляных промыслах Таврич. губернии".

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

двух томах настоящего исследования жизнь горнорабочих прошла перед нами на протяжении более 250 лет. Она слишком разнообразна даже в своих основных чертах, чтобы ее можно было, хотя бы самыми беглыми штрихами, нарисовать, так сказать, на одном полотне. История горного дела расчленила горнорабочую массу на отдельные группы, отличные одна от другой по условиям трудовых процессов, по жизненным потребностям, бытовому укладу и нередко по духовному облику. А потому, чтобы выйти из этого лабиринта, пришлось, применяясь к означенным группировкам, набросать несколько до известной степени самостоятельных картин, связанных общностью цели.

Дробление горнорабочей массы вызывалось прежде всего различной естественной обстановкой, в которой добываются отдельные ископаемые. Извлечение, например, металлоносных руд и нефти протекает в таких различных природных условиях, работа на золотых приисках столь отлична от работы на соляных озерах, что именно физическая обстановка проложила наиболее глубокие межи среди горных рабочих, определила их основную дифференциацию.

Далее, условия работы даже в одной и той же отрасли горной промышленности, а следовательно и занятые в ней рабочие приобретают специфические черты в зависимости от обстановки, создаваемой географическим положением данной местности. Как, например, различна жизнь на железных рудниках Урала и на таких же рудниках в южных губерниях.

Дифференциации рабочей массы способствовало различное юридическое положение рабочих, сложившееся в процессе борьбы господствующих классов за полное закабаление рабочей силы. Так, рабочие, принадлежавшие казне и отданные в работу на частные горные заводы, порою резко отличались особыми условиями труда и быта от прочих рабочих того же предприятия. На ряду с постоянными рабочими в свое время почти повсюду существовала громадная резко обособленная группа приписных. Они занимались вообще хлебопашеством и только определенное время в течение года проводили на тяжелых горнозаводских работах, носивших подсобный характер, в круг которых нередко входило добывание руды.

На судьбе отдельных групп горнорабочих сказывалась и общая кон'юнктура той исторической эпохи, когда данная группа зарождалась

и формировалась. Так, горнорабочие Урала в силу условий восемнадцатого века оказались в некоторой своей части наделенными землею, что поставило их в особое положение в сравнении с южнорусскими горнорабочими на железных рудниках, начавшими формироваться лишь в последние десятилетия девятнадцатого века.

Нет необходимости останавливаться на ряде других факторов, которые накладывали особую печать на отдельные группы рабочих, так как и без того мы помним резкое впечатление калейдоскопичности, поражающее при детальном рассмотрении истории горнорабочих. Однако, при всем том, не следует упускать из виду те нити общности, которые как бы об'единяли, роднили горнорабочих в их исторической жизни.

Как бы разнообразны ни были способы образования рабочих кадров в горнопромышленности, все же можно наметить единую для всех обстановку, при которой начали собираться рабочие в отдельных ее отраслях. Почти общим правилом можно признать то, что образованию горных заводов предшествовала кустарная промышленность. Добывание железной руды, использование соляных рассолов, извлечение угля,—все это первоначально велось кустарным способом. В ту пору каждый рабочий в отдельности, один последовательно совершал трудовые действия, нужные в данном производстве. Эти действия впоследствии, с развитием промышленности, с повышением требований, пред'являемых к качеству продукции, могли быть выполнены лишь совокупными усилиями нескольких своего рода специалистов. И надо полагать, что в известной своей части эта масса примитивных горнорабочих послужила первоосновой горнозаводской рабочей силы, выдвинув из своей среды наиболее ранние кадры искусных мастеров. Впоследствие эти мастера при содействии или, вернее, под руководством иностранцев насадили организованный горный труд.

Второе основное явление в исторической жизни значительной части горнорабочих заключается в том, что их первоначальное ядро было обращено на горную работу в порядке государственного принуждения. При зарождении горнозаводских предприятий на горную работу лишь в малом числе пошли люди, гонимые голодом. Прочие же рабочие были государственною властью принуждены заняться горной работой вопреки их хозяйственным интересам, во вред их экономическому благополучию. В таком же положении находились и сменившие их позднейшие поколения вплоть до шестидесятых годов девятнадцатого века.

Отмеченный выше переход кустарей в состав горнозаводской рабочей силы с течением времени утратил свое реальное значение. Они вместе со своим потомством потонули в громадной массе рабочих, принудительно обращенных на горную работу. Последнее же обстоятельство, т.-е. насильственное комплектование горнорабочих кадров, не утратило известного влияния на жизнь рабочих даже тогда, когда система принудительного пополнения горных заводов рабочими была уже оставлена.

Отмена на горных заводах принудительного крепостного труда распространилась на все несвободное в то время горнозаводское население. Следовательно, эта реформа должна была бы повлечь за собою

однородные последствия для всей горнозаводской подневольной массы. Но если с упразднением крепостного права личное принуждение формально отпало в отношении всех горнорабочих, то фактически для некоторых их групп насилие сохранило свою силу. Правда, внешне ему была придана новая форма, а именно форма экономического принуждения, но по существу все осталось попрежнему. Там, где это было нужно горнозаводчику, некоторые группы рабочих были преднамеренно поставлены в такие материальные условия, которые заставляли их в дальнейшем работать на старых местах. Непосредственным орудием прикрепления к горной работе послужило нищенское наделение рабочих землей при отмене крепостного права или освобождение от крепостной зависимости вовсе без земли.

Естественно, что и условия жизни различных групп горнорабочих не могли быть одинаковыми. Действительно, и в жилищной обстановке, и в вопросах питания, и в других сторонах рабочей жизни мы встречаем чрезвычайное разнообразие. В частности, конечно, должна была быть различна заработная плата как в своем денежном размере, так и в реальной покупательной силе.

Дошедшие до нас статистические сведения малозначительны и в количественном и в качественном отношениях. Но если бы мы и обладали надежным цифровым материалом о заработной плате горнорабочих, то все же,— вследствие одного того, что горнозаводская работа происходила на громадной территории Европейской и Азиатской России, в многочисленных местностях с неоднородным климатом, с различной степенью населенности и т. д. и т. п.,— мы не могли бы установить на определенный момент жизненный уровень всей горнорабочей массы в целом.

При попытке составить себе даже в самых общих чертах представление о материальном положении горнорабочей массы мы сталкиваемся и с другими непреодолимыми препятствиями. Так, самая заработная плата устанавливалась в разнообразных формах и размерах не только по отдельным отраслям горной промышленности, но и по различным видам труда на одном и том же предприятии. Вместе с тем она нередко менялась в различные времена года. К тому же не сохранилось сведений о семейном положении рабочих, о числе нетрудовых членов семьи, без чего нельзя знать соотношения между заработной платой и жизненными потребностями семьи. Далее, во многих случаях заработная плата выдавалась — частично или полностью — не деньгами, а хлебом или другими продуктами, чем еще более затрудняется исчисление размера заработной платы. Наконец, для определения степени материальной обеспеченности некоторой части рабочих должно быть принято в расчет состояние их сельского хозяйства, столь различного как по количеству и качеству земли, так и по инвентарю.

Следовательно, основная задача исследователя — выяснить материальное положение горнорабочей массы в ее целом — представляется как бы невыполнимой. Но есть другой путь.

В свидетельствах очевидцев и в заявлениях самих рабочих, — то слезно-жалобных просьбах, то возмущенно-угрожающих требованиях, — вот

где открывается широкая картина, охватывающая вековое существование всех горнорабочих и рисующая его в подлинных чертах.

Лишенная каких бы то ни было цифровых иллюстраций, не затемняемая статистическими деталями, эта картина дает правдивое представление о том, как жила горнорабочая масса в течение своего существования на всем пространстве разнообразных горных работ. Здесь исчезает всякое дробление рабочих на отдельные группы по отраслям промышленности, по естественным условиям местности, по юридическому состоянию самих рабочих и по многим другим отличительным признакам.

Повесть о жизни горнорабочих такова: все они, трудящиеся на копях, рудниках, приисках, солеварнях и фонтанах, добывающие продукты на поверхности земли и в подземных глубинах, работавшие под игом крепостной зависимости и „добровольно" пришедшие на горную работу под давлением материальной нужды, дети, возмужалые и старики, все они, как тени, медленно проходят пред нами, истощенные полуголодным существованием, непосильной и непрерывной работой, болезнями, смертоносной обстановкой в местах работы и губительными жилищными условиями.

Об этом единодушно твердят современники разных эпох. Когда же, доведенные эксплоатацией до крайнего обнищания, утратив силы терпеть физические лишения и нравственные муки и „выйдя из повиновения", рабочие подавали просьбы об облегчении их участи или демонстративно прекращали работу, или, наконец, нередко оказывали вооруженное сопротивление войску, присылавшемуся для их усмирения, тогда вскрывались потрясающие подробности их тягостного трудового и безрадостного домашнего быта. В настоящей книге мы могли отметить лишь некоторые эпизоды из истории борьбы горнорабочих за право на человеческое существование. При более детальном ознакомлении с этой кровавой летописью героических подвигов ярче выступят красочные подробности, рисующие образ действия рабочих в дни сравнительно миролюбивых протестов и в дни шумных боевых столкновений с господствующими классами.

Волнения на горнозаводских предприятиях беспрерывной цепью тянутся через всю историю горнорабочих. Поводов к недовольству было не мало — и отдаленность рудников от места жительства, и недостаточное снабжение хлебом, и чрезмерно удлиненный рабочий день, и многое другое. Чаще же всего, как кажется, волнения возникали из-за низкого размера заработной платы. Если мы вспомним, что приписные крестьяне, обязанные исполнять известные работы на горных предприятиях, неоднократно ставили вместо себя нанятых ими вольнонаемных рабочих, которым платили в несколько раз больше, чем сами получали, то легко понять, что приписные крестьяне как бы доплачивали к своему обязательному труду еще значительную сумму денег. В таком же положении находились все рабочие, принудительно привлеченные к горным работам.

Нам известно, что, начав с так называемых русских земель, издавна знакомых с железным производством, горнорабочие перенесли свою дея-

тельность на Урал. Здесь они интенсивно развили добычу в железных и медных рудниках, затем проникли на сибирские серебряные рудники и золотые прииски. В последние десятилетия девятнадцатого века стали извлекать на юге России громадные массы угля и железа, а на Кавказе развернули добычу и обработку нефти. В течение веков они также добывали соль в различных видах. Иначе говоря, горнорабочие в течение столетий доставляли государству те „дары природы", которые позволили ему раздвинуть свои пределы, насадить в стране разнообразные отрасли промышленности, развить и улучшить пути сообщения, накопить богатства, создать для известных общественных кругов более благоприятные условия жизни и т. д. И все же государство не проявляло элементарной заботы об удовлетворении насущных потребностей самих горнорабочих.

Между тем тяжелые условия труда и быта, в связи с некоторыми местными обстоятельствами, приводили к тому, что в молодых отраслях промышленности, зародившихся в период вольнонаемного труда, не обладавших кадрами издавна насильственно водворенных рабочих, рабочая сила была неустойчива — например, в угольной и железной промышленности на юге, в нефтяной на Кавказе. В этих случаях рабочие в большинстве представляли собою кочующий элемент. Такая неустойчивость рабочей силы замедляла развитие горного дела. Это склоняло промышленников к хищнической эксплоатации недр, к возможно скорому извлечению богатств без затраты капитала на технические усовершенствования и на улучшение условий жизни рабочих. При таких обстоятельствах введенная в конце девятнадцатого века охрана труда на горных заводах и промыслах не могла изменить общего положения.

Приближался двадцатый век, а рабочие, как встарь, изо дня в день преждевременно дряхлели и гибли от профессиональных заболеваний, непомерного труда, недостаточного и дурного питания, нездоровых жилищных условий и многих других невзгод. И могло казаться, что долготерпению рабочих нет конца. Но постепенно их протесты стали принимать все более и более настойчивый и организованный характер. До развязки осталось немного времени.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ОТ АВТОРА 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ.— **Зарождение горнозаводского промысла.**

Давние известия и новые горные поиски.

Важнейшие рудные месторождения на территории СССР. Чудские копи. Как работали древние рудокопы. Старинные копи как путеводная нить при позднейших изысканиях. Раннее железное производство в собственно-русских землях. Вызов рудознатцев из-за рубежа и рудоискательные экспедиции в XV и XVI веках. Мечты о золоте и серебре и сознание всей важности добычи железа. 1628 год в истории горного дела. Первый горный завод. Дальнейшие поиски руды на окраинах. Экспедиции на дальний север. Установление горной подати. Железные промыслы в центральных областях. Способ добывания железной руды. Приписка крестьян к заводу. Условия их труда. Рост частной горнопромышленности. Движение в Сибирь. Нерчинский завод и его рабочая сила. Передача Казенного Невьянского завода „живым инвентарем“ в частное владение . . . 9

По пути к упрочению горного дела.

Горное управление. Рудный приказ (1700 г.) Проект реформы горного управления и в частности порядка использования крестьянского труда. Препятствия к насаждению рудного дела со стороны незамиренных соседей, крестьян и начальствующих лиц. Учреждение берг-коллегии (1719 г.) Горная свобода. На исходе первых ста лет. Промышленники. Вывоз железа за границу. Рабочая сила. Приписные крестьяне в Олонецком крае на Урале и в Сибири. Их работа на рудниках. Осложнение рабочего вопроса. Недостаток в квалифицированных рабочих. Разрешение покупать помещичьих крестьян для горнозаводских работ. Разнообразие в составе рабочей силы. Заработная плата и рабочий день. Волнения и побеги 28

ГЛАВА ВТОРАЯ.— **На Урале до Пугачевщины.**

Горнозаводская промышленность.

Развитие горнозаводского дела. Соотношение казенного и частного промыслов. Вопрос о превосходстве частных горнозаводских предприятий над казенными. Горнопромышленная авантюра высокопоставленных особ. Передача ряда казенных заводов частным лицам, почти исключительно именитым. Плачевные

Стр.

последствия этой меры. Сборы с заводчиков. Техническое состояние горнозаводской промышленности. Вывоз железа за границу 56

Трудовые силы.

Мастеровые и работные люди. Пополнение их кадров. Приписные государственные крестьяне. Различие между этими двумя группами в экономическо-бытовом отношении. Деление трудовых элементов на постоянно и временно работающих. Распределение рабочей силы по заводам и ее состав: общее и количественное соотношение между различными категориями рабочих 71

Мастеровые и работные люди.

Условия оплаты труда — жалованье и сдельное вознаграждение. Заработок рудокопов и плавильных рабочих. Ученичество и детский труд. Труд женщин. Продолжительность рабочего дня. Обеденный час. Число рабочих дней в году. Перерывы в работе — болезни, увечья, остановки в действии предприятия. Карательная система. Охрана интересов рабочих. Борьба с пьянством. Нужда в квалифицированных рабочих. Ухудшение в положении рабочих по переходе казенных заводов к частным лицам. Перевод приписных крестьян в число постоянных рабочих. Их материальное положение. Подушный оклад. Рабочие волнения . . . 82

Горнозаводские крестьяне.

Конфликт между горнозаводской промышленностью, требовавшей рабочих сил, и крестьянским сельским хозяйством, вынужденным отдавать ей своих работников. Недохватка в рабочих руках. Крепостные крестьяне. Норма для приписки крестьян к заводам. Оплата труда приписных. Дальние переходы от деревень к заводам. Длительность работы и отработка подушной подати. Движение против приписки крестьян. Злоупотребление их работой. Определение понятия крестьянского „двора“ в отношении рабочей силы. Волнения среди приписных, как толчок для правительства заняться вопросом об их положении. Усмирительная экспедиция кн. Вяземского. Причины волнений. Предоставление приписным права получать на руки заработную плату и самим вносить в казну подушную подать. Примерные правила внутреннего распорядка. Страх правительства перед возобновлением волнений. Условия жизни приписных по наказам депутатам в комиссию для составления уложения. Новая расценка труда. Проходные дни. Работа приписных крестьян за несколько душ. Тяжелое экономическое положение приписных . . 98

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.— **На Урале со времен Пугачевщины.**

Упадок горного дела и осложнение рабочего вопроса.

Пугачевское движение и горнозаводские предприятия. Роль башкир. Отношение мастеровых и приписных крестьян к пугачевщине. Разорение заводов и упадок производства. Недохватка в рабочих. Женский труд. Попытки улучшить положение мастеровых. Временные работники: вольнонаемные, крепостные и приписные. Волнение среди рабочих. Получение заводчиками

Стр.

помещичьих крестьян и обход закона. Лишение заводчика Походяшина приписных крестьян. Облегчение положения горнозаводских крестьян (1779 г.). Отмена запрещения покупать помещичьих крестьян к заводам. Острота рабочего вопроса. Накануне преобразования 130

Период реформ и улучшения быта рабочих.

Замена приписных крестьян „непременными работниками" (1807 г.). Беспорядки, вызванные этой реформой. Усиление роли частновладельческих крепостных. Перевод их на отдаленные предприятия и возмущение крестьян заводчика Яковлева. Состав рабочих на частных заводах. Лишение помещиков права принудительно отдавать своих крепостных на чужие заводы. Меры к улучшению быта мастеровых и работных людей. Горное положение 1806 года. Работа в три смены. Вознаграждение за увечье в рудниках. Отражение тяжелого состояния заводов на положении рабочих. Протесты рабочих: жалобы, побеги, возмущения. Беспорядки на Березовских приисках и назначение особой комиссии для обследования положения рабочих. Попытка протеста со стороны министра финансов. Сущность рабочих нужд. Разрешение вопросов: о работе в праздничные дни, о кормовых деньгах на приисках, о пособии утратившим трудоспособность. Женский труд. Предварительные меры к улучшению положения рабочих. Новые штаты и сдельщина. Трудовая норма для непременных работников 152

Накануне падения крепостного права.

Общее материальное положение рабочих. Детский труд. Вопрос о снабжении рабочих хлебом. Новые штаты (1847 г.). Милитаризация рабочих на казенных заводах. Новая экономическая оценка посессионных крестьян. Тяжелые условия труда и жизни рабочих на частных заводах в Оренбургском крае. Различное отношение власти к злоупотреблениям заводчиков в зависимости от их общественного положения. Переход надзора за горными заводами от горного начальства, стоявшего на стороне заводчиков, к губернской администрации, защищавшей интересы крестьян из опасения волнений в тревожные годы перед падением крепостного права 189

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.— **В Сибири.**

Нерчинский горный округ.

Образование рабочей силы. Казенная пахота. Освобождение мастеровых от подушной подати. Увеличение вознаграждения приписных крестьян. Набор мастеровых из числа приписных. Урочная работа. Недостаток в рабочих руках. Трудность обеспечения заводского населения хлебом. Детский труд. Работа ссыльных. Состояние рабочих к 1820 году. Уничтожение казенной пахоты. Освобождение приписных крестьян от заводской работы. На золотых приисках 201

На Алтае.

Возникновение горного дела на Алтае. Образование кадров постоянных рабочих и приписных крестьян. Милитаризация постоянной трудовой силы. Закон 1779 г., освободивший приписных крестьян от некоторых работ, и диференциация труда.

Стр.

Урочные рабочие. Трехсменная система. Горные работники. Труд детей. Жалованье и хлебное довольствие. Попытки к улучшению положения постоянных рабочих. Положение 1849 года. Исключительно тяжелая обстановка на золотых приисках. Условия труда приписных крестьян. Их открытые протесты 210

На частных золотых промыслах.

Право частной разработки. Рабочая сила. Условия труда. Старательские работы. Беспорядки на приисках и суд над участниками. Столкновение между генерал-губернатором и губернатором из-за рабочих. Учреждение военно-судных комиссий. Положение 1838 г. о частной золотой промышленности. Вопрос о праве уральских заводчиков посылать своих людей на сибирские золотые прииски. Закон 1853 г. и старательские работы. Цифровые данные 225

ГЛАВА ПЯТАЯ.— **Европейская Россия.**

На севере.

Тяготение на север. Рабочая сила на рудниках Медвежьего Острова. Попытки насадить горное дело в Лапландии. Условия труда в золотожильном Воицком руднике. На Олонецких заводах. Неповиновение приписных олонецких крестьян. Приписка к заводам всего Петрозаводского уезда и освобождение других уездов от заводских работ. Тяжелое положение петрозаводских приписных. Их жалобы и отзыв генерал-губернатора. Конфликт между гражданскими властями и горным начальством. Посылка в Петрозаводск специальной комиссии для расследования нужд приписных крестьян. Улучшение их положения. Увеличение числа уроков с ростом приписного населения. Записка губернатора об условиях труда приписных. Новый порядок распределения работ. Вознаграждение мастеровых 237

Внутренние губернии.

Слабое развитие горнозаводского дела. Численность горнозаводских предприятий и рабочих. Волнения среди горнозаводских крестьян. Описание работы на Всежонском руднике. Позднейшие статистические данные. Волнения среди рабочих в связи с ухудшившимся состоянием горнозаводских предприятий . 250

Донецкий бассейн.

Первые безрезультатные меры к разработке каменноугольных копей и железной руды. Возобновление этих попыток в конце XVIII века. Луганский завод и каменноугольные разработки в Екатеринославской губ. Рабочая сила. Положение приписных. Замена их непременными работниками. Безуспешные ходатайства непременных работников об освобождении их от горнозаводского труда. Каменноугольное дело в Области Войска Донского. Дальнейшее развитие каменноугольной промышленности. Условия труда на Грушевском руднике 258

Кавказ.

Зарождение горнозаводского промысла. Переход Грузии к России. Попытка организовать в Грузии горное дело. Рабочая сила. Добыча нефти. Слабое развитие нефтяного промысла 266

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА

Стр.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1. Движущие силы крепостной реформы III
2. Условия перехода к новому порядку VI
3. Развитие горной промышленности VIII
4. Образование горнопромышленного пролетариата XV

ГЛАВА ПЕРВАЯ. — **Отмена принудительного труда.**

Подготовительные шаги.

Хозяйственный кризис. — Комитет Адлерберга. — Попытки сохранить крепостной строй на алтайских и нерчинских заводах. — Подзаводские крестьяне. — Заводовладельческие комитеты. — Домогательства крупных Пермских заводовладельцев. 1

Разработка реформы.

Численность крестьян, прикрепленных к частным горным заводам. — Проекты заводовладельческих комитетов. — Борьба мнений по вопросу о крестьянах, работающих на частных заводах. — Положения 19 февраля 1861 г. о заводских и подзаводских крестьянах. — Рабочие на казенных заводах. — Их численный состав. — Проекты реформы и положение 8 марта 1861 г. — На алтайских и нерчинских заводах. — Опубликование манифеста и положений 19 февраля 1861 г. — Волнения среди горнозаводских крестьян 7

ГЛАВА ВТОРАЯ. — **Период кризиса.**

По пути к новому быту.

Поведение заводовладельцев. — Разделение крестьян частных заводов на мастеровых и сельских работников. — Переход к новому порядку на казенных заводах. — Затруднения при осуществлении реформы на частных заводах. — Потребность в ускоренном переходе к новому быту. — Вопрос о снабжении рабочих хлебом. — Правила о горнозаводской работе. — Льготы по рекрутской повинности. — Вопрос об артелях. — Женский труд. 25

На заре освобожденного труда.

Вопрос о снабжении рабочих продовольствием. — Иллюстрации к их тяжелому положению. — Угроза заводовладельцев закрыть заводы, как способ получить казенные субсидии. — Образование кадров безработных. — Стремление рабочих переселиться с заводов на казенные пашни. — Отказ их от принятия уставных грамот. — Необходимость задержать переселенческое движение в интересах горного промысла. — Уставные грамоты. — Бедственное положение горнозаводского населения. —

Стр.

Установление льгот для безземельных мастеровых (закон 3 декабря 1862 г.). — Различие между посессионными и владельческими заводами. — Распространение льгот на малоземельных мастеровых 42

Льготные годы.

Переход к вольнонаемному труду на казенных заводах. — Земельная необеспеченность и безработица мастеровых. — Распространение на них льгот, предоставленных мастеровым частных заводов. — Вопрос о выселении избыточных рабочих с частных заводов. — Ходатайства о продлении льгот. — На частных золотых приисках. — Возвращение переселенцев. — Цифровые иллюстрации 63

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — **На юге.**

Первые шаги капиталистической каменноугольной промышленности.

Рабочие на казенных предприятиях после отмены принудительного труда. — Недостаток в рабочих руках. — Проекты с'ездов промышленников о привлечении рабочих на рудники. — Причины текучести рабочей силы. — Условия работы. — Состав рабочих кадров. — Производственные артели. — Рабочий быт. — Жилищный вопрос. — Крестьянские шахты. 80

Железо и уголь.

Открытие железной руды в Кривом Роге. — Кривой Рог и Урал. — Иностранный капитал. — Концентрация производства. — Накопление постоянных рабочих кадров. — Закон о труде малолетних. — Вопрос о применении к горным промыслам фабричного закона 1886 г. — Позиция донецких горнопромышленников. — Недостаток рабочих рук. — Волнения шахтеров на Рутченковском руднике. — Условия быта горнорабочих. — Закон 9 марта 1892 г. для горных предприятий 108

У порога двадцатого века.

Волнения 1892 г. в Юзовке. — Кризис каменноугольной промышленности и вопрос о рабочей силе. — Положение рабочих на рудниках в середине девяностых годов. — Закон 1897 г. о рабочем времени. — Рабочее движение на юге России. — Волнения шахтеров в 1895/99 гг. — Вопрос об избыточной рабочей силе. — Волнения на Рутченковских шахтах. — Отчет правительственной комиссии, обследовавшей рудники. — Отказ министерства внутренних дел участвовать в деле по привлечению рабочих на южно-русские рудники. — Волнения шахтеров в 1900 г. — Положение горнорабочих накануне XX века. — Требование горнопромышленников о репрессивных мерах против рабочих 129

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. — **На Кавказе.**

Горное дело. — Бурение и рост добычи. — Расширение эксплоатируемой нефтяной площади. — Колебания в размере производства. — Рабочая сила. — Жилищно-санитарная обстановка. — Рабочий день. — Заработная плата. — Несчастные случаи. — Состав нефтерабочих накануне XX века 155

Стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ. — **Урал в последние десятилетия девятнадцатого века.**

Общее состояние горнозаводской промышленности и положение рабочих. — Ввоз железа из-за границы. — Появление иностранного капитала. — Рудничное дело и его связь с заводским. — Условия разработки рудников. — Рабочий день. — Труд женщин и детей. — Экономическое положение рабочих. — Оплата труда. — Земельное обеспечение населения казенных, посессионных и частных горных предприятий. — Условия труда на рудниках и золотых промыслах. — Законодательная охрана труда детей и женщин. — Законы 1892 и 1897 гг. — Вопрос о „попечительных приказах". — Горнозаводские товарищества . 175

ГЛАВА ШЕСТАЯ. — **В Сибири.**

Нерчинские рудники и промыслы.

Материальное положение горнозаводского населения. — Нужда рудников в рабочих руках. — Условия труда. — Каторжные на золотых приисках и в рудниках. — Политические каторжане 212

На Алтае.

Уход мастеровых с горных предприятий. — Упадок горной промышленности. — План образования земледельческого населения как источника рабочей силы для горных предприятий. — Заработная плата. — Условия труда. — Работа на золотых приисках 218

Частная золотопромышленность.

Положение приискателей в шестидесятых годах, — задатки, заборы из приисковых лавок, кабальные договоры, оплата труда, карательные меры. — Соотношение между количеством добытого золота и числом занятых рабочих. — Разработка нового законодательства о золотой промышленности. — Закон 1870 г. о найме. — Использование труда каторжных. — Вопрос о водке. — Промысловая жизнь в 80-х и 90-х годах. — Пересмотр закона 1870 г. — Закон 1895 г.: рабочий день, труд подростков и женщин, договоры, задатки, штрафы, судебная защита рабочих. — Закон 1897 г. о рабочем дне. — Упадок золотой промышленности и численность рабочих. — Китайские рабочие. — Движение среди промысловых рабочих 224

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. — **Соляные промыслы.**

Выварочная соль.

Солеварение на севере. — Рабочие на Соловецких усольях. — Соляное дело в Балахне, Старой Руссе и Вологодском Крае. — Соляная промышленность в Пермской области. — Состав и положение рабочих на Дедюхинском промысле. — Зырянские варницы и их рабочая сила. — Старинная техника солеварения. — Рабочие пермских промыслов в период отмены крепостного права. — Южно-русские варницы и затруднения в снабжении их рабочими руками. — Сибирские солеваренные заводы; обслуживание их ссыльными; материальное положение ссыльно-рабочих; частичное пополнение рабочих кадров вольнонаемными . 252

Стр.

Озерная соль.

Эльтонское озеро; экономический антагонизм между солеломщиками и солевозчиками; превращение труда возчиков в принудительный; стремление образовать кадры ломщиков из числа казенных возчиков; новый порядок с 1827 года: „хозяева" и рабочие. — Баскунчакское озеро. — Крымская соль; положение рабочих в начале XIX века. — Роль астраханских и крымских озер. — Численность рабочих на южно-русских промыслах . . 268

Каменная соль.

Илецкие копи; труд ссыльно-каторжных; перевод (1849 г.) всех ссыльно-рабочих в разряд обычных мастеровых. — Бахмутские копи; условия труда. — Кульпинская и Нахичеванская соль 274

В конце девятнадцатого века.

Неустойчивость производства. — Соотношение между добычей выварочной, озерной и каменной соли во второй половине XIX века. — Размер добычи и численность рабочих. — Концентрация рабочих по районам и по видам соли. — Законодательная охрана труда 279

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА 282

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА